Владимир Ткаченко

Амулет

Павшая Империя

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга рассказывает о приключениях мальчика по имени Джеймс, который находит у себя дома часть загадочного амулета и попадает в мир населенный прекрасными эльфами, изобретательными гномами, великими магами, устрашающими драконами и другими удивительными существами. Мальчику суждено будет принять участие в войне между светом и тьмой, найти вторую часть амулета и сразиться с великим черным магом, жаждущим уничтожить мир и обрести былое могущество. Сможет ли мальчик преодолеть все препятствия на своем пути и одолеть великого черного мага? Сможет ли он совладать со своими способностями и остаться на светлой стороне? Сможет ли он соединить амулет воедино и с его помощью раз и навсегда уничтожить силы зла? Ответы на эти и другие вопросы Вы получите, прочитав трилогию «Амулет».

- Владимир Ткаченко
  - ПРОЛОГ
  - ГЛАВА I Удивительная находка
  - ГЛАВА II Судьбоносная встреча
  - ГЛАВА III Дорога на Стоунхилл
  - ГЛАВА IV Приговоренные умрут на рассвете
  - ГЛАВА V Наследник
  - ГЛАВА VI Обратный путь
  - ГЛАВА VII Тревожный звон колокола
  - ГЛАВА VIII Вынужденный привал
  - ГЛАВА IX Соколиный замок
  - ГЛАВА X Совет
  - ГЛАВА XI Пора в путь!
  - ГЛАВА XII Странное гостеприимство
  - ГЛАВА XIII У каждого свой путь
  - ГЛАВА XIV Повесть о драконах
  - ГЛАВА XV Неожиданная встреча
  - ГЛАВА XVI Новый попутчик
  - ГЛАВА XVII Долгожданная месть
  - ГЛАВА XIX На волосок от смерти
  - ГЛАВА XX Прямиком к опасности
  - ГЛАВА XXI Искупление вины
  - ГЛАВА XXII Последняя капля
  - ГЛАВА XXIII Цель близка!
  - ГЛАВА XIV Дракон!
  - ГЛАВА XXV В замке Темного Лорда

○ ЭПИЛОГ

Владимир Ткаченко
Амулет: Падение Империи

ПРОЛОГ

Эта история началась в маленьком провинциальном городке, вдалеке от шумных, серых мегаполисов, подальше от людской суеты и бесконечных автомобильных пробок. В городке, где люди жили размеренной жизнью, где вой полицейских сирен не тревожил покой мирных жителей по ночам, а у соседей было принято ходить друг к другу в гости не потому, что так было нужно, а потому, что им этого хотелось.

Он был похож на тысячи таких же провинциальных городков, раскиданных по свету, и служил местом уединения и умиротворения для людей предпочитавших работать в большом городе, а жить за его пределами. Он состоял из десятка прямолинейных узких улочек, по краям которых располагались аккуратные, двухэтажные, похожие один на другой, словно сделанные под копирку, домики.

Иногда люди, заваленные делами и заботами, погруженные с головой в работу, даже проезжали мимо своих домов, но вовремя одумывались и возвращались обратно.

Зеленый, постриженный газон и низкий деревянный забор были неотъемлемыми атрибутами каждой семьи, проживавшей за городом. Это был просто райский уголок для тех, кто слишком устал от городской суеты.

В одном из таких домов, вместе со своими родителями, жил мальчик по имени Джеймс Уайт, которому, кстати, уже было пора просыпаться в школу.

— Джеймс, пора вставать! — раздался приятный, женский голос, доносившийся откуда-то издалека.

Мальчик приоткрыл один глаз и взглянул на дисплей своего будильника, на котором застыли крупные цифры 7:11. Будильник, заведенный Джеймсом ровно на семь утра, почему то не сработал, а может, он сам его выключил?

— Джеймс, ты опоздаешь в школу! — вновь раздался женский голос.

— Я уже встал! — крикнул в ответ мальчик.

Джеймс нехотя встал со своей мягкой, удобной кровати и отправился в ванную комнату, располагавшуюся неподалеку от его спальни, на втором этаже дома.

Каждое утро мальчик просыпался с одной единственной мыслью о том, что скоро он перейдет в выпускной класс, сдаст все экзамены и никогда больше не вернется в свою школу.

В своем классе Джеймс был мальчиком для битья. Худой, невысокий, в старомодной клетчатой рубашке и ранцем за

спиной, он не был похож на старшеклассника, которому всего неделю назад исполнилось шестнадцать лет. Главное, Джеймс не был похож на других, за что часто получал от более крупных и сильных сверстников.

Будучи человеком с мягким, покладистым характером, Джеймс не мог ответить своим обидчикам на постоянные унижения и оскорбления в его адрес, но никогда и никому не жаловался, особенно своим родителям.

Умывшись и почистив зубы, Джеймс спустился по скрипучей лестнице на первый этаж. Очутившись перед входной дверью, которая была почему-то приоткрыта, он повернул налево и прошел на кухню, где завтракали его отец и мать за большим, круглым, деревянным столом, застеленным белой кружевной скатерью.

На столе уже стояла круглая тарелка с любимым завтраком Джеймса — яичницей с ветчиной и сыром. Отец в строгом сером костюме и полосатом галстуке читал свежую газету и пил горячий кофе маленькими глотками. Мать заканчивала последние приготовления у плиты, размазывая масло по тостам и заворачивая бутерброды в бумагу.

Джеймс, молча, с хмурым видом сел за стол и принялся ковырять вилкой кусок жареной ветчины.

— Встал сегодня не с той ноги? — спросил его отец, не отрываясь от газеты.

— Нездоровится что-то, — ответил Джеймс, опустив глаза.

— Так и скажи, что просто не хочешь идти в школу, — произнесла мать Джеймса, не оборачиваясь. — Зачем придумывать разные поводы?

— Если я скажу, что не хочу идти в школу, то это ничего не изменит!

— Вот именно, молодой человек! — воскликнула женщина. — Ты ведь и сам знаешь, что учиться необходимо, чтобы…

— Да, знаю, чтобы стать каким-нибудь известным ученым и спасти мир своими удивительными открытиями.

— Все верно!

— Но я не хочу быть ученым!

— Это всего лишь пример! Так или иначе, но без образования сейчас никуда.

— Слушай, что говорит твоя мама, — сказал Роберт, отец Джеймса. — А мне уже пора на работу.

— Но я думал, что ты отвезешь меня! — воскликнул Джеймс.

— Нет, сегодня не получится, поэтому тебя отвезет в школу мама. Мне еще нужно забежать в участок, забрать кое-что.

Роберт взял со столика в гостиной ключи от машины и быстро, словно опаздывая на важную встречу, выбежал из дома.

Отец Джеймса работал в полицейском участке. За десять лет он смог дослужиться до детектива благодаря своему упорству, честности и умению разбираться в людях. Коллеги его недолюбливали, а по большей части просто завидовали успехам Роберта, но он не обращал на это внимания. Роберт привык работать в одиночку, и его единственным другом был его напарник Клиф, с которым он был знаком еще до академии. Будучи принципиальным и неподкупным, Роберт никогда не шел преступникам на уступки.

Джеймс уже привык к постоянным ночным телефонным звонкам с угрозами. Отец всегда отшучивался и говорил, что это были издержки профессии, которые есть у каждого, просто у всех они проявлялись по-разному. Джеймс гордился своим отцом и всегда хотел быть похожим на него.

— Ты готов, Джеймс? Пора отправляться, не забудь свой обед.

— Да, я уже собрался.

Джеймс вышел из дома и направился к машине ярко-красного цвета, припаркованной у гаража. Он не любил, когда его в школу подвозила мама, потому что все сверстники смеялись над ним из-за этой машины. Усевшись на заднее сиденье, Джеймс опустился пониже, чтобы его не было видно.

Через полчаса красный автомобиль подъехал к зданию школы.

— Останови, пожалуйста, здесь! — воскликнул Джеймс.

— Но мы ведь еще не приехали! — удивилась женщина.

— Ничего, я прогуляюсь. Будет полезно перед уроками, знаешь ли.

— Хорошо. Мы с папой не сможем тебя забрать сегодня после школы, поэтому не опоздай на автобус!

— Меня Стив подбросит, у него своя машина.

— Да? Что еще за Стив?

— Мой друг.

— Стив Кейл? Он же старше тебя. Ну, хорошо, только не задерживайтесь нигде! И будь осторожен!

Джеймс вышел из машины, закинул за спину свой рюкзак, больше походивший на мешок, и побежал через дорогу в школу.

Пробиваясь сквозь толпу учеников, Джеймс, наконец, смог добраться до своей кабинки. Он отобрал нужные учебники и уже хотел отправиться на урок, как услышал позади себя знакомый голос:

— Посмотрите-ка, кто тут у нас, Уайт!

Джеймс медленно повернулся и увидел перед собой троих

ребят. Один из них стоял перед самым носом у Джеймса и ехидно улыбался. Майка с изображением какой-то знаменитой музыкальной группы едва закрывала его огромный живот. Казалось, что она вот-вот лопнет по швам, а ее куски разлетятся по всей школе. Курносый, с маленькими черными глазками, он с презрением смотрел на Джеймса и ждал от него ответной реакции.

— Привет Говард, — спокойно произнес Джеймс и попытался закрыть свой шкафчик, но сильная рука Говарда не давала ему этого сделать.

— Я же тебе сказал не появляться здесь больше! Ты разве не понял?

— Но я ведь учусь здесь!

— Это твои проблемы, Уайт!

Трое ребят быстро скрутили Джеймсу руки и затолкали его в его же кабинку. Захлопнув дверцу, они с довольным видом отправились по своим делам.

— Эй! Выпустите меня отсюда!

Прозвенел звонок. Коридоры школы, наполненные учениками и их учителями, быстро опустели, и в здании воцарилась полная тишина.

Джеймс отчаянно пытался выбраться из заточения, но у него не получалось. У него не хватало сил на то, чтобы выбить дверцу. Вдруг, он услышал, как кто-то подошел к кабинке и начал нажимать на кнопки кодового замка. Джеймс замер в ожидании. Кто это мог быть? Кто знал код от его шкафчика?

И тут, дверь открылась, и Джеймс увидел перед собой единственного человека, которого считал своим другом.

— Стив! Как же я рад тебя видеть! — воскликнул Джеймс.

— Джеймс, ты, что тут делаешь? — спросил удивленный мальчик и помог своему другу вылезти из кабинки. — Это сделал Говард? Этот урод опять за свое?

— Похоже, я ему не нравлюсь, — с иронией сказал Джеймс.

— Когда-нибудь он получит сполна! Сколько можно уже терпеть его выходки? Слушай, а может ему резинка от трусов давит так, что кровь в голову не поступает? Как думаешь?

— Думаю, что в его голове и так ничего нет, поэтому резинка тут не причем, — улыбнулся Джеймс.

— Ладно, проехали. У меня завтра родители уезжают на два дня, так что приходи!

— Ну, не знаю.

— Нечего думать, жду у себя!

— Ах да, чуть не забыл, Стив, подбросишь меня домой сегодня?

— Конечно! — воскликнул Стив и заторопился в кабинет, где уже вовсю шли занятия.

Этот день показался Джеймсу невероятно длинным. На каждой перемене он встречался с Говардом, который не отказывал себе в удовольствии поиздеваться над ним и выставить Джеймса на посмешище перед всей школой. Джеймс терпел издевательства и оскорбления и не обращал на них внимание. Он старался избегать подобных встреч и ждал, когда закончится, наконец, этот тяжелый для него день.

ГЛАВА I Удивительная находка

Стив подвез Джеймса на своей старенькой машине до самого его дома. Обменявшись парой фраз, они расстались, и Джеймс медленно побрел к входной двери.

Около гаража стояла машина отца мальчика, что показалось ему весьма странным, потому что Роберт в такое время обычно еще был на работе. Джеймс уже привык к тому, что отца сутками не бывало дома, но он никогда не возвращался домой раньше обычного.

Открыв дверь, Джеймс огляделся. Слева от двери располагалась лестница, ведущая на второй этаж, а прямо перед ним — открытая кухонная дверь. На кухне, не замечая шум в прихожей, были заняты приготовлением обеда мужчина и женщина.

— Мам, Пап, я дома, — уставшим голосом сказал мальчик и сразу же направился к лестнице. Он не стал выяснять у отца, почему тот так рано вернулся домой. У него было плохое настроение после школы, и разговаривать с кем-либо ему совершенно не хотелось.

— Как дела в школе? — вдогонку спросила женщина, не отрываясь от дел.

— Всё в порядке, — пробурчал себе под нос мальчик.

Поднявшись по лестнице, Джеймс оказался перед дверью с наклеенным на ней листом бумаги. На листе красовалась надпись «не беспокоить». Это была его комната, только здесь он мог остаться наедине со своими мыслями.

Оказавшись в своей комнате, Джеймс кинул свой рюкзак в угол, взял бейсбольную перчатку, мяч и сел на кровать.

Большим увлечением Джеймса был бейсбол, который он так любил. Он тщательно следил за каждой игрой своей любимой команды и не раз сам пробовал записаться в школьную секцию, но его не брали, ссылаясь на плохое здоровье, недостаток роста и мышечной массы.

Джеймс размахнулся и швырнул мяч в стену, который с глухим щелчком ударился об нее, затем упал на пол и возвратился обратно к мальчику. Джеймс уделял этому занятию не больше четверти часа. Словно ритуал, он проводил его каждый день, расслабляясь и забывая обо всех своих школьных неприятностях.

И как-то раз, о чем-то глубоко задумавшись, Джеймс снова бросил мяч в стену, немного не рассчитав силы. Отскочив от стены, мяч с большой скоростью ударился о стоявшую на столе

вазу и покатился по полу через открытую дверь комнаты. Ваза пошатнулась и полетела вниз. Соприкоснувшись с твердым полом, она усыпала его поверхность тысячами маленькими осколками.

— Вот черт! — выдохнул мальчик и скривил рот. — Мама меня убьет!

Джеймс решил, что приберется в комнате чуть позже и направился за мячом, который успел выскочить в коридор.

— Куда же ты подевался? — проговаривал мальчик, шаря взглядом по полу. Он осмотрел каждый квадратный дюйм второго этажа, но так ничего и не нашел. Отчаявшись, Джеймс уже собирался вернуться обратно в комнату, но вдруг заметил в конце коридора свой старый, потрепанный мяч. Он лежал в самом углу, у окна.

— Так вот ты где! — воскликнул Джеймс, но не спешил поднимать его. Внимание мальчика привлекла тонкая, короткая веревка, свисавшая с потолка ровно в том самом месте, где лежал бейсбольный мяч.

Мальчик подошел поближе и осторожно потянул за веревку. Вслед за ней с потолка опустилась старая деревянная лестница, которая вела на чердак.

«Странно, почему я раньше не замечал этого прохода? Почему родители ничего про него не говорили и никогда не лазили на чердак при мне?» — подумал Джеймс про себя.

Вернувшись в свою комнату, мальчик достал из выдвижного ящика маленький, черный фонарик и несколько раз щелкнул выключателем, чтобы удостовериться, что он работал. Затем, он снова вышел в коридор и, убедившись, что родители по-прежнему были заняты на кухне, полез на чердак.

Когда Джеймс забрался наверх, фонарик несколько раз моргнул, но после двух ударов по отсеку с батарейками, стал светить еще ярче.

Джеймс осмотрелся. На старом чердаке не было ничего, кроме кромешной, непроглядной тьмы, которую, словно ножом, разрезал слабый луч света. Проходя по полу, покрытому толстым слоем пыли и грязи, луч вдруг наткнулся на картонную коробку небольших размеров.

— Интересно, что там, — произнес Джеймс и взял находку в свою комнату, аккуратно закрыв чердак за собой.

Превозмогая любопытство, буквально захлёбывавшее его, мальчик взял тряпку и не торопясь протер таинственный артефакт от пыли. Будучи любителем книг о приключениях, тайнах и загадках он уже провернул в голове массу предположений о том, что же находилось в этой коробке, и как

она попала к ним на чердак. Но вот, сейчас все встанет на свои места. Может быть, там лежало что-то очень ценное, а может она вообще была пуста? Как бы Джеймсу не было интересно, он не торопился, не хотел разочаровывать себя.

Он взял её в руки, потряс, убедился, что она не была пуста, рассмотрел коробку со всех сторон и осторожным движением руки снял крышку. Блеск в глазах быстро сменился обыденным выражением лица, ибо внутри не было ничего необычного: несколько старых пожелтевших от времени фотографий, пару любовных писем, написанных в юности его отцом к его матери, золотые карманные часы на цепочке, время на которых остановилось давным-давно.

— И это всё?! — разочарованно произнес Джеймс.

Но, вынув всё из коробки, он увидел плохо замаскированное двойное дно. Мальчик решил, что коробку положил на чердак его отец, ведь тот никогда не выбрасывал старые вещи и хранил до тех пор пока их не находила мама. Та в свою очередь никогда не жила прошлым и, не любила эту черту в отце, всякий раз напоминая ему об этом, а он всякий раз соглашался, но делал всё по-своему.

Взяв отвёртку из ящика с инструментами, Джеймс достал тонкую металлическую пластинку, которая служила вторым дном, и отложил в сторону. На дне он обнаружил свёрток из плотной ткани чёрного цвета. Размотав его, перед мальчиком предстала странная вещь похожая на старый, покрытый ржавчиной, медальон. На нем была изображена змея, обвивавшая меч, а по кайме шли непонятные символы. Джеймс заметил, что у змеи не было головы, а у клинка половины лезвия, и это показалось ему весьма странным. К медальону была приделана цепочка, совершенно не подходившая к нему. Видимо, отец сам надел её для удобства.

Мальчик был удивлён находке, ведь родители никогда не упоминали о ней. Он не знал, что с этим делать. Покрутив вещицу в руках, он готов был уже положить её на место, но вдруг, серый кусок металла, за который в ломбарде не дали бы и цента, стал покрываться золотом. Джеймс не поверил своим глазам, такого он еще не видел. Что это? Откуда это у отца? А может это какой-то фокус? Вопросы в голове всплывали один за другим, а ответы мог дать только один человек.

Выскочив из комнаты, Джеймс направился на кухню, сжимая странную вещицу в руках.

В это время, родители почти закончили приготовление обеда и раскладывали столовые приборы.

Роберт протирал тарелку сухим полотенцем и уже собирался

положить её на стол, как вдруг она выскользнула у него из рук и упала на пол, разлетевшись на мелкие кусочки.

— Что с тобой? — спросила женщина, посмотрев на него.

Роберт побледнел и быстро огляделся по сторонам. Его явно что-то встревожило. Не обращая внимания на расспросы жены, он стал пристально вглядываться в запястье своей левой руки. Неожиданно, оно стало покрываться непонятными символами и знаками, как будто, кто-то невидимым карандашом рисовал их.

— Пап, пап, посмотри, что я нашел! — раздался голос Джеймса с лестницы.

Быстро придя в себя, Роберт кинулся к мальчику. Он схватил его за плечи и посмотрел в его испуганные глаза.

— С тобой всё в порядке? — сдержанным голосом спросил он у сына.

— Я в порядке, посмотри лучше, что я нашел! — Джеймс достал из кармана свою находку и показал отцу.

— Спрячь! — Роберт сжал руку сына, в которой находился сияющий белым светом амулет.

— Что происходит? — вмешалась в разговор его жена.

— Нужно уходить, немедленно! — воскликнул Роберт, выхватил свой пистолет из кобуры и быстрым шагом направился к двери. Остальные послушно пошли за ним.

Открыв входную дверь, все трое кинулись к машине, припаркованной у гаража.

— Садитесь, скорее! — скомандовал Роберт.

— Я никуда не поеду, пока ты не объяснишь мне, что происходит! — женщина остановилась перед пассажирской дверью автомобиля и пристально посмотрела мужу в глаза.

— Сейчас некогда все объяснять, просто доверься мне.

Джеймс, вместе со своими родителями, сел в машину.

Не успев отъехать от своего дома и четверть мили, Джеймс услышал оглушительный взрыв, от которого припаркованные на обочине автомобили раскидало в разные стороны, словно игрушечные. В домах, располагавшихся по соседству, взрывной волной выбило стёкла.

Роберт огорченно посмотрел в зеркало заднего вида — их дома, в котором они жили многие годы, и с которым их так много связывало, больше не было.

Они направлялись в город. Все трое молчали, шок от увиденного ещё не прошёл и никто не хотел начинать разговор первым.

Роберт подъехал к светофору, который успел поменять свет на красный. Взглянув в зеркало заднего вида, он вдруг резко надавил на педаль газа. Автомобиль взревел и, рывками набирая

скорость, пронесся через перекрёсток. Вслед за ним на огромной скорости проследовал автомобиль чёрного цвета с тонированными стёклами, преследовавший их от самого дома.

Роберт пытался оторваться, но ничего не получалось, преследователи не уступали в мастерстве вождения и умело разбирались со всеми препятствиями, встречавшимися на пути.

Пытаясь уйти от погони, Роберт свернул на тротуар и прибавил газу, сбивая почтовые ящики, столики придорожных кафе, сигналя прохожим, которые разбегались в разные стороны от летевшего на них автомобиля. Добравшись до открытых дверей магазина, он резко повернул руль и оказался внутри торгового центра.

Раздался визг тормозов. Машина преследователей резко сбросила скорость и развернулась. В тот же момент в неё врезался грузовик, практически полностью подмяв под себя.

Пытаясь найти выход, Роберт быстро выкрутил руль и выехал на дорогу через стеклянный витраж, с оглушительным треском рассыпавшийся на куски.

Казалось, что всё осталось позади, но не тут-то было. Точно такая же машина черного цвета, от которой Роберт уже избавился ранее, продолжила преследование. Раздались выстрелы, несколько пуль угодило в заднее стекло автомобиля.

— Джеймс, ложись! — крикнул Роберт, не отрывая взгляд от дороги.

Последовала автоматная очередь. Одна пуля попала в правое крыло автомобиля, пробив бензобак, а вторая — в заднее колесо. Потеряв управление, автомобиль занесло в сторону, и он перевернулся на крышу. Темная маслянистая жидкость растеклась по дороге. Преследователи, не снижая скорость, проехали мимо.

Придя в сознание, Роберт с ужасом посмотрел на окровавленное лицо своей жены. Она была мертва.

— Джеймс ты в порядке? — едва сдерживаясь, спросил он у сына.

— Голова сильно болит, — ответил мальчик и попытался выбраться, но ничего не получалось, его крепко прижало между сиденьями.

— Помнишь тот медальон, который ты нашел у себя в комнате? — спросил Роберт, превозмогая боль — Надень его!

Джеймс достал вещицу из своего кармана.

— Постой! — отец протянул к мальчику свою руку и погладил его по голове. — Знай, мы с мамой любим тебя!

Мальчик закрыл глаза и надел амулет на шею. Вдруг, он почувствовал яркое свечение, которое наполняло его изнутри. В

одно мгновение исчезла боль, куда-то пропал шум города и серен полицейских машин. Как будто все исчезло, растворилось в пустоте.

ГЛАВА II Судьбоносная встреча

Джеймс открыл глаза и огляделся вокруг. Он находился в лесу, темном и безжизненном. На деревьях не было ни одного листа, а сами они были черного цвета и похожи на огромных великанов, стороживших свои владения. На земле росли какие-то кустарники, которых он раньше никогда не видел. Небо было покрыто свинцовыми тучами и, судя по скудным растениям, солнце показывалось здесь не часто. Стояла мертвая тишина — ни птиц, ни зверей не было слышно.

Вдалеке стоял человек. Джеймс, стараясь не шуметь, подошел поближе и спрятался за деревом, чтобы рассмотреть его.

Незнакомец был высокого роста. Растрепанные волосы удивительного серебряного цвета падали ему на плечи, лицо было покрыто шрамами. На нем была одета прочная кожаная куртка с длинными рукавами черного цвета, штаны такого же плана и высокие стоптанные сапоги из мягкой коричневой кожи. Штаны были подпоясаны тяжелым ремнем, на котором висел небольшой тряпичный мешок и короткий кинжал с рукоятью, туго перетянутой бечевкой, видимо для того, чтобы он не выскальзывал из рук. За спиной красовался меч огромных размеров, как показалось мальчику. Ему было совершенно непонятно, как можно было не просто удержать его в руках, а сражаться таким.

Холодный быстрый взгляд незнакомца был устремлен на вход таинственной пещеры, располагавшийся у подножья высокой горы.

Подобравшись поближе, мальчик ненароком оступился и кубарем покатился вниз с холма, прямо под ноги незнакомца. Не успев опомниться, он почувствовал холодную сталь приставленного к его горлу клинка.

— Кто ты такой? — произнес незнакомец спокойным голосом.

— Я…я. меня зовут Джеймс Уайт, — он поднял голову и осторожно поднялся на ноги.

— Кто тебя послал? — незнакомец продолжил допрос.

В этот момент из пещеры раздался истошный рев какого-то зверя. Джеймс понял, что своим шумом потревожил создание, с которым явно не хотел знакомиться лично.

— Прячься, если хочешь жить! — воскликнул незнакомец и быстро направился к пещере.

Его слова звучали довольно убедительно, и мальчик быстро спрятался за деревом. Тем временем, оглушительный рев

становился все сильнее и дополнялся грохотом приближавшегося существа. Вот оно, во всей красе, назвать это животным было бы неправильно, скорее это был монстр.

Восьмифутовое чудовище с длинными и острыми клыками похожими на бивни мамонта, полностью покрытое рыжеватой шерстью, на своих массивных лапах приближалось к незнакомцу. Красные свирепые глаза пристально смотрели на него.

В одно мгновенье последовал прыжок в сторону мужчины с обнаженным клинком. Взмахнув мечом, незнакомец сделал кувырок вперед. Земля окрасилась в багровый цвет. Удар меча рассек зверю брюхо, что еще больше разозлило его. Развернувшись, он напал снова. Прыжок! Раскрытая пасть захлопнулась на остром как бритва клинке.

Мужчине это и было нужно. Он спокойно вынул свой кинжал, висевший на ремне, и резким ударом вонзил его в голову, попавшего на крючок чудовища. Игра со смертью была закончена, на этот раз победу одержал человек.

Джеймс был в ужасе от увиденного. Он боялся даже представить, какие еще твари живут в этом лесу. Тем временем, незнакомец склонился над зверем и вырвал огромные клыки, торчавшие из пасти, положил их в мешок, который висел на поясе и спокойно пошел своей дорогой.

— Эй, ты куда? — вовремя опомнился Джеймс. Он аккуратно обошел тушу зверя и быстрым шагом пошел в сторону удалявшегося незнакомца.

— Постой! Где я нахожусь, что это за место? — спросил мальчик, поравнявшись с ним.

— Это Элония — стана людей! — воскликнул незнакомец.

— Элония? — удивленным тоном переспросил Джеймс. — А здесь все выглядят так же, как и ты?

Незнакомец ничего не ответил мальчику и продолжал свой путь, не замечая навязчивого попутчика.

— Куда мы идем? — выдержав небольшую паузу, спросил Джеймс.

— Куда идешь ты, я не знаю, но нам не по пути!

— Постой, я не знаю где я нахожусь, я понятия не имею куда мне идти, поэтому хочешь ты того или нет, но я пойду с тобой!

Незнакомец достал свой окровавленный меч и направил на парня.

— Ты не боишься, что я убью тебя?!

— Не боюсь. Если бы хотел, то уже сделал бы это.

На самом деле ужас сковал Джеймса, он не мог пошевелиться и с трудом выдавливал из себя слова. Незнакомец убрал меч и пошагал дальше. Выдохнув с облегчением, Джеймс последовал за

ним.

— Как тебя зовут? У тебя есть имя? — спросил Джеймс.

— Торн, из рода Хаатинов, — он обернулся и оглядел мальчика с головы до ног. — Что такой юнец делает в этом лесу в такой поздний час? Ты разве не знаешь, что по ночам опасно выходить из дома?

— А почему это опасно? — поинтересовался Джеймс.

— Ты что, с луны свалился? — произнес Торн. — В этих лесах обитают такие создания, что по сравнению с ними тот монстр, которого ты только что видел, просто маленький, пушистый котенок.

— Здорово! — воскликнул Джеймс. — Я никогда раньше не видел ничего подобного!

— Думаю, что когда одна из этих тварей будет переваривать тебя в своем желудке, то тебе это понравится еще больше! Что это у тебя на шее?

— Не знаю, я нашел его у себя в комнате, а потом наш дом взорвали, за нами гнались, мы попали в аварию, я одел его на шею и оказался здесь.

— Не так быстро! Ты говоришь какую-то ерунду, видимо, ударился головой при падении!

— Ничем я не ударялся! — обиженно произнес Джеймс. — Я попал в этот мир, надев на себя эту штуковину!

Джеймс сжал амулет в руке и вытянул его перед собой, не снимая с шеи. Хаатин подошел поближе, внимательно рассмотрел странную вещь, а затем перевел свой тяжелый взгляд на мальчика. Торну была знакома эта вещица, но он не подал виду. Нахмурив брови, он о чем-то глубоко задумался, а затем произнес:

— Доберешься со мной до ближайшей деревни, а дальше наши пути разойдутся.

— Хорошо, — согласился Джеймс. — А ты охотник на чудовищ, да?

— Нет, — сухо ответил Торн.

— Но ты же убил того монстра! А клыки на шею повесишь?

— Ты всегда такой любопытный? За клыки разных диковинных тварей дают неплохие деньги там, куда мы идем.

— Где мы находимся? Что это за Элония?

— Королевство людей. Когда-то это была великое государство, а сейчас оно раздроблена на мелкие владения, которыми правят воры и убийцы. Королевский род был уничтожен давным-давно и страной сейчас управляет наместник.

— Ты сказал, что ты принадлежишь к роду хаатинов?

— Да и один ты будешь в большей безопасности, чем рядом

со мной!

— Почему? — удивился мальчик.

— За мою голову во многих городах Элонии назначена неплохая награда!

— Ты сделал что-то противозаконное?

— Я расплачиваюсь за ошибки своих предков.

Они вышли на поляну, и их взору предстала небольшая деревня, расположившаяся в низине. Она была обнесена невысоким деревянным забором, построенным для защиты мирных жителей от диких зверей, обитавших в лесу. Ворота, которые вели в деревню, были открыты и Джеймс с Торном без труда прошли через них.

Путники направились в таверну, которая находилась по правой стороне улицы, через три дома от ворот. Зайдя внутрь, Джеймс почувствовал резкий запах спиртного, на мгновение у него даже перехватило дыханье, и закружилась голова. Стоял оглушительный гул, который стих сразу же, как только Хаатин со своим спутником показались на пороге.

Торн, не замечая, косые, недовольные взгляды заядлых выпивох, направился к трактирщику за стойкой. Джеймс с испуганным видом последовал за ним. Было видно, что Хаатина здесь не жаловали и относились с презрением.

Отдав мешочек с трофейными клыками, взамен Торн получил несколько серебряных монет, которых было не так много, судя по его недовольному выражению лица.

— Налей кружку, — произнес Торн и вернул одну монету, а остальные сгреб в руку.

— Больше клыков не возьму, — прошипел трактирщик, протирая стойку. — Сбывать их становиться все сложнее, в городах это теперь считается контрабандой. Если поймают, то можно ближайший десяток лет гнить в тюрьме.

— Ты что-нибудь будешь? — спросил Торн у Джеймса, не обратив внимания на сказанное трактирщиком.

— Я бы чего-нибудь съел! — ответил Джеймс, подойдя к стойке.

— Еды у нас нет! — произнес хозяин трактира, продолжая натирать стойку.

— Жаль, — сказал Джеймс. — Я голоден, как волк.

— Не может быть! — вдруг воскликнул трактирщик, вцепившись взглядом в амулет, который висел у мальчика на шее. — Парень, откуда это у тебя?

— Я нашел, — сдавленным голосом ответил Джеймс. Его явно смутила реакция хозяина трактира.

— Ты хоть представляешь себе, что за вещь оказалась в твоих

руках?

У мужчины за стойкой горели глаза и подрагивали руки. Он, будто увидел что-то настолько удивительное и невероятное, что у него перехватило дыхание, и пропал дар речи.

— Пойдемте со мной! — воскликнул трактирщик и поманил Джеймса и Торна за собой.

Он повел их в подсобное помещение, в которое вела узкая, кривая лестница. Спустившись вниз, трактирщик закрыл дверь на ключ.

— Что вам нужно? — спросил Джеймс, осматривая небольшую комнату с припасами, в которой сильно пахло сыростью.

— Мое имя Леон, вы можете показать мне, что за вещь весит у вас на шее?

Джеймс снял медальон и отдал его в руки своему новому знакомому.

— Это он! Это действительно он! Вы знаете что это? — воскликнул обезумевший от радости Леон.

— Нет, — ответил растерянный мальчик. — Но, может быть, вы мне расскажите что это?

— Давным-давно, тысячи лет назад мир был поделен на две части — Элонию и Земли Драконов, впоследствии названных Темными Землями. Война за раздел этих земель шла не одну сотню лет. Короли — правители Элонии — правили страной до своей смерти и передавали вместе с троном своим сыновьям право продолжить войну и защитить свой народ от набегов Темного Лорда. Грейвиль — был пятнадцатым в своей династии. За свои добрые дела он получил от народа прозвище Благородный. Именно он собрал самых лучшим воинов, называвших себя Воинами Света, и создал огромную армию, решив тем самым уничтожить Темного Лорда и навсегда закончить войну.

Но Темного Лорда нельзя было убить, поэтому маги верховного круга создали амулет, который смог отправить его в заточение, срок которому был вечность. Воины Света разбили основное войско Темного Лорда и одержали полную победу. В мире воцарился долгожданный мир, и он продлился 200 лет. Амулет королей был символом королевской власти и могущества. Он обладал невероятной силой, но лишь немногие знали об этом.

Хаатины — род потомственных воинов, им была дарована честь охранять короля. Они были лучшими. Во владении мечом с ними не сравнился бы никто. Король доверял им и поэтому распустил свою армию.

Однажды, на город напали прислужники Темного Лорда. Они

ворвались в замок, убили короля и всех, кто встречался им на пути. Хаатины пропустили врагов в город, они предали короля. Но завладеть амулетом им не удалось. Хранители — тайный орден, который должен был защитить амулет, смог вывезти его за пределы королевства. Он был разделен на две части и хорошо спрятан. Враги были изгнаны, а Хаатины навсегда остались изгоями этого мира. Престол остался без короля, а ранее процветающие земли превратились в безжизненные пустыни, населенные чудовищами.

С тех пор прошло много лет, но слуги Темного Лорда не теряют надежды отыскать амулет и вернуть к жизни своего правителя. Амулет был разделен, и соединить его воедино сможет только тот, в чьих жилах течет королевская кровь. И тогда мир вернется в наши богом забытые земли, тьма рассеется и законный король вернет себе престол.

И теперь вы должны найти последнего из королевского рода и вторую часть амулета! На вас теперь лежит эта тяжелая ноша!

— Почему именно мы? — поинтересовался Джеймс, внимательно выслушав удивительный рассказ.

— Амулет выбрал вас! — воскликнул Лион. — Вы не вправе отказаться! От вас теперь зависит судьба всего нашего мира!

— И где нам найти наследника престола? — удивленно спросил Джеймс.

— Если бы все было так просто! Этого никто не знает, и я думаю, что тот, у кого в жилах течет королевская кровь и сам не догадывается об этом!

— Как же нам найти его, если о его местонахождении ничего не известно?

— Я могу сказать одно. Насколько мне известно, у каждого мужчины королевского рода на шее есть родимое пятно в виде змеиного укуса, которое, согласно приданию, символизировало преданность своему роду и опасность для врагов, посягнувших на королевские земли. Змея, обвивающая меч, изображена на гербе и на амулете королей! Это символ — символ власти!

— И что нам теперь делать? Разглядывать у каждого встречного шею?

— Я этого не говорил! Вам надо поговорить с одним из старейшин нашего ордена. Его имя Корбин — он священник в храме, что неподалеку от таверны.

Трактирщик все это время что-то выводил пером на мятом клочке бумаги.

— Вот, передайте ему это письмо, я написал, кто вы такие и зачем пришли!

Он передал письмо Джеймсу.

Торн слушал все, что говорил трактирщик спокойно, и во время разговора не произнес ни слова. Опершись на стену и скрестив руки на груди, он задумчиво смотрел в пол. Он знал эту историю наизусть — про Воинов Света, про то, как его предки предали короля, про вечное изгнание. Он на себе испытал всю ненависть к его роду.

Выйдя из трактира, они направились к храму. Оба молчали и думали о своем. Джеймс видимо все еще не до конца верил в произошедшее, думая, что вот-вот проснется, но надежда на страшный ночной кошмар таяла с каждой минутой. Торну же пришлось заново прокрутить у себя в голове все события своей жизни, вспомнить все случаи насмешек и издевательств, призрения и ненависти людей к нему. Он не хотел этого, но воспоминания сами лезли в голову, вставая перед глазами будто картины, раскрашенные яркими красками.

Храм на самом деле оказался небольшой деревянной часовней высотой в два этажа с высокой колокольней. Калитка была открыта и поскрипывала от малейшего дуновения теплого ветра. Зайдя внутрь, они увидели только пустые скамейки и одинокий алтарь, вокруг которого стояли зажженные свечи.

— Люди в этих местах давно утратили веру, — раздался чей-то голос.

Джеймс и Торн оглянулись, но никого не увидели. И тут с лестницы, ведущей наверх, спустился человек в сером балахоне и с капюшоном на голове.

— Лестница ведет на колокольню. Колокол, который висит на ней, молчит уже много веков. Но если вдруг вы услышите его звон, то знайте — беда постучалась в нашу дверь!

Он подошел к путникам и снял капюшон. Перед ними предстал дряхлый старик с морщинистым лицом и длинной седой бородой.

— Это вы Корбин? — начал разговор Джеймс, — вам письмо! Он передал клочок бумаги старцу. Старик прочитал письмо, глубоко вздохнул и посмотрел в глаза мальчику.

— Покажи мне его! — старик протянул руку.

Джеймс вынул из-под футболки часть амулета и, не снимая с шей, передал старцу.

— Я боялся не дожить до этого момента! Старик осторожно отпустил амулет и сел на стул.

— Времена драконов и магов прошли, и теперь судьба империи в наших руках, — он закатал рукав левой руки и показал отметину на запястье. — Это знак нашего ордена.

Джеймс сразу узнал его. Именно такой знак он видел у своего отца за мгновение до того как на них напали.

— Постойте! Я узнаю этот знак! У моего отца был такой!

— Это знак Хранителей! Но это всего лишь клеймо, выжженное на коже! Мы лишь последователи ордена, настоящих Хранителей уже не осталось.

— Но как это возможно? Как амулет оказался в моем мире?

— Сила его огромна! Грань между временем и мирами ничтожна. Я бы с радостью рассказал больше, но времени осталось очень мало. Ты все узнаешь в свое время! Что касается наследника, то вы найдете его в городке Стоунхилл. Его зовут Габриель. Имя довольно редкое, поэтому вы без труда сможете его найти.

— Откуда тебе известно, старик, что это он? — в разговор вмешался Торн.

— Испокон веков нашим долгом было тайно охранять королевский род.

— Но почему же вы раньше не нашли его и не рассказали о его происхождении? — спросил Джеймс.

— Без амулета в этом бы не было никакого смысла! Мы только подвергли бы его огромной опасности! Приведите наследника сюда, здесь он будет в безопасности! И помните, что враги следят за каждым вашим шагом! Нельзя допустить, чтобы часть амулета попала к ним в руки!

— Скажи мне, старик, зачем мне все это нужно?! Зачем мне рисковать своей жизнью ради призрачной надежды обретения мира, ради людского рода, который вытирает о нас ноги столько лет! Торн повернулся и направился к выходу.

— Затем, что ты не такой как твои предки! Ты, твои родители, родители твоих родителей презирали их за то, что они сделали, и презирали людей за то, что они не понимают этого! И сейчас тебе дан шанс доказать свою преданность короне, показать людям, насколько они ошибались, искупить вину своих предков! Если ты не воспользуешься им, то другого может не представиться. И твой род сгинет, и вас навсегда запомнят как предателей, и другого быть не дано! Ты не случайно возник на пути этого юноши, а он не просто так оказался на твоем пути. Амулет свел вас вместе и направил ко мне! Все случайности, все совпадения в этом мире делаются по чьей-то воле, и в данном случае по воле амулета, могущество которого не знает границ!

Торн замер на месте. Его взгляд был направлен в пол, сердце бешено билось. Он и сам не заметил, как крепко сжал кулаки. Он был поражен тем, что старик столько знает о нем. Но как? Откуда? Он ведь никогда не бывал в этом месте. Да и имя его не столь громкое, да и не упоминал он его вовсе! Неужели все, что он сказал, правда? Неужели кто-то действительно хочет

пробудить Темного Лорда и тот, в чьих жилах течет королевская кровь, действительно существовал?! Вопросов как всегда было больше чем ответов.

— Мальчишке нужно сменить одежду! — сказал после долгого молчания Торн, повернувшись лицом к собеседникам.

Джеймс после этих слов с недоумением осмотрел себя. Чем плоха была его одежда? Потертые, немного рваные кроссовки, которые были еще недавно белыми, облипли грязью. Темно-синие джинсы и длинная футболка с логотипом любимой бейсбольной команды были покрыты пожухлой листвой и тонкими сухими ветками.

— И чем ему не нравится моя одежда? — подумал про себя Джеймс, но спорить не стал.

— Я знал, что ты поймешь! — улыбнулся старик, — у меня есть кое-какая одежда, думаю, что ему подойдет. Переночевать можете здесь. На втором этаже есть комната.

Он задул свечи и не спеша, шоркая тапочками по полу, направился к себе. Путники направились за ним. Они поднялись по скрипучей лестнице наверх, где им была приготовлена комната. Джеймс рухнул на одну из четырех кроватей, находящихся в комнате и моментально уснул. У него был тяжелый день, за который произошло столько невероятных разнообразных событий, что обычный человек, наверное, сошел бы с ума. Но только не Джеймс. Наоборот, все происходящее сейчас позволяло на миг забыть о том, что случилось с его родителями.

Торн, прошел вдоль комнаты к окну и сел на подоконник. Он не хотел спать, да и не до сна ему было сейчас. Он думал о предстоявшем пути. Как отыскать наследника, где искать вторую половину амулета? Справятся ли они? И если нет, то, что будет с ним, с Джеймсом, со всем миром?

— Ты в смятении, друг мой? — раздался голос. Торн оглянулся. В дверях стоял старец. В руках у него была зажженная свеча. Пламя ее трепеталось из стороны в сторону, хоть старик и пытался закрыть его рукой.

— Не спиться? — Торн пытался говорить в полголоса, чтобы не разбудить Джеймса.

— В моем возрасте это частая проблема, — усмехнулся старик и направился к окну, где сидел Торн. — Я знаю, тебе трудно поверить во все сказанное мной, но очень скоро ты сам убедишься в этом!

Священник положил свою руку на плечо хаатина и посмотрел ему в глаза. На его лице проглядывалась едва уловимая взору улыбка, на которую Торн не мог не обратить внимания. Он

почему-то напомнил ему отца, которого он потерял много лет назад. Торн на мгновение растерялся, но тут же, опомнившись, одернул руку старика.

— Значит, кто-то пытается вернуть Темного Лорда к жизни и завладеть амулетом! — Торн встал и начал расхаживать по комнате. — И как же нам остановить его?

— Вам нужно опередить его и найти вторую половину амулета, прежде чем… Старик внезапно замолчал и опустил голову.

— Прежде чем что?! — хаатин развернулся и приблизился к старцу.

— Я итак многое рассказал вам! Есть вещи, о которых вы должны будете узнать не сейчас и не от меня! Всему свое время! К утру я приготовлю вам лошадей.

Старик ушел, оставив Торна в недоумении с еще большим количеством вопросов. Но хаатин не стал больше ничего спрашивать, так как знал, что ничего не добьется.

ГЛАВА III Дорога на Стоунхилл

Когда король был убит, начался раздел земель. Мятежники захватывали города и села и провозглашали себя их правителями. Вспыхнули междоусобные войны. Кровопролитные сражения и постоянные стычки в конец разбили и без того уже ослабленную Элонию. Одним из таких городов был Стоунхилл. Много лет назад власть в этом городе захватил варвар по имени Кронг. Его люди казнили королевских воинов и установили свои законы. Непосильные налоги заставляли местных крестьян воровать, а тех, кто не желал платить, безжалостно убивали на центральной площади для устрашения. С тех пор мало что изменилось. Торн хорошо знал об этом и всегда обходил такие места стороной. Он знал о смертельной опасности, которая ждет их там, но ничего не сказал, понимая, что Джеймсу ни к чему лишние волнения.

Джеймс открыл глаза и протяжно зевнул. В комнате никого не было, а в окно били солнечные лучи. Он встал, потянулся, и начал натягивать на себя одежду, которую принес ему священник. Серая рубаха с треугольным вырезом на шее и длинными рукавами оказалась на удивление в пору. Штаны, из какой-то довольно грубой ткани были немного великоваты, но широкий коричневый пояс, утянул их до нужного размера. Рядом с кроватью стояли высокие кожаные сапоги с блестящими металлическими застежками. Джеймс подтянул носки повыше и примерил обновку. Пошевелив пальцами в сапоге, он удивился, насколько точно старик угадал с размером. «Ему бы продавцом обуви работать!» — подумал он. Джеймс спустился вниз по лестнице и направился к двери, которая вела во двор. Он открыл дверь. Перед крыльцом стоял Торн и седлал лошадей.

— Доброе утро! — произнес юноша.

Хаатин, не прекращая возиться с седлом, посмотрел на парня.

— Мы отправляемся! Надеюсь, ты готов! Если да, то запрыгивай. Торн кивнул головой в сторону лошади, которая предназначалась Джеймсу. Но Джеймс, который не то что никогда не ездил верхом, но и лошадь то никогда не видел, оторопел при виде своего транспорта. Поинтересовавшись, нет ли у них машины или на худой конец велосипеда, он все-таки попытался взять штурмом эту крепость. Первая попытка оказалась неудачной. Пытаясь заскочить на лошадь с разбега, Джеймс врезался в ее правый бок и отскочил, словно мяч от бетонной стены. Лошадь, не шелохнувшись, повернула голову в сторону своего наездника, что-то недовольно фыркнула и ударила хвостом парня по лицу. Джеймс понял, что характерами они не

сошлись, но все же предпринял вторую попытку. Она оказалась удачной. Впервые за все время, проведенное в этом мире, на его лице засияла улыбка. Еще бы — хоть и маленькая, но все-таки победа.

Торна забавляло происходящее, и он с удовольствием наблюдал за неловкими попытками Джеймса справиться с лошадью. Наконец он развернул своего коня и направился к выезду из деревни, веля парню не отставать. Немного освоив технику управления лошадью, разобравшись в поводьях, Джеймс сравнялся с Хаатином. Торн достал из кармана яблоко, протер его о свой рукав и протянул Джеймсу. Джеймс поблагодарил и взял угощение из рук хаатина. Он был очень голоден, и с удовольствием съел предоставленное лакомство. Желудок недовольно урчал, будто требуя добавки. Но добавки не последовало и ему пришлось успокоиться.

Деревня осталась позади. Дорога извивалась и петляла, словно серпантин, убегая вдаль. Конца ее не было видно. Джеймса слепило солнце. Он невольно щурился и старался отворачиваться от него. У него сильно болела спина от верховой езды. Ноги затекли с непривычки, и Джеймс одной рукой время от времени растирал их.

Торн держался впереди. Он смотрел даже не на дорогу, а куда-то сквозь нее и думал о чем-то своем. Джеймс не стал отвлекать его и просить остановиться, чтобы передохнуть.

Между тем заросшая травой дорога повернула налево и направила путников к лесу, который виднелся вдалеке. Солнце теперь светило Джеймсу в затылок, и он немного расслабился. Ехать стало гораздо легче. Он взглянул на небо. По нему вереницей бежали облака грязно-серого цвета. Они были огромными и тяжелыми. Казалось, что они вот-вот свалятся на землю. На горизонте, где-то далеко-далеко едва видимой пеленой растянулись горы. Их заснеженные вершины тянулись к небу. «А что же находится за ними?» — подумал Джеймс и вновь повернул свой взор на дорогу. Деревни уже не было видно. Она осталась далеко позади.

Их путь лежал по равнине. Лишь небольшие пригорки нарушали идеально ровную поверхность долины. Поля были и с правой и с левой стороны дороги и простирались на много миль вперед. На них росла лишь невысокая трава, такая же, что облюбовала дорогу, по которой двигались путники. Она была темно-зеленого цвета и, почему то, очень густая.

На равнине опасно было оставаться после наступления темноты. На открытой местности негде было спрятаться, и убежать от тварей, которые обитали здесь по ночам, было

тяжелой задачей. Поэтому путникам нужно было до ночи добраться до леса.

Торн слегка пришпорил своего коня. Конь фыркнул и поскакал быстрее. Джеймс сделал то же самое, но видимо не рассчитал силы и пустился в галоп. Он попытался остановить свою лошадь и потянул за поводья. Лошадь подняла морду вверх, чуть присела на задних ногах и резко остановилась. Затем немного попятилась назад и повернулась вокруг своей оси. Джеймс выдохнул, вытер пот со лба и ударил стременами по бокам лошади, но на этот раз осторожнее. За то время Торн уже успел ускакать далеко вперед. Он не собирался ждать Джеймса и даже не обернулся. Джеймс поспешил за ним.

В этих местах очень рано темнело. Не успели путники приблизиться к лесу, как солнце уже скрылось за горизонтом, проводя их последними лучами. Небо еще какое-то время озарялось красным светом, тускнея с каждой минутой. И совсем скоро все пространство — дорогу, горы, равнину охватила тьма. Она продвигалась с невероятной скоростью, и через мгновение от солнечных мерцаний не осталось и следа. Все стихло. Тишина была поразительной, настолько, что от нее начинало шуметь в ушах.

Джеймс даже приложил ладонь к уху и начал растирать его. Ему вдруг показалось, что он оглох. Но вдруг, позади, раздался пронзительный рев. Джеймс обернулся, но в такой темноте дальше своего носа ничего не было видно.

Торн замедлил ход. Он выхватил поводья из рук Джеймса, обмотал их вокруг своей руки и сильно пришпорил своего коня. Конь заржал, вскочил на задние ноги и пустился в галоп, увлекая за собой и лошадь, на которой ехал Джеймс. Мальчик обхватил обеими руками шею лошади и прижался к ней. Его болтало в седле из стороны в сторону. Он думал, что если сейчас отпустит руки, то тут же слетит на обочину. И вряд ли Торн заметил бы его падение. Поэтому он зажмурил глаза и с еще большей силой схватился за лошадь.

Рев доносился все чаще и чаще, все громче и громче. Он набирал силу и словно локомотив несся за ними. Джеймс боялся даже представить, что за чудовище может издавать такие звуки. Они свернули с дороги и скакали прямиком к лесу, до которого оставалось уже совсем немного. Торн все с большей силой пришпоривал своего коня. Снова и снова он наносил удары стременем. Рев становился все ближе. Он, то прерывался на какое-то время, то не замолкал в течение нескольких минут подряд. Как гудок паровоза, он предупреждал о своем приближении.

Через несколько минут вдалеке раздался еще один. А потом еще и еще. И каждый новый рык был не похож на предыдущий.

«Да откуда же вы взялись!» — думал Джеймс. Пронзительный рев раздался откуда-то слева, а затем справа. Они окружали путников, брали их в кольцо, чтобы им невозможно было убежать. Казалось еще немного и твари догонят их. Но вдруг они остановились. Джеймс медленно приоткрыл глаза и огляделся. Его окружали черные деревья. Похожие на столбы электропередач, с почти голыми стволами и раскидистой кроной у самой верхушки. Они добрались до леса. Чудовища боялись заходить сюда и еще долго кружили в ожидании добычи. Рев их стал реже, но протяжнее.

Торн спешился и перекинул поводья через голову коня. Джеймс еще некоторое время не мог прийти в себя. Его трясло от страха и холода. Жутко хотелось есть.

Через некоторое время они вышли на небольшую поляну. Торн привязал лошадей к дереву и велел Джеймсу сидеть здесь и ждать пока он не придет. Джеймс не успел ничего сказать, как силуэт его спутника растворился во тьме. Он разглядел в темноте упавшее дерево, сел на землю и оперся на него спиной. Ему было не так важно, что земля была очень холодной, зато он почувствовал огромное облегчение от того, что дал разгрузку больной спине.

Прошло несколько минут, которые показались Джеймсу вечностью. Он пристально вглядывался в темноту. Каждый звук или шорох заставляли его замирать от страха. Сердце колотилось с невероятной силой. Его стук становился все быстрее. Чтобы хоть как-то отвлечься Джеймс достал амулет, который на его удивление светился ярким белым светом. Он положил амулет на ладонь и стал пристально рассматривать. В его свечении было что-то завораживающее. От него исходило приятное тепло, и Джеймс чувствовал, как оно через его руку разливалось по всему телу. Таким же белым светом светились и символы, которые шли по контуру. Они были на непонятном Джеймсу языке. С виду походили на китайские иероглифы, но более плавной формы. «Что бы это могло означать?» — проговорил Джеймс в полголоса.

И тут раздался треск. Так хрустят ветки под ногами. Этот звук ни с чем не возможно было спутать. Он становился все ближе. Джеймс спрятал амулет за пазуху и медленно лег на землю. Он не сводил глаз с того места откуда доносились звуки. Ему даже нечем было обороняться в случае нападения. Хотя бы небольшой нож, даже с ним он чувствовал бы себя уверенней. Правой рукой Джеймс нащупал длинную палку и подвинул ее к себе. Он старался задерживать дыхание, чтобы не выдать себя и

свое местонахождение, в надежде, что незваный гость пройдет мимо.

Тем временем кто-то настойчиво двигался именно к тому месту, где находился Джеймс. Звук нарастал, шаги были слышны все отчетливее. И вдруг из чащи выплыла знакомая фигура. Это был Торн. В руках у него была охапка хвороста. Он подошел к парню и бросил сухие ветки на землю. Джеймс с облегчением выдохнул и поднялся с земли. Он смотрел на хворост и жалел, что не прихватил из дома спички или зажигалку.

Торн собрал ветки в кучу и сел рядом. Он снял со своего пояса небольшой тряпочный мешочек, развязал его и достал небольшой предмет кубической формы. Хаатин аккуратно раскрошил его пальцами, набрал воздуха в легкие и раздул порошок над хворостом. Как только пыльца слетела с ладони, она тут же превратилась в огненную струю, которая разожгла ветки. Джеймс при виде огня отпрянул назад. От удивления он даже открыл рот. Торн в этот момент напомнил ему факира в цирке, также величественно выдувавшего огонь изо рта. Джеймс сел у костра и вытянул озябшие руки вперед.

— Что это было? — спросил он. — Магия? Волшебство?

Торн попытался изобразить что-то на подобии улыбки, но у него не получилось.

— Магия? Нет. У торговцев на черном рынке можно купить все, что угодно. А это, — он достал еще один кубик из мешка и передал его Джеймсу, — один из самых дешевых товаров. Вот если бы раздобыть зелье превращения в тролля, например! А это так. Торн завязал мешочек и убрал обратно на пояс.

Джеймс внимательно осмотрел переданный ему экземпляр: куб правильной формы с гранью примерно в один дюйм, похожий на спрессованный кусочек сахара. Он был кристально белого цвета. Не такой белый, как лист бумаги или только что выпавший снег, а еще чище. Частиц, из которых он состоял, практически не было видно, и только пристальным взглядом можно было разглядеть их. Джеймс еще немного покрутил куб в руках и бережно положил в карман.

Торн тем временем снял со спины меч и лег на землю, положив его под голову.

— Ночевать будем здесь. Пока горит огонь, нам ничего не угрожает! Так что можешь не волноваться. — Торн скрестил руки на груди, вытянул ноги и закрыл глаза.

Джеймс тоже лег на бок, поджал под себя ноги и попытался заснуть. У него не получалось, он долго ворочался. Жар от костра обжигал лицо. Языки пламени хаотично, обгоняя друг друга, убегали к небу и растворялись в воздухе. Это повторялось снова и

снова. Джеймс повернулся спиной к огню и немного отодвинулся от него. Приятная прохлада ночного воздуха прокатилась по его телу. Он натянул рукава и спрятал в них замерзшие кисти рук. В таком положении ему было чуть более комфортно, и он снова закрыл глаза.

Ему снился родной дом. Они с отцом играли во дворе в бейсбол. Джеймс с коричневой потрепанной перчаткой на руке бежал за мячом, который улетел к самой входной двери и закатился на порог. Отец широко улыбался, обнажив свои белые зубы. Он немного перестарался и забросил мяч дальше, чем обычно.

Джеймс протянул руку за мячом и почувствовал манящий аромат маминых пирожков. Он обожал их. Запах бесцветной дымкой пробегал из кухни, через гостиную в приоткрытую дверь, рядом с которой стоял Джеймс. Он замер и закрыл глаза от удовольствия. Тут раздался родной и любимый голос, зовущий мужчин к ужину.

И вдруг вместо маминых пирожков Джеймс почувствовал едкий, удушающий запах гари, который въедался в кожу и заставлял слезиться глаза. По полу дома, обвивая, точно змеей, все на своем пути, струились языки ярко-желтого пламени. Они вырывались из кухни и ползли по дому, зажимая в свои смертельные объятия комнату за комнатой.

Джеймсу в лицо ударил поток горячего воздуха. У него сразу перехватило дыхание. Он задыхался. На мгновение Джеймс закрыл глаза, а когда открыл, то был уже не на пороге своего дома. Он оказался в перевернутом автомобиле на заднем сиденье. Он увидел мать, которая лежала без движения впереди и окровавленное лицо своего отца, который что-то непонятное говорил ему.

Джеймс резко открыл глаза. Перед собой он увидел серые голые деревья, стволы которых украшал зеленоватый мох. Солнце уже встало, но лучи его практически не пробивались сквозь густые кроны этих великанов. Казалось, что каждый листик на ветке яростно бился за свою жизнь, жадно поглощая солнечные лучи.

«Что же стало с родителями?» — Подумал Джеймс. Он надеялся, что они сумели выбраться из горящего автомобиля. Ему в первый раз приснился такой яркий и реалистичный сон. Даже проснувшись, он помнил его в деталях.

Его размышление прервал треск костра, который горел до сих пор. Джеймс повернулся и попытался сесть. У него болело все тело. Ночь, проведенная на холодной, твердой земле дала свои результаты. Он поднял обе руки кверху и потянулся.

Торна не было на месте. На костре, тем временем, жарился какой-то зверь. Он был похож не то на крысу, не то на белку. Через его маленькое тельце был продет металлический прут, который располагался на двух рогатинах, торчащих по обе стороны костра. Джеймс не знал, что это за зверь, но аромат от него исходил потрясающий.

Появился Торн с новой охапкой дров. Он высыпал их на землю, наклонился и подкинул пару поленьев в костер. Затем снял уже готового зверя с прута, переломил пополам и передал одну половину Джеймсу.

— Что это? — спросил Джеймс, наморщив нос.

— Это еда, — сухо ответил Торн и откусил большой кусок от тушки. Он жевал, причмокивая и постанывая от удовольствия.

«Да он просто издевается надо мной!» — подумал Джеймс. Но есть очень хотелось и он, зажмурив глаза, откусил небольшой кусочек. Мясо было на удивление вкусное и хорошо прожаренное. На минуту Джеймс даже представил себе, что ест бифштекс, который неплохо было бы посолить. Но поскольку соли, впрочем, как и хлеба, не было в наличие, то он жадно принялся за поглощение невиданного зверя.

Окончив трапезу, Торн встал и пошагал отвязывать лошадей. Не успел он сделать и пары шагов, как из чащи, рассекая воздух, в нескольких дюймах от головы хаатина пролетела стрела и воткнулась в дерево, к которому были привязаны лошади.

Из чащи галопом выскочили три всадника и остановились около догоравшего костра. Джеймс вскочил на ноги и, не зная, что делать, вопросительно посмотрел на Торна. Тот сначала внимательно осмотрел стрелу, которая чуть было, не отправила его в иной мир. Заметив небрежность и грубость, с какой она была выстругана, он медленно повернулся к всадникам. Это были разбойники. Тот, что в центре был их вожаком. Худощавый, с длинной шеей и маленькой головой. Он ехидно улыбался, обнажая кривые, черные зубы. Одежда его была сделана из медвежьей шкуры, на шее висело ожерелье из клыков убитых им животных. Левая рука постоянно находилась на эфесе длинного меча. Разбойник, который находился слева от вожака, был его полной противоположностью. Полноватый, низкий, с лицом, похожим на бурундука. Он постоянно шмыгал носом и вытирал пот со лба своим рукавом. Одет он был в льняную рубаху, цвета которой уже было не разобрать. На поясе висел короткий клинок. Ножны под него не было, и он просто был продет через пояс.

Справа на лошади сидел мужчина крепкого телосложения. Сильные руки крепко сжимали поводья. Вытянутое лицо украшал огромный шрам на левой щеке. За спиной виднелся лук, тот

самый, из которого была выпущена стрела, чуть не убившая хаатина. От всех троих ужасно воняло. Этот запах можно было почуять за милю.

Торн стоял без движения. Почему же он раньше не учуял их? Может быть, ветер дул в другом направлении или он уже терял хватку? Раньше эти бандиты не успели бы понять, что происходит, как уже были бы мертвы. А сейчас Торн и Джеймс находились в весьма сложном положении. Надо было что-то незамедлительно предпринимать.

— Что это у нас тут? — вожак обратил свой взор сначала на костер, потом на Джеймса. Вы, наверное, заблудились, раз решили пойти этой тропой? Он повернул голову к своим сообщникам, и они тут же дружно поддержали главаря язвительным смехом.

— Нет, мы остановились здесь на ночлег, — неуверенным голосом ответил Джеймс. Разбойники загоготали еще сильнее. Вожак чуть подался вперед на лошади и перевел взгляд на хаатина.

— А вы знаете, что проезд по этой дороге стоит денег? — он остановился. Двое его спутников неспешно поравнялись с ним. — Эй, Брум, — вожак немного наклонил голову влево, обращаясь к своему собрату, — напомни-ка мне и нашим новым знакомым, сколько стоит проезд по этой дороге!

— У них не хватит денег! — сквозь смех пробормотал тот.

— Точно, вспомнил! Сто золотых монет и можете ехать дальше.

— Но у нас нет таких денег, — жалобно сказал Джеймс, глядя в глаза главарю.

— А твой друг, что, немой или он язык проглотил от страха? Среди бандитов снова раздался раскатистый хохот. Их явно забавляла эта ситуация. Даже если бы им заплатили сто золотых монет, то они все равно бы убили их. Просто так, ради развлечения.

Торн шарил взглядом по земле. Наконец, недалеко от костра, в том месте, где он устраивал себе ночлег, он увидел свой меч. Как он мог оставить его? Такого с ним никогда еще не было. Он всегда носил оружие с собой и никогда не оставлял без присмотра. Но сейчас забыл, оставил, как раз тогда, когда меч был так нужен. За это Торн безумно злился на себя. Но что сделано, то сделано. У него был с собой только небольшой кинжал, пристегнутый к правому бедру коричневым кожаным ремнем.

Торн оценил обстановку. Нападать будут поодиночке, потому, как не видят в нем серьезной опасности. Это было на

руку хаатину. После того, как он разделается с первым, в бой пойдут оставшиеся два разбойника. Скорее всего, в ход пойдет лук, потому что, судя по первому выстрелу из него, бандит с ним обращался лучше, чем с коротким, не сбалансированным клинком. Но древесина, из которой были сделаны стрелы, была явно пересушена, и они имели небольшой изгиб, поэтому давали небольшой крен влево. Именно поэтому стрела угодила в дерево, а не потому, что стрелявший промахнулся. Торн продумал свои действия. Осталось только выяснить, кто будет первым.

— Я даю вам шанс уйти отсюда живыми, — сказал уверенным голосом хаатин.

Сказанное, было встречено очередной насмешкой.

— А этот парень мне нравится! Уйти живыми! — вожак расхохотался, но немного успокоившись, сказал:

— Мы с братьями в пути уже третий день и нам очень бы не помешало размяться. И вы как раз кстати. — Он обхватил меч правой рукой и медленно обнажил его. — Мы убьем вас медленно за вашу дерзость. Ты будешь первым.

Разбойник указал лезвием на Торна. Вслед за вожаком один разбойник достал свой короткий клинок, а второй снял со спины длинный лук.

— Я еще раз повторяю — уходите и останетесь живы. Вы двое, — Торн посмотрел на спутников главаря, — у вас есть жены, дети? Вы хотите снова увидеть их лица? Или хотите умереть в этом проклятом лесу, где ваши тела съедят здешние обитатели?

Ответа не последовало. «Ну как знаете!» — Подумал про себя Торн и мысленно еще раз прокрутил свои действия.

Джеймс стоял неподвижно и робко наблюдал за происходящим. Ему приходилось наблюдать драки и даже принимать в них участие (правда только в виде груши), но такое он видел только в кино.

— Ну, хватит! Повеселились и будет! Брум! — Вожак повернулся к сидевшему слева от него подельнику.

Тот быстро спешился и направился к Торну с обнаженным клинком. Осторожно приблизившись на расстояние нескольких шагов, разбойник резко рванулся вперед, размахивая клинком из стороны в сторону. Торн, увиливая от размашистых ударов, подгадал момент и на очередном замахе схватил руку разбойника, которая держала меч. Зажав его кисть обеими руками и опустив ее на уровень пояса, хаатин повернулся спиной к нападавшему и с огромной силой нанес удар локтем по его испуганному лицу. Разбойник попятился назад, а клинок остался в руках у Торна и он, развернувшись, нанес резкий, сильный удар мечом в грудь, засадив его по самую рукоятку. Брум замертво

рухнул на землю.

Улыбка моментально исчезла с лиц головорезов. Они спешились. Один из них достал стрелу с медным наконечником и быстро прицелившись, выпустил ее в хаатина.

Торн, наклонив голову влево, дал стреле снова пройти в нескольких дюймах от виска и исчезнуть между деревьями. На ходу он выхватил кинжал, который был пристегнут к его ноге, и метнул в лучника. Кинжал сделал несколько оборотов в воздухе и воткнулся прямо в сердце нападавшего.

Главарь бежал за хаатином, размахивая мечом. Но тот и не думал убегать. Подбежав к мечу, Торн поддел его сапогом и подкинул вверх. Он схватил ножны левой рукой, а правой взявшись за рукоять своего меча, обнажил его и тут же, развернувшись, поставил его над головой, остановив клинок противника. Торн согнул руку в локте. Лезвия двух мечей неприятно заскрежетали друг об друга. Затем хаатин резко оттолкнул противника перед собой, а сам сделал полный оборот вокруг себя и нанес размашистый удар мечом, который рассек горло вожака. Он выронил меч и схватился за горло обеими руками. Из раны фонтаном била кровь, стекая по рукам темно-бардовыми ручейками. Разбойник опустился на колени, а затем разжал руки и упал лицом на землю.

Все произошло настолько быстро, что Джеймс не успел спрятаться за дерево. Все, что он успел сделать, это сесть на землю и закрыть голову руками. Но теперь все было кончено. Победа была за ними. Он поднялся на ноги. Ноги не слушались и будто ватные подкашивались одна за другой. Джеймс никогда раньше не видел убийств. От вида крови у него начала кружиться голова и появилось чувство тошноты в желудке. Во рту отчетливо чувствовался горьковатый привкус из-за рвотных позывов. Джеймс нагнулся вперед и оперся о колени своими руками. Он тяжело и часто дышал. Так дышали, когда задыхались, когда не хватало воздуха.

Земля, которая была укрыта травяным ковром, окрасилась в красный цвет. Торн подошел к убитому главарю, наклонился над ним и вытер свой окровавленный меч об медвежью шкуру, из которой была сшита его накидка. Затем он поднялся и, убрав клинок в ножны, пошагал к следующему поверженному врагу. С хладнокровием присущему профессиональному наемному убийце, он вытащил из его груди свой кинжал.

Джеймс с отвращением наблюдал за происходящим. Ни один мускул не дрогнул на лице хаатина, пока он совершал этот ритуал.

— Мы что, их так оставим? — Джеймс решился начать

разговор, немного придя в себя.

— Если тебе этого так хочется, то можешь их похоронить. — Торн отвечал ему, параллельно отвязывая лошадей.

— Но так же нельзя! Мы же не звери! Мы не можем их так оставить! — Джеймс почти перешел на крик.

— Они хотели убить нас! И если бы им это удалось, то они вряд ли бы удостоили нас таким почестям! — Торн взял поводья в руку и повел лошадей к месту, где находился Джеймс.

— И что, мы оставим их на съедение волкам, или другим неведомым тварям? Тебя разве не будет мучить совесть? — Джеймс пытался вызвать жалость у хаатина, но все было напрасно, Торн был непреклонен. Он, молча, протянул парню поводья и запрыгнул на лошадь. Он давно не испытывал жалости ни к кому, особенно к людям. Наоборот, у него в душе царили злоба и ненависть, но где-то глубоко все же таилось что-то человеческое — чувства, которые он похоронил глубоко в сердце. Хаатин и сам относил себя скорее к зверю, нежели к человеку. И он очень не любил моменты, когда человеческие эмоции в нем брали верх над звериной хладнокровностью.

Джеймс едва забрался на лошадь (у него еще плохо получалось) и, окинув взором, окровавленные тела разбойников, поскакал между деревьев вслед за Торном.

Они вышли из лесу и повернули на дорогу. Солнце еще не успело полностью выйти из-за горизонта. Бледно-оранжевый диск тяжело поднимался к небу, окрашивая поля в рыжий цвет. Тени всадников лениво поползли в длину и сделались уродливо большими и вытянутыми. Тучи, нахмурившись, побагровели. Они плыли куда-то на юг, в сторону, противоположную движению всадников.

Их дорога снова поворачивала к лесу. Совсем скоро пейзаж по обочинам дороги сменился с бесконечной долины на высокие и кривые деревья. Дорога была широкой, в две колеи. Влево и вправо от нее уходили маленькие тропки, которые вели в лес. На одну из них свернул Торн, и их путь теперь пролегал через чащу. Немного поплутав, они вышли к реке.

Это была горная речка. Она брала свое начало у подножия горы Иллезар и протекала через десяток деревень в провинции. За спокойный нрав и покладистый характер местные жители называли ее ласково- Ильза. Вода в ней была очень чистой и прозрачной. И даже на большой глубине можно было разглядеть дно.

Всадники спешились и подвели лошадей к водопою. Те жадно глотали воду и довольно фыркали. Торн достал из привязанного к седлу мешка жестяную флягу средних размеров. Он зашел в

реку и опустил флягу в воду. В этом месте река была не глубокая. На ее середине вода едва доставала до колен. Сквозь ее толщу проглядывалось каменистое дно.

Немного передохнув, путники перешли реку вброд и отправились дальше. Джеймс долго молчал. Он был в обиде на Торна за то, что он не послушал его. Джеймс был слишком юн и не понимал некоторых происходивших вещей.

Торн в том злополучном эпизоде с разбойниками показался ему слишком жестоким и безжалостным. Ему казалось, что достаточно было неплохой трепки, чтобы эти трусливые бандиты разбежались в разные стороны. Зачем же надо было их убивать?! Эти мысли крутились в голове Джеймса почти на протяжении всего оставшегося пути до Стоунхилла и не давали ему покоя. И он демонстративно молчал, как это делали многие подростки в его возрасте, давая хаатину понять, что он был на него в обиде.

Торну же это было только на руку. Он не любил пустые разговоры, в основном потому, что просто не привык к ним. Ему не с кем было говорить. Все его общение ограничивалось односложными фразами, которыми он перекидывался с купцами, когда хотел что-либо купить или продать. Он знал, что поступил правильно в той ситуации. Отпусти он их на все четыре стороны, разбойники не отстали бы и преследовали их до последнего, создав немало проблем. Они сами выбрали свой путь. Хаатин ведь предлагал им уйти по-хорошему, но они отказались. Торн считал, что совесть его была чиста, но объяснять все это Джеймсу он не хотел. Да и какая ему разница, что подумает о нем шестнадцатилетний мальчишка.

До Стоунхилла оставалось совсем немного. Всадники немного сбавили ход. Джеймс понял, что его акция протеста не действует на хаатина. Он не мог больше молчать. У него накопилось много вопросов за время их непродолжительного путешествия. Он ни один раз приоткрывал рот, и хотел было что-то сказать, но тут же замолкал, так и не произнеся ни слова.

— Долго нам еще добираться? — нерешительно спросил Джеймс. Торн ответил не сразу и еще некоторое время игнорировал вопрос, который юноша не осмеливался повторить:

— Доберемся к утру, на рассвете будем на месте.

— А как мы найдем этого… Габриеля? — Джеймс долго вспоминал имя наследника, делая паузу на каждом слоге его имени.

— Я не знаю, — сухо протянул Торн.

— Как то не обнадеживает. Не то, чтобы я сомневался, что мы его все-таки найдем, но я думал, у тебя план какой-нибудь есть. Какая-нибудь зацепка, с чего начать поиски. Просто не хотелось

бы просить каждого Габриеля в этом городе показать нам свою шею. А то еще подумают чего. И что это вообще за имя такое девчачье! Вот Торн, это я понимаю имя! Когда его слышишь, сам невольно начинаешь выворачивать карманы и выкладывать их содержимое! — Джеймс невольно усмехнулся. — Кто тебя так назвал? Что вообще значит — Тоорн?

— Воин! Торн на ирлитском языке означает — воин.

— Что это за язык такой? — Джеймс прибавил ходу и поравнялся с хаатином.

— Это мертвый язык! — Торн тяжело вздохнул. — На нем говорили наши предки много лет назад.

— У тебя есть дом? — Джеймс внимательно смотрел на собеседника, изредка поглядывая на дорогу. Торн молчал. Вопрос юноши задел его за живое. Он нахмурил свои густые черные брови и крепко сжал поводья, которые жалобно заскрипели под его сильными руками.

— Извини, я, наверное, что-то не то спросил! — попытался исправиться Джеймс, видя, насколько неприятен был его вопрос.

— У меня был дом! — перервал его Торн. Мой народ жил в горах Тирк в селении Фейрводж, что на севере провинции Корим. После того, как хаатинов изгнали из королевства, а виновных в убийстве короля казнили, прошло много лет. Империей в те времена правил наместник Рон. Его предки были приближенными к королевской семье, и именно их династия стала управлять империей после смерти короля. Они были благосклонны к нам. Они позволили нам заниматься земледелием и скотоводством. Истории о небывалой силе и выносливости хаатинов, а также об их умении обращаться с мечом лучше всех на свете, перерастали в легенды. Мой отец, когда я был маленьким, постоянно рассказывал мне их перед сном. Он был одним из немногих в нашем роду, в чьем сердце жил дух воина. Он восхищался великими победами наших предков и презирал предателей. Они предали не только короля, они предали наш народ!

Правитель империи не мог навязать свою волю каждому ее жителю. Были и такие, которые слепо верили или хотели верить, что именно хаатины были виновны во всех бедах, которые обрушились на страну после разделения амулета королей. Они ненавидели нас и мечтали отомстить. Были и просто наемники, которые делали то, за что им заплатили.

Они пришли ночью. Фейрводж было мирным поселением и у нас не было стражников и высоченных заборов. Они без труда пробрались к деревне. Все ее жители уже легли спать к тому моменту, как сотни всадников с факелами окружили нас. Сначала они пустили в ход огненные стрелы. Они пускали их до тех пор,

пока практически каждый дом не был охвачен огнем. Затем обнажив мечи, они ринулись в деревню, добивать тех, кого не забрал огонь.

Сопротивление было ничтожным. У жителей почти не было оружия. Только охотничий лук да разделочные ножи. Что мы могли сделать против них?! Я проснулся от истошных криков и стонов горевших заживо. Наш дом стоял на отшибе, и ему посчастливилось не сгореть от пылавшей стрелы. Мать спешно собрала мои вещи в мешок и дала мне его вместе с мечом моего отца, который всегда висел у нас на стене. Она велела мне бежать и бежать быстро, не оглядываясь. Она вышла из дома вместе со мной. Я увидел отца, сражавшегося с тремя всадниками. Он хотел выиграть для меня время. Это я понял потом, а тогда мне хотелось помочь ему.

Я не хотел убегать. Я вырывался из рук моей матери, но она не пускала меня. Отец уже почти справился с теми тремя, но тут пришел он. Я не видел его лица. Лишь черный перстень на его левой руке. Он убил моего отца. Вонзил в него свой искривленный меч. Затем он перерезал горло моей матери на моих глазах. Я кинулся на него с отцовским мечом, но он был слишком тяжел. Он оставил меня в живых. И оставил напоминание о себе, — Торн указал на шрам на лице, который проходил от левого глаза до подбородка. — Я был единственным, кто выжил в ту ночь. Последним из рода хаатинов. Я поклялся отомстить за своих родителей, за свой народ! И я найду того, кто это сделал!

Джеймс был первым, кто услышал эту историю. Впервые за всю свою жизнь Торн был настолько откровенен. Он не знал почему, но ему стало намного легче от того, что он поделился с кем-то. Он как будто сбросил огромный камень, тяжким грузом, лежавший на его душе. Торн никогда и ни с кем не говорил о своем детстве, о доме, о родителях.

Джеймс слушал эту историю очень внимательно. Он как будто сам оказался в той самой деревне, на том самом месте, где незнакомец с черным перстнем на левой руке убил родителей хаатина. Джеймс отчетливо видел все происходящее у себя перед глазами. Он словно смотрел фильм в кинотеатре с местами в первом ряду. Теперь ему была понятна причина нескончаемой ненависти, которую Торн испытывал к людям.

— Сколько тебе было лет? — спросил Джеймс, выдержав небольшую паузу.

— Я был такой, как ты сейчас. Я не считаю годы. Хаатины живут дольше, чем люди и могут с легкостью дожить до трехсот лет. Но лишь единицы умерли своей смертью.

— Мне жаль твоих родителей! — Джеймс потупил взор. Он чувствовал себя виноватым за то, что заставил Торна еще раз пережить все случившееся, и ругал себя за излишнее любопытство. Торн ничего не ответил.

К концу дня, как Торн и говорил, они вышли к дороге на Стоунхилл. До него оставалось совсем немного и где-то впереди уже виднелись серые столбы густого дыма, которые вырывались из глиняных печных труб. Когда всадники подошли к городу уже совсем стемнело. На небе показался месяц, и засеяли маленькими белыми огоньками звезды. Их было так много, и они так ярко сияли, что Джеймс долго не мог отвести от них взгляд.

Не дойдя около полумили до ворот, всадники остановились. Ворота были открыты. Сам город был обнесен невысокой деревянной стеной. Он не был большим, а издали и вовсе казался совсем маленьким. Стражников у ворот не было видно. Это показалось Торну весьма странным, потому что это означало, что, либо селение было захвачено кем-то, либо их правитель был настолько самоуверен и глуп, что не позаботился об его охране. Несмотря на поздний час, по дороге, в город тянулся караван местных и заезжих купцов. Их повозки были доверху забиты заморскими товарами, которые они везли на продажу. Вслед за ними последовали и Джеймс с Торном. Хаатин натянул на голову капюшон и сказал:

— Ни с кем не разговаривай и ни в коем случае не показывай амулет! Здесь очень опасно находиться! Любой здешний пьяница воткнет тебе нож между ребер ради паршивого серебряника! Остановимся на ночлег, а утром начнем поиски этого проклятого Габриеля. Джеймс одобрительно кивнул головой.

ГЛАВА IV Приговоренные умрут на рассвете

Пройдя через ворота, Джеймс и Торн очутились на торговой площади. Прилавки и латки были уже пустыми и тянулись до самого края улицы. С нее направо и налево уходили дорожки, ведущие к маленьким домикам, в которых уже горели огоньки и готовился ужин. Торговая площадь заканчивалась высокими воротами, за которыми возвышался дворец наместника. У ворот стояла охрана. Два хорошо вооруженных солдата в латах с длинными копьями в руках. На поясе висели тяжелые мечи.

Всадники проехали до середины торговой площади, где стоял эшафот, на котором проводили казни и повернули в проулок, откуда раздавались смех и крики. Они добрались до таверны, где проезжие купцы и всякий местный сброд коротали свои вечера за кружечкой эля и пошлыми разговорами. Через дорогу, на доме, высотой в два этажа, красовалась вывеска с названием ночлежки. Но она была уже настолько старая и потрепанная, что прочитать его было невозможно. Веля Джеймсу стеречь лошадей, Торн зашел внутрь.

За прилавком дремала, подперев рукой подбородок, немолодая женщина в грязном, старом платье, какие одевали на королевский бал, лет пятьсот назад. И если бы оно сохранилось до этих времен, то, наверное, выглядело бы также. Во рту дымилась длинная трубка.

Хаатин подошел поближе, снял мешок с припасами со спины, и с силой грохнул его на прилавок. Хозяйка ночлежки испуганно дернулась и чуть не упала со стула.

— Мне нужна комната на ночь! — не давая ей опомниться, начал Торн. Женщина протяжно зевнула и открыла амбарную книгу, куда вписывала всех своих посетителей. Что-то долго листала и, наконец, произнесла:

— Комнаты заняты. Остались только общие места, — женщина взглянула на Хаатина и ехидно улыбнулась. Торн перевел взгляд на лестницу, которая вела наверх, затем осмотрел пространство слева от прилавка, где на полу лежали ровными рядами и дружно храпели две дюжины человек.

— Неужели все комнаты заняты? Может быть, у вас все же найдется для меня и моего спутника небольшая комнатушка? Видите ли, у меня очень чуткий сон и мне не хотелось бы, чтобы кто-нибудь помешал ему! — Торн развязал свой кожаный мешочек и достал что-то из него. Затем бросил на прилавок

золотую монету и внимательно посмотрел на женщину. У хозяйки от вида золота заблестели глаза. Она накрыла монету рукой и, оглядевшись по сторонам, сунула ее в глубокое декольте своего платья:

— Что же вы сразу не сказали! — лицо хозяйки расплылось в улыбке. — Специально для вас я держу наготове свою комнату. В ней как раз две кровати, они удобные. Она открыла выдвижной ящик своего прилавка, достала из него ключ и положила его перед хаатином.

— Наших лошадей нужно накормить, напоить и поставить в конюшню на ночлег! — Торн взял ржавый ключ со стола.

— Не волнуйтесь, господин, вашим лошадям подадут лучшего овса, который только найдется в Стоунхилле! Мой муж позаботится об этом.

Торн вышел во двор, где ждал Джеймс, который изрядно замерз, переминаясь с ноги на ногу, и жестом руки позвал его за собой.

Хозяйка ночлежки провела их в свою комнату. Она была довольно уютной и светлой. У стен располагались две деревянные кровати с резными спинками. Посреди комнаты стоял круглый стол. На дощатом полу красовались шкуры убитых животных. Хозяйка поставила на стол кружку с молоком и тарелку еще теплого овсяного печенья и вышла, пожелав путникам доброй ночи. Джеймс уселся на кровать и начал жадно поглощать лакомство со стола. Хаатин тем временем снял свой меч и остальное снаряжение. Он надел чужой старый плащ, висевший на вешалке у стола, и направился к выходу.

— Ты куда? — спросил Джеймс удивленным голосом.

— Схожу в таверну, узнаю местные новости. А может, и про нашего Габриеля чего услышу, — не поворачиваясь к парню, ответил хаатин. — А ты спи! Я закрою тебя ключом снаружи, чтобы глупостей не натворил.

Торн перешел через улицу и зашел в таверну, над входом в которую красовалась надпись «Хмельная застава». Внутри было накурено, от едкого табачного дыма начинало щепать глаза. Народу было много и почти все столики были заняты местными выпивохами. Но у одного стола людей было особенно много. Они окружили его и внимательно слушали рассказ какого-то мужчины с черными вьющимися волосами и густой щетиной на лице. Видимо это был купец, который вернулся из дальнего похода в северные провинции. Люди из толпы задавали ему разные вопросы, на которые он с удовольствием отвечал.

Те, кому этот разговор был не интересен, сидели поодаль и обсуждали свои темы, но толпа вела разговор так громко и

оживленно, что слышно было даже на улице.

Торн не стал задерживаться на входе и прошел к стойке. Он положил на нее две серебряные монеты и заказал кружку темного эля. Толстый, лысый мужчина плотного телосложения, который стоял за стойкой, подозрительно посмотрел на незнакомца в сером плаще и с капюшоном на голове, но потом все же взял деньги.

— Расскажи-ка нам лучше, что в мире делается! — закричал кто-то из толпы, прерывая рассказ купца. Вокруг раздались одобрительные окрики. Тот запнулся и повернул голову, вглядываясь в лица людей. Он искал того, кто задал ему вопрос, но так никого и не найдя, продолжил рассказ:

— Был я недавно в Хоркате, что на самом севере Элонии. Люди там, я вам скажу, совсем дикие! Да и места там такие, что лучше подальше держаться! Я там ни одного своего товара не продал! Совсем дикий народ! И денег они отродясь не видали!

— Да ты нам не про товар свой рассказывай, а про то, что говаривают там! — раздался снова чей- то голос. Купец снова остановился, глотнул эля из кружки и продолжил:

— А говаривают там, что Темные земли ожили! — он сделал паузу и народ стих. В трактире на мгновение воцарилась гробовая тишина. Даже те, кто обсуждал свои темы и не слушал, о чем говорят другие, замерли и повернули головы в сторону рассказчика.

— Что за глупость ты говоришь! — наконец, опомнившись, крикнул кто-то.

— Глупость, али нет, не нам с вами решать, но то, что на этих землях что- то недоброе творится — так это факт! Вон сколько тварей разных появилось в наших лесах. Солнце и то не греет, а все чаще и вовсе за тучами прячется. Еще ходит слух о том, что орки и гоблины пробудились и собирают армию, чтобы напасть на людей! А колдуны из тех мест и вовсе говорят, что век людской скоро закончится! — купец уже говорил почти шепотом, но из-за полной, пугающей тишины, которая воцарилась в трактире, его было очень хорошо слышно.

— Да брешут твои колдуны! — снова раздался голос, и толпа одобрительно зашумела.

— Да будь хоть половина из того, что ты сказал правдой, нас бы тут давно не стояло! — толпа продолжала шуметь.

— Постойте! — купец поднял руку и все снова замолчали. — Вы хотите обвинить меня во лжи? Да вы просто не замечаете очевидных вещей! Или не хотите их видеть! — он начал переходить на крик. — Война неминуема! От нас уже мало что зависит!

— Если все на самом деле так, то почему наместник ничего не предпринимает? Почему не собирает войска?

— Да он и сам вряд ли об этом знает! — уже спокойным тоном продолжил купец. — Он слишком занят войной с мятежниками и не замечает, что происходит на самом деле! А если и знает, то кроме спасения своей собственной шкуры его беспокоить ничего не будет. А о нас и явно не вспомнит! И если эти твари пойдут на нас войной, то империя падет!

— Империя пала давным-давно, когда убили короля! — люди в толпе оглянулись, в поисках того, кто взял слово. Это был седой ослепший старик, опирающийся на кривой посох. — Когда амулет королей был утерян, а Верховные маги исчезли, эпоха процветающей и здравствующей Элонии медленно пошла к закату. Мы потеряли могущественных друзей — эльфов! Мы разобщили провинции между собой! Это мы разрушили империю изнутри! И нам некого больше винить в своих бедах! — старик развернулся и медленно поковылял к соседнему столику. Народ проводил его немым, вопросительным взглядом и продолжил обсуждение затронутой темы.

— Старик прав! Наместнику и дела нет до нас с вами! Только и знает, что налоги собирать! — сказал неизвестный мужчина, держа кружку с пивом, и размахивая ей.

Наместник не одобрял захват территорий, но пока местные правители исправно пополняли казну на неплохую сумму, он закрывал на это глаза. Ему было выгоднее собирать дань с местных властей. А как уж они собирали дань с населения, ему было попросту не интересно. И зачастую крестьяне восставали против властей и требовали снизить непосильные налоги. Особо непокорных казнили на площадях, на глазах всех жителей, которых насильно пригоняли на казнь и заставляли смотреть в назидание. Зачастую жгли дома или забирали детей, пока долг не будет погашен.

Многие уходили в леса и объединялись в группы. Называя себя ополчением, они грабили повозки с золотом и другими ценными предметами, которые принадлежали правителям. Убивали наемников, а иногда даже свергали их, устанавливая тем самым свою власть — власть народа. Местные власти называли их мятежниками и казнили любого, кто хотя бы был знаком с кем-нибудь из них.

— Если на нас хотят напасть орки, то надо собирать армию! — протянул вдруг пьяница за соседним столом, икая и запинаясь на каждом слове.

— А где ее взять то — армию? — усмехнулся купец. — Воины Света остались в легендах, хаатины давно уничтожены, а на

наемников надежды никакой!

При упоминании расы хаатинов по толпе прокатилось недовольное бурчание. Кто-то даже плюнул себе под ноги.

— Да они от одного вида этих зеленокожих тварей разбегутся в разные стороны!

— А как же королевское войско? Куда оно подевалось?

— Наместник распустил его. Десятки тысяч хорошо обученных солдат! Ему было проще нанять всякий сброд к себе в охрану, чем содержать настоящих воинов! За такие слова он мог поплатиться своей головой, если бы стражники его услышали. Но купец видимо не боялся этого и говорил без страха в голосе. Чего не скажешь об окружавших его людях, старавшихся так открыто не критиковать власти.

— И то правда, знатное войско было. Со всех провинций туда молодых сгоняли, да учили много лет. Только оно-то сейчас без надобности. Войны мы ни с кем не ведем, и знается, не собираемся. Что времена тяжелые это верно! В этом году урожая совсем не будет. Овощи на грядках сами по себе сохнут. Что за напасть такая приключилась? Если и дальше так пойдет, так все с голоду перемрем!

— Дальше будет только хуже! Сама природа нам знак дает о том, что мертвые земли живые заражают, — купец поднял указательный палец вверх и немного покачал им. — Колдовство это! Магия черная! И то, что за ней скрывается, живому существу неведомо! Хотел бы я думать, что все это сказки да уж больно много событий произошло не хороших!

— А что по этому поводу в столице говорят? — раздался звонкий голос, походивший на голос ребенка.

— Не довелось мне побывать в столице! — выдохнул купец, и, допив очередную кружку эля, стукнул ею о стол. Затем достал из кармана трубку и продолжил:

— Но по дороге в Стоунхилл я наткнулся на одну интересную деревушку. А интересна она была тем, что не было в ней ни души! — рассказчик снова перешел на шепот, чтобы нагнать жути на слушателей. — Мы заходили в дома, кричали во весь голос, но нам никто не отзывался! И я было, уже подумал, что хутор этот давно заброшен, но увидел в одном доме еще тлеющие угольки в камине! Скотина без присмотра расхаживала по деревне, а собаки забились в свои будки и жалобно скулили, как будто увидели что-то невероятно страшное! Все походило на то, что люди в спешке покидали свои дома. Что-то выгнало их оттуда. Но что? В нескольких милях от этой деревни располагался город Парим, в котором мы останавливались на ночлег. Так вот, там говаривали, что минувшей ночью видели в небе странные красные лучи,

походившие на молнии, как раз со стороны той злополучной деревни и слышали жуткие крики, доносившиеся с тех краев!

— Никак сам Темный Лорд пожаловал! — перебил купца чей-то насмешливый молодой голос. Толпа взорвалась дружным хохотом. Многие разошлись по углам, и расселись за столы, продолжая заразительно смеяться над байками рассказчика. Но некоторые все же остались стоять в кругу вокруг стола. Они терпеливо ждали, когда прекратится смех и продолжится рассказ.

Рассказчик сердито хмурил брови и разглядывал тех, кто над ним смеялся. Затем окинул взглядом тех, кто остался, сделал пару затяжек из раскуренной трубки и заявил:

— А еще колдуны в тех местах говаривают… — он сделал небольшую паузу и подался чуть вперед, — будто Артазар вернулся! В трактире снова воцарилась мертвая тишина. Но на этот раз было слышно даже, как пищат мыши в кладовке трактирщика. Можно было услышать даже биение своего сердца. Да что там, храп из ночлежки, что через дорогу, был так отчетливо слышен, что казалось, будто он раздавался у тебя прямо под ухом. Пламя свечей, украшавших деревянные люстры, подвешенных к потолку цепями, вдруг хаотично затрепеталось. Все присутствовавшие обратили на это внимание и дружно посмотрели наверх. Рассказчик, наблюдая за всем происходящим, расплылся в улыбке и с довольным видом докуривал трубку.

— Да быть того не может! — раздался наконец испуганный голос одного из выпивох. Откуда же ему взяться, если он сгинул давным-давно?! Своими словами он будто вывел окружающих из транса и те снова загалдели во весь рот на разные темы.

— Уж больно ты складно говоришь для обычного купца! — подозрительным голосом сказал сидевший за соседним столиком седой мужчина с ровно остриженной бородой. Ты не из мятежников ли случайно? А то ведь мы мигом пристроим тебя на ночь в городскую тюрьму!

— Да ты чего такое говоришь! — рассказчик мигом протрезвел и отложил трубку в сторону. — Да если б я… да зачем мне нужно выдавать себя за кого-то?

— Да откуда ж я знаю зачем? — перебил он его. — Зачем ты народ пугаешь? У нас и без того жизнь не легкая, а тут еще ты со своими рассказами!

— Да я ни единого слова не придумал! — продолжал оправдываться купец. — Я рассказал то, что услышал и увидел своими ушами и глазами.

Тут в трактир зашли два стражника в легких кожаных доспехах и с широкими мечами на поясах. Обитатели трактира дружно повернулись и оглядели новых гостей с ног до головы.

Они были похожи друг на друга, словно братья близнецы. Оба были небольшого роста. Огромные пивные животы еле-еле закрывали кожаные латы, у которых на спине отсутствовала шнуровка, за явной ненадобностью. Широкие лица были на редкость гладко выбриты. А маленькие бегающие глазки и высоко поднятые тонкие брови, делали выражение их лиц настолько глупым, что нельзя было смотреть на них без смеха.

Осмотревшись и найдя почти свободный стол, один из стражников поднял вверх руку и крикнул человеку, стоявшему за стойкой:

— Нам как обычно! После этого они уселись на стулья, сняли легкие остроконечные шлемы и принялись что-то обсуждать между собой. Все тут же отвернулись, и в трактире воцарилась прежняя атмосфера. Люди, вконец потеряв интерес к рассказам купца, пили и о чем-то разговаривали. Кто-то сильно смеялся, кто-то кричал, доказывая что-то своему собеседнику, а кто-то, уже изрядно набравшись, спал прямо за столом.

В отличие от них, Торн спокойно продолжал сидеть за стойкой и медленно потягивал из кружки эль. Его очень заинтересовала история, рассказанная купцом, но он не показывал этого и не встревал в разговор. И если бы эти люди, которые осмеивали рассказчика, знали то, о чем было известно хаатину, то они вряд ли бы сочли эти истории байками.

Торн напряг память. Он уже не раз слышал от людей про жуткие красные молнии, сверкающие в небе, когда на нем не было ни облачка. И ни разу ему не удавалось поговорить с очевидцами тех событий. Что следовало за теми злополучными молниями? И кто такой Артазар? Вопросов становилось еще больше. Но Торн не стал забивать себе голову и, вспомнив, зачем он вообще пожаловал сюда, поманил рукой трактирщика:

— Скажи-ка, друг, ты ведь многих знаешь в этом городе, так? Трактирщик одобрительно кивнул головой, протирая при этом стойку тряпкой.

— Я ищу своего друга, — продолжил хаатин, — мне сказали, что он осел в Стоунхилле. Его имя Габриель. Тебе оно что-нибудь говорит? Трактирщик, услышав имя, замер как вкопанный. У него был испуганный вид, и Торн сразу это заметил. Развязав свой мешочек, он аккуратно положил на стойку золотую монету. Но этим он не сильно заинтересовал собеседника. Тот вытянул шею и посмотрел из-за спины хаатина на двух стражников, жадно глотавших пиво.

— Друга говоришь, ищешь? — с издевкой переспросил трактирщик и перевел взгляд на Торна.

— Друга! — настойчиво подтвердил Торн. — Так знаешь ты

его или нет? Собеседник накрыл рукой золотую монету и, оглядываясь по сторонам, подвинул ее к себе.

— Я много кого знаю, но вот с другом твоим я не знаком лично. Не представилось такой возможности. А если бы представилась, то я бы уже тут не стоял! Торн мало что понял из его слов, но не стал уточнять, что тот имел в виду.

— Ты знаешь, где я могу его найти?

— Я нет. Но я знаю того кто знает! Но почему я должен верить тебе? Откуда мне знать, что ты не шпион? — трактирщик выпрямился во весь рост и сделал шаг назад.

Торна очень разозлило сказанное. Он нахмурил брови и крепко сжал губы. Его ноздри раздувались от гнева, и он смотрел на собеседника таким тяжелым и испепеляющим взглядом, что тому казалось, что это последнее, что он видит в жизни. Но Торн быстро взял себя в руки и, успокоившись, ответил:

— Если бы я был имперским шпионом, а тот о ком я расспрашивал, совершил что-то плохое, и ты бы знал, как его найти, то я сейчас уже наблюдал бы, как ты болтаешься на виселице. И для этого ты мне уже сказал достаточно! Трактирщик понял, что сказал глупость и что-то невнятно промычал себе под нос.

— Так где мне найти моего друга? — еще раз задал вопрос хаатин.

— Флорин. Кузнец. Он знает, где ваш друг! Его кузница находится в восточной части Стоунхилла. Город маленький — найдете без труда! — почти шепотом произнес трактирщик и исчез в кладовой.

Ржавый ключ сделал несколько оборотов в замочной скважине и дверь со скрипом отворилась. Вошел Торн, тихо поскрипывая половицами.

Джеймс лежал на кровати на животе и сладко посапывал при каждом вдохе. Торн снял плащ и сел на краешек кровати, напротив той, в которой спал Джеймс. На столе все также стояла широкая глиняная тарелка. На ней лежала ровно половина того печенья, которое принесла им хозяйка комнаты. Они уже остыли и почти засохли и не источали того приятного аромата, который исходил от них, когда они были свежими. В кружке было налито молоко. Торн слегка, почти незаметно улыбнулся. Впервые человек, пусть и из другого мира, проявил внимание по отношению к нему.

В сердце у него что-то кольнуло. Как будто от него откололся кусочек льда, открыв проход хлынувшим в него чувствам. Торн улегся на кровать и еще долго смотрел в потолок, пока дремота, наконец, не охватила его. Хаатины спали очень мало и очень

чутко. Любой шорох мог разбудить их. И что еще примечательно, они никогда не видели сны. Они были всегда на чеку, всегда были готовы к любым ситуациям.

Когда они вышли из ночлежки, солнце было уже высоко. Торн договорился с хозяйкой, что их лошади пока побудут у нее, и за соответствующую плату она будет ухаживать за ними. Поинтересовавшись у нее как пройти к кузнице, путники вышли на улицу.

Путь их лежал через рыночную площадь в квартал мастеровых. На площади стоял дикий шум. Людей было столько, что протиснуться сквозь их ряды казалось было невозможно. На прилавках мелькали различные товары: от редкого оружия до изысканных ювелирных украшений. Купцы зазывали народ к своим прилавкам, всячески нахваливая свои товары. Кто-то покупал, кто-то приценивался, кто-то просто глазел на диковинные вещи. В толпе сновали и стражники с длинными копьями. Их было на удивление много, и ходили они всегда парами. Джеймс, раскрыв рот от удивления, смотрел по сторонам. Ему все было в диковину, и он старался не упустить ни одной детали.

Хаатин, натянув капюшон на голову, смотрел себе под ноги и подгонял вечно отстающего Джеймса. Они миновали рынок не замеченными и уже направлялись прямиком к кузнице, как увидели поблизости клубы прозрачного белого дыма, расстилавшегося над кварталом едким одеялом. Дойдя до места, где, по словам трактирщика должна была располагаться кузница, они увидели пепелище. Она выгорела дотла и, видимо причиной пожара был поджог, судя по многочисленным потухшим факелам, которые валялись рядом с кузницей. Интересно кому нужно было поджигать ее? А может кузнец кому-нибудь насолил?

Несмотря на то, что горела она довольно долго, никто и не собирался ее тушить. Люди проходили мимо, как будто ничего не случилось. Да и самого кузнеца нигде не было видно. А между тем внутри здания что-то сильно затрещало и на землю, издав неприятный слуху свист, рухнула последняя балка. Торн подошел поближе, велев Джеймсу оставаться на дороге. Хоть стены кузницы и устояли, но могли сложиться в любой момент. Их сильно потрепало огнем, и выглядели они жутковато, измазанные сажей и копотью. На покореженном косяке висела обожженная деревянная дверь, на которой Торн увидел некий символ. Символ этот был вытесан ножом и походил на перевернутый треугольник правильной формы.

Джеймс, стоя на дороге, тоже разглядел какой-то знак на двери, но не видел, что именно было изображено. Он попытался

прищурить глаза, чтобы сфокусировать зрение, но тщетно. Но Джеймс не стал подходить ближе, так как Торн велел ему оставаться на месте. Вместо этого он перешел через дорогу и направился к соседнему дому, где стоя за деревянным столом, чистил рыбу мужчина в льняной рубахе и длинном запачканном фартуке.

— Здравствуйте! — выкрикнул Джеймс на ходу. — Вы не знаете, что случилось с кузницей? Он немного поморщился, понимая, что несколько неправильно задал вопрос. «Сгорела она! Что с ней еще могло случиться?» — подумал про себя Джеймс, и хотел, уже было перефразировать вопрос.

— Знамо чего. Сожгли ее вот и всего делов! — слова рыбака звучали так, как будто ничего необычного не произошло.

— А почему? Кто ее сжег? — растерявшись, спросил Джеймс.

— Да знамо кто — стражники! Он ковал оружие для мятежников. А стало быть, и сам был одним из них, а с мятежниками у стражи разговор короткий!

— И что же теперь с ним будет?

— А ничего не будет. Повесят либо голову отрубят. Зависит от того, чего нашему правителю захочется более. Тут подошел Торн с выломанной из двери дощечкой и показал ее рыбаку.

— Что это за символ? — спросил Торн, тыкая пальцем на перевернутый треугольник. Рыбак посмотрел на него безразличным взглядом и ответил:

— Это символ мятежников. Они чтят своих павших товарищей таким образом. Перевернутый вверх головой треугольник — символ сверженной власти, перевернутых устоев и всякой прочей ерунды. Какая разница, кто будет у власти?! Народ лучше жить не станет! А это, — рыбак показал пальцем на дощечку, — с жиру бесятся! Пошли бы лучше на охоту или поле пшеницей засеяли! А так…тьфу. Торн еще раз осмотрел дощечку и бросил ее на землю.

— И что нам теперь делать? — спросил Джеймс, переведя взгляд на Торна. — Где нам теперь его искать? Торн не успел ничего сказать в ответ, как неподалеку раздался переливистый вибрирующий звон. На него, точно околдованные его манящими позывами, толпами шли люди, бросая все свои дела. Джеймс не понимал, что происходит и смотрел на этих людей с нескрываемым удивлением. Толпу людей замыкали пять стражников, которые внимательно следили за тем, чтобы ни один житель не сбежал.

— Ну а вы чего стоите? — прикрикнул самый высокий и крупный из стражников. — Вам что, особое приглашение нужно? Или вы тоже хотите? Так я это сейчас мигом устрою! Джеймс не

понимал, что имел в виду стражник, но проверять не хотел и они с хаатином присоединились к толпе и дружным стадом двинулись обратно к рынку.

Высыпав на рыночную площадь, толпа остановилась. Звук, который манил их, исходил от небольшого медного колокола, повешенного на высокий столб. За его язык был привязан длинный канат, спускавшийся до земли. У основания столба стоял один из стражников, крепко сжимавший канат в руке.

Народу было довольно много и Джеймсу приходилось высоко вытягивать шею, чтобы хоть что-то увидеть. В центре площади стояла высокая деревянная трибуна. На ней, нетерпеливо похаживая взад вперед, находился мужчина. Он был жутко толстым. Непонятно было, как его короткие ноги не просто выдерживали его, но и передвигали с места на место. Лица не было видно, потому что его закрывало что-то вроде черного мешка с прорезями для глаз и рта, надетого на голову. Прямо посреди трибуны стоял широкий низкий пень, из которого торчало лезвие секиры, напоминавшее полумесяц.

Рядом с трибуной расположились еще шесть или семь стражников. Они были повернуты спиной к эшафоту и следили за людьми в толпе. Чуть поодаль простиралась невысокая стена, состоящая из бревен с обтесанными в виде кольев вершинами, разделяющая рыночную площадь с дворцовой.

Прямо напротив трибуны за забором возвышалось ложе для знатных особ с несколькими стульями, обтянутыми красной бархатистой тканью. В одном из них сидел правитель Стоунхилла, остальные были свободны. Джеймсу не видно было его лица, лишь маленький едва различимый силуэт. Он попытался протиснуться сквозь толпу и подобраться поближе, чтобы все как следует разглядеть, но Торн остановил его, крепко схватив за руку.

Звон колокола неожиданно стих. Ворота, которые располагались под дворцовой трибуной, отворились и из них вышли пять человек. Четверо стражников, двое из которых вели под руки человека с мешком на голове, а остальные держались позади. Все четверо были экипированы в однотипные кожаные доспехи, отличающиеся только оттенком цвета. На поясах виднелись широкие длинные мечи, вдетые в короткие ножны, закрывавшие только часть играющего солнечными бликами лезвия. Человек, которого они вели, был закован в цепи. На одетой, на нем рубахе просматривались алые пятна засохшей крови. Босые ноги медленно шаркали по земле, цепляясь за все, что попадалось на пути. Стражники, идущие позади, то и дело подпихивали узника за спину.

Зайдя на эшафот, один из стражников снял мешок с головы заключенного. Тот прищурился и резко мотнул головой от ярких солнечных лучей, бивших ему в лицо. Затем, немного привыкнув к дневному свету, открыл глаза и вытянулся во весь рост.

Теперь Джеймс был точно уверен, зачем его и еще сотни таких же, как он, пригнали на площадь. Их привели на казнь! Привели для того, чтобы посмотреть, как казнят другого человека. Более того, этим человеком, скорее всего и был тот самый кузнец, которого они искали. И с его смертью разорвется последняя ниточка, связывающая их с наследником. Неужели ничего нельзя было сделать? Неужели нельзя было остановить их? Он с надеждой взглянул на хаатина.

Торн не смотрел, что творится на трибуне. Он прекрасно знал, куда их привели, и давно догадывался, кого собираются казнить сегодня. Сейчас его больше волновала их с Джеймсом безопасность, поэтому он следил за снующими по толпе стражниками и старался ничем не привлекать к себе внимания. Стоя здесь, окруженные десятками вооруженных людей, они находились в большой опасности. Вдруг кто-то сдал их? Трактирщик, который поведал Торну о кузнице или тот рыбак, у которого они расспрашивали про мятежников. Тревожные мысли крутились у него в голове, и он на всякий случай осмотрел пути отхода. Но ни один из них не показался хаатину безопасным!

С узника сняли кандалы и отбросили в сторону. Он, не торопясь убрал руки из-за спины, растирая онемевшие от пут запястья, и продолжал пристально вглядываться в лица людей. Один из стражников обнажил меч и ткнул им в спину кузнеца, чтобы тот не попытался бежать. Другой стражник ловким движением руки достал привязанный к поясу свиток и, развернув его, начал громко читать приговор:

— За помощь мятежникам, коей является изготовление колющего и режущего оружия, предназначенного для смертоубийства невинных граждан, а также представителей закона и власти; за отказ выдать местоположение преступников и назвать их имена правосудию; за укрывательство и пособничество лицам, находящимся в розыске этот человек приговаривается к смертной казни! Стражник замолчал и, свернув свиток, сунул его за пазуху. Затем он повернулся к заключенному, который слушал приговор, гордо задрав голову, и спросил:

— У Вас есть, что сказать? Последнее слово? Кузнец повернул голову и с глубоким презрением взглянул в глаза того, кто только что прочитал ему смертный приговор. Затем он вдруг громко рассмеялся и плюнул стражнику на его кожаные поножи.

— Привести приговор в исполнение! — с нескрываемым

удовольствием произнес тот, и, развернувшись, быстрым шагом сбежал с эшафота. Палач плюнул себе на руку и, крепко взявшись обеими руками за рукоять секиры, тяжелым рывком вытянул ее из пня. Стражники взяли осужденного под руки и подвели к плахе. Ударив его по ногам, они уложили не оказывающего сопротивление кузнеца на место, куда раньше была пристроена секира.

Джеймс закрыл глаза и отвернулся. Он не хотел видеть то, что сейчас должно было произойти. Он старался даже не думать об этом. На мгновение ему показалось, что все закончилось и Джеймс, приоткрыв левый глаз, невольно взглянул в сторону трибуны. Он увидел, как нависавшая над головой кузнеца секира, рассекая воздух и издавая странный свист, всей своей неимоверной тяжестью летела вниз. Джеймс снова закрыл газа. Раздался глухой хлопок. Люди в толпе дружно ахнули и замолкли. Все закончилось. Правосудие свершилось и людям разрешили разойтись по своим делам.

Совсем скоро на площади, среди снующих в разные стороны жителей, остались стоять на месте только две фигуры. Торн, заметив это, схватил за руку Джеймса и поволок в сторону. Да куда угодно, только бы подальше от этого места. В воздухе пахло кровью. Собаки с близлежащих домов, точно обезумевшие, метались на цепи, громко лая в пустоту.

На рынке, как ни в чем не бывало, царила прежняя суета. Купцы все снова и снова повторяли свои зазывные фразы, и люди, словно околдованные чарами, шли на этот зов. Торн с Джеймсом шли быстрым шагом, и, дойдя до первого же проулка, скользнули в него, с ловкостью змеи уклоняясь от встречных прохожих. Улица была очень узкой, настолько, что, казалось если вытянуть руки в стороны, то можно было прикоснуться кончиками пальцев к деревянным дверям домов, располагавшихся через дорогу друг от друга.

— Что мы теперь будем делать? — смотря себе под ноги, спросил Джеймс. Торн молчал, обдумывая их дальнейшие действия. А действительно, что же теперь делать? Вернуться к трактирщику и расспросить его с пристрастием? Или, подкупив кого-нибудь из стражи, добыть информацию у него? Как насчет тех двух, которые любили бывать вечерами в «Хмельной заставе»? Может быть, они что-то знали? Вопросы один за другим всплывали в голове хаатина, но четкого, однозначного ответа на них не нашлось.

— Может поспрашивать у прохожих? Вдруг кто-нибудь подскажет, где нам искать Габриеля? Или хотя бы знает того, кто подскажет! — не дожидаясь ответа хаатина, предложил Джеймс.

Торн, не услышав того, что говорил ему парень, остановился и огляделся по сторонам. Он заметил, что люди, в большом количестве встречавшиеся им на пути, вдруг куда-то исчезли. Улица была совершенно пуста. Насторожившись, Торн некоторое время вслушивался в пустоту, а затем, снимая капюшон с головы, прокричал Джеймсу:

— Уходим! Скорее!

Они перешли на бег. Хаатин попытался на ходу выхватить свой меч, но не успел. Впереди, из проулков выбежали стражники, преграждая им путь. В руках у них были длинные копья с острыми металлическими наконечниками.

Торн резко остановился и, схватив Джеймса за рукав, поволок его за собой в противоположную сторону. Но там их уже поджидали лучники, выстроившиеся в две шеренги. Тетива их небольших по размеру луков была крепко натянута. Два десятка стрел своим смертельным жалом смотрели на Джеймса и сопровождавшего его Торна. Они остановились.

Джеймс тяжело дышал. Адреналин в большом количестве будоражил кровь, придавая лицу красноватый оттенок. Сердце колотилось с бешенной скоростью, пульсирующими потоками отдавая в весок. Во рту пересохло, а побелевшие от недостатка влаги губы, покрылись глубокими трещинами.

Торн был спокоен. Даже когда люди с оружием в руках обступили их, образовав кольцо, на его лице не дрогнул ни один мускул.

Расталкивая своих подчиненных, в центр получившегося кольца вышел начальник охраны. Высокий, крупный, плечистый, он показался Джеймсу таким огромным, что он сам на его фоне выглядел жалким насекомым. Да и Торна он был выше на целую голову. Доспехи этого могучего воина были наполовину кожаными, а на другую половину из тонкого серебристого металла. Звали его Брог и он был очень жестоким и безжалостным. И если бы маленький ребенок взял что-нибудь чужое на его глазах, то он, не задумываясь, отрубил бы ему руку.

— Хаатин? Здесь? Не может быть! — низким басом сказал Брог, разглядывая густые, серебряные волосы Торна, которые были отличительной чертой их рода. Он смотрел на хаатина, словно на диковинного зверя, расхаживая вокруг него. Затем достал нож и приставил его к горлу Торна.

— Всегда мечтал освежевать такого как ты! — угловатое лицо Брога расплылось в широкой улыбке. — Я всегда жалел о том, что родился не в то время, когда наши братья вырезали весь ваш проклятый род! Я бы с радостью присоединился к ним! И возможно тогда ты не стоял бы сейчас здесь. Брог громко

расхохотался, поигрывая ножом у лица хаатина.

— Что тебе мешает сделать это сейчас? — спокойным голосом заявил Торн. — Сразись со мной в честном бою, и мы увидим, чья возьмет! Ты же воин! Неужели ты допустишь, чтобы последний из рода хаатинов умер от руки палача, а не от твоей?

Улыбка Брога превратилась в устрашающий оскал. Он убрал нож от лица Торна, пристально вглядываясь ему в глаза. Правая рука гладила рукоять меча. Убедительная речь хаатина дала результат, и Брог был полон решимости вступить с ним в бой.

— Брог! Остынь! — послышалось позади. Один из стражников вышел из оцепления и положил руку на плечо начальника охраны. — Тебя накажут за самоуправство! Ты же знаешь, что он этого не любит! Брог со злостью одернул руку с плеча и, не переставая сверлить взглядом хаатина, отступил назад.

— Увести их! — приказал Брог, кусая губы от злости. Торн разочарованно покачал головой. Он понимал, что это был их единственный шанс на спасение, шанс вырваться из оцепления и убежать. И сейчас он растаял как маленькая снежинка, упавшая на теплую ладонь. Если бы хаатин был один, то, не раздумывая, вытащил бы свой меч и попытался дать отпор стражникам, но сейчас он был в ответе не только за свою жизнь, но и за жизнь Джеймса, который с надеждой смотрел в глаза Торна, как бы умоляя что-нибудь предпринять. Но вместо этого хаатин безнаказанно позволил снять с себя снаряжение, поглядывая в сторону лучников, все еще державших их на прицеле.

А тем временем стража, обыскав Джеймса, сорвала с его шеи, висевший на ней амулет. Хоть юноша и сопротивлялся этому, но сделать ничего не мог. Найденную вещицу передали начальнику охраны, который внимательно осмотрев ее, убрал к себе за пазуху.

Задержанным завязали руки за спиной веревкой и отвели в городскую тюрьму, располагавшуюся за воротами, недалеко от дворцовой площади. Дворцовая площадь, в свою очередь, примыкала к рыночной и отделялась от нее высоким деревянным забором. В конце площади находился дом правителя Стоунхилла. Высотой в два этажа он не был похож на дом знатного человека. В его серых, глиняных стенах было мало окон, а над соломенной крышей возвышалась кирпичная труба, из которой клубами валил черный дым. Но стоит заметить, что дом хоть и был всего в два этажа, он при этом занимал огромную территорию.

По краям от дома раскинулись одноэтажные казармы, в которых жили наемные солдаты. А чуть дальше, вдоль самой стены, простирались конюшни, оружейная комната, подсобные помещения, склады и еще множество мелких построек. Между

этими постройками располагалась каменная лестница, ведущая в подвал. Это была тюрьма, куда и привели только что пойманных преступников.

В ней было очень сыро и холодно. С потолка в нескольких местах капала вода. Из освещения были только два или три факела, висевшие на стенах. Дневной свет сюда не проходил. Джеймс поежился от внезапного холода и наморщил нос от отвращения. В подвале ужасно воняло гнилью. К этому запаху, казалось, было невозможно привыкнуть. Слева от лестницы на стуле, закинув ноги на стол, посапывал тюремщик. Борг с размахом швырнул снаряжение хаатина на стол, от чего тот сразу вскочил на ноги и вытянулся по струнке, сложив руки по швам.

— Хватит дрыхнуть! Тебе не за это платят! — прокричал начальник охраны. — Принимай пополнение! Да следи за ними получше! А с этого, — он ткнул пальцем в сторону Торна, — и вовсе глаз не спускай! А если вдруг сбежит, то ты сам окажешься на его месте! В той же камере! Борг еще раз окинул взором, приведенных им преступников и вышел наружу.

Тюремщик взял со стола ключи, снял со стены факел и махнул стражникам, веля идти за ним. Он долго шел вперед, освещая каждую камеру, которые находились по обе стороны коридора друг напротив друга. Дойдя до самого конца, он остановился. Затем открыл дверь одной из камер, куда, сняв с рук веревку, втолкнули Джеймса.

Куда увели Торна, он не видел, но судя по звонкому лязгу жестяной решетки и визгу заржавевших запоров, его поместили неподалеку. Джеймс вплотную прижался к решетке, пытаясь разглядеть, в какую именно камеру посадили его спутника, но кроме пугающей темноты он ничего не видел.

Тюремная камера была очень маленькой: шесть футов в длину и примерно девять в ширину. С низкого потолка свисали три нити железных цепей, которые раскачивались из стороны в сторону из-за сильного сквозняка. «Откуда в подвале ветер?» — подумал Джеймс. Стены, пол, потолок — все было выполнено из серого камня. Кровати не было. Вместо нее на полу была раскидана солома. В углу стояло ведро для естественных потребностей.

Джеймс ходил по камере из угла в угол. Мысли бурным водопадом метались у него в голове. Перед глазами то и дело всплывали картинки из прошлого. Он снова и снова переигрывал сценарий их задержания. Правильно ли поступил Торн в этом случае? Может, им лучше было бы разделиться и встретиться в заранее назначенном месте? И кто же заложил их стражникам? Вопросы не давали ему покоя, но главный вопрос он все же

старался опускать и не обдумывать его — что теперь с ними будет? Когда же он сам собой всплывал в голове Джеймса, он старался, не отвечая на него, быстро переключиться на что-то другое.

В камере было холодно. Джеймс растирал руки, стараясь хоть как-то согреться. Изо рта шел пар. Ему казалось, что его заперли в морозильной камере и поставили ее на полную заморозку. Устав безрезультатно бороться с холодом, он сел на приготовленную солому и оперся спиной на стену.

— Эй! — послышалось из темноты. Джеймс подумал, что ему это просто показалось, и он на мгновение закрыл глаза.

— Эй! — уже громче раздался чей-то голос. — Как тебя зовут? Джеймс открыл глаза и, всматриваясь в темноту, отрывисто прошептал:

— Меня? Меня зовут Джеймс. Он уже было начал думать, что сошел с ума и разговаривал сам с собой, но голос снова ответил ему:

— А меня Мампет! Очень приятно познакомиться! За что тебя посадили?

— Я. я не знаю, — честно признался Джеймс. — А тебя? Юноша был рад этому незатейливому общению. Ему нужно было отвлечься от обуревающих его сознание мыслей.

— За воровство, — почти шепотом ответил Мампет. — Моей семье нечего было есть и я зарезал барана, который принадлежал местному правителю. Я не знаю, как они узнали об этом, но на следующее же утро пришли и арестовали меня.

— Ты давно здесь сидишь? — спросил Джеймс и пододвинулся поближе к решетке.

— Очень давно! Я не могу сказать точно, но прошло много дней. Или месяцев, — задумчиво ответил Мампет. — В этом месте быстро теряешь чувство времени. Ты не видишь ни солнца, ни луны, ни звезд. Его слова звучали с оттчаиньем. Он уже и не надеялся вновь увидеть своих родных и близких. Джеймс, понимая это, не стал продолжать расспрос и замолчал.

— Ты ведь не местный так? — продолжил Мампет, немного помолчав.

— Да, — сухо ответил Джеймс.

— Я так и думал! — радостно прикрикнул Мампет. — А знаешь, почему этот город, в котором из камня сделан только этот проклятый подвал, называется Стоунхилл?

Джеймс беззвучно мотнул головой, как будто его собеседник находился с ним в одной камере. А тот, не дожидаясь ответа, продолжил:

— Дело в том, что раньше, недалеко от города располагалась

каменоломня. Она была самой крупной в провинции. Отсюда отправляли камень даже в столицу. На ней трудилось почти все мужское население города. Из этого камня возводились прекрасные дворцы, неприступные крепости, создавались величественные скульптуры. И все бы ничего, если бы в один прекрасный день, колонна, сделанная из нашего камня, не придавила главного архитектора короля, — Мампет усмехнулся и продолжил. — После этого случая каменоломня была закрыта, так и не успев добыть камня для города. Так и получилось, что временные деревянные дома, возведенные для населения, остались по сей день. А про каменоломню давно забыли, да и нет теперь до нее дела никому.

— Эй, вы там, заткнитесь! — послышался издали голос тюремщика. — Или я сам заткну вас!

Наступила тишина. Такая зловещая и пугающая, что казалось, будто капли воды, стекавшие с потолка, огромным молотом били по голове. Этот звук был единственным, не считая мышиного писка, не замолкавшим ни на минуту. Как стрелки часов, он точно выбивал время, с ровным, одинаковым интервалом. Может быть раз в минуту, или два раза, а может каждую секунду? Каким бы ни был этот интервал, через определенный промежуток времени капля воды срывалась с потолка и настойчиво бомбардировала окрестности каменного пола. Джеймс даже закрыл уши, чтобы только не слышать этот звук. Но это не помогло. Какой-то неведомой вибрацией он все же доносился до юноши и мелкой, осязаемой дрожью пробегал по всему телу. Так можно было сойти с ума!

Джеймс попытался отвлечься и вспомнить свой дом, своих родителей, свою любимую бейсбольную команду, но все было тщетно. Этот звук въедался в мозг. Отражаясь от стен камеры, он многократно усиливался и возвращался лавинообразным потоком. Это уже не было похожим на безобидный едва слышимый звук, это более походило на удар в большой барабан.

Тишину прервал стражник, который поздоровался с тюремщиком, перекинулся с ним парой фраз и направился к камерам. У каждой он задерживался не более десяти секунд. Когда дошла очередь до камеры, где сидел Джеймс, стражник привычным движением руки нагреб что-то тарелкой из большой чугунной посудины, просунул ее под решетку и отправился дальше.

Джеймс взял тарелку, повертел ее в руках, рассматривая содержимое, и поставил обратно на пол. «Я не буду это есть!» — подумал юноша. Но желудок недовольным урчанием настаивал на обратном. Джеймс снова взял тарелку и, поскольку ложки ему

не предоставили, начал есть руками. Он не знал, что именно он ест, но по вкусу это напоминало чечевицу, только совсем не соленую.

Закончив с трапезой, Джеймс улегся на солому и попытался заснуть. Он не знал, день сейчас или вечер, но поспать ему было нужно, хотя бы для того, чтобы отдохнуть и привести в порядок мысли. Он свернулся калачиком. Руки дрожали то ли от холода, то ли от страха. Он с силой зажмурил глаза, пытаясь побыстрее заснуть. И через несколько минут ему это удалось.

Джеймс открыл глаза и огляделся. Вокруг было темно. Земля под ногами была черной, солнце спряталось глубоко за бурыми тучами. Ветра практически не было и юноша почувствовал едкий запах серы, доносившийся откуда-то из под земли. Вокруг него простиралась огромная, бесконечная равнина.

Вдруг, прямо перед собой, на расстоянии нескольких миль, он увидел горы, вершину которых окутывал густой, непроглядный туман.

Джеймс направился к подножию этих величественных гор. Он отчетливо слышал, как его кто-то звал по имени. Этот зов становился сильнее, по мере его приближения к горе. Приятный, ласковый женский голос, повторявший его имя, с каждым шагом менял тембр и становился грубее, пока не превратился в ужасный рык. Джеймс хотел остановиться, но не смог. Тело не слушалось его, а ноги сами несли вперед. Юноша поднял голову и стал всматриваться в густой, непроглядный туман. Он увидел едва заметный силуэт, который внезапно сорвался с места и приближался с огромной скоростью. Джеймс вдруг почувствовал ураган горячего, обжигающего ветра, ударившего в лицо. У него перехватило дыхание. Он не мог пошевелиться и продолжал смотреть ввысь.

Сверху на него камнем падал огромный черный дракон. Он был устрашающих размеров. Тридцать футов длинной от рогов до кончика хвоста. Острые как бритва костяные шипы тянулись вдоль позвоночника. Черная чешуя покрывала все его тело. Его большие изумрудные глаза смотрели прямо на Джеймса, а из пасти вырывались жгучие языки яркого пламени.

Юноша, оцепенев от ужаса, не мог пошевелиться. Вдруг, дракон расправил крылья в нескольких футах от него, открыл пасть и изрыгнул столп огня, направленный прямо на Джеймса.

Джеймс открыл глаза и привстал с соломенной подстилки. Со лба его стекали тяжелые капельки пота. Он утерся рукавом и осмотрелся. На полу стояла еще одна тарелка с едой. Сколько же времени он спал? Неужели целые сутки? Но есть ему почему-то не хотелось. Все тело болело от неудобной кровати.

Джеймс встал на ноги и начал ходить по камере, пытаясь размяться. Ноги с трудом его слушались, и он принялся растирать их, как уже делал ранее, в лесу, когда им с Торном пришлось ночевать на голой земле. Сквозь стены доносился знакомый звон колокола, созывавший народ на публичный суд. Он был еле слышен, но Джеймс точно определил, что это был за звук. «Интересно, кого они собираются судить сегодня?» — подумал он.

Вдруг заскрипела дверь, ведущая в темницу, и послышались голоса людей. Трое стражников, в числе которых был начальник охраны, подошли к камере Джеймса.

— Открывай! — приказал Брог тюремщику. Тот поспешил вставить ключ в замочную скважину, и, провернув его несколько раз, открыл перед начальником дверь. В нее тут же вошел один из стражников с железными кандалами в руках, предназначавшихся узнику. Велев Джеймсу вытянуть вперед руки, он защелкнул на нем тяжелые оковы.

— Теперь второго! — приказал Брог и еще три стражника направились к камере, в которой находился Торн. Сам же начальник охраны остался стеречь юношу. Джеймс сразу заметил амулет, висевший у него на шее, и не отводил от него взгляд. Брог заметил это и с усмешкой расправил вещицу на груди.

Их вели под руки. На голове были надеты мешки из непрозрачной ткани. Не видя дороги, Джеймс часто спотыкался о камни, валявшиеся на земле. Звон колокола теперь было хорошо слышно. Он нарастал по мере приближения к нему узников. Юноша знал, куда их ведут, но в душе все еще надеялся на лучшее. Может быть, их с Торном ждет иное наказание? Может быть, их судят за мелкое нарушение местных законов, которые они по незнанию приступили?

Когда они зашли на трибуну, колокол стих. С головы Джеймса сняли мешок. От яркого солнечного света он зажмурил глаза. Сидя в темном подвале, куда не проходил ни один его лучик, юноша отвык от него. Когда он все же сумел открыть глаза, он увидел перед собой сотни смотрящих на него людей. Мужчины, женщины, дети — все, не отрываясь, смотрели на Джеймса. Он чувствовал этот тяжелый взгляд, и от этого ему становилось не по себе.

Рядом с ним стоял Торн. Он не обращал внимания на толпу и стоял неподвижно, вытянувшись во весь рост и гордо задрав подбородок. Все время, проведенное в камере, он обдумывал произошедшие с ним события. Он думал об амулете, об их миссии, о том старике в часовне, чем-то напоминавшим ему отца, о Джеймсе. Торн и не подозревал, что существовали люди, которым он не был безразличен. И сейчас одного из таких людей,

как и его самого, хотели казнить у всех на виду.

Начальник охраны лично снял кандалы с заключенных. Ему это доставило особое удовольствие. Он задержался около хаатина и язвительно прошипел:

— Когда тебе отрубят голову, я скормлю ее собакам! Твой великий род оборвется сегодня! И я буду этому очень рад! Скажешь что-нибудь напоследок?

— Я не боюсь смерти! — ответил Торн. — А как насчет тебя? Борг хмыкнул в ответ, бросил снаряжение хаатина, предназначавшееся для сожжения и переплавки после казни, под трибуну и сошел с эшафота. Его место занял стражник со свитком в руках.

— За содействие мятежникам, за подстрекательство жителей Стоунхилла к восстанию против его законного правителя, эти двое приговариваются к смерти!

Услышав приговор, Джеймс подскочил на месте. Он не ожидал такого исхода.

— Постойте! Это какая-то ошибка! — кричал он, мотая головой по сторонам. — Мы ни в чем не виновны! Мы ничего не сделали!

Джеймса схватили за руки и потащили к тому же пню, на котором недавно казнили кузнеца. Палач по привычке плюнул себе на руку и занес секиру над головой юноши. В воздухе повисла мертвая тишина. Люди в толпе замерли. Некоторые, не желая смотреть, отвернули голову в сторону. Другие закрывали ладонью глаза детям. Всем казалось, что прошла уже целая вечность с момента приведения приговора в исполнение. Секира, занесенная над головой Джеймса, достигла своей максимальной амплитуды и, застыв в таком положении на доли секунды, полетела вниз.

Джеймс закрыл глаза. Он уже ни о чем не думал. Страх прошел и у него перед глазами стояли две фигуры. Это были его родители. Они держали друг друга за руки и, улыбаясь, смотрели на сына. Они были такими счастливыми и спокойными, что это спокойствие передавалось юноше. Он улыбался им в ответ. У него было много вопросов, но сейчас ему хотелось только одного — просто смотреть на них.

Спокойствие Джеймса прервал громкий, звонкий, металлический грохот упавшей на дощатый пол эшафота секиры. Парень дернул головой и увидел палача с торчавшей из груди стрелой. Покачнувшись, он повалился набок. В то же мгновение со стороны жилого квартала на эшафот градом полетели стрелы. Стражники, находившиеся на нем падали замертво, не успев достать оружие.

Люди с криками кинулись врассыпную. Они старались как можно быстрее покинуть опасное место и добраться до своих домов.

— Мятежники! — раздался протяжный крик одного из стражников. На площадь высыпало две дюжины конных всадников. Они были в легкой кожаной броне и крепко сжимали в руках короткие мечи. Прорываясь сквозь толпу, они направлялись к дворцу. Навстречу им из распахнутых настежь ворот выскочили стражники, спешно седлая своих лошадей. Они были не готовы к такому повороту событий и не ожидали, что кто-то осмелится напасть на город. Половина лошадей, не запряженных стояли в конюшнях. Все тяжелое вооружение, в том числе и щиты, были заперты в амбаре, а отряд лучников был отправлен в столицу, с обозом ценных вещей, в качестве охраны.

Джеймс встал на колени и заворожено наблюдал за картиной набега. Он не шевелился и смотрел на всадников, только что спасших ему жизнь. Вдруг его кто-то схватил за руку и потянул за собой. Это был Торн. Он, не говоря ни слова, поднял юношу на ноги и, осмотрев, мотнул головой, веля ему следовать за ним.

Джеймс пришел в себя. Как будто душа, летавшая где-то поблизости, вернулась в его бренное тело. Во вновь обретенном сознании металась одна мысль — надо вернуть амулет. Джеймс шарил взглядом по сторонам, пока не наткнулся на нужного ему человека.

Брог стоял на том же месте с обнаженным клинком, махал рукой стражникам и что-то кричал. Вдруг, на мгновение их взгляды встретились. Они смотрели друг на друга как хищник на жертву, причем жертвой в данный момент был Брог. Он понимал без слов, что от него хотели, но расставаться с дорогой вещицей не желал.

— Убейте их! — кричал начальник охраны, хватая прибывших на его зов стражников, и толкая их на трибуну.

— Торн! У него амулет! Его надо остановить! — крикнул Джеймс, показывая ему пальцем на убегавшего Брога.

Хаатин на бегу схватил свое снаряжение и спрыгнул с эшафота, преградив ему путь. Быстрым движением руки он вынул меч и ткнул острие в землю. Брог остановился, не решаясь идти дальше.

Джеймс остался на трибуне и думал, что делать с теми двумя стражниками, которые бежали на него, обнажив клинки. Он попытался схватить секиру палача, но она была слишком тяжелой для него. Подняв голову, он увидел занесенный над ним клинок, готовый обрушиться в любой момент. Отпустив рукоять секиры, Джеймс отпрыгнул в сторону. Клинок рассек пустоту и с

холодным лязгом ударился о дощатый пол эшафота. Второй стражник был на подходе и юноша, не мешкая, скатился с трибуны. Упав на землю с шести футовой высоты, он поднялся, и, превозмогая боль, побежал через всю рыночную площадь к домам, где можно было найти укрытие. Стражники кинулись за ним.

Брог стоял напротив хаатина и тяжело дышал. Несмотря на его устрашающие размеры, он боялся Торна. Хорошего противника нельзя было недооценивать, тем более, когда перед тобой находился последний представитель воинственного рода. Брог долго не решался напасть, делая маленькие шажки в сторону противника. Наконец он рванулся вперед и попытался разрубить хаатина пополам, занеся меч высоко над своей головой.

Торн сделал шаг в сторону, пропуская Брога вперед, и резким взмахом клинка отрубил ему голову. Затем он наклонился перед поверженным врагом и поднял с земли запачканный кровью амулет.

Хаатин долго не мог отвести взор от этого произведения искусства. Древние маги постарались на славу и наделили амулет не только неисчерпаемой мощью и силой, но и сделали его на редкость красивым. Даже в таком виде, без своей второй половины, он выглядел изумительно. Торн сунул вещицу в карман и стал спешно застегивать на себе снаряжение.

Джеймс наконец-то добрался до жилых кварталов. Он остановился, убедился, что те два стражника все еще преследовали его и, немного отдышавшись, побежал дальше. Свернув в проулок, он снова остановился. Жадно глотая воздух, он пытался выровнять дыхание. Ноги не слушались и подкашивались. Он не мог больше бежать. Силы были на исходе и таяли с каждой минутой. Но ему нельзя было останавливаться! Преследователи были уже близко, и они вряд ли стали бы ждать, пока тот, за кем они гнались, отдохнет.

Джеймс зашагал дальше, заметив наползающие на дома тени. Он прошмыгнул между домами и уперся в высокий деревянный забор. Понимая, что преодолеть препятствие не удастся, Джеймс повернул назад, но путь ему преградили стражники. Бежать парню было некуда, и они не спешили. Тяжело дыша, стражники медленно сокращали дистанцию, позвякивая острыми клинками. Джеймс пятился назад, пока не уткнулся спиной в забор. Отступать больше было некуда.

Вдруг, чей-то голос окликнул преследователей. Они обернулись и увидели стоявшего невдалеке Торна. Он вытянул руку перед собой и поманил ладонью стражников. Они переглянулись и с дикими воплями понеслись на зов.

Хаатин, облокотившись на меч, ждал их. Когда стражники

приблизились на достаточное расстояние, он с грацией гепарда проскользнул между ними, оставив торчать в земле свой меч и держа одну руку на его рукоятке. Стражники остановились и развернулись. Торн играл с ними, как кошка с мышами. Он никогда и ни с кем еще не дрался в полную силу. Он испытывал ненависть к противникам, но той ярости и злости, которая была у него в глазах в момент убийства родителей, он не испытал больше ни разу. К тому же, все его противники были не достойны его и изрядно уступали хаатину в искусстве владения мечом. Вот и сейчас стражники, поняв, с кем имеют дело, быстро ретировались. Они поступили мудро, поскольку Торн вряд ли оставил бы обидчиков в живых.

— Ты в порядке? — спросил Торн у, все еще стоявшего спиной к забору, Джеймса.

— В полном, — устало выдохнул тот. — Амулет. Ты забрал его? Торн достал его из кармана и, взяв за цепочку, показал парню.

— Надо уходить! Здесь нам больше не рады. Да и лошади нас, поди, заждались.

— Если их на обед не съели! — ухмыльнулся Джеймс.

Тем временем мятежники прорвались на дворцовую площадь. Стражники едва сдерживали натиск и несли большие потери. Вооруженные арбалетами, всадники расстреливали солдат на расстоянии, не давая им подойти. Силы были не равны, и совсем скоро вся площадь была усеяна телами павших воинов правителя Стоунхилла. Остатки войска отступили к дворцу, тщетно пытаясь обороняться. Сам же правитель заперся во дворце вместе с отрядом сопровождавших его копейщиков. Когда последний стражник на площади был убит, путь к дворцу был свободен.

Мятежники не стали ломать дверь. Они забросили несколько горевших факелов на деревянную крышу, которую быстро охватил огонь. Через десять минут осады, правитель и его войско сдались в плен под радостные крики захватчиков. Восстание закончилось полной победой народных освободителей.

ГЛАВА V Наследник

Торн и Джеймс были уже далеко за пределами Стоунхилла. Город становился все меньше, по мере удаления от него. К небу тянулись широкие столбы серого дыма от пожарищ. День подходил к концу, и солнце медленно ползло к горизонту, раскрашивая раскидистые деревья и опустелые поля багровыми красками.

Всадники повернули с дороги и неспешной рысью направились к лесу. Они планировали заночевать здесь, а утром отправиться в обратный путь. Они так и не нашли Габриеля и решили больше не испытывать судьбу. Да и путь в город им теперь был закрыт. Может быть, священник ошибался, говоря, что наследник живет в Стоунхилле? Или память уже подводила старика, и он назвал им не тот город? Какова бы ни была причина, но они возвращались назад ни с чем.

«А может амулет ошибся и выбрал не того? Может быть, не мне, а, скажем, моему отцу суждено было попасть в этот мир и соединить две половинки амулета?» — волна самокритичных мыслей нахлынула на Джеймса, и он уже забыл о том, что чудом остался жив сегодня.

Лес был на удивление густым и зеленым. Он был совсем не похож на то место, где Джеймс впервые встретился с хаатином. Вековые деревья, поросшие мхом, уходили высоко в небо, а ветви, переплетаясь и путаясь между собой, склонялись над землей под своей тяжестью. Легкий южный ветерок нежно шевелил листву, и лес под его напором оживал.

Торн не обращал внимания на красоту этого удивительного места. Он был сосредоточен и собран, смотрел вперед, изредка оборачиваясь и поглядывая на Джеймса, который от усталости закрывал глаза и, чуть не падал с лошади. Но останавливаться на ночлег было еще слишком рано, а терять драгоценное время на несколько лишних часов сна было не допустимо. Джеймс старался не засыпать. А когда веки тяжелели настолько, что начинали закрываться сами, он бил себя ладонью по щекам.

Вдруг, Торн натянул поводья на себя и остановился. «Что-то почуял!» — подумал Джеймс и был прав.

— Не двигайся! — приказал хаатин. В тот же момент из-за деревьев появились всадники и обступили их. Они были повсюду. Держа в руках заряженные арбалеты, они скакали вокруг Торна и Джеймса, пресекая любые попытки к бегству. Это были не солдаты. Одетые в старое тряпье, они не имели доспехов. «Мятежники», — подумал Торн. Это были те самые люди, только

что захватившие Стоунхилл. Неподалеку был их лагерь, и отряд вооруженных всадников патрулировал окрестности.

Дремота, находившая на Джеймса, улетучилась, и он испуганно смотрел на окруживших их людей. Он не понимал, кто они такие, и что им нужно. Юноша обратил взор на хаатина. Тот спокойно ожидал дальнейших действий захватчиков.

— Кто вы такие? — грозным тоном спросил темнокожий всадник. Что вы делаете в этом лесу? Это был предводитель отряда мятежников, устроивших засаду. Он был единственным, облаченным в кожаные доспехи, с длинным тяжелым мечом на поясе. Левый глаз его закрывала повязка из плотной ткани, а по шее тянулся длинный, давно зарубцевавшийся шрам.

— Мы всего лишь путники, заблудившиеся в этом лесу, — ответил Торн. — Мы направляемся в Хазард, чтобы повидать отца моего племянника Гарта. Хаатин указал рукой на Джеймса. — Бедняга очень болен и нам бы хотелось застать его при жизни. И если бы вы указали нам верное направление, то мы были бы вам весьма признательны!

Предводитель отряда с недоверием выслушал объяснение хаатина.

— В Хазард направляетесь? — переспросил он. — А не вас ли сегодня хотели казнить на площади, в Стоунхилле? Ты видно держишь нас за дураков, хаатин? Торн удивился тому, что простолюдин из такого захолустья узнал его, но видом своим этого не показал. Обман был раскрыт, и спорить теперь было бесполезно.

Им туго связали руки веревкой, и надели повязки на глаза. Джеймс почувствовал, как кто-то перекинул поводья через голову лошади, на которой он сидел и потянул ее за собой. После непродолжительной поездки по лесу он услышал приближавшийся гул. Он становился сильнее с каждой минутой. И скоро в этом хаотичном звучании, Джеймс начал различать голоса людей. Когда образные пространственные звуки стали складываться в хорошо различимые и понятные слова и выражения, они остановились.

— Так, так, что это у нас здесь! — раздался голос, и гул моментально стих. — Орин, друг мой, кого это ты нам привел?

Пленников сняли с лошадей и развязали глаза. Перед ними предстал лагерь повстанцев, расположившийся на опушке. Множество палаток и гамаков, замаскированных сухими ветками, тянулись вдоль кромки леса. Две или три хижины были сооружены из толстых прутов, соломы и глины. Рядом с этими хижинами были разведены костры. На вертеле у одного из них жарилась целая туша, подстреленного из лука, кабана. От него

исходил тонкий приятный аромат пряных трав, растянувшийся по всей округе.

В центре лагеря полукругом стояло три десятка хорошо вооруженных людей, чьи взоры были обращены на пойманных в лесу лазутчиков. Впереди стоял их лидер. Это был высокий, подтянутый парень с длинными, до плеч, светло-русыми волосами, аккуратно убранными в хвост. Ему было лет тридцать, но выглядел он немного старше. Гладко выбритое лицо украшали большие зеленые глаза и прямой нос средних размеров. Из-под коричневого кожаного жилета, проштопанного крепкой нитью, была видна хлопковая рубаха, с большим треугольным вырезом на груди. Штаны, которые шились вместе с жилетом, были в частых заплатах и заправлены в высокие черные сапоги, с подвернутым голенищем. Широкий ремень, являвшийся неотъемлемым атрибутом каждого воина, опоясывал его узкую талию. Так как он был левшой, то длинные серые ножны с выступавшей из них рукоятью меча, находились с правой стороны.

— Друзья! Нам улыбнулась удача! — его голос звучал торжественно и громко, чтобы все могли его слышать. — Сегодня великий день! Сегодня, власти беспощадного, кровожадного тирана пришел конец! Отныне больше не будет неоправданных смертей и надуманных приговоров! Не будет палачей и судей! Отныне, ни один невиновный гражданин Стоунхилла, не будет предан нечестному суду! Настали другие времена. Тиранам не место на этой земле!

Мы теперь свободны! И никто теперь не вправе вершить нашу судьбу, кроме нас самих! Мы долго ждали этого дня и долго к нему готовились! И Боги услышали наши молитвы и одарили нас великим даром — свободой! Толпа взревела. Восторженные крики и ликование заглушали голос оратора.

— И вот, смотрите, — мятежник протянул руку, указывая на Торна, — еще одно доказательство нашей победы! Перед нами предатель! А точнее представитель целого рода предателей! Из-за них был убит наш король! Из-за них наши земли почти перестали плодоносить, а народ оказался под гнетом самодержцев! А это видимо и есть знаменитый меч хаатинов, секрет изготовления, которых, они унесли с собой в могилу? Говорят, что он острее эльфийских клинков! Что он способен без труда рассечь даже каменную глыбу!

— Для того, кто так сильно ненавидит мой род, ты слишком многое о нем знаешь! — вступил в разговор Торн.

— Я должен все знать о своих врагах!

— Я не враг тебе!

— Ты заблуждаешься хаатин! Если ты еще не приставил мне нож к горлу, то это еще ничего не значит! Я наслышан про вашу скрытность и коварство. Ты ненавидишь людей за то, что они сделали с твоим родом и хочешь отомстить!

— Ты ничего не знаешь обо мне! Если бы я хотел отомстить, то перебил бы вас всех прямо здесь и сейчас! — Торн говорил совершенно серьезно, без доли иронии и насмешек. Его тяжелый взгляд гипнотизировал лидера повстанцев. — А все сказанное тобой, не более чем треп самоуверенного зеленого юнца!

— А ты знал о том, что в некоторых городах провинции Шим, за твою голову назначена неплохая награда? — парень сменил тему, снова перехватив лидерство в разговоре.

— Тем самым вы уподобитесь людям, которых только что называли тиранами и убийцами! — вдруг вымолвил Джеймс, выслушав все выше сказанное.

— Назови себя! — приказал лидер повстанцев, переключив свое внимание на парня.

— Меня зовут Джеймс Уайт! — громко сказал он.

— Джеймс? Что ты ищешь Джеймс? Зачем забрел в эти края?

Джеймс замолчал и потупил взор. Уже слишком многие знали об амулете, а это не сулило его носителю ничего хорошего. В этих гиблых землях слишком многие были бы не прочь завладеть драгоценной вещью, не подозревая о том, какую огромную опасность она таила в себе. Шпионы сил зла были повсюду! И Джеймс не был уверен, что сейчас перед ним не стоял один из них. Лидер повстанцев не стал дожидаться ответа на свой вопрос и продолжил:

— Что, столь юному мальчику делать здесь, в этих лесах? Да еще и в сопровождении убийцы!

— Я такой же убийца, как и вы! — произнес Торн, пытаясь отвлечь внимание от Джеймса. — С одной лишь разницей — вы убиваете всех, кого сочтете неугодными вам, прикрываясь правосудием и честью! Ваши руки по локоть в крови невинно убиенных! Люди поставили этот мир на колени!

— Замолчи! — хрипя, кричал лидер повстанцев. Речь хаатина настолько взбесила его, что напряженные жилы, выступившие по всему телу, пульсировали кипящей от злости кровью. Но больше всего его злило то, что хаатин был прав.

— Обвиняя меня в преступлениях, совершенных моим родом, будьте готовы ответить за свой! — спокойным, сдержанным тоном закончил Торн. Он видел, как смотрели на него жители лагеря, слушавшие диалог. В их глазах не было ненависти. В словах, сказанных Торном они слышали правду. Хаатин перечислил все то, с чем боролись мятежники много лет. Все

пороки человеческого рода, которые невозможно было искоренить силой. Вдохновляющая речь, произнесенная их вожаком, уже не казалась такой победоносной после слов хаатина. Они освободили только один маленький город. А сколько еще таких же городов по всей Элонии находились под гнетом безжалостных тиранов! Кучка мятежников, как бы они не старались и сколько селений не освободили, были не в силах в корне изменить ситуацию, сложившеюся в стране.

Элонии нужен был король! А людям была нужна надежда! Надежда на будущее! Надежда на то, что давно минувшие времена процветания и могущества людского рода вернутся, и начнется новая жизнь. Жизнь без постоянного, неугасающего страха. И надежда на то, что Элония вновь обретет своего короля, который сплотит под своими знаменами весь людской род, наконец, едва заметным лучом, забрезжила на горизонте. Этим незримым лучиком был юноша из другого мира, который, казалось, был единственным на тот момент, кого волновала судьба королевства. И сейчас этот юноша стоял со связанными руками в лагере вооруженных до зубов людей, готовых отрубить ему голову за простое знакомство с хаатином, который вел диалог с их вожаком.

— Я предлагаю тебе поединок! — вдруг, после продолжительного молчания, заявил лидер повстанцев. — Правила просты — если проиграешь, умрешь!

— А если выиграю? — спросил Торн.

— Тогда вы свободны, вас никто не задержит. Даю слово! Он положил правую руку на грудь и немного наклонился вперед. Торн вытянул вперед связанные веревкой руки.

— Развяжите его! — приказал вожак, и темнокожий воин тут же разрезал путы ножом. Повстанцы обступили их со всех сторон, образовав круг — арену битвы. В центре круга остались только зачинщики и Джеймс, который держался с краю арены. «Места в первом ряду», — подумал про себя Джеймс, не одобряя эту затею.

— Ты уверен, что хочешь умереть сегодня? — спросил Торн своего противника, подначивая его.

— А ты? — переспросил тот.

Торн даже немного усмехнулся от наглости и дерзости самоуверенного мальчишки. Он был таким же в его возрасте.

Главарь повстанцев напал первым. Он яростно и часто атаковал, ловко размахивая мечом, но все его атаки не находили цели и захлебывались парирующими ударами хаатина. Он сделал еще несколько выпадов вперед, нанося рубящие и колющие удары. Торн без особого труда отвел их своим мечом. Пока он только защищался, пытаясь измотать своего соперника. Он

хорошо владел тактикой ведения боя, но своим оружием он владел еще лучше.

Наступила небольшая пауза и противники, глядя друг другу в глаза, медленно передвигались по кругу, сохраняя дистанцию. Наконец, юноша, немного отдышавшись, предпринял новую попытку для атаки. Мечи скрестились, издав сильный звон. Как будто молотом со всего размаху ударили по наковальне. Торн, подпустил противника поближе, согнув руки в локтях, а затем с силой оттолкнул его от себя и ударил ногой в грудь. Юноша отлетел на несколько футов и тяжело рухнул на землю. Другой на месте хаатина уже закончил бы бой, но только не Торн. Он терпеливо ждал, пока мальчишка соберется с силами и поднимется на ноги, расхаживая из стороны в сторону. Вдруг, кто-то из толпы бросил своему вожаку круглый деревянный щит, сколоченный из досок. Тот сгреб его с земли и медленно поднялся.

— Эй, так не честно! — закричал Джеймс так, как будто в бою существовали какие-то правила.

Хаатин быстрым шагом подходил к юноше, описывая своим мечом восьмерку в воздухе. Он нанес размашистый удар сверху. Парень, закрывшись щитом, не устоял на ногах от силы удара и опустился на одно колено. Щит, не выдержав атаки, с треском разлетелся на куски. Хаатин сделал еще один замах, но юноша быстрым кувырком вперед ушел от него.

Торн развернулся и снова скрестил меч с противником. У парня дрожали руки от напряжения. Он очень устал, и силы покидали его. Хаатин был намного мощнее и выносливее. Он давил на меч соперника, приближая к его шее. Парень собрался с силами и оттолкнул Торна от себя. Хаатин тут же ударил противника с размаху рукоятью своего меча по лицу и толкнул руками в грудь. Тот кубарем повалился на землю. Сопротивляться он уже не мог. Он стоял на коленях, опустив голову вниз, и глубоко и тяжело дышал.

Торн подошел к нему и занес свой меч над его головой. Он победил. И теперь он был вправе забрать жизнь у своего противника. Таков был уговор и воины, окружавшие их, не пытались вмешиваться и возражать. Это был закон чести, который в этом мире соблюдали, увы, немногие. Умереть в бою мечтал каждый воин. Но умереть достойно доводилось не каждому. Предводитель повстанцев был достоин умереть от руки такого воина, как Торн. И он смиренно ждал своей участи, стоя на коленях и приклонив голову.

— Стой! Торн, подожди! — закричал вдруг Джеймс и пошагал в центр круга, где решался исход поединка. — Это он! Посмотри

на его шею!

Торн, присмотревшись, увидел на шее поверженного противника родимое пятно в виде двух продолговатых точек, похожих на след от укуса змеи.

— Как твое имя? — спросил Торн, не опуская меча.

— Габриель, — едва слышимым голосом выдавил он. Торн, нехотя, отвел меч в сторону и сделал несколько шагов назад. Перед ним склонил голову последний и единственный наследник трона. Это был он. Сомнений не оставалось. Все, как и описывал им старик — Стоунхилл, имя, родовое родимое пятно. «И этот заносчивый юнец станет королем?» — подумал разочарованный Торн и спрятал меч в ножны.

— Что ты делаешь? — спросил его Габриель, увидев, как хаатин убрал оружие. — Ты честно победил! Я же, проиграл и должен умереть от твоей руки!

— У тебя будет еще достаточно возможностей, чтобы умереть в бою, но не сейчас! Скажи спасибо ему! — Торн указал на Джеймса, стоявшего рядом.

— Ты не можешь так поступить! У нас был уговор! — кричал наследник, с трудом поднимаясь на ноги.

— Ты что, так торопишься на тот свет? — с насмешкой спросил хаатин. — Ты должен радоваться, что остался жив.

— Я не боюсь смерти! — гордо ответил Габриель. — И зачем вам понадобилось мое имя? Торн перевел взгляд на Джеймса и тот, отозвав Габриеля в сторону, все ему рассказал.

Габриель слушал историю парня, застыв на месте, как вкопанный. Он не мог поверить, что являлся последним представителем королевского рода. К тому же из уст столь юного рассказчика это звучало крайне неправдоподобно. Его можно было понять. Когда кто-то приходил и заявлял, что в ваших жилах течет благородная королевская кровь рода, который считали сгинувшим много лет назад, вы, наверное, сочли бы этого человека странным. И Джеймс был похож на такого человека. Габриель, немного придя в себя от рассказа, наконец, сказал:

— То есть я теперь должен поехать с вами к священнику, который называет себя одним из хранителей амулета королей!? Джеймс положительно кивнул головой. Он почему-то надеялся на то, что Габриель поверит его словам без лишних убеждений, но он ошибся.

— Амулет — это сказка, придуманная давным-давно придворными сказителями, чтобы нагнать страх на врагов! — усмехнулся Габриель.

— Покажи ему! — вмешался Торн, расхаживая неподалеку.

Джеймс осторожным движением вынул висевший на шее

амулет и показал найденному наследнику. Тот открыл рот от удивления. Он не мог отвести взгляд от удивительной вещицы. Протянув руку, он хотел коснуться амулета, но Джеймс резким движением отвел вещь в сторону.

— Неужели это правда? Неужели он существует на самом деле? Но если история об амулете правда, то значит я действительно наследник престола!

— Только не зазнавайся! — сказал Торн. Габриель нахмурил брови, отреагировав на слова хаатина, и тихо сказал:

— Я поеду с вами. Если мне суждено стать королем, если я заслуживаю право носить корону, то пусть будет так! А достоин я того или нет — время покажет!

Солнце уже скрылось за горизонтом, и путники решили отправиться утром. Поужинали тем самым кабаном, источавшим столь яркий, пронзительный аромат пряных трав. Торн и Джеймс ужинали отдельно от Габриеля, который предпочел удалиться в свой домик и остаться наедине с обуревавшими его мыслями.

Повстанцы, сидя у костра, рассказывали разные забавные истории, от которых Джеймс то и дело заливался громким смехом. Торн держался в стороне, и все время молчал, поглядывая на парня. Он удивлялся его стойкости и решительности. Посмотрев в лицо смерти уже ни один раз, он смеялся как ребенок. Хотя он и был ребенком, пусть и уже достаточно взрослым.

Торн не знал, какие испытания им придется пройти, какие преграды они встретят на своем пути, но он понимал, что прежним Джеймс уже не будет. Джеймсу и сейчас было очень тяжело на душе, но юноша старался не думать о плохом. Он гнал плохие мысли прочь из своей головы. Зачем было загадывать о том, что еще не произошло и, может быть, не произойдет вовсе?

Рано утром, когда солнце еще не встало, Джеймса разбудил Торн и велел живее собираться. Тот зевнул и вылез из палатки, отведенной ему для ночлега. Хаатин уже седлал лошадей, а Габриель крикнул им издалека:

— Вы готовы ехать?

Торн что-то буркнул себе под нос и продолжил заниматься лошадьми. Джеймс перекусил остатками ужина и оглядел лагерь. В его центре собрались все его жители, облаченные в кожаные доспехи. Выстроившись в две ровные шеренги, они ждали своего командира.

— Я должен покинуть вас в столь знаменательный для нас момент! — начал говорить Габриель, обращаясь к собравшимся воинам. — Эта победа далась нам нелегко, и она очень много значит для каждого! И я верю, что эта победа положит начало

повсеместному народному движению во имя справедливости и правды! И вы пройдете этот путь, который отныне расходится с моим.

Габриель, подошел к своим собратьям и положил руку на плечо одного из них.

— Орин, — произнес Габриель, обращаясь к тому темнокожему воину, который поймал Торна и Джеймса в лесу. — Ты теперь займешь мое место! Ты всегда был моей правой рукой, всегда поддерживал меня в трудные времена! Я полностью доверяю тебе и верю, что ты будешь хорошим предводителем и правителем Стоунхилла! Орин в ответ положил свою руку на плечо Габриеля и сказал:

— Я не подведу тебя, брат! Можешь быть уверен, что мы продолжим дело, начатое тобой! А если в тебе действительно течет королевская кровь, то исполни свой долг с честью! Верни себе престол и пусть наша победа окажется незначительной в той череде побед, которые одержишь ты! Габриель склонил голову перед своим отрядом и направился к месту, где его ждали Джеймс и Торн. Вдруг, он услышал позади себя глухой, повторявшийся стук. Повернувшись, он увидел, как один из воинов стучал мечом по деревянному щиту. Другие воины быстро подхватили, и уже через несколько секунд по лагерю проносился ритмичный перезвон. Они выказали свое уважение к Габриелю таким образом.

Габриель вскочил на лошадь, последний раз взглянул на свой дом и отправился навстречу своей судьбе, вместе с Джеймсом и Торном.

ГЛАВА VI Обратный путь

Солнце было уже высоко, когда путники миновали лес, раскинувшийся близ Стоунхилла. Впереди скакал Габриель и показывал дорогу. Он хорошо знал эти места, но так далеко, как были они сейчас, он никогда не забирался. Лошади уже порядком устали, а впереди был еще долгий путь. Они вышли на равнинную местность, и до наступления темноты им обязательно нужно было добраться до какого-нибудь пролеска. Земля под ногами была каменистой, и всадники немного сбавили ход, жалея лошадей. Над равниной нависли грозные, точно налитые свинцом, тучи. Они так быстро захватили власть на ясном, голубом небе, что казалось, солнце упало обратно за горизонт. Дневной свет померк перед их мощью. Громкими, пугающими раскатами грома они показывали свою власть.

Джеймс испуганно смотрел на них. Он очень не хотел быть настигнутым грозой. Но совсем скоро путники оказались в самом ее центре. Ветер поменял свое направление и стал прохладнее и злее. Он дул им навстречу и резкими порывами перебивал дыхание. Джеймс прижался к шее лошади, пытаясь хоть как-то спастись от разбушевавшейся стихии. На его удивление дождя все не было. Молний он тоже не видел, хотя и не вертел головой в поисках.

Габриель и Торн, казалось, совсем не обратили на грозу никакого внимания. Они смотрели только перед собой, ни разу не взглянув наверх. Тем временем раскаты грома становились реже и слабее. Ветер понемногу унимался и вскоре стих вовсе. «Неужели все закончилось?» — облегченно подумал Джеймс, выпрямляясь в седле. Стихия отступила, так и не обрушив весь свой гнев на землю. Сквозь мрачные тучи вновь показалось солнце, прожигая их своими лучами. Яркие блики поползли по равнине, обгоняя всадников, и ровно ложились на спины высоких холмов, расположившихся неподалеку. Зеленый ковер, укрывавший равнину, меркнул под их наползавшими тенями. Воздух от непродолжительной грозы стал свежее и прозрачнее. Как будто, сама природа помогала путникам благополучно добраться до леса вовремя.

Через некоторое время вдалеке показался тот самый спасительный лес — первая контрольная точка. Джеймс был очень рад открывшемуся пейзажу, потому что это означало, что скоро он слезет с надоевшей лошади и, наконец, что-нибудь поест! За целый день всадники ни разу не останавливались, стараясь попусту не тратить время, и у Джеймса от

продолжительной езды онемела нижняя часть тела. Он был еще не опытным седоком, поэтому не умел правильно держаться в седле. Но за то время, что он находился верхом на лошади, он уже многому научился и стал увереннее обращаться с лошадью.

Дорога поворачивала в сторону, и всадники, сойдя с нее, двигались напрямик к лесу. Равнина плавно прирастала холмами и становилась похожей на поверхность океана в ветреную погоду. В некоторых возвышениях виднелись крупные черные дыры. Это были пещеры. Одному Богу было известно, какие твари прятались в них от дневного света, дожидаясь ночи.

Джеймс с испугом смотрел на них, пытаясь разглядеть что-нибудь необычное. Он и сам не знал, что он хотел там увидеть. Его воображение рисовало картины разнообразных монстров с длинными и острыми клыками, от одной мысли о которых у него по спине пробегали мурашки. «Хорошо, что эти создания могут выходить наружу только по ночам!» — подумал Джеймс. Лошади чуяли опасность, и когда всадники довольно близко подбирались к пещерам, проезжая мимо, они испуганно ржали и сами отворачивали в сторону от гиблого места.

— Здесь неподалеку есть река, — крикнул Габриель, немного замедлив ход. — Надо напоить лошадей и самим пополнить запасы. Но придется обогнуть лес с востока. Потеряем пару часов! До темноты успеем! Торн, молча, мотнул головой в знак согласия. Он не привык, что командовал кто-то другой, но Габриель знал эти места лучше его, и хаатину пришлось подчиниться.

Всадники, не доезжая до леса несколько миль, свернули на восток и направились к реке. Она дала знать о себе задолго до появления в поле зрения седоков своим нараставшим, не прекращавшимся гулом бегущей с большой скоростью воды. В этом месте река уже не была похожа на спокойный, легкий ветерок, дувший в усладу путников. Сейчас она больше напоминала ураган, грозивший большими неприятностями всем попавшим в его смертоносные объятия.

Джеймс слез с лошади, подошел к реке и зачерпнул ладонями прозрачную, как слеза, воду. Освежив лицо, он вдоволь напился. Торн и Габриель наполнили опустевшие бурдюки и подвели лошадей к водопою. Когда те восполнили силы холодной, чистой водой горной реки, путники двинулись дальше.

Когда всадники добрались до леса, было еще светло, поэтому они не стали сразу останавливаться и решили подыскать подходящее место для ночлега. Это оказалось непростой задачей, так как в лесу было полно колючего кустарника, распустившего свои длинные ветви во все стороны. Всадники с трудом продирались сквозь него. Лошади, шагая, высоко поднимали ноги

и фыркали от боли. Торн, достав свой меч, начал размахивать им по сторонам, срубая колючие ветви. Габриель последовал примеру хаатина и стал прорубать дорогу, ведущую вглубь леса.

Вскоре они, вырвавшись из цепких лап безмолвных сторожей, выехали на небольшую поляну. Уже стемнело и Джеймс, наломав сухих веток, раскладывал их полукругом для костра. Торн привязывал лошадей, а Габриель отправился разведывать территорию близ их лагеря. Хаатину это показалось крайне неразумной затеей, но он не стал возражать. Блуждать в лесу ночью одному было очень опасно. С наступлением темноты, выходили на охоту не только создания, прятавшиеся в пещерах холмов, но и существа, которые обитали в дремучих лесах. Огонь — единственное, чего они страшились, стараясь не подбираться близко к губительному пламени.

— Что-то его долго нет, — настороженно сказал Джеймс, закончив подготовку костра. — Уже совсем стемнело. Может с ним что-нибудь случилось? Надо пойти посмотреть!

— Нет! — решительно ответил Торн, крепко привязав лошадей. — Ничего с ним не случится. Солнце еще не совсем село, видишь? Торн кивнул головой в сторону алого неба, озарявшегося последними лучами исчезавшего светила. Затем хаатин наклонился над собранными в кучку ветками, достал из мешочка белый кубик, и, раскрошив его пальцами, раздул одним выдохом яркое пламя. Костер запылал, потрескивая и издавая приятный аромат хвои.

Джеймс снова внимательно наблюдал за действиями хаатина. Он заворожено, застыв на месте, смотрел, как Торн изрыгал огонь из своей ладони, точно по волшебству.

— На черном рынке можно достать все, что угодно, верно? — спросил, появившись из ниоткуда Габриель. — Говорят, что там продают даже сухие головы троллей! А за клыки дракона можно выручить целое состояние! Вопрос в том, что раздобыть их не удастся. Наследник подошел поближе к огню и опустился на высохший ствол упавшего дерева.

— А где находится этот черный рынок? — поинтересовался Джеймс, поглядывая на Торна. Тот безучастно шевелил толстой палкой обгоревшие ветки.

— Надо поесть и укладываться спать! — переменил тему хаатин. — Завтра предстоит тяжелый день. Он вытащил из сумки сверток, завернутый в пергамент, и бросил его Джеймсу. В свертке было вяленое мясо, которое они взяли из лагеря повстанцев.

— Вокруг вроде чисто, — продолжил Габриель. — Я зашел дальше в лес. Этих тварей не было слышно, да и нор их не видно,

поэтому волноваться не о чем.

— Ты думаешь, что нам не о чем волноваться? — Торн со злостью посмотрел на Габриеля. — Что ты знаешь об этих тварях? Ты думаешь, что они выдали бы себя, почуяв добычу? Некоторые из них могут выжидать в засаде без еды и воды несколько недель, пока в нее не попадет тот, для кого она была создана!

Торна раздражала излишняя самоуверенность Габриеля, и он старался не давать волю эмоциям, но это не всегда у него получалось. Он, будучи охотником на этих ужасных созданий, хорошо знал их повадки. Это было необходимо, чтобы остаться в живых при встрече, а уж тем более при схватке, с одним из таких монстров. За длительное время, что он охотился на трофеи, Торн многое узнал о своих противниках. Он знал, какие виды прятались в пещерах на равнине, а какие охотились стаей в диких лесах при дневном свете. Знал их слабые, уязвимые места, а также каким оружием лучше убить ту или иную особь. Вот почему его настолько задело высказывание мальчишки, который, скорее всего и не видел тех, о ком рассказывал с такой уверенностью.

— У тебя есть семья? — спросил, вдруг, Джеймс, пытаясь разрядить обстановку. Габриель погрустнел, опустил глаза и ответил:

— Меня вырастил мой дядя. Он забрал меня к себе, когда я был еще совсем маленьким. Стоунхилл стал мне родным домом.

— А что случилось с твоими родителями? — спросил Джеймс.

— Я не знаю, — ответил Габриель и сделал небольшую паузу. — Дядя Ролан говорил, что они жили в маленькой деревушке, недалеко от Стоунхилла. У них совсем не было денег, и они отдали меня на воспитание ему. По крайней мере, именно такую историю я слышал в детстве, но, сколько я не спрашивал, что это была за деревня и где она находилась, я не получал ответа.

А со временем эти вопросы ушли из моей головы. Я думал, что раз уж родители бросили меня на произвол судьбы, раз я был им не нужен, то мне не зачем было их искать! Габриель, незаметно для себя, повышал тон и почти перешел на крик, но опомнившись, успокоился и спросил Джеймса:

— А как насчет твоих родителей? Они живы?

— Надеюсь! — тихо ответил Джеймс. — Они мне снятся почти каждую ночь. Я вижу во сне свой дом. Но один раз мне приснились не они. В ту ночь, проведенную в тюрьме, мне снился дракон. Он был весь черный и летел прямо на меня. Из его огромной пасти вырывался огонь!

Торн настороженно взглянул на парня. Такие сны были не к

добру. Драконы — это древнее зло. Они наводили ужас одним только видом и считались бессмертными, поскольку не было ни одного упоминания о воине, сразившем дракона. Хотя, драконов и не видели в этих землях многие тысячи лет, да и летописи тех давно забытых времен уже, наверное, не сохранились ни в одной библиотеке.

Что же касалось тех вещей, что продавались на черном рынке под видом драконьих, так то, не более чем уловка нечестных торговцев. Ради своей выгоды они готовы были продать и собственную мать, если за нее предложат хорошую цену!

Но одно дело было врать покупателям, что обычный продолговатый булыжник — это окаменелый язык настоящего дракона, убитого кем-то в горах Рикт, в самом сердце Темных земель, и совсем другое — видеть его во сне тому, кто и не знал вовсе о существовании этих ящеров, обитавших когда-то в этом мире. Это был очень плохой знак, но что он означал, знали только просвещенные. К ним относились и Верховные маги, от которых тоже остались лишь легенды.

Габриель, как и Торн, глубоко задумался над сказанным Джеймсом. Тот, заметив, что сказал что-то не то, попытался перевести разговор в другое русло и спросил Габриеля:

— А как ты стал лидером мятежников? Габриель нахмурился еще больше и ответил:

— Мятежниками нас называют только те, кому мы перешли дорогу. Мы зовем себя борцами за свободу!

Торн язвительно усмехнулся. Габриель, заметив это, продолжил:

— Когда мне было семнадцать лет, к власти в Стоунхилле пришел новый правитель. Он установил непосильные налоги для крестьян. Чтобы платить вовремя, нам с дядей приходилось работать в поле круглые сутки. Работа была тяжелой. Мы едва успевали. Тот год выдался не урожайным из-за засушливого лета, и мы не смогли собрать достаточно зерна для продажи.

Они пришли рано утром, забрали Ролана, а ферму подожгли. Я возвращался с рынка, когда увидел черный дым. Ферма сгорела дотла, а Ролана казнили в тот же день, за неповиновение указу правителя. Мне не куда и не к кому было идти, и я сбежал в лес.

Там я построил себе небольшой домик на дереве из веток и листьев. Я тайком пробирался в Стоунхилл и крал еду и лошадей у стражников. Они были слишком глупы и неповоротливы, чтобы справиться со мной. Я отдавал лошадей людям, которые в них нуждались. Мне они были тогда ни к чему.

Некоторые благодарили, падали в ноги, помогали едой и одеждой, но были и такие, которые боялись. Они были готовы

отдавать в казну сколько угодно, лишь бы их не трогали и не желали связываться со мной. Некоторое время спустя, слух о некоем доброжелателе, помогавшим людям, дошла до правителя, и он назначил награду за мою голову. Вознаграждение было столь щедрым, что тот, кто его получил, стал бы весьма состоятельным человеком. Но никто так и не сознался, что был знаком со мной.

А еще спустя какое-то время ко мне начали приходить люди, которые оказались в том же положении, что и я. Когда нас набралось уже с дюжину, мы организовали конный отряд. Нашей основной целью было свержение тирана, стоявшего у власти в Стоунхилле. Через несколько месяцев численность нашего лагеря возросла настолько, что мы были готовы осуществить задуманное. Мы захватили власть в городе!

— И чего вы этим добились?! — перебил его Торн.

— Мы добились справедливости! Отныне, народ Стоунхилла свободен! Теперь люди сами будут вершить свою судьбу, и никто не будет навязывать им свою волю!

— Это слова самоуверенного глупца! — воскликнул хаатин. — Как вы собираетесь платить налоги наместнику Элонии? Ведь он устанавливает их размер, а не вы! И если плата не поступит вовремя, он пришлет подготовленную армию и перебьет весь ваш свободный народ! И во главе Стоунхилла вновь встанет кровожадный убийца, который будет еще хуже чет тот, которого вы только что свергли! И это замкнутый круг! Круг, из которого нет выхода!

— Ты ошибаешься, хаатин! — возразил Габриель. — Мы дали людям то, чего они хотели — свободу! Мы подали им пример борьбы, дали надежду на лучшую жизнь!

— Вы подписали им смертный приговор! Даже если эти люди будут бороться за свою независимость, они не смогут противостоять хорошо обученным солдатам! А вы, затуманив их разум своими бреднями про лучшую жизнь, отойдете в сторону, наблюдая за тем, как головы непокорных сажают на пики в назидание остальным! Такова будет цена недолгой свободы!

— Нет! — закричал Габриель. — Это не правда! Все будет иначе!

— Все будет иначе, когда ты станешь королем! Если ты им станешь, конечно. И если это произойдет, то ты сможешь помочь своему народу. Но захочешь ли ты этого? Торн скривил губы, пытаясь изобразить улыбку.

Габриель не стал продолжать разговор и, опершись спиной на ствол упавшего дерева, закрыл глаза. Спать ему не хотелось. Он был полностью не согласен с тем, что заявлял хаатин, но спорить с ним дальше не было сил.

Джеймс улегся у костра и протяжно зевнул. Он не совсем понял суть разговора, но был рад тому, что все закончилось мирным путем. Повернувшись на спину, он еще долго наблюдал за ночным небом, на котором ярко мерцали звезды.

Большая, полная луна заняла место на небесном троне и, осматривая свои владения сверху, озаряла землю мягким, серебряным светом. «Как красиво!» — подумал Джеймс. Он никогда раньше не видел такой огромной луны. Казалось, что он смотрел на нее через телескоп. Джеймс мог разглядеть рельеф ночного светила не вооруженным глазом. Огромные кратеры, покрывавшие ее поверхность, словно широко открытые глаза, следили за всем происходящим в этом мире.

Торн лег поодаль от своих спутников и, положив свой меч под голову, моментально заснул. Было прохладно. Ветер, неожиданными порывами, заставлял съеживаться и подвигаться ближе к огню, который трепетался по сторонам от налетов стихии.

Вдалеке был слышен вой, вышедших на охоту чудовищ. Он был настолько отчетливым и громким, что Джеймс несколько раз просыпался, вздрагивая от страха. Но убедившись, что опасность ему не грозит, вновь быстро засыпал.

Когда Джеймс открыл глаза, было уже утро. На костре готовился завтрак, за которым следил Габриель, одновременно чистив свой меч охапкой зеленой травы. Торн, как всегда, возился с лошадьми, нашептывая что-то им на ухо.

Позавтракали быстро, не обронив ни слова. Путь был не близким, поэтому медлить не стали. Оседлав лошадей, всадники отправились дальше в лес, который им предстояло преодолеть к концу дня, а там и до деревни было рукой подать.

Впереди был Габриель. Он уверенно прокладывал дорогу сквозь заросшие травой и кустарником деревья. Эти места были дикими и не объезженными. Если здесь и ступала нога человека, то было это очень давно.

— Ты уверен, что знаешь дорогу? — обеспокоенно спросил Торн проводника.

— Не беспокойся! Мы двигаемся в правильном направлении, — успокоил Габриель. — Так мы срежем путь и выйдем на дорогу уже к полудню!

Торн ничего не ответил и посмотрел на поднимавшееся солнце, которое медленно подбиралось к зениту.

Джеймс плелся в хвосте группы, и ему нередко доставалось от отогнутых хаатином веток, мешавших движению. Он пытался закрываться руками, но это не всегда помогало. И когда они вышли на участок леса, на котором деревья росли реже, Джеймс с

облегчением вздохнул, потирая ушибленные места.

Через некоторое время всадники добрались до дороги. Габриель самодовольно улыбался, ведь все случилось так, как он и говорил.

Торн покачал головой. Этот юноша был слишком молод и не опытен, чтобы быть королем. Неужели, ему было по силам вести за собой королевские легионы и соединить амулет воедино?! Да кто же пошел бы за таким юнцом в бой? Кто бы доверил ему свою жизнь? Эти вопросы постоянно мучили хаатина и не давали ему покоя.

Дорога была широкой и хорошо вытоптанной. Она вела в город Вергольд, который располагался в пяти днях пути от Стоунхилла. Это был крупный город, славившийся своими изделиями из самой разнообразной кожи. Многие проделывали неблизкий путь, чтобы заказать у местных мастеров нужные им вещи. Особой популярностью пользовались седла из мягкой кожи, секреты изготовления, которых держались в строжайшей тайне. К тому же через Вергольд лежал путь в столицу Элонии. Дорога, по которой двигались всадники, пользовалась большой популярностью и не успевала зарастать травой. По ней, в частности, везли обозы с данью, собранной у населения.

На образовавшемся перекрестке, путники повернули налево, и дорога сузилась вдвое. Петляя и огибая могучие стволы вековых деревьев, она уходила далеко вперед. Свернув еще несколько раз, всадники оказались на развилке и остановились. Габриель колебался в выборе маршрута. Впервые за все время пути он не знал, куда двигаться дальше.

— Что, дорогу забыл? — спросил Торн.

— Нет! Нам надо повернуть налево, — ответил Габриель.

— Ты в этом уверен? — переспросил хаатин. Он хоть и не был в этих местах, но представлял, куда ведут оба пути. — Свернув налево, мы только больше углубимся в лес! Если пойдем направо, то мы выйдем из него, и тогда нам останется пересечь равнину, чтобы добраться до деревни.

— Что ты такое говоришь? Я лучше знаю эти места! Если мы повернем налево, то сократим себе путь и к заходу солнца будем на месте!

Торн знал, что Габриель ошибался, но не стал возражать и жестом руки передал право выбора королевскому отпрыску. Лучше всего было учиться на своих ошибках. Любая из этих дорог вывела бы путников из лесу, но та, про которую говорил хаатин, была намного короче и безопасней.

День уже подходил к концу, а всадники все еще не могли преодолеть лес. Им казалось, что он никогда не закончится.

Земля под ногами начинала вздыматься, и лошади с большим усилием преодолевали крутой подъем.

Габриель, осознавая, что был не прав, хмурил брови и молчал всю дорогу. Он понимал, что ошибся в выборе пути, но упорно не хотел признавать это, да и поворачивать назад было уже поздно. Слишком большой путь был пройден.

Уже стемнело, когда всадники добрались до вершины холма. Было ясно, что к ночи им из леса не выбраться, и надо было снова искать подходящее место для ночлега. Лошади очень устали, отдав все силы на тяжелый подъем, и еле волочили ноги. Им, как и их наездникам, нужен был отдых.

Торн был зол на Габриеля за его упрямство, но еще больше он злился на себя за то, что позволил мальчишке выбрать заведомо неверный путь.

— Так значит это и есть короткий путь? — спросил Торн.

Габриель не отвечал и продолжал двигаться дальше. Он был слишком горд, чтобы признать свою ошибку. Слова, сказанные хаатином, задевали его самолюбие и не давали успокоиться.

Торн, заметив это, не стал больше продолжать разговор. Да ему было и не до разговора. Лошади были не на шутку чем-то встревожены, и их приходилось силой гнать вперед. Они отворачивали в сторону, топтались на месте и испуганно ржали.

— Что происходит? — спросил Джеймс. — Что на них нашло?

— Они что-то почуяли! — ответил Торн. — Что-то очень не доброе! Пройдя еще несколько шагов, лошади взбесились и начали вставать в дыбы. Джеймс выпал из седла, больно ударившись спиной о землю, а его скакун моментально скрылся из виду в обратном направлении. Торн и Габриель едва удержались на месте. Они были опытными седоками, но сейчас даже им пришлось нелегко.

— Ты как, в порядке? — спросил Габриель, поднимавшегося с земли Джеймса. Тот мотнул головой, потирая ушибленное место, и смотрел вслед бросившей его кобылы.

— Надо спешиться. Лошади дальше не пойдут, — произнес Торн, слезая со своего коня. Габриель сделал то же самое. Затем Торн передал свои поводья Габриелю, а сам пошел впереди, чуть опережая Джеймса.

Наследник был недоволен тем, что оказался позади всех, но, вспомнив, по чьей вине они забрались в эти дебри, послушно зашагал, ведя за собой лошадей.

Когда месяц на хмуром, ночном небе, наконец-то, показался из-за туч, путники вышли на поляну. От увиденного, они замерли на месте. Их взору открылось огромное поле, находившееся прямо в лесу, посреди деревьев. Оно было усеяно могильными

плитами и склепами разных видов и размеров. Освещенные лунным светом, они казались особенно страшными. Надписи на плитах стерло время. Их не возможно было прочесть. Сами же плиты были покрыты огромными трещинами, которые с каждым годом становились все больше, разрушая их до основания.

Склепы из крупного серого камня были завешаны паутиной сверху донизу. Как будто маленькие, невидимые глазу стражники, взяли их под свою охрану от незваных нарушителей спокойствия. По земле расстилался густой туман, обхаживая владения и плотно обволакивая все, что попадалось на пути. Воздух был застоявшимся и тухлым, вызывая тошноту при каждом вдохе. Легкий ветер, сменявшийся на ураган и сопровождавший путников всю дорогу, неожиданно стих. Казалось, что он тоже боялся этого места, как и все живое, и старался обходить его стороной.

Торн обнажил свой меч и начал осторожно продвигаться вперед. Джеймс с Габриелем последовали за ним.

— Где мы? — спросил Джеймс почти шепотом, но его голос громким эхом разнесло по округе.

— Это поле битвы, — ответил Торн. — Когда-то давно, тысячи лет назад, здесь состоялось решающее сражение за Элонию.

— Битва при Парне! — Вмешался Габриель. — Я слышал про это. Сражение с легионами орков, которых было так много, что земля содрогалась, когда они шли в атаку! Люди одержали верх в этой войне!

— Люди победили, потому что в этой войне им помогали эльфы и гномы! Это было одно из самых кровопролитных сражений в истории! И если бы самоуверенный и гордый король Элонии, Улрих не устроил битву в лесу, где эльфийские лучники и гномьи катапульты были бессильны, то таких жертв удалось бы избежать! Если бы он послушал совета короля эльфов, то война была бы выиграна задолго до этого сражения на реке Парне!

Погибших было так много, что их хоронили прямо здесь, на этом поле. Эта земля насквозь пропитана кровью. Даже спустя тысячи лет на ней ничего не растет. А нам надо побыстрее убираться отсюда!

Торн рассказывал о битве так, будто сам принимал в ней участие. Его слова были пропитаны ненавистью, а голос звучал напористо и резко. Он хотел донести смысл сказанного до будущего короля. Торн хотел, чтобы Габриель сам понял и переосмыслил, какая огромная ответственность ляжет на его плечи. И за его решения — правильные и не правильные, будет отвечать уже не он один, а весь народ.

Габриель глубоко задумался. Он не знал подробностей этой истории и наравне с хаатином осуждал действия короля Улриха. «Как можно было так нелепо распорядиться преимуществом перед врагом?» — крутилось у него в голове.

Джеймс закрывал лицо рукой и старался дышать ртом. Он не мог переносить этот запах. Ему становилось плохо, начинала кружиться голова и тошнота, подкатывая к горлу, не давала покоя.

Габриель, заметив состояние юноши, покопался у себя в вещах и достал мешочек с целебными травами. Затем, вынув веточку с тремя зелеными листами на ней, он протянул ее Джеймсу.

— Возьми! — сказал Габриель. — Разжуй и подержи во рту недолго. Потом сплюнь. Только ни в коем случае не глотай!

Джеймс поблагодарил и сделал все так, как ему велели. Через несколько минут ему стало легче. Тошнота прошла, но голова все еще побаливала.

Джеймс старался держаться поближе к Торну и не отходил от него ни на шаг. Так ему было спокойнее. Зловещая атмосфера этого места нагоняла на него ужас, и Джеймс, то и дело, крутил головой по сторонам, реагируя на каждый шорох. Оружия у него не было, да он и не умел им пользоваться, в отличие от хаатина, который уверенно и быстро шагал вперед.

Габриель немного отставал от них, едва справляясь с обезумевшими от страха лошадьми. Они пытались вырваться, вскакивая на задние ноги, но Габриель крепко держал в руках удела и невольно подпрыгивал каждый раз, когда лошади пытались освободиться. Это был их единственный транспорт, потеряв который, путникам пришлось бы топать весь оставшийся путь пешком, теряя силы и время.

Туман, расстилавшийся по земле густыми клубами, поднимался наверх, и, словно занавесом, закрывал плотной пеленой окрестности холма. Торн прищуривал глаза, пытаясь что-нибудь разглядеть впереди себя. Джеймс шарил рукой в пустоте, в надежде наткнуться на невидимую стену, которая вывела бы его из этого гиблого места, но все было тщетно. Он боялся потерять Торна из виду и не сводил с него взгляд. Он шел по пятам, спотыкаясь о камни, валявшиеся под ногами и чертыхаясь про себя.

Вдруг, где-то поблизости раздался громкий треск, эхом прокатившийся по поляне. Джеймс и Торн остановились, пытаясь понять, откуда он исходил, и тут, земля ушла у них из-под ног и они с грохотом провалились в глубокую пещеру. Габриель, увидев это, подбежал к краю обрыва, не выпуская поводья из рук,

опустился на колени и попытался взглядом отыскать сорвавшихся в пропасть спутников.

— Вы в порядке? — крикнул Габриель.

Джеймс слышал его голос, но не мог ответить. Он сильно стукнулся головой и ударился левым плечом о камни. В глазах потемнело, и он еще некоторое время не мог встать, потеряв ориентацию. Когда боль немного стихла, а пелена на глазах исчезла, Джеймс попытался подняться. С первого раза ему это сделать не удалось. От резкой боли, вновь пронзившей его голову, он опустился на колени и крепко стиснул зубы.

Потирая рукой ушибленное плечо, Джеймс осмотрелся. Он находился на невысоком уступе, футах в шести от пола пещеры, который широкой каймой тянулся по ее стенам. Лунный свет падал через отверстие в земле и озарял круглые каменные колонны, расположенные в два ряда и подпиравшие потолок пещеры. В самом ее центре полукругом располагались каменные массивные гробы, накрытые тяжелыми крышками со странными, непонятными надписями на них.

Это был склеп, расположившийся глубоко под землей. Возле одного из таких гробов Джеймс увидел хаатина, стоявшего на четвереньках. Ему повезло меньше и он, скатившись с уступа, на котором находился Джеймс, рухнул на пол с шести футовой высоты.

— Торн, ты живой? — ослабленным голосом спросил юноша. Хаатин, не обращая на него внимания, искал свой меч, который он обронил во время падения.

Вдруг, он услышал грохот, приближавшийся из темноты, за которым последовал душераздирающий вопль. Через несколько мгновений в лунном свете показался огромный тролль, чье спокойствие нарушили, ворвавшиеся в его владения незнакомцы. Страшное, омерзительное, десятифутовое чудовище двигалось прямо на хаатина. Его серая, толстая, как у слона, кожа мерцала в серебряном свете, словно рыбья чешуя на ярком, дневном солнце. Массивное тело тяжело передвигали короткие ноги. В его руках была зажата большая дубина, больше походившая на сухое дерево, выкорчеванное прямо с корнем. Не дойдя до Торна с десяток шагов, тролль остановился.

В голове у хаатина промелькнула единственно верная мысль: «Он слеп! Иначе давно заметил бы меня». Тролль поднял голову и начал шмыгать своим большим, широким носом, вынюхивая добычу. Он знал, что еда была совсем близко от него, он чувствовал это.

Торн вытянулся во весь рост и посмотрел на Джеймса. «Только не шевелись!» — проговаривал хаатин шепотом, едва

шевелив губами. Он надеялся на то, что Джеймс поймет, что тролль ничего не видит, и будет сидеть тихо.

Джеймс был в ужасе. Голова этого чудовища была прямо напротив его. Он мог разглядеть каждую складку на толстой шее тролля, каждый волосок, торчавший из его ушей. Превозмогая боль, Джеймс попятился назад. Он старался быть осторожным и не издавать громких звуков, но случайно наткнулся на камень, который с неприятным скрежетом выскользнул из-под его ноги. Тролль моментально повернул голову в сторону, где стоял Джеймс. Юноша округлил глаза и приоткрыл рот. Страх сковал его тело, и он не мог пошевелиться.

— Эй, ты, сюда! — закричал хаатин, пытаясь отвлечь монстра от застывшего на месте юноши. Тролль взревел и кинулся на голос, размахивая дубиной и врезаясь на ходу в колонны, откалывая от них куски камня.

Торн шарил взглядом в поисках своего меча. У него было всего несколько секунд до атаки приближавшегося к нему чудовища. Ничего не найдя, хаатин отпрыгнул в сторону, увернувшись от удара, который пришелся прямиком по надгробию. Удар был такой силы, что каменный гроб разлетелся на куски, придавив одним из таких осколков левую ногу хаатина.

Тролль вновь начал шмыгать носом и на этот раз обоняние не подвело. Он безошибочно выбрал направление и зашагал к Торну, который отчаянно пытался выбраться из каменной ловушки, но у него ничего не получалось. Приблизившись практически вплотную, тролль остановился и снова принюхался. Поморщив нос, он принялся искать свою добычу на ощупь. Хаатин, тщетно пытавшийся освободиться, вдруг, заметил среди обломков свой обнаженный меч, который лежал совсем рядом с ним. Он попробовал дотянуться до него, но не смог.

Тем временем, Габриель наблюдал за всем происходящим сверху, но ничем не мог помочь своим спутникам. Яма была слишком глубокой, чтобы можно было безболезненно спуститься вниз. Поэтому Габриель мог только сопереживать попавшим в беду путникам. «Постойте! Но если в пещере живет тролль, то он как-то в нее вошел? Значит, где-то здесь есть вход в подземелье! Надо только его найти!» — думал Габриель, вставая на ноги.

И тут, он услышал хруст ломавшихся под чьими-то ногами веток, а через мгновение раздался протяжный хриплый вой, доносившийся из леса. Наследник обернулся, но никого не увидел. Это были твари, обитавшие в лесу. Хаатин был прав. Габриель не знал, почуяли они его или нет. Может быть, они хотели сначала окружить его, а потом напасть? Или может, эти звери охотились за кем-то еще? Хотя, вряд ли в этом лесу можно

было встретить хоть кого-нибудь в такой поздний час.

Лошади успокоились и перестали ржать и вырываться. Они чуяли опасность, таившуюся среди деревьев. Габриель, поглаживая их рукой, потянул за поводья и тихо попятился назад, одновременно пытаясь разглядеть поблизости вход в подземный склеп. Из-за густого тумана ничего не было видно. Лишь полуразрушенные надгробия серыми пятнами всплывали перед глазами, на которые натыкался Габриель, замечая их слишком поздно.

Шум из леса продолжал нарастать. Треск ломавшихся веток доносился уже отовсюду. На охоту вышла целая стая и сейчас они окружали свою добычу и поджидали удобного случая для атаки.

Джеймс пришел, наконец, в себя и принялся подзывать тролля, увидев, в какой плачевной ситуации находился Торн. Он не знал, что будет делать дальше, но иначе не смог бы отвлечь чудовище от беспомощного хаатина.

Тролль выпрямился, прислушиваясь к голосу юноши, и медленно повернулся в его сторону, волоча по полу массивную дубину. Она издавала неприятный уху скрежет, цепляясь за каждое, попадавшееся на пути, препятствие и с не охотой поддавалась своему хозяину.

Торн, молча, смотрел Джеймсу в глаза и недовольно качал головой. Отвлечь чудовище на себя было глупой затеей. Хоть этим юноша и спас хаатина от возможной смерти, но тем самым поставил под удар свою жизнь. Деваться Джеймсу было некуда, и он вплотную прижался к стене, ожидая своей участи.

Тролль уверенно двигался к уступу, на котором находился юноша. Он поднял дубину с пола и закинул ее на плечо, поддерживая рукой. Торн снова закричал, но чудовище не обращало на него уже никакого внимания. Тролль чуял свежее мясо и, осторожно обходя громоздкие колонны, быстро шагал к заветной цели.

Хаатин приподнялся и схватился обеими руками за каменную глыбу, придавившую ему ногу. Вдохнув полной грудью спертый, влажный воздух, скопившийся в пещере, он, что есть силы, навалился на камень и попытался сдвинуть его. У хаатина тряслись руки, а на шее выступили крупные, похожие на стальные канаты, жилы, которые, казалось, вот-вот порвутся от напряжения. Лицо покрылось красными пятнами, натянутые скулы обнажали белые стиснутые зубы, а глаза пылали нескончаемой яростью ко всему сущему. Через мгновение глыба поддалась, и Торн сбросил ее с себя, издавая мучительный крик. Стерев пот со лба, он, покачиваясь, встал на ноги и одним прыжком добрался до места, где лежал меч.

Тролль, к тому времени, вплотную приблизился к уступу и занес дубину над головой, готовый в любой момент нанести решающий удар.

— Джеймс! Лови! — крикнул Торн и с размаха кинул меч юноше.

Джеймс подбежал к краю и вытянул руку, в надежде схватить клинок. Меч, перелетев через всю залу и сделав несколько оборотов вокруг своей оси, попал точно в руку мальчика, который тут же сжал ее в кулак, крепко ухватив клинок. Но оружие хаатина оказалось слишком тяжелым и Джеймс, не удержавшись на краю обрыва, потерял равновесие и полетел вниз. Тяжелый удар тролля пришелся по каменному уступу и, подняв столп серой пыли, раскатистым глухим гулом прокатился по пещере.

Торн, прихрамывая, подошел к Джеймсу и поднял его на ноги, не отрывая взгляда от бесновавшегося чудовища. Подобрав свой меч, стараясь не издавать громких звуков, хаатин, подхватив юношу, направился в темную, не освещенную луной, часть пещеры. Он думал, что найдет там выход из склепа и не ошибся. Увидев в стене большую дыру, которая до прихода тролля была небольшим прямоугольным проходом, ведущим на поверхность, Торн перешел на бег, чтобы успеть выбраться из пещеры до того, как чудовище опомнится и начнет погоню за добычей. Он тянул за собой Джеймса и не останавливался ни на минуту, чтобы отдохнуть.

Длинный, извилистый коридор вывел их к широким, полуразрушенным ступеням, которые по спирали уходили наверх. Торн с Джеймсом уже проделали половину пути к поверхности, как услышали дикий вопль тролля и громкие частые шаги, доносившиеся из склепа. Чудовище не хотело сдаваться и пустилось в погоню.

Габриель бежал так быстро, как только мог и тянул за собой лошадей, которые, не сопротивляясь, бежали рядом с ним. Он спотыкался, падал, поднимался и снова бежал. Стараясь не оглядываться, наследник, жадно глотая воздух, пробирался сквозь туман к, возникшему невдалеке, склепу из гладкого серого камня с деревянной резной дверью.

Габриель надеялся, что в нем он сможет на время укрыться от нависшей над ним угрозы и дождаться прихода своих спутников. Мысль о том, чтобы сесть на лошадь и убежать от гнавшихся за ним созданий, ни разу не возникла у него в голове. Габриель не мог бросить Торна и Джеймса на произвол судьбы и скрыться, забрав лошадей. Так поступили бы многие, спасая свою жизнь, но не он.

Его всегда учили благородству и мужеству. Даже в детстве,

будучи совсем ребенком, он никогда не убегал от драки и всегда встречал своего противника с высоко поднятой головой, даже если противник был сильнее и выносливее его. Но сейчас его противником были неведомые существа, которые не обладали качествами настоящего воина и без труда разорвали бы его на части, напав всей стаей.

Вой становился все сильнее, и Габриелю показалось, что он услышал, как одна из этих тварей задела надгробие, которое тут же с грохотом развалилось от сильного удара. Он остановился и обернулся, но никого не увидел.

Они были уже совсем близко. Растворившись в густом тумане, они подкрадывались к своей жертве, чтобы наброситься на нее, не оставляя шансов на спасение. Склонив свои головы, они мягко ступали по холодной земле. Это были опытные, хитрые, хорошо организованные охотники, которые уже загнали испуганную добычу в угол и выжидали удобное время для молниеносной атаки. Ни одна жертва не должна была уйти от их острых, как бритва когтей, поэтому звери медленно и хладнокровно, сдерживая сильный голод, окружали Габриеля, который подбирался к спасительному убежищу. Меч, который он сжимал в левой руке, был без надобности против такого противника, и он убрал его обратно в ножны, чтобы ничто не стесняло движение.

Склеп вблизи оказался внушительных размеров: около пятнадцати футов шириной и не менее тридцати в длину. Грозная треугольная крыша с многочисленными узорами из камня и надписями на непонятном языке, всем своим видом говорила о величественности и значимости сооружения. Толстые массивные стены с фальшивыми колоннами, выступавшими на торце склепа ступенями, и маленькими полукруглыми окнами без стекол, на большую глубину уходили под землю.

Издали сооружение было похоже на замок, который мог многие месяцы выдерживать осаду неприятеля и устоять под огнем катапульт и таранов. В этом склепе был похоронен кто-то очень важный и могущественный, павший на поле боя в пылу кровопролитного сражения за Элонию много лет тому назад.

«Да где же их носит? Неужели они не смогли выбраться?» — думал Габриель, приближаясь к спасительному склепу. Он надеялся, что Торн найдет выход и без особого труда расправится с троллем, преградившим им путь. Какую бы неприязнь он не испытывал к хаатину, он хотел, чтобы Торн остался жив. Сейчас они были равны перед лицом нависшей над ними опасности, и Габриель был даже рад тому, что в данной ситуации рядом с Джеймсом оказался именно хаатин.

Подойдя к дубовой двери склепа, Габриель вдруг насторожился. Он услышал звуки, доносившиеся изнутри. Бежать ему было некуда, да и сил на очередной рывок уже не осталось, и он, вновь обнажив клинок, терпеливо ждал схватки с невидимым врагом.

Послышался глухой стук, как будто, кто-то пытался вырваться наружу, но массивная, тяжелая дверь не поддавалась и нерушимым барьером сдерживала натиск темных сил. Она была последним рубежом, который отделял Габриеля от неизвестного противника. Он был готов встретить свою судьбу в лице коварного и сильного врага, изо всех сил ломившегося в нерушимую дверь. Он был спокоен и собран и уже не обращал внимания на приближавшихся сзади созданий. Сжимая в правой руке поводья, Габриель вытянул меч перед собой и застыл в ожидании.

Вдруг, стук изнутри прекратился. Неужели тот, кто пытался вырваться из склепа, сдался и отступил, не в силах тягаться с возникшим на пути препятствием? Но нет, через несколько секунд раздался сильный грохот и дверь со страшным скрипом немного приоткрылась.

Габриель напрягся и даже присел от нахлынувшего на него волной страха. Это был страх перед неизведанным. Что или кто должен был появиться из темноты? Может быть, это был огромный злой тролль, а может, какое-то неизведанное кровожадное чудовище, которое без труда перекусило бы пополам меч Габриеля, да и его самого в придачу?

Наследник был готов вступить в бой в любую минуту, но, вдруг, из приоткрытой двери показался Торн, несший на себе обессилившего и израненного Джеймса. Габриель вздохнул с облегчением. Он был очень рад снова увидеть своих спутников живыми, хоть и изрядно потрепанными.

— А я уж подумал, что тот тролль отужинал вами! — бодрым голосом произнес Габриель. Он не показывал своей радости, но на самом деле готов был броситься на шею спасшимся товарищам.

— Помоги мне! — проигнорировав шутку, потребовал Торн, скидывая с плеча руку Джеймса. Габриель подхватил парня и передал поводья хаатину.

— Джеймс, ты в порядке? — спросил наследник, глядя на изнывающего от ран юношу.

— Да..я..со мной все в порядке, — растерянным тоном пробормотал он.

— Он ударился головой, — ответил Торн. — А ты, я вижу, обзавелся друзьями, пока нас не было? Хаатин сразу почуял

приближавшуюся опасность и немедля запрыгнул на своего коня. Протянув руку, он подхватил Джеймса и посадил его перед собой. Тот едва держал равновесие.

— Надо уходить, скорее! — крикнул хаатин, запрыгивающему в седло Габриелю, который, не говоря ни слова, ударил лошадь по бокам и галопом поскакал прочь. Торн с Джеймсом незамедлительно последовали за ним. Позади они слышали дикий вой разъяренных охотников, упускавших свою добычу. Он раздавался со всех сторон и, отражаясь волной от деревьев, создавал такое ощущение, что весь лес кишел этими тварями.

Джеймс вертел головой по сторонам, но ничего не видел из-за расползавшегося по округе тумана, который полностью окутал близлежащие окрестности. Торн знал, что им надо было миновать плотную белую пелену и преследователи отстанут от них. Это была их территория и за ее пределами они не могли продолжать охоту.

Габриель скакал впереди, подгоняя своего скакуна и петляя между деревьев. Он не оглядывался и старался не слушать доносившиеся отовсюду вопли, которые мелкой дрожью пробегали по его телу и приводили в ужас лошадей. Охотники были быстрее и проворнее своей добычи и понемногу сокращали расстояние. Совсем скоро они были бы готовы нанести удар, но неожиданно преследователи отстали и дикий рев остался позади. Опасность миновала, и теперь путникам можно было перевести дыхание и остановить лошадей. Территория, которая была под властью диких неведомых зверей, кончилась, и путники могли на какое-то время почувствовать себя в безопасности.

Они нашли удобное место для ночлега и развели костер. Джеймса положили на расстеленное возле огня тряпье и напоили водой. Торн, выбрав палку потолще, намотал на один конец кусок плотной ткани и сунул его в огонь. Затем он убедился в том, что самодельный факел не потухнет, разглядывая его пристально какое-то время, и скрылся в темноте.

Габриель наблюдал за манипуляциями хаатина и с интересом смотрел на голубое пламя, исходившее от факела. Искусственный огонь, произведенный с помощью белого спрессованного кубика, сжигал вещи гораздо медленнее настоящего, и поэтому, обычная тряпка, намотанная хаатином на палку, горела так долго. Вот почему костер мог гореть до самого утра, не требуя больше дров.

У Джеймса болело все тело, он не мог пошевелиться. Голова буквально раскалывалась на части, как будто, кто-то изнутри бил по ней большим и тяжелым молотом. Боль была настолько сильной, что ему трудно было говорить и двигаться, а глаза застилала мутная пелена. Видимо он сильно ударился головой о

каменный пол склепа, когда упал с невысокого уступа. Возможно, он даже заработал сотрясение мозга, но об этом Джеймс старался не думать.

Габриель свернул кусок ткани в несколько раз, облил его водой из фляги и положил на лоб юноши.

— Компресс облегчит боль! — сказал Габриель, усаживаясь на место.

В это время из леса показался Торн с все еще пылавшим факелом в руке и какими-то травами за пазухой. Он, не говоря ни слова, вынул из сумки, которая висела на боку у коня, жестяную кружку и поставил ее на огонь. В кружку он положил принесенные из леса травы и залил все водой. Затем дал Джеймсу выпить приготовленное зелье.

Юноша сделал один глоток и тут же выплюнул варево на землю. Горечь быстро заполонила всю полость рта и не хотела уходить. Джеймс морщился от отвращения и сплевывал остатки приготовленного для него напитка.

— Ты должен это выпить! — настаивал Торн. — Тебе станет легче, а к утру будешь как новенький!

Джеймс мотал головой, наотрез отказываясь вливать в себя горькую отраву. Вкус этого напитка был настолько противен, что как только он касался кончика языка, тошнота сразу же подступала к горлу и не давала ему пройти дальше. Тем не менее, его целебные свойства не знали границ и исцеляли многие недуги и хвори.

Мать хаатина была травницей и научила своего сына всему, что знала и умела сама. Эти навыки сильно пригодились ему при охоте за трофеями. Травы, которые росли в лесах Элонии, не раз спасали хаатину жизнь и залечивали глубокие раны, появлявшиеся после продолжительных и жестоких сражений с чудовищами.

— Я не собираюсь тащить тебя на себе всю дорогу! Если ты не выпьешь это, то мы оставим тебя здесь! А когда доберемся до деревни, пришлем к тебе помощь, — сердитым голосом сказал Торн, убирая кружку в сторону. Джеймс приподнялся, опираясь на локти, и сказал:

— Я выпью!

Торн протянул ему сосуд с целебным напитком. Джеймс, перевернувшись на бок, взял кружку и стал жадно пить содержимое. Через несколько секунд он протянул пустую тару обратно хаатину. Торн одобрительно кивал головой. Он не переставал удивляться мужеству парня. Он знал много примеров, когда люди, находившиеся на волосок от смерти, не могли заставить себя выпить спасительное зелье.

— Теперь тебе нужно поспать! — спокойным голосом сказал хаатин и прополоскал кружку водой.

— Хаатин знает секреты зельеварения? — насмешливо спросил Габриель.

— Из-за твоего безрассудства мы чуть не погибли! — игнорируя вопрос, крикнул Торн. — Мы чудом остались живы! И все из-за того, что ты слепо веришь в то, что кругом прав! Ты не слушаешь никого, кроме себя и, однажды, это приведет тебя к гибели! И если бы за тобой сегодня шла твоя армия, то ты погубил бы и их всех! Ты слишком легкомыслен, слаб и юн, чтобы управлять страной! Ты не достоин быть королем!

— Это решать не тебе, хаатин! — ответил Габриель. — Я признаю, что выбрал не ту дорогу и раскаиваюсь в этом. Но король один принимает решения и несет ответственность за них!

— Ты ошибаешься! — перебил Торн. — Настоящий король руководствуется советами и думает в первую очередь о благополучии своего народа. Ты можешь сложить тысячи голов ради своей прихоти, но так ты не заслужишь уважения.

Сотни лет наместники Элонии строили свою власть на крови. Они тоже не слушали ни чьих советов и поступали так, как считали нужным. И посмотри, чего они добились!

Торн замолчал и сел у костра, смотря на игру танцующих и подпрыгивающих языков пламени. Габриелю было нечего сказать. С каждым их разговором, наследник все больше убеждался в правоте хаатина и мысленно ругал себя за излишнюю заносчивость.

Быть королем — большая ответственность, но вместе с тем и большое проклятие. Неважно, каким ты был до этого, неважно, каким ты станешь после — важно лишь одно — каким ты будешь во время своего правления. Справедливым или жестоким, милосердным или тираном, добрым или злым, миролюбивым или воинственным — все зависело от человека, от его стремлений и убеждений. Быть настоящим королем — значит быть храбрым, мудрым, отважным, справедливым. К сожалению, во главе Элонии далеко не всегда стояли настоящие короли. И если одним из них было не занимать отваги, но не доставало мудрости, то другие прятались в своих замках, обнажая свою трусость и лень перед всем народом.

Истощенные постоянными войнами, земли Элонии нуждались в таком настоящем короле! И когда последний наследник королевского рода был найден, на горизонте забрезжил луч надежды.

ГЛАВА VII Тревожный звон колокола

Джеймс открыл глаза. Он чувствовал себя посвежевшим и отдохнувшим. Боль прошла и больше не тревожила его. Пелена, застилавшая ему глаза, исчезла, и он снова мог хорошо видеть. Вздохнув с облегчением, Джеймс перевернулся на спину и еще какое-то время лежал так, закрыв глаза. Он вспоминал вчерашний день как страшный сон и не мог поверить, что все это происходило с ним наяву. Юноша только сейчас осознал, насколько близок он был к смерти, но это ничуть не страшило его. С равнодушием присущим воинам, многое повидавшим за свою жизнь, Джеймс обдумывал все возможные последствия вчерашнего дня. Снова и снова он прокручивал в своей голове все свои действия, как кинопленку в старом проекторе, подмечая допущенные им ошибки. Сейчас, окажись он в такой же ситуации, действовал бы по-другому.

Также Джеймс корил себя за то, что не удержал меч, брошенный ему хаатином. Если бы он был чуточку сильнее и проворнее, то одолел бы уродливого тролля, вонзив острый клинок ему между глаз. Об этом юноша жалел больше всего. Ему представилась такая возможность убить чудовище своими руками, а он упустил ее. О том, что это чудовище размазало бы его по полу своей мощной дубиной еще до того, как он сделал бы первый замах, Джеймс не думал. Он был убежден в том, что справился бы с глупым слепым врагом не хуже чем Торн. Но по воле счастливого случая все произошло по-другому и Джеймс, так и не став героем, безжалостно расправившимся с огромным троллем, остался жив.

Все основательно обдумав, Джеймс открыл глаза и немного привстал. Он не мог разобрать времени суток, потому что небо было покрыто черными тучами. Кругом было темно, будто день уже подходил к закату, и казалось, что сейчас на небосводе появятся яркие звезды.

— Пора отправляться! — громко сказал хаатин, притаптывая остатки костра сапогом и рассеяв все сомнения Джеймса. Утро.

Габриель уже занял свое место на лошади и поджидал остальных. Он был угрюм и молчалив после вчерашнего разговора с Торном. Он не спал почти всю ночь, и многое обдумал за это время. Слова, сказанные хаатином, крепко засели в его голове и не давали покоя. А что если из него и правда выйдет плохой правитель? Что если, заняв место на троне, он превратится в злобного, самодовольного, эгоистичного тирана? Чем он тогда будет лучше наместника, который правил страной в

данный момент? Вопросы всплывали один за другим, и Габриель злился еще больше от того, что не мог дать на них ответа.

Торн приблизился к Джеймсу и схватил его за голову своей правой рукой. Большим пальцем он приподнял веко и внимательно осмотрел зрачок юноши.

Джеймс не сопротивлялся и послушно стоял на месте, не шевеля головой. Он чувствовал себя как на приеме у врача, который ставил ему диагноз. Опустив руку, хаатин направился к лошадям со словами:

— Все в порядке, осложнений нет. Тебе повезло на этот раз, но впредь будь осторожней! Глупо было рисковать жизнью и выманивать тролля на себя!

— Но я ведь спас тебя! — прокричал Джеймс, захлебываясь от возмущения.

— Мне не нужна была помощь! — продолжил Торн. — Я успел бы выбраться, а вот ты — что бы ты делал дальше? Каков был твой план?

— Я. но ведь все обошлось! — еле слышно сказал Джеймс.

— Нам просто повезло! В следующий раз думай головой!

Хаатин помог юноше взобраться на коня и запрыгнул в седло. Джеймсу досталось место за седоком. Свою лошадь он упустил, и ему пришлось перебраться на коня Торна. Сидеть было неудобно из-за отсутствия седла. Держаться было не за что, и Джеймс крепко ухватился за кусок ткани, служившей прокладкой между седлом и спиной коня.

— Надо напоить лошадей, если хотим добраться до места! — крикнул Торн, пришпорив своего коня. — Если я не ошибаюсь, к северу отсюда должен быть небольшой ручей.

— Да, но мы сделаем крюк! Мы почти выбрались из леса, осталось совсем немного, — возразил Габриель.

— Ты что, хочешь идти пешком? Лошади устали, к тому же не ели несколько дней! Если их не напоить, то им не хватит сил до деревни! Габриель не стал спорить и согласился с хаатином. Они повернули на север, объезжая территорию, гнавшихся за ними ночных охотников, стороной.

Путники неспешно подбирались к ручью, пробегавшему вдоль холма и соединявшемуся с полноводной горной рекой. Боясь окончательно загнать изнеможенных долгим переходом лошадей, они шли медленно, потратив на дорогу несколько часов. Небо за это время не прояснилось, а даже наоборот, нахмурилось еще сильнее. Тяжелые свинцовые тучи, казалось, совсем не двигались, оставляя в своем мрачном плену яркое, горячее солнце.

У Джеймса урчало в животе. Он не ел уже сутки и был ужасно голоден. Запасы провизии были на исходе, и ему ничего не

оставалось, как заглушать в себе это неуемное, сильное чувство. Чтобы хоть как-то заглушить его, Джеймс пил воду из фляги, но это помогало ненадолго и есть хотелось еще сильнее.

Он привык к вкусным обедам, которые готовила его мать. Каждый раз она старалась удивить семью чем-нибудь новеньким и ей это всегда удавалось. А сейчас Джеймсу приходилось растягивать кусок хлеба и несколько кусков вяленого мяса на целый день. Хотя в данной ситуации он бы счел и эти скромные яства королевским обедом.

Напоив лошадей и пополнив запасы пресной воды, путники отправились на восток, вдоль полноводной реки, простиравшей свои чистые воды до самой границы провинции Корим. Долгий путь был почти завершен. Стоило путникам выйти из леса, как на горизонте показались небольшие струйки серого дыма, исходившие от маленьких неприметных деревенских домиков. Издали они были похожи на тонкие линии, прочерченные карандашом на небе.

Грозно нависавшие над лесом тучи, рассеялись, уступив место легким белым облакам. Ветра почти не было, и дым без каких-либо трудностей добирался до них и растворялся в их бесконечно длинном караване, медленно идущим в заданном направлении. Пожелтевшая от засушливого лета трава, склонившись до самой земли, терпеливо выжидала сезона дождей, который все никак не приходил. Вечнозеленые кустарники, раскинувшие свои корни посреди необъятной долины, одинокими стражниками возвышались над сухой и примятой ветром травой. Все кругом казалось унылым и безжизненным.

Путники не стали поворачивать на дорогу, ведущую в деревню, а поскакали напрямик. Лошади бежали легкой рысью, но каждый шаг давался им с большим трудом. Они проделали огромный путь без пищи, и даже вдоволь напившись, не могли справиться с усталостью. Торн поглаживал своего коня, успокаивая и подбадривая его. Джеймс это видел, и у него почему-то не было ни малейших сомнений в том, что конь прекрасно понимал его.

Габриель немного отстал от них, но сокращать расстояние не спешил. Он, как будто нарочно притормаживал своего скакуна, желая побыть наедине со своими мыслями.

Проделав половину пути от окончания леса до деревни, Торн остановился и спешился. Спешить было некуда. Еще немного и они доставят последнего из королевского рода хранителям, у которых Габриель будет в безопасности. А сейчас, когда до захода солнца было еще далеко, хаатин устроил последний привал.

Джеймс был этому очень рад. Он сполз с коня и, прихрамывая, стал расхаживать из стороны в сторону, пытаясь размяться. Во время пути он отбил себе нижнюю часть тела, так и не привыкнув до конца к верховой езде.

Габриель не стал спешиваться, решив подождать спутников не слезая с лошади. Он был против последней остановки, но возражать не стал, оставив недовольство при себе. Ему хотелось как можно скорее попасть к хранителям, которые знали ответы на многие мучившие его вопросы. Он заметно нервничал, перестукивая пальцами левой руки по рукояти своего меча. Что ждет его там, за стенами монастыря, в который они направлялись? Кто был тот старик, который знал о Габриеле больше, чем он сам знал о себе? В глубине души он надеялся на то, что хранители расскажут ему о родителях, которых Габриель совсем не помнил. Он не верил рассказам своего дяди, который уверял, что родители его бросили и не захотели воспитывать, поручив это ему.

Торн отхлебнул воды и передал флягу Джеймсу. Покосившись на Габриеля, сидевшего на лошади верхом, он перевел взгляд на юношу. Тот жадно глотал воду, будто провел целую неделю в знойной пустыне. Хаатин молча, смотрел ему в глаза и думал о том, что ждет его дальше. О том, чем обернутся для Джеймса поиски второй половины амулета.

Для себя Торн решил, что сопроводив наследника до места назначения, он пойдет своей дорогой и не станет больше помогать людям. Это была их война, не его. Он хорошо помнил слова старца о чести и долге, об искуплении вины за свой род, но не хотел больше участвовать в борьбе за жизнь и свободу тех, кто считает его не достойным. Торн считал, что Габриель не справился бы с возложенной на него задачей, что он был слишком самонадеян и заносчив, как и другие правители Элонии. Так зачем было рисковать своей жизнью ради того, кто став королем, упечет тебя за решетку до конца твоих дней! Торн не верил Габриелю и поэтому решил дальше следовать в одиночку.

Джеймс, заглушив в очередной раз чувство голода холодной водой из фляги, сел на землю и достал из-под одежды половинку амулета. Он вновь тщательно рассмотрел его, пытаясь прочесть непонятные символы, начертанные на нем, но не смог найти ни одной знакомой буквы. Джеймс спросил о странных надписях у хаатина, но тот лишь пожал плечами, буркнув что-то про древний язык, которым владели люди. Не узнав ничего нового, он повертел переливавшийся на солнце амулет в руках и убрал обратно.

Вдруг, вдалеке раздался звон колокола, едва доносившийся

до того места, где сделали привал путники. Джеймс вскочил на ноги и прислушался. Он сразу вспомнил рассказ старика про колокол, который звонил, только если случалась какая-то беда. Взглянув в сторону деревни, он увидел густой черный дым, застилавший округу.

Торн поспешно собрался и вскочил на коня, подав руку Джеймсу. Габриель ударил лошадь по бокам и помчался вперед, вздымая клубы пыли за собой. Хаатин, немного промедлив, последовал за ним. Они, не жалея лошадей, неслись на тревожный звон колокола, проделав оставшиеся до деревни четыре мили менее, чем за час.

Ворвавшись в селение, путники, не останавливаясь, направились к часовне, откуда начали свой путь в поисках наследника престола. Опасения в том, что дым шел оттуда, оправдались. Черная от копоти, но не выгоревшая дотла часовня, устояла под натиском огня. Житель деревни, оказавшись смелее остальных, стоял наверху и звонил в колокол. Других жителей не было поблизости. Они боялись выйти из своих домов. Кто-то или что-то сильно напугало их. Пожар начался внутри помещения, но был вовремя потушен, поэтому ветхая постройка пострадала не так сильно, как могла бы.

Торн первым спрыгнул со своего коня и побежал к приоткрытой двери часовни. Со скрежетом обнажив свой меч, он ворвался внутрь. Габриель и Джеймс держались чуть позади. Войдя в часовню, они увидели лежавшее на полу бездыханное тело старика и неизвестного мужчину нависавшего над ним.

От увиденного, путники оторопели. Еще некоторое время они стояли без движения, пока незнакомец осматривал место преступления. Он не обращал на вошедших никакого внимания и продолжал заниматься своим делом. После небольшой паузы Торн приблизился к нему и, угрожая острым мечом, спросил:

— Кто ты такой? И что здесь произошло?

Незнакомец, сидя на корточках, повернул голову в его сторону и осмотрел Торна. Взглянув на его серебряные, собранные в пучок волосы, он поднялся и повернулся лицом к Габриелю и Джеймсу и оглядел их так же, как хаатина.

Джеймс почувствовал на себе этот тяжелый взгляд, и ему стало не по себе, потому что незнакомец смотрел точно в то место на груди, где висел амулет. Он, будто, мог видеть сквозь одежду. Переведя взгляд на Габриеля, он едва заметно улыбнулся и ответил:

— Мое имя Гарольд! Я один из хранителей, вам нечего бояться! А вы, видимо, и есть последняя надежда этого мира!

Перед взором Джеймса и остальных предстал невысокий

мужчина лет сорока пяти. В его одежде не было ничего необычного. Черный кожаный жилет, служивший легкой, но непрочной броней, был застегнут доверху на все пряжки, и закрывал широкий пояс, на котором висел внушительных размеров меч, рукоять которого была инкрустирована драгоценным камнем темно-синего цвета. Сама же рукоятка была обернута бечевкой (точно так же, как и у Торна), для удобства, которая уже изрядно поизносилась.

Обладатель такого меча был одарен им за особые заслуги и часто применял его в боях. С другой стороны, на поясе, красовался короткий нож. С плеч его свисала до пола черная накидка из прочной ткани, которой он с легкостью мог укрыться от дождя или ветра, а может и скрыться от недобрых глаз. Большие карие глаза выразительно смотрелись на фоне средних размеров прямого носа и тонких губ. Длинные черные волосы спускались до плеч, но нисколько не мешали незнакомцу видеть и слышать все, что происходило вокруг.

— Что здесь случилось? — переспросил Габриель, убирая меч обратно в ножны.

— Я точно не знаю, — ответил Гарольд. — Я пришел перед вами и застал Корбина, истекающим кровью. Те, кто это сделал, искали вас, но старик им ничего не сказал. Следов пыток я не обнаружил, видимо они куда-то спешили.

— Но кто мог такое сотворить? — вмешался Джеймс.

— Местный, который звонил в колокол, рассказал, что видел, как дюжина всадников в черных одеждах входили в деревню незадолго до пожара. Они спросили у него дорогу к часовне. Он показал им путь, но почуяв неладное, проследил за ними. Всадники пробыли в часовне всего несколько минут, а потом спешно уехали. Это он вовремя потушил огонь.

— Он смог рассмотреть их? — спросил Торн, не убирая клинок.

— Нет! Их лиц он не разглядел, но он заметил большой черный перстень у одного из них на руке.

Торн чуть не выронил меч из руки. Черный перстень! В его голове поплыли картинки из детства, когда человек с точно таким же перстнем убил его родителей и сжег его дом. Он искал его всю свою жизнь и впервые был так близок к совершению своей мести. Теперь он не мог упустить такой шанс, данный ему судьбой.

«Ему нужен амулет. Он тоже ищет его. Я должен быть рядом с его носителем. Я должен быть рядом с Джеймсом! Только так я смогу наказать убийцу!» — думал хаатин. Хотя черный перстень мог носить кто угодно, но Торн был уверен, что это был именно

тот самый человек. Его чутье подсказывало ему, что он нашел, наконец, того, кого так долго и безуспешно искал, чья смерть стала смыслом его жизни.

Гарольд быстрым шагом приблизился к Габриелю.

— Так значит, ты и есть королевский отпрыск? — спросил Гарольд, схватив Габриеля руками за голову и обнажив ему шею. Увидев родимое пятно, незнакомец опустил руки и отошел назад.

— Я должен был убедиться! — сказал он в оправдание своих действий. — Мы не можем сейчас никому доверять. Слишком много людей переметнулось на темную сторону. Слишком многие знают о возвращении амулета в Элонию.

Он пристально посмотрел на Джеймса, который, услышав об амулете, положил на него руку и обхватил сквозь одежду. Гарольд нахмурил брови и покачал головой в ответ на действия юноши. Джеймс, опомнившись, тут же одернул руку. Гарольд прошел к месту, где лежало тело старца, взглянул на него еще раз и, сняв со стены горящий факел, бросил его к ногам бездыханного Корбина.

— Что ты делаешь? — закричал Джеймс и хотел рвануться вперед, но сильная рука хаатина остановила его.

— У нас нет времени на то, чтобы похоронить его по всем правилам и канонам! — объяснил свой поступок Гарольд и направился к выходу, подгоняя остальных.

Торн, не отпуская Джеймса, поспешил за ним. Джеймс попытался вырваться, но не мог ничего противопоставить силе хаатина. Он вдруг вспомнил про деревенского жителя, звонившего в колокол. Как же он спуститься вниз? Но прислушавшись, мальчик не услышал звона, который стих сразу, как только путники вошли в часовню. Он не заметил этого. На колокольню был и другой вход, со стороны улицы, через который звонарь и покинул это место.

Когда все оказались на улице, огонь уже распространился по всей часовни. Из маленьких окон повалил черный дым, обволакивая и без того закопченные стены. Деревянный настил, сопротивляясь огню, потрескивал и скрипел, но немного погодя все-таки сдался и рухнул под своей тяжестью.

— Муай темра экк! — произнес Гарольд на не понятном языке, всматриваясь в приоткрытую дверь. Затем он прикоснулся ладонью до своего лба и, будто отдавая честь, плавно отвел руку. Он воздал почести мудрому, великому человеку, чья жизнь оборвалась в тот день. Затем, не отрывая взгляд, он сказал:

— После смерти придают огню только самых достойных! Этот человек — был одним из них. Проговорив эти слова, Гарольд повернулся и оглядел лошадей, на которых прибыли путники.

Уставшие от долгой дороги они едва стояли на ногах и почти не двигались.

— Зачем ты здесь? — спросил Торн, поравнявшись с ним.

— Корбин послал к нам гонца сразу, как только вы отправились на поиски Габриеля, — ответил Гарольд. — Я здесь, чтобы сопроводить вас в Соколиный замок, что на севере провинции Рапир. Старейшины нашего ордена собирают совет, на котором будет решаться дальнейшая судьба амулета. Наследник будет там в безопасности.

— Откуда ты знаешь мое имя? — спросил Габриель.

— Мы все о тебе знаем! — сказал Гарольд. — Но тебе лучше спросить об этом не меня. Нам лучше поспешить! До замка долгий путь. Да и здесь оставаться не безопасно! Но сперва вам надо раздобыть других лошадей!

Джеймс не заметил, как они оказались на другом краю деревни, далеко от часовни. На улицах было тихо и безлюдно. Как будто, все население деревни исчезло куда-то. Кривая, узкая улочка привела их к большому бараку на окраине.

Гарольд вошел внутрь, велев остальным оставаться на месте. Через несколько минут он вышел вместе с толстым лысым мужчиной в грязной хлопковой рубахе. Он с недоверием поглядел на ожидавших Гарольда и повел его в свой сарай на противоположной стороне дороги. Оттуда они вышли уже с тремя лошадьми, держа поводья в руках. Попрощавшись со своим знакомым, Гарольд подошел к троице и раздал им поводья. Сам же отвязал от столба, вкопанного рядом с сараем, свою лошадь и одним ловким движением запрыгнул в седло. Остальные сделали то же самое.

Не задерживаясь более нигде, путники покинули деревню и отправились на север. Их ожидал долгий путь до Соколиного замка, в котором должен был состояться совет ордена хранителей, к которому принадлежал Гарольд. Но он был не так прост, как могло бы показаться.

Торн сразу заметил, как незнакомец посмотрел на него. Он сразу понял, что перед ним находился хаатин, но не сказал ни слова. К тому же меч, которым обладал Гарольд, невозможно было раздобыть просто так, его надо было заслужить, а сделать это было не так-то просто. Кем же был на самом деле этот незнакомец в черном плаще?

Хаатина не волновал этот вопрос. Его мысли были полностью заняты той дюжиной черных всадников, побывавших в деревне. С тех пор, как убили его родителей, а вместе с ними и весь его род, прошло больше двухсот лет. Торн не мог понять, как обычный человек прожил так долго. Хотя, существовало множество

способов продлить себе жизнь в несколько раз, и хаатин знал о некоторых из них. А с помощью черной магии, которой владели могущественные колдуны много лет тому назад, можно было обрести бессмертие.

Но время магов прошло, и сейчас про невероятные заклинания и войны между белыми и черными волшебниками слагали легенды и сказки. Но было это так давно, что теперь уже никто и не знал, правда это или миф. Так или иначе, но простые люди, занятые на полях или собственных угодьях, трудившихся в кузнице или морском порту, не знали практически ничего о тех славных временах, когда Элония была в самом расцвете. Когда гномы считали за честь поставлять свое оружие и механизмы в города и провинции, когда эльфы и люди были друзьями и вместе выигрывали сражения и войны, когда верховные маги защищали земли от темных сил. Не знали или не хотели знать.

А сейчас о былом людском величие напоминают только полуразрушенные памятники и построенные навечно, неприступные крепости и гарнизоны.

Эльфы, тысячу лет назад разорвали мирные отношения с людьми, большая часть которых уплыла обратно на свои земли, а гномы закрылись от чужих взоров в своем подземном городе и никто их с тех пор не видел на поверхности. Люди, потеряв своих верных союзников и ослабнув от постоянных междоусобиц, были уязвимы как никогда ранее. И зло, дожидаясь этого момента, разверзлось, черной пеленой покрывая землю и уничтожая все на своем пути. Оно ждало тысячу лет, в надежде возродиться и сейчас ему представилась такая возможность.

ГЛАВА VIII Вынужденный привал

Путники держали путь к восточным границам провинции Рапир, которая располагалась к северу от провинции Корим и примыкала к ней обширным горным перешейком.

Соколиный замок был возведен на вершине горы Шира прямо под облаками многие тысячи лет назад. Он служил людям сторожевой крепостью и охранял Элонию от вражеских набегов с востока, предупреждая королевскую армию о приближении войск. С его стен открывался отличный вид на равнины Холкурд, простиравшиеся на многие мили вокруг. Местность была очень ровной, и на ней невозможно было спрятаться, как и невозможно было пройти незамеченным мимо стражников замка, круглосуточно следивших за подступами к границе.

Заметив вражескую армию, стражники тут же отправляли послание королевскому легиону, привязав его к лапке сокола, который в кротчайшие сроки доставлял донесение. За это крепость на вершине горы и прозвали Соколиным замком.

Его не раз пытались захватить многочисленные отряды варваров, орков, умеров, но у них ничего не получилось. К замку вела одна единственная горная тропа. Она была настолько узкой, что по ней можно было передвигаться только в один ряд. Не успевая выбраться с тропы на широкий уступ перед замком, враги наталкивались на сокрушительный град стрел и, неся огромные потери, вынуждены были отступать. За все время существования крепости, никто не смог захватить ее.

После убийства короля и раздела земель, замок был заброшен и стал пристанищем для летучих мышей и мелких пауков, кругом развесивших свою паутину. Враги, от чьих набегов защищал замок, ослабли и ушли со своих земель далеко на восток. С тех пор прошло много лет, и сейчас замком владел орден хранителей амулета и его союзники.

Путники скакали галопом, подбираясь к границе провинции Корим. Их сопровождал всю дорогу недружелюбный северный ветер, дувший навстречу и затруднявший движение. Его сильные ледяные порывы перебивали дыхание и пытались сорвать с путников одежду. Лошади с большим усилием продвигались вперед, сопротивляясь бушевавшей стихии. Несмотря на сильный порывистый ветер, серые тучи, скопившиеся на небе, почти не двигались и, будто нарисованные на холсте, застыли на месте, украдкой наблюдая за творившимся на земле безумием.

Джеймс натянул на нос рубаху, чтобы было легче дышать, и прищурил глаза, слезившиеся от сильного ветра. Время от

времени он прислонял ладонь к замерзшим ушам и отогревал их по очереди одной рукой, держась другой за поводья. Он очень устал от долгой, изматывающей дороги и держался из последних сил. С тех пор, как они с Торном нашли Габриеля, он ни разу нормально не ел и не спал. Чувство голода становилось невыносимым, а усталость брала свое, и сидеть в седле становилось все труднее. Глаза закрывались сами собой, а руки ослабляли поводья.

Отстав от остальных, Джеймс остановился и повис на лошади. Габриель, обернувшись, увидел удалявшеюся фигуру юноши и прокричал об этом Торну и Гарольду, возглавлявшему поход. Наследник повернул назад и поспешил к Джеймсу. Тот, открыв глаза, виновато покачал головой, извиняясь за вынужденную остановку.

— Ему надо отдохнуть! — сказал подоспевший Торн, видя состояние мальчика. Гарольд одобрительно кивнул и сказал:

— Неподалеку есть небольшой городок. Переночуем там, а завтра отправимся дальше.

— Нет! Я могу продолжать путь! Только немного переведу дыхание, — прошептал Джеймс, приоткрыв глаза.

— Не время геройствовать! — грозным тоном сказал хаатин.

Габриель помог Джеймсу слезть с лошади и усадил его на землю. Гарольд снял с пояса свою флягу и бросил ее Габриелю. Тот ловко поймал ее и передал Джеймсу.

— Много не пей! — сказал наследник. — Вода очень холодная. Джеймс сделал пару глотков и протянул флягу обратно. Гарольд снял плащ и набросил его на плечи мальчика.

— Спасибо! — сказал Джеймс, укутавшись плащом.

— Побудь с ним! — сказал Гарольд наследнику и отошел к месту, где стоял хаатин.

— Где находится этот город? — спросил Торн, у приближавшегося к нему Гарольда.

— На западе, в пяти милях отсюда, — ответил тот. — Не беспокойся, он не настолько крупный, как Стоунхилл. Тебя там никто не узнает, можешь не прятаться за капюшоном. Там нет стражников и тюрем.

— Что же это за город такой? — поинтересовался Торн.

— Он не представляет интереса для наместника. Люди в нем выживают в основном за счет земледелия, да скотины, которую забивают на мясо. Ротвилл. Может, слышал о таком?

Торн отрицательно помотал головой. Он бывал в разных городах Элонии, но это название он услышал впервые.

— А ведь когда-то это был крупный торговый город, через который проходили караваны купцов из разных провинций. Люди

стремились попасть туда, чтобы продать что-то свое и посмотреть на диковинные вещи из заморских стран. Там можно было достать даже эльфийские клинки и подручные механизмы гномов, которые очень помогали возделывать земли и мастерить самые разнообразные поделки. Но после того, как наместник обязал всех купцов платить непомерные налоги на их товары, а эльфы и гномы отвернулись от нас, Ротвилл стал медленно умирать, пока не превратился в захолустный городок, который все путники стараются обходить стороной.

— Твой орден знает, где искать вторую половину амулета? — переменил тему Торн. — Те, кто ждет нас в Соколином замке, имеют представление, что делать дальше?

— Главы ордена хранителей мудры и дальновидны! — ответил Гарольд. — Они служат лишь одной цели — защитить амулет и наследника трона от темных сил. Это они, тысячу лет назад разделили и спрятали амулет.

— С тех пор многое изменилось! Если они действительно знали, где находится амулет, то почему не нашли его? Зачем было ждать, когда он придет? Торн указал рукой на обессилившего Джеймса.

— Зло не дремлет. Все эти годы оно искало амулет, и если бы он находился у людей, то оно непременно бы уже завладело им.

— Но если бы амулет был найден и находился бы под защитой в замке, то Габриель соединил две части воедино, и все было бы кончено!

— Ты не представляешь себе, на что способны темные силы, хаатин. Их ничто и никто не остановит в достижении их цели!

— Никто кроме нас! — вмешался в разговор подошедший Габриель. — Остановить зло в наших силах! Гарольд улыбнулся и положил свою руку на плечо наследника.

— В твоих силах восстановить Элонию и вернуть ей былое величие! — сказал он. — Как Джеймс?

— Он готов отправляться! — ответил Габриель.

— Нам всем не помешал бы крепкий сон и хорошая еда! — прокричал Гарольд, запрыгивая на лошадь. — Если поспешим, то успеем к закату!

Путники оседлали лошадей и повернули на запад, по направлению к Ротвиллу. Впереди скакал Гарольд, показывая дорогу. Чуть позади держался Торн. Габриель шел последним, пропустив вперед Джеймса. Путники двигались медленно, опасаясь за Джеймса, который временами закрывал глаза, проваливаясь в сон, но опомнившись, одергивал голову и крепко сжимал в руках поводья.

Ледяной ветер теперь бил им в правый бок, сбивая с лошадей.

Временами он затихал, но через некоторое время возвращался и обрушивался на путников с новой силой.

Вдалеке, слева и справа был виден лес, который зелеными пятнами раскинулся по равнине. Путникам он казался совсем маленьким и бесконечно далеким. Словно мираж, он расплывался в глазах и становился все дальше, как будто убегая от незваных гостей, нарушавших его покой. На протяжении многих миль вокруг не было ничего, кроме редкой зеленой травы, пробивавшейся сквозь каменистую почву, да небольших засохших кустарников. На этом огромном открытом пространстве хозяйничал только быстрый и холодный северный ветер, сопровождавший путников всю дорогу.

Через несколько часов на горизонте показался Ротвилл. Гарольд, обернувшись и убедившись, что Джеймс чувствовал себя нормально и мог продолжать путь, прибавил ходу. Однако, им потребовалось еще пара часов, чтобы добраться до города. Казавшись совсем близко, Ротвилл медленно приближался, заставляя путников быстрее гнать лошадей.

Неожиданно ветер стих, а вокруг все быстро потемнело. Из черных туч, затянувших небо, посыпались большие, тяжелые капли, гроздьями падавшие на сухую землю. Их становилось все больше и через непродолжительное время редкие одинокие капли образовали непроходимую стену дождя, которая обрушилась на путников, не успевших добраться до города. Промокнув насквозь, они подгоняли лошадей. Дождь был настолько сильным и плотным, что всадники ничего не видели на расстоянии нескольких футов от себя. Холодные капли безжалостно били по ним, заставляя двигаться еще быстрее. Насытившись влагой, земля не успевала впитывать в себя обрушившуюся с небес воду, и под ногами у всадников быстро выросли большие и глубокие лужи. Поверхность их вся была покрыта пузырями, которые лопались и появлялись вновь. Дождь постепенно стихал и превращался в неприятную морось, но вскоре обрушился на землю с новой силой.

Джеймс натянул плащ на голову, но это не спасло его от усиливавшегося ливня. Он по-прежнему чувствовал большую усталость, но спать уже не хотел. Гарольд и Торн, не обращая внимания на дождь, с невозмутимым видом продолжали двигаться к воротам Ротвилла, ведя за собой остальных. Габриель морщился и часто вытирал лицо от бежавших по нему струек дождя. Он плохо видел, что творилось впереди, и сосредоточил свое внимание на Джеймсе, чтобы не сбиться с пути и не потерять из виду своих спутников.

Городские ворота оказались закрыты. Местные жители не

привыкли к гостям и относились к ним настороженно. К тому же гости в этом городе были редким явлением.

Гарольд спешился и, подойдя к воротам, постучал по ним кулаком.

— Есть кто живой? — прокричал он. С другой стороны раздался какой-то шум, и послышались шаги.

— Кто здесь? — спросил привратник, не открывая ворот.

— Нас четверо! Мы направлялись в Рапир, но нас настигла непогода! Мы бы хотели переждать ее у вас!

Привратник не ответил. Через мгновение заскрипел засов, и ворота приоткрылись. Из них показался небольшого роста старичок с длинной седой бородою и в смешном круглом шлеме на голове. Он внимательно осмотрел прибывших гостей и, поправив на груди плащ, сказал:

— Кто же бродит по этим местам в такое время и такую погоду, заходите скорее! Он открыл ворота полностью и впустил путников в город. Затем, убедившись, что больше никто не хотел войти, запер их на деревянный засов с железными вставками.

— Где здесь у вас можно остановиться на ночь? — спросил Гарольд.

— Идите по улице и уткнетесь прямиком в местную ночлежку. Ей заведует Гертруда. Она будет рада гостям! — улыбнувшись, ответил привратник.

Гарольд кинул ему серебряную монету и поблагодарил. Путники отправились к месту, указанному стариком, ведя за собой лошадей. Дождь, не прекращаясь, стучал по черепичным крышам двухэтажных домов, сделанных из камня. Было слышно, как струйки воды проникали в зияющие на них дыры и с громким журчанием ударяли об пол второго этажа. Дома были полуразрушены и пусты. По краям улицы, поблизости от этих обломков, располагались мелкие одноэтажные домики, сооруженные из глины, соломы и веток.

Путники подошли к большому, ухоженному дому, в котором горел свет. Перед входом был построен деревянный навес, под которым гости могли спрятаться от дождя или переждать бурю. Столбы, державшие этот навес, были оборудованы специальными металлическими крючками, изогнутыми вверх, на которые путники могли привязать лошадей. Рядом со столбами стояли цилиндрические резервуары, наполненные водой и емкости для корма, в которых было полно овса. Это место и сейчас готово было принять с десяток другой постояльцев.

Привязав лошадей, путники вошли внутрь. Стойка, за которой обычно сидел человек и записывал посетителей, была пуста. Вместо книги учета на ней стояли десятки зажженных

свечей. Слева от стойки в просторном зале стояли круглые деревянные столы, на которых так же были свечи. В конце этого зала виднелась лестница, уходившая на второй этаж, на ступенях которой тоже стояли свечи. Посреди зала потрескивал и скрипел зажженный камин, выложенный из серого камня.

— Здесь есть кто-нибудь? — крикнул Гарольд, осматривая дом. Вдруг, лестница прерывисто заскрипела, заглушая чьи-то легкие, почти бесшумные шаги.

— Вы не представляете, как трудно управляться с таким большим имением одной! — раздался мягкий женский голос. — Столько посетителей каждый день! Я столько сил трачу, чтобы содержать свой дом в чистоте! Некоторые из них не мылись несколько недель, представляете себе?! Но я не могу им отказать! Я ведь хозяйка этого заведения!

Женщина медленно спускалась по лестнице, бормоча что-то себе под нос. На ней было одето пышное голубое платье, какое обычно одевали, когда шли на королевский бал. Длинные черные волосы с сединой были аккуратно скручены и подвязаны лентой. На шее красовалось жемчужное ожерелье.

— Вы Гертруда? — спросил Гарольд. Женщина, вдруг, остановилась и задумалась над чем-то.

— Мы хотели бы снять у вас комнату на ночь! — продолжил Гарольд. Женщина, придя в себя, взглянула на посетителей и подошла поближе.

— Комнату? — переспросила она, сделав удивленный вид.

— Да, нам сказали, что вы хозяйка ночлежки и что у вас можно остановиться на ночь! — вступил в разговор Торн.

— Ах да, конечно! — сказала Гертруда и громко расхохоталась.

Джеймс вопросительно глянул на Габриеля. Тот в ответ лишь пожал плечами.

— Так вам нужна комната? — спросила она, успокоившись и не дожидаясь ответа, продолжила. — По-моему у меня где-то оставалась одна.

Она достала из-под стола толстую книгу и, послюнявив пальцы правой руки, начала быстро перелистывать чистые страницы. Остановившись на одной из них, Гертруда ткнула в нее пальцем и стала водить по пустой странице слева направо.

— Вот! Как я и говорила, одна свободная комната у меня для вас есть! Прошу за мной! Она взяла со стола зажженную свечу и повела посетителей наверх, странно улыбаясь и проговаривая что-то про себя.

— Какая-то она странная! — прошептал Джеймс, обращаясь к Габриелю.

— Это уж точно, — ответил он.

Поднявшись на второй этаж, Гертруда повела своих посетителей по темному коридору. Поравнявшись с дверью, на которой висела табличка с номером 11, она достала откуда-то большую связку с ключами и открыла дверь.

— Вот ваша комната. Прошу! Хозяйка пропустила гостей вперед и вошла следом за ними. Затем она зажгла с помощью принесенной свечи лампы, висевшие на стенах и стоявшие на столах.

Комнату озарил тусклый свет. Она оказалась на удивление просторной и рассчитывалась на десяток человек, именно столько кроватей насчитали гости. По четыре кровати располагались у стен и две стояли посреди комнаты. Все были аккуратно заправлены чистым постельным бельем. Возле окна, выходившего во двор, стояли два дубовых стола, со столовыми приборами на них. Все выглядело так, как будто путников здесь давно ждали, точно зная, что они явятся с минуты на минуту.

— Ну, располагайтесь! Снимайте скорее мокрую одежду, а то простудитесь! Можете развешать ее на спинки кроватей, а если хотите, то я могу разложить ее у камина, чтобы она быстрее высохла! Внизу вы так же можете принять горячую ванну, но об этом скажите мне заранее, чтобы я успела разогреть воду!

— Спасибо! Больше ничего не нужно! — сказал Гарольд. — Сколько мы должны вам за комнату?

— Вы знаете, — почти шепотом сказала хозяйка. — Вы мои тысячные посетители за этот год, поэтому я не возьму с вас плату! Только не говорите остальным посетителям! Зависть, знаете ли, до добра не доводит! Уж лучше молчите! Она махнула рукой и улыбнулась, поглядывая куда-то в сторону. Потом опомнилась и засобиралась к выходу.

— Я принесу вам ужин. У меня сегодня прекрасный гороховый суп, — проговорила хозяйка, уже, будучи в коридоре. — А о ваших лошадях позаботится мой конюх.

Джеймс проводил ее взглядом до двери и еще раз осмотрел комнату. Она была на порядок чище и ухоженнее, чем та, в которой им с Торном приходилось останавливаться в Стоунхилле.

«Старушка была явно не в себе!» — подумал он про себя, стягивая мокрую рубаху. Ему очень хотелось спать, но есть хотелось еще больше, поэтому Джеймс решил подождать хозяйку с обещанным ужином.

Габриель снял свое снаряжение и положил на кровать. Он тоже довольно сильно устал, длительный переход утомил его. Присев на мягкую, удобную кровать, его потянуло в сон. В полу дреме он снял с себя кожаные доспехи, улегся поудобнее и

моментально уснул, несмотря на то, что был мокрым с головы до ног.

Торн не спешил разоружаться. Он подошел к столу и посмотрел в окно. Дождь не прекращался и тщетно барабанил по стеклу, пытаясь прорваться внутрь. Он был уже не такой сильный и дерзкий, но заканчиваться не желал. На улице было темно и сыро. Торн хотел осмотреться, но ничего не было видно. Он присел на стул и задумался.

Гарольд, выбрав себе самую дальнюю кровать, набросил на нее свою накидку. Наблюдая за своими спутниками со стороны, он неспешно расстегнул насквозь промокший жилет и снял узкий ремень, на котором держался кинжал, оставив меч нетронутым.

Через мгновение в дверь постучала Гертруда. Она принесла большую посудину горохового супа, от которого исходил невероятно чудный аромат. Джеймс, почувствовав его, сразу же потянулся к столу.

— Прошу вас! — сказала хозяйка, приглашая гостей к столу. — Он очень вкусный! А я с вашего позволения спущусь вниз за хлебом. Все сразу принести не смогла! Я же вам говорила — одной трудно управляться с делами! Сказав это, она быстро удалилась.

Джеймс, не дожидаясь, когда хозяйка принесет хлеб, накинулся на тарелку вкусного, горячего супа. Ему казалось, что ничего вкуснее он в жизни не пробовал. Чуть позже к нему присоединились остальные.

Наевшись досыта, Джеймс, довольный, улегся на кровать и моментально заснул. Впервые за несколько дней он спал на настоящей кровати в теплом и сухом доме, где не надо было прислушиваться к каждому шороху, подбираться поближе к костру, чтобы не замерзнуть, просыпаться каждый раз, когда онемеет та половина тела, на которой лежал на твердой земле и постоянно переворачиваться на другой бок. Сейчас ему ничто не мешало погрузиться в глубокий сон, которого ему так не хватало за эти несколько дней.

В дверь снова постучали и Торн с Гарольдом, насторожившись, схватились за рукоятки своих мечей. Дверь заскрипела, и за ней показался тот самый старик, который только что впустил их в город и спас их от непогоды.

— Извините, если помешал. Я просто хотел спросить у вас разрешения поставить ваших лошадей в мой хлев на ночь.

— Какое тебе дело до наших лошадей? — спросил Торн.

— Видите ли, я подрабатываю у Гертруды конюхом, когда в наш город забредают гости. Это бывает довольно редко, но она платит мне хорошие деньги за это. Бедняжка совсем тронулась

умом, когда убили ее мужа пару лет назад.

Они возвращались из Брита, где продавали выращенные овощи на рынке. На обратной дороге их повозка сломалась, а лошади разбежались. Они не смогли добраться в Ротвилл до темноты. Огромное чудовище разорвало ее мужа у нее на глазах. Она чудом смогла спастись и добраться до дома. С тех пор она такая.

Раньше они с мужем хотели закрыть это место и заняться земледелием, как и все остальные, но после того случая, ей стало казаться, что к ней приходят десятки постояльцев каждый день. Ну, так что, я могу поставить ваших лошадей в свой хлев? Там сухо и тепло. А утром они будут ждать вас на том же месте, где вы их оставили!

— Да, конечно! Ты можешь отвести их к себе, — ответил Гарольд. — Скажи, почему здешние жители не живут в заброшенных домах?

— Как же они смогут его содержать? Чтобы обогреть такой большой дом нужно иметь под боком целый лес, срубленный и расколотый на дрова! — ответил старик, посмеиваясь. Получив одобрение, он удалился.

Когда Джеймс открыл глаза, в комнате было пусто, а в окно бил яркий луч солнечного света, проползавший по дощатому полу к открытой настежь двери. Его вещи висели на спинке кровати и успели высохнуть за ночь. Нащупав рукой амулет, Джеймс спешно оделся. Он чувствовал себя отдохнувшим и готов был продолжать путь к замку. Позавтракав вчерашним супом, он спустился вниз и вышел на улицу. Там его уже ждали остальные, седлая лошадей. Простившись с хозяйкой ночлежки и поблагодарив ее за гостеприимство, путники отправились дальше.

ГЛАВА IX Соколиный замок

Добравшись до горного хребта, протянувшегося вдоль границы двух провинций, всадники вошли в широкое ущелье. Это была единственная дорога, по которой можно было пройти на лошадях. Само ущелье тянулось далеко вперед и уводило путников все дальше на север. Его отвесные каменные стены были очень высоки, и свет пробивался в ущелье, только если солнце стояло прямо над ним. Казалось, что горы разверзлись перед всадниками, образовав короткий проход. Ведь, если бы его не было, то пришлось бы объезжать этот хребет вокруг и это заняло бы несколько дней.

Однако, длинное, извилистое ущелье с отвесными стенами, служило хорошим местом для засады. Эти горы повидали немало кровопролитных боев и разбойных нападений. Расположившись на вершине, нападавшие осыпали своих врагов градом стрел и копий, не оставляя им ни единого шанса на спасение.

Путники медленно проходили ущелье, настороженно поглядывая по сторонам. Любой шум, раздававшийся поблизости, заставлял их хвататься за мечи и останавливать лошадей. Убедившись, что все в порядке и ничто не угрожает их жизни, всадники продолжали движение. Их опасения были вполне оправданы, ведь, напав сейчас, враги могли забрать часть амулета и убить последнего из королевского рода, тем самым, достигнув своей цели. Путники шли на свой страх и риск, надеясь, что зло не разгадало их планы и не знало, где они находились в данный момент.

Всадники двигались вдоль ущелья более трех часов, осторожно ступая на твердую землю, стараясь не издавать много шума. И когда, наконец, показался выход, они пришпорили лошадей и те, встав на дыбы от неожиданности, помчались во всю прыть к спасительной равнине.

Преодолев столь опасное место, путники смогли облегченно вздохнуть. Местность была как на ладони — открытой, ровной, хорошо просматриваемой. Здесь негде было спрятаться и остаться незамеченным, поэтому Гарольд без сомнений и опасений поскакал галопом напрямик через равнину, указывая путь остальным.

Погода соблаговолила им. Всю дорогу от Ротвилла их сопровождало яркое, жгучее солнце, не отставшее от них ни на минуту. Легкий, теплый ветерок, дувший с юга, облегчал путь, подгоняя путников вперед.

Вдалеке, на самом краю равнины, показались горы Шир. Те

самые, на вершине которых и располагался Соколиный замок. Увидев, что до места назначения осталось не так уж и много, путники приободрились и, не желая останавливаться, чтобы отдохнуть, только прибавили ходу.

Проскакав весь день, но, так и не приблизившись к цели, они остановились, разочарованно глядя на горы, остававшиеся пока в недосягаемости.

— Будем ночевать прямо здесь! — сказал Гарольд, спешиваясь. — В этих местах нет чудовищ, им негде спрятаться от дневного света, да и нор я здесь не увидел.

— Это безумие! — возразил Габриель. — Откуда тебе известно, что творится здесь ночью? Возможно, эти твари приходят сюда из окрестностей Ротвилла, перемахнув через ущелье? Или в тех скалах есть пещеры!

— Это маловероятно! — ответил Гарольд. — Что скажешь Торн? Ты ведь у нас охотник на чудовищ! Все вопросительно взглянули на хаатина.

— Заночуем здесь! — ответил Торн. — Выбора у нас все равно нет! Будем дежурить по очереди. Я буду дежурить первым, потом поменяемся! Хаатин посмотрел на Гарольда, который одобрительно кивнул.

— Постойте! — возмутился Габриель. — А как же я? Я тоже могу дежурить, как и вы! Гарольд с удивлением взглянул на Габриеля и сказал:

— Твоя жизнь намного ценнее наших! Если тебя убьют, то никто больше не сможет соединить части амулета воедино, и твоя жертва, принесенная ради спасения наших жизней, будет напрасной!

Торн был не согласен с этим высказыванием и отошел в сторону, чтобы не слышать, о чем говорили люди. Он не собирался отдавать свою жизнь ради какого-то мальчишки, который презирал его. У него была своя цель, и она заставляла хаатина сопровождать людей и помогать им в сложившихся ситуациях. Он не понимал Гарольда, который всячески старался поднять самооценку и без того заносчивого и самодовольного юнца. «Он расстилается перед ним так, как будто он уже стал королем!» — думал Торн и хмурил брови от злости.

— Я понимаю твои чувства! — сказал Гарольд, подойдя к хаатину. — Ты ненавидишь людей за то, что они сделали с тобой, несмотря на то, что прошло уже столько лет с тех пор!

— Ненависть не имеет срока давности! — прошипел Торн, не оборачиваясь.

— Пойми, Габриель — наша последняя надежда на спасение! Каким бы он ни был королем, мы должны защищать его!

— Если он — ваша последняя надежда, то мне жаль ваш народ!

— Габриель еще молод и многого не знает, но он храбр и смел! Из него выйдет отличный воин и достойный правитель! Далеко не все люди жестокие и безжалостные, какими ты нас представляешь, хаатин! Многим из нас знакомо понятие чести и благородства!

— Я таких не встречал!

Торн повернул голову и взглянул на Гарольда, пытаясь задеть его своим ответом, но у него не вышло.

— Возможно, когда-нибудь, ты встретишь человека, который, не раздумывая, отдаст свою жизнь за тебя! И возможно тогда ты изменишь свое мнение! — сказал Гарольд и отошел от хаатина, дав ему повод для размышлений.

Джеймс бродил по округе и ломал высохшие кустарники для будущего костра. Они росли довольно редко, и юноша уже сильно удалился от остальных в поисках новых дров. Солнце клонилось к закату, и воздух, не обогреваемый больше его теплыми лучами, становился прохладнее. Джеймс держал охапку с хворостом одной рукой, другой ломая искореженные ветки, и удалялся все дальше, совсем не замечая этого.

Вдруг, его грудь пронзила невыносимая боль, сковавшая все тело. Он выронил собранный хворост и упал на колени, схватившись обеими руками за часть амулета, находившегося под одеждой. Перед глазами все поплыло, и совсем скоро Джеймс перестал различать находившиеся вокруг него объекты. Все казалось размытым и смазанным, но вдруг, боль отпустила мальчика и он, вновь открыв глаза, увидел странную картину перед собой.

Зеленая трава, покрывавшая всю долину, сменилась на черную, смоляную землю. Ясное небо, на котором только что красовалось яркое солнце, согревавшее округу, затянуло черными, непроглядными тучами, из которых прорывались красные молнии, с ужасающим грохотом обрушивавшиеся на землю. Они били так часто, что от ярких вспышек начинали болеть глаза, а от шума закладывать уши. Каждый удар смертоносной молнии озарял силуэт человека, стоявшего вдалеке. Джеймс пытался разглядеть его, но было очень темно. С каждой новой вспышкой незнакомец приближался к Джеймсу и вскоре был настолько близко, что мальчик почувствовал его дыхание, но лица по-прежнему не видел. Когда он потянул свою руку к амулету, оказавшемуся почему-то поверх одежды Джеймса, вещица подалась навстречу, потянув за собой мальчика. Джеймс сопротивлялся и цеплялся за землю, но не мог ничего поделать.

Тогда он схватил амулет правой рукой и отдернул его назад. Незнакомец тут же убрал руку и, прошипев что-то непонятное, удалился.

Неожиданно, волна горячего воздуха ударила в лицо Джеймса, и он закрыл глаза. Открыв их через какое-то время, он увидел, что находится на том же самом месте, где его сразила страшная боль. Он хотел подняться, но силы покинули его, и Джеймс, потеряв сознание, повалился набок.

Заметив лежащего на земле Джеймса, Гарольд, Торн и Габриель вскочили на лошадей и помчались к нему.

Гарольд, на ходу спрыгнув с лошади, подбежал к мальчику и осмотрел его. Убедившись в том, что дыхание было нормальным, он стал приводить Джеймса в чувство. Подоспевший чуть позже Торн, заметил на его груди обгоревшую ткань. Задрав рубаху, они увидели обширный ожог на теле мальчика в виде полукруга. Как будто, кто-то раскалил часть амулета и заклеймил им Джеймса.

— Что произошло? — спросил Габриель, пришедшего в сознание мальчика.

Он рассказал им все, что случилось. Корчась от боли, он попытался подняться. Торн остановил его и велел не двигаться. Он открыл свою флягу и полил ожог холодной водой, чтобы Джеймсу стало легче. Потом хаатин сделал холодный компресс и приложил его к ране. Мальчика решили не беспокоить и устроить привал рядом с ним, к тому же хворост для костра уже был собран.

Гарольд весь вечер молчал, обдумывая историю, рассказанную Джеймсом. Он не знал, что это могло значить, и хотел спросить об этом у старейшин ордена. Неужели зло, таким образом, может завладеть амулетом? Если это так, то как же тогда защитить его? В этот раз Джеймс смог противостоять темным силам, но выдержит ли он это еще раз? Ясно одно — те, кто искал амулет, знали, у кого находилась его часть, а может быть и о том, куда направлялись путники. Времени оставалось все меньше. Нужно было как можно скорее попасть в замок!

Утром Гарольд разбудил всех еще до восхода солнца. Он быстро собрался и вскочил на лошадь, дожидаясь остальных, которые не спешили отправляться в путь.

Габриель, затушив костер, достал из сумки кусок хлеба, который приготовила им в дорогу хозяйка ночлежки Ротвилла, разломил его пополам и передал одну половину Джеймсу. Тот, поблагодарив, разломил свою часть еще пополам и протянул Торну, который застегивал снаряжение. Хаатин, мотнув головой, отказался.

— Нам пора отправляться! — поторапливал их Гарольд. — До

захода солнца мы должны добраться до места! Путь предстоит не близкий!

Взобравшись на лошадей, путники отправились дальше. Они галопом мчались к горе, не останавливаясь ни на минуту. К полудню всадники приблизились к ней. Вблизи она казалась необъятной и непреодолимой. Вершина горы скрывалась за низко плывущими облаками, повисшими над ней и охранявшими замок от любопытных глаз.

Добравшись до подножия Шира, путники свернули на дорогу, ведущую к замку. Она была очень крута и извилиста и опоясывала гору по спирали, поднимаясь наверх. Взбираться по ней было нелегко, и лошади сбавили ход, тяжело ступая по обрывистому подъему. Тропа была узкой, и путники растянулись по ней, выстроившись в один ряд. От топота копыт с краю дороги откалывались камни и с грохотом летели вниз, разлетаясь на куски от встречи с землей. Всадники держались ближе к горе, опасаясь упасть в пропасть.

Джеймс старался смотреть только перед собой, но его взгляд сам соскальзывал в пропасть. От увиденного у него захватило дух. Они были в четверть мили над землей, на краю обрыва и поднимались еще выше. Лошади к концу пути начали упираться и отказывались идти дальше. Всадникам пришлось спешиться и идти пешком. На такой высоте дул сильный, пронизывающий ветер, который сильно мешал движению. Дышать было тяжело, начинала кружиться голова.

Через несколько часов тяжелого подъема путники добрались до вершины горы. Они вышли на ровную, открытую площадку перед замком и осмотрелись. Перед их взором предстал небольшой, но высокий замок, окруженный толстыми стенами. Построенный из серого, обработанного камня, он казался довольно прочным и нерушимым. К его четырем углам были пристроены закругленные смотровые башни, устремленные ввысь, на концах которых возвышался длинный, острый шпиль. Снаружи замок выглядел по-простому, без богатой лепнины и резных колонн. Он не предназначался для знатных особ и принимал только воинов и их генералов.

Ворота, закругленные сверху, были закрыты. На стенах взад вперед расхаживали стражники с длинными копьями, которые заметив путников, начали показывать какие-то жесты своим соратникам, находившимся у ворот. Немного погодя, ворота открылись, издавая громкий металлический звук, чем-то похожий на гром.

— Вас давно ждут! — крикнул один из привратников Гарольду. — Мы уж подумали, что с вами что-нибудь случилось в

дороге.

— Нам пришлось задержаться! — ответил Гарольд. — Все старейшины в сборе?

— Да! Вчера к полудню прибыл последний!

Путники передали своих лошадей стражникам, а сами направились в замок. Джеймс смотрел по сторонам, приоткрыв рот. Это был настоящий замок, нечета тем, которые он видел на картинках или по телевизору. Подняв голову вверх, он удивленно смотрел на высочайшие башни, пронзавшие облака. Это было незабываемое зрелище. Оно завораживало Джеймса, и неизвестно, сколько еще времени он бы так простоял, если бы не Торн, который затащил его внутрь.

Изнутри замок казался не таким большим, как снаружи. Зайдя внутрь, путники оказались в небольшом по размеру зале. Слева и справа в стенах были вырублены дверные проемы. Массивные деревянные двери были закрыты, и что находилось за ними оставалось в тайне. Спереди располагалась лестница, которая вела наверх и, не доходя до второго этажа, разветвлялась полукругом в разные стороны. В замке было мрачно и темно. Два узких окна не могли пропустить достаточно света и сделать обстановку более дружелюбной.

Вдруг, дверь справа отворилась, и из нее вышел высокий мужчина, одетый в красный жилет поверх тяжелой кольчужной рубахи. Темные кучерявые волосы его были аккуратно собраны сзади. При виде Гарольда и остальных он приветливо улыбнулся и подошел к ним поближе.

— Гарольд! — воскликнул он. — Как я рад тебя видеть! Сколько времени прошло с момента нашей последней встречи! Я уже и позабыл, как ты выглядишь! Он похлопал Гарольда по плечу и осмотрел остальных.

— Я тоже рад тебя видеть, друг мой! — произнес в ответ Гарольд. — Какими судьбами ты оказался здесь? Помню, как в последний раз видел тебя в Хоминоре! Ты ведь хотел остаться там и жениться на дочери богатенького купца? Неужели она отказала тебе?

— Нет, наоборот, согласилась, — смущенно ответил тот. — Я здесь по воле моего отца. Он один из старейшин ордена. Попросил меня сопроводить его сюда. А как только вернусь, то сразу же сыграем свадьбу! Дженн носит под сердцем моего ребенка, поэтому медлить не стоит. Ты, кстати, в списке почетных гостей! И даже не вздумай отказываться, а то я ведь обижусь и припомню тебе должок в десять серебряных монет!

— Я постараюсь не пропустить торжество! — улыбнувшись, ответил Гарольд. — К тому же мне весьма по нраву Хоминорское

пиво. Нигде больше не пробовал такого вкусного хмельного напитка!

— Ясное дело! И не попробуешь! А если и найдешь что-нибудь подобное, то знай, оно было сделано у нас! А это, наверное, твои друзья? Может, представишь нас?

— Да, конечно! — растерянно проговорил Гарольд, совсем забыв про своих спутников. — Это Габриель, Джеймс и Торн. А это — мой старинный друг Виллем! Мы знакомы так давно, что я уже и не помню, как это случилось! Виллем поклонился новым знакомым и обратил внимание на хаатина. Но, ничуть не смутившись, сказал:

— Зато я хорошо помню! И если кому-нибудь будет интересна эта история, то я непременно расскажу ее, но не сейчас. Прошу прощения за прямоту, — обратился он к Торну, — но вы действительно хаатин?

— Тебя это так интересует? — озлобленно переспросил Торн.

— Никогда бы не подумал, что увижу живого хаатина воочию, — восторженно сказал Виллем. — Я столько слышал про ваши боевые навыки и идеальный нюх!

— Я что, похож на медведя в клетке на рыночном представлении? — прервал его Торн.

— Он же не сказал ничего плохого! — вмешался Джеймс.

— Ты знаешь, зачем созвали совет? — перебил их Гарольд.

— Нет! Отец не сказал мне! Он вообще ни слова не проронил за то время, пока мы добирались сюда. Мне показалось это довольно странным. Его что-то беспокоит — я вижу. Сначала я подумал, что он злится на меня из-за того, что я не остался в провинции. Но это что-то другое. Что-то гораздо серьезнее! К тому же другие члены совета ведут себя точно так же! Они не разговаривали друг с другом с тех пор, пока мы здесь. А сейчас заперлись по своим комнатам, в ожидании совета. Что происходит, Гарольд? Зачем собирается совет ордена? Ты ведь наверняка в курсе!

— Я не вправе говорить об этом! — мрачным тоном сказал Гарольд. — Да и ты вряд ли обрадуешься тому, что узнаешь! Лучше скажи нам, когда начнется совет!

— Завтра после полудня! — ответил Виллем и улыбка сползла с его лица. — Здесь расположился целый отряд имперских солдат! Они круглосуточно дежурят на стенах и в смотровых башнях. Полторы дюжины человек. Кого мы поджидаем к себе в гости?

— Я прошу тебя — не спрашивай меня ни о чем — У меня нет для тебя ответов на твои вопросы! Могу сказать лишь одно — эти солдаты нужны лишь для того, чтобы сон у старейшин был

крепче, больше они ни на что не сгодятся! Гарольд положил свою руку на плечо старому другу и сказал:

— Лучше тебе было остаться в Хоминоре с будущей женой и не ввязываться во все это! Виллем вопросительно взглянул на Гарольда и отошел назад.

— Я не понимаю тебя! Твои слова звучат оскорблением, и я не намерен выслушивать их!

— Не горячись, друг мой, — прервал его Гарольд и слегка улыбнулся. — Я ни в коем случае не хотел оскорбить тебя и принизить твои достоинства! Ты храбрый воин, и я счел бы за честь сражаться рядом с тобой в бою с любым противником, но сейчас я больше бы обрадовался твоей свадьбе с Дженн, нежели твоему присутствию здесь.

Виллем непонимающе смотрел на Гарольда и не знал, что сказать в ответ. Друг, которого он не видел много лет, был не рад их встрече и что-то скрывал. «Да что происходит с вами со всеми?» — думал он, все еще держась поодаль от путников.

— Как насчет еды и ночлега? — прервал паузу в разговоре Габриель.

— Столы накрыты! — ответил Виллем, немного придя в себя и указывая на дверь, из которой он только что вышел. — Как закончите с ужином поднимайтесь на второй этаж. Все восточное крыло замка в вашем распоряжении. Две дюжины комнат готовы к приему. Завтра не опоздайте на совет. Он состоится в большом зале. Я думаю, что наш общий друг знает, где он находится и проводит вас туда. А сейчас прошу меня извинить! Виллем повернулся и зашагал вверх по лестнице.

Гарольд проводил его взглядом и прошел в зал, где был накрыт стол. Остальные незамедлительно проследовали вслед за ним.

Зал был огромен и совершенно пуст. В нем не было ничего, кроме длинного стола прямоугольной формы, на котором располагались разнообразные яства. Еды было очень много, и она выглядела весьма аппетитно. Несколько видов запеченной дичи, фрукты, гарниры, вино в кувшинах, свежие овощи — от одного этого вида у проголодавшихся путников потекли слюни. Вокруг стола были расставлены резные деревянные стулья, которых было больше дюжины. Не в силах больше сопротивляться голоду, путники принялись за еду. Гарольд сел в самом конце стола и ничего не ел.

— Не переживай за него! — сказал Габриель, присаживаясь рядом. — После совета он вернется домой и заживет прежней жизнью!

— Надеюсь на это, — тихим голосом произнес Гарольд. — Я

потерял слишком много дорогих мне людей, и я не хочу потерять своего последнего хорошего друга. А сейчас он думает, что я не рад был увидеть его.

— Он поймет! Я уверен. Он поймет, что ты хочешь уберечь его от беды, что ты заботишься о нем.

— Мы не выбираем свою судьбу. И если мне суждено будет погибнуть, защищая тебя или Джеймса, то пусть так и будет, но я не желаю такой судьбы Виллему! У него есть семья, ему есть что терять, в отличие от меня. Я не хочу, чтобы его ребенок рос без отца. Но я хорошо его знаю, и как только он услышит про амулет, то захочет присоединиться к нам! Этого нельзя допустить.

— Я рос без отца, — сказал Габриель. — Я знаю, что это такое и понимаю твои переживания. Я не знал своих родителей, не знал, что с ними случилось и почему они меня бросили, но я всегда хотел хотя бы раз встретиться с ними или увидеть их. У меня накопилось к ним много вопросов, которые, наверное, так и останутся без ответов.

Джеймс жадно ломал кости и сухожилия доставшейся ему дичи и обгладывал их как хищник, выжидавший свою добычу несколько дней. Набив полный рот жареным мясом, он потянулся за кувшином с вином, но хаатин одернул его руку и переставил кувшин в сторону. Джеймс не сильно огорчился и запил прожеванную пищу стаканом воды. Наевшись досыта, он развалился на стуле с довольным видом. Давненько у него не было такого сытного ужина. Желудок довольно урчал, сообщая о своем насыщении. Джеймс даже закрыл глаза от удовольствия на некоторое время. Он совсем забыл о мучившей его ране, которая все еще болела. Ожог был довольно серьезный и давал о себе знать периодическими болями в области груди.

Поужинав, все отправились наверх и разбрелись по комнатам. Джеймсу досталась маленькая, но уютная комнатушка, по размеру походившая на его комнату дома. Кровать была внушительных размеров и при желании на ней могли разместиться еще два человека. Рядом с кроватью стоял стол, на котором располагались несколько подсвечников с почти догоревшими в них свечами. Пламя тревожно плясало по сторонам, пуская тонкие струйки копоти.

Джеймс улегся в удобную кровать и закрыл глаза. Через мгновение ему показалось, что он находился за стенами какого-то крупного города. Кругом бегали и суетились солдаты в доспехах, не замечая его. Джеймс огляделся и увидел, как небольшой отряд вооруженных людей катит круглые валуны, обмазанные смолой, к катапультам, которые были уже натянуты и ждали снарядов. Группа лучников быстро бежала на стену, занимая свои позиции и

натягивая тетиву. Копейщики стройными рядами выстраивались возле огромных, массивных ворот и делали последние приготовления. Позади них стоял всадник на белом коне и с обнаженным мечом в руке.

Он был облачен в серебристые доспехи, переливавшиеся на солнце. На голове был надет шлем из точно такого же металла. Он руководил действиями солдат и расставлял их в нужном порядке. Воины заметно нервничали. У некоторых дрожали руки и ноги, но никто не двигался с места. Джеймс повернулся и увидел над собой величественные статуи людей в доспехах, высеченные из благородного камня. Вдалеке красовался великолепный белый дворец.

Вдруг, над головой у Джеймса раздался страшный грохот. Он поднял голову и увидел, как одна из статуй разлетелась на куски от попадания в нее каменного снаряда. Тяжелые большие валуны падали на близлежащие дома и разрушали их до основания. На головы солдат рушились высокие башни и обломки стены, но ни один воин не двигался с места. Тяжелые булыжники ломали постройки, словно карточные домики. Всадник дал отмашку лучникам, и они открыли огонь. В тот же момент ворота содрогнулись от резкого удара. Кто-то пытался прорваться в город.

Джеймс пригнулся и с ужасом наблюдал за происходящим. Он не понимал, что происходило вокруг, и где он находился. Выждав время, он побежал на лестницу, которая вела на стену. Взобравшись на нее, он увидел ужасающую картину — всю равнину, простиравшуюся на несколько квадратных лиг вокруг города, занимала многотысячная армия орков, кишащая, словно муравьи. Многочисленные осадные орудия и тараны были уже у стен города. Джеймс замер, в глазах застыл всепоглощающий страх. В этот момент он услышал, как ворота с треском распахнулись, и в город хлынула волна орков. Он повернулся и подошел к краю стены. Джеймс наблюдал, как враги без труда расправились с обороной и сбросили с лошади предводителя. Поставив его на колени, эти мерзкие твари отрубили ему голову.

— Неет! — закричал Джеймс и вскочил с кровати в холодном поту. Это был очередной кошмар, посетивший мальчика за недавнее время.

В дверь постучали, и вошел Гарольд.

— Одевайся, пора! — сказал он и оставил Джеймса наедине. Неужели он проспал до обеда? Он быстро собрался и спустился вниз, где его уже ждали остальные.

ГЛАВА X Совет

Спускаясь вниз по лестнице, Джеймс увидел внизу поджидавших его Габриеля, Гарольда и Торна, которые о чем-то беседовали со стражником. Когда Джеймс спустился, Гарольд, прервав беседу, повел их в западное крыло замка, где должен был состояться совет.

Они вошли в большой светлый зал с высокими потолками и многочисленными окнами, в центре которого стоял круглый каменный стол. За столом было пусто, они пришли первыми. Усевшись на стулья, так же сделанные из камня, они стали ждать, пока придут остальные. Стулья были твердые и холодные. На них было очень неудобно сидеть.

Через несколько минут дверь в залу заскрипела, и из нее показался седой старик со слегка сгорбленной спиной и с длинной седой бородою. Одетый в помятый серый балахон, спускавшийся до пола, он бодро шагал вперед. На его лице застыло выражение глубокой задумчивости, и он не обратил внимания на сидевших за столом людей. «Да ему уже, наверное, лет сто!» — подумал Джеймс, разглядывая старца.

— Это Лиорид — глава ордена хранителей! — прошептал Гарольд.

Вслед за старцем вошли пять человек в богатых мехами одеждах. Рядом с ними шли несколько воинов, среди которых был Виллем. Гарольд, увидев своего друга, заметно погрустнел, и замолчал.

— А это кто такие? — спросил его Джеймс.

— Это главы пяти провинций, которые сотрудничают с нашим орденом, — ответил он. — А это их лучшие воины.

Они прошли к столу, и расселись прямо напротив Джеймса и его спутников. Воины, среди которых находился Виллем, встали за спинами своих предводителей. Старик оглядел путников и сказал:

— Сегодня одиннадцатый день августа 1137 года от падения королевской династии и разделения амулета королей. Вот уже более тысячи лет народ Элонии не знает, что такое мир. Мы живем в постоянном страхе, и сегодня он силен как никогда ранее! Зло пробудилось ото сна и рыщет в поисках амулета, который, наконец, вернулся в наши земли. Джеймс, прошу!

Старик с улыбкой посмотрел на мальчика и указал рукой на середину стола. Джеймс удивился и растерялся оттого, что Лиорид знал его имя. Он привстал с неудобного стула, вынул из-под рубахи часть амулета и осторожно положил ее на стол. Все

присутствующие на совете приоткрыли рты от удивления и начали шушукаться между собой. Казалось, что они до последнего момента не верили в то, что амулет королей действительно существовал. На их глазах миф превращался в реальность.

Джеймс спокойно сел на место и потер рукой шею. Вещь, которую он носил столько времени, была для него тяжелой, а цепочка сильно натирала.

Лиорид дождался, когда стихнут удивленные возгласы и продолжил:

— Перед нами также, вновь обретенный наследник трона Элонии — Габриель! Все замерли и покосились на Габриеля. Ему стало не по себе от такого внимания, и он старался не смотреть никому в глаза.

— Я собрал вас здесь по одной причине — нам нужно здесь, и сейчас решить судьбу амулета королей! — вновь заговорил старец. — У нас слишком мало времени! Совсем скоро, зло восстановит свои силы и тогда нам уже ничто и никто не поможет!

— С чего вы решили, что зло пробудилось? — спросил Барнекк, который правил провинцией Алдун, граничащей с провинцией Рапир на востоке. Он был слегка полноват и носил широкую, мешкообразную одежду, которая делала его еще толще. Он был единственным из пяти глав, присутствовавших на совете, который присоединился к ордену хранителей только ради собственного любопытства. Он совершенно ничего не знал ни об амулете королей, ни о войне с темными силами, ни о Воинах света, победивших в этой войне, ни о Верховных магах, которые сделали амулет. Но сейчас он задал вопрос, который вертелся на языке у остальных, но они не решались его задать.

— Неужели вы сами этого не замечаете? — раздраженно спросил Лиорид. — Тьма сгущается над нами. Из мрака вылезают такие создания, о которых вы никогда не слышали, и не приведи Бог вам встретиться с ними! Из глубин Драконьих земель вновь потянулись орки и гоблины, которые, если их не остановить, заполонят все вокруг!

— Это так! — вмешался Агамен, глава провинции Хандор. — Наши разведчики на границе Элонии доложили о небольшом отряде орков, снующих в Призрачном лесу!

Он схватил кинжал, который лежал перед ним на столе за рукоять и крепко сжал ее. Кольчуга, одетая на нем под рубаху, зазвенела от соприкосновения с камнем. Он был похож на старого воина, который не раз вел свою армию в бой и многое повидал за свою жизнь.

— Орки? В элонии? — взволнованным голосом спросил Параван — отец Виллема. — Но это не возможно!

— Это лишь небольшой отряд, — успокоил его Агамен. — Их армии не пройти через чащу Призрачного леса!

— Они и не пойдут, — сказал Лиорид. — Орки не сунутся в лес большой группой. У них есть два пути, по которым они могут попасть в Элонию — через Великий раздел — горный хребет, простирающийся до самого севера, либо через ущелье.

— На входе ущелья располагается наша крепость Бромир. Оркам не пройти мимо нее! — возразил Нортаг — глава провинции Мирап, которая находилась на юге страны.

— Нельзя недооценивать врага! — сказал Леорид. — К тому же мы имеем дело не только с орками и гоблинами!

— Кто же тогда наш враг? Кто пробудил ото сна все ужасные создания, населяющие этот мир уже тысячу лет? Почему он не показался до сих пор? — спросил Барнекк.

— Если ты не видишь врага — это не значит, что его нет! — ответил Агамен.

— Вы не можете поверить в то, что зло вернулось в этот мир или в то, что скоро ваши маленькие мирки, в которых вы стали хозяевами, рухнут под натиском темной армии? — вмешался в разговор Торн.

— Что делает здесь хаатин? — спросил недовольный Нортаг после короткой паузы. — Здесь не место предателям и убийцам! Он не смотрел на Торна, но обратил свой вопрос к главе ордена.

— Хаатин или человек — это не имеет значения! — ответил Лиорид. — Мы все равны перед наступающей угрозой и должны действовать сообща!

— А где гарантии, что он не придаст нас, как поступили его предки? — спросил Параван.

— Гарантии? — возмутился Лиорид. — Мы не имеем права судить ни Торна, ни его род! Среди людей предатели встречаются гораздо чаще, но с ними вы не гнушаетесь сидеть за одним столом! Неужели вы не понимаете, что сейчас происходит? Неужели до вас дойдет вся серьезность ситуации, только когда ваши дома превратятся в пепел, а отцы и сыновья замертво падут к вашим ногам? Нам не выиграть эту войну без них! Леорид указал рукой на Джеймса, Габриеля и Торна.

Наступила тишина. Слова старца звучали так убедительно, что заставили остальных задуматься. Легенды не врали. Зло, выжидавшее подходящий момент, пробудилось и пробудило все мерзкие создания этого и других миров. Ему нужно было только одно — уничтожить все живое на земле! И оно, как никогда еще, было близко к цели!

— Зачем тратить время на пустую болтовню! — сказал Ильситур, глава провинции Васмин, который все это время сидел молча и не проронил ни слова. Он смотрел на всех участников совета, насупив густые черные брови. Казалось, он был единственным из глав, кто ничуть не сомневался в реальности угрозы. Сложив руку в кулак, он с размаха стукнул ей по столу.

— Оглянитесь вокруг! — продолжил Ильситур. — Посмотрите дальше своего носа, и вы увидите, что творится! Вы увидите насколько изменилась Элония за эти годы! И я уже не говорю про тварей, которые поджидают нас за каждым углом, стоит нам задержаться где-нибудь допоздна. Когда вы в последний раз выезжали за пределы своего города без многочисленной охраны, не боясь за свою жизнь? С каждой минутой этих тварей становится все больше, и они становятся все сильнее! Так покажем им, где их место! Куда подевались все храбрые воины?

— Он прав! — воскликнул Агамен. — Хватит дрожать от страха, забившись в угол! Один раз люди уже победили Темного Лорда, так что нас останавливает сделать это еще раз!

— Разве люди в одиночку победили в той войне? — раздался громкий звенящий голос откуда-то сзади.

Все обернулись и увидели, как в открытую дверь вошли двое. Это были эльфы. А если сказать точнее, то эльф и эльфийка.

— Мое имя Эинор, — сказал эльф и осмотрел сидевших за столом людей.

Он был высоким и стройным, как и все эльфы. Его прямые, убранные назад волосы, были аккуратно уложены и, будто светились при дневном свете. На ровном лице не было ни одной морщинки. Казалось, что время было не властно над этим народом и попросту обходило его стороной, не вовлекая в свой круговорот. Он был облачен в темно-синие одежды, которые доходили до пола и едва не касались его. При себе он не имел оружия, поскольку не был настроен воинственно к людям и не опасался за свою жизнь.

— А это моя дочь — Айя! — сказал следом Эинор.

Эльфийка была чуть пониже своего отца. Она была прекрасна настолько, что Джеймс не мог отвести от нее свой взгляд. Длинные русые волосы ее спускались до пояса и были подвязаны белой широкой лентой. Большие серо-голубые глаза казались Джеймсу бездонным океаном, в котором так просто можно было утонуть. Она была одета в длинное белое платье с глубоким вырезом. На тонкой шее красовался кулон ромбовидной формы, покрытый странными символами. Айя выглядела весьма молодо, но на самом деле она была гораздо старше и мудрее.

— Понравилась? — прошептал Габриель, обращаясь к Джеймсу. Он сделал вид, что не понимал, о чем его спросил Габриель и непонимающе помотал головой.

— Ей, наверное, лет двести! — продолжил Габриель. — Эльфы могут жить вечно и сами выбирают, когда уйти в иной мир.

Джеймс обратил внимание на заостренные сверху уши Айи и ее отца. Больше они ни чем внешне не отличались от людей.

— Что здесь делают эльфы? — возмутился Нортаг.

— То, что происходит сейчас, касается всех народов этого мира! — ответил Эинор. — Мы не можем просто сидеть и наблюдать за тем, как темные силы крепнут и множатся. Зеленые луга и деревья мрачнеют, травы темнеют, листва опадает — природа умирает, а вместе с ней умирает и наш народ. Многие из моих братьев и сестер покинули Азарию и уплыли в поисках новых земель, но тем, которые остались здесь, не избежать этой войны! Несмотря на нашу давнюю вражду, эльфы и люди должны объединиться и действовать сообща!

— Нам не нужна помощь эльфов! — выкрикнул Параван. — Мы не будем просить помощи у наших врагов!

— Сейчас не время для гордыни! — сказал Лиорид. — Эинор прав! В той войне победу одержали не люди! Нам помогали эльфы и гномы, без которых победа была бы невозможной!

— Эльфы не враги людям! — сказал Эинор, в ответ Паравану. — Это люди разорвали союз, который сохранялся нашим народом тысячелетия! После падения вашей империи, вы начали вести бесконтрольные войны за раздел земель Элонии. Наместник, возглавивший страну после смерти короля, силой хотел завладеть северными землями и в то же время объявил войну гномам. Мой народ отказался участвовать в этом безумии и предоставлять войска для кровопролитных походов, после чего наместник Элонии расторг соглашение между нами! Эинор и Айя подошли к столу и сели поодаль от остальных.

— Мы сможем выиграть эту войну, если она будет, без чьей-либо помощи! — сказал Нортаг.

— О какой победе может идти речь! — вмешался хаатин. — Вы идете войной друг на друга ради власти и денег, вы убиваете свой народ ради клочка земли. Вы клеймите других и не замечаете ничего за собой! Как люди могут победить в одной войне, не закончив другую? Только сплотившись вместе, сражаясь лицом к лицу, можно рассчитывать на победу!

— Я согласен с хаатином! — произнес Ильситур. — Мы слишком долго винили во всех своих бедах других! На самом деле во всем виноваты только мы с вами, и только мы должны

нести за это ответ! 1137 лет мы жили не по чести и справедливости. За эти годы мы разрушили Элонию до основания и правили на ее обломках. И мне стыдно за всех вас и за себя, потому что никто из нас не попытался что-нибудь изменить.

А ведь когда-то Элонией правили достойные люди. Когда-то наш род был великим и могущественным, и его величие не было результатом разрушительных войн. Оно было достигнуто с помощью сотрудничества с другими народами. Я верю в то, что вернуть былое величие людей в наших силах и для этого у нас есть все, что нужно! Но в одиночку нам этого не осилить!

В зале вновь наступила тишина. Слова Ильситура заставили остальных задуматься и пересмотреть свое отношение ко всему происходящему, но они не могли в корне изменить с годами сложившуюся позицию в отношении эльфов, хаатинов и других народов. Ильситур был прав, но многим из собравшихся одних слов было не достаточно и они остались при своем мнении.

— Я рад, что вы, наконец, начинаете понимать, — прервал тишину Эинор. — Я вижу перед собой часть амулета королей и чувствую среди присутствующих истинного наследника короля! Он перевел взгляд на Габриеля и долго смотрел ему в глаза, не отрываясь.

— У юноши сильный дух, но он еще слишком молод, чтобы стать настоящим королем!

— Но разве тех качеств, которыми обладает Габриель, не достаточно? — возразил Лиорид и слегка улыбнулся. — Он еще проявит себя! Старик говорил так, как будто знал что-то, чего не знали другие. Он, словно предвидел будущее, но не хотел пока раскрывать все тайны.

— Что же нам делать с половинкой амулета? — сменил тему Агамен. — Как эта непонятная вещь может помочь нам?

— Нам нужно найти его вторую половину и соединить их! — объяснил Лиорид. — Как только амулет обретет целостность — все темные создания этого мира будут уничтожены и зло, которое постепенно умерщвляет все живое, рассеется и не появится вновь, пока амулет будет хранить нас!

— И где же нам найти вторую половину амулета? — поинтересовался Нортаг.

— Об этом знали только хранители, которые спрятали его подальше ото всех и унесли эту тайну с собой в могилу, — ответил Лиорид. — Никто из ныне живущих не знает, где на самом деле находится вторая половина амулета, иначе зло давно бы завладело ей!

— Как же мы тогда найдем ее? — спросил Параван.

— Древние хранители амулета оставили нам подсказки,

чтобы мы смогли отыскать его, когда придет время. Они описали местоположение части амулета в книге, которая находится в Фарасе.

— Фарас — это ужасное место! — вмешалась Айя. — Это замок, который находится в самом сердце Мертвого леса! Даже зло обходит это место стороной. Очень давно — еще до того, как Великие маги стали служить людям — Фарас был местом, где обучали черной магии. Им заправлял Роторим — магистр темных сил или, как он сам себя называл — Темный Лорд. Он обучил многих волшебников своему мастерству и обманом подчинял их своей воле. У него было только трое настоящих учеников — Инор, Муног и Артазар. Вместе, они захватили Драконьи земли, усыпив на века великих драконов, и построили замок на самой вершине горы Ухмар. В нем Роторим изучал самые страшные заклятья, все больше погружаясь во тьму. Она поселилась в его душе, расползаясь все быстрее, пока полностью не поглотила его. Кожа и кости его со временем истлели. Он продолжал существовать, но уже в виде бесформенной тени, оставив себе единственное имя — Темный Лорд. Подчинив себе орков, гоблинов и троллей, Роторим создал свою несокрушимую армию и пошел войной на людей, эльфов и гномов. Но он просчитался. Верховные маги присоединились к людям и создали амулет, который они передали им, после чего устранились. Роторим был уничтожен, а с ним и все его сподвижники.

Джеймс при упоминании о драконах сразу вспомнил свой странный и страшный сон, когда ему приснился огромный, черный, огнедышащий дракон. Что он мог означать? Он очень хотел узнать об этом, но побоялся спросить. Джеймс не хотел встревать в разговор со своими вопросами, которые кто-то из присутствующих счел бы глупыми.

— То есть хранители спрятали информацию о местонахождении амулета в доме Темного Лорда? — спросил Агамен.

— Они спрятали книгу там, где темные силы не будут искать! — разъяснил Лиорид.

— Умный ход! — воскликнул Параван. — И кто же отправится в Фарас? Кто понесет амулет в самые гиблые земли этого мира?

— Я смогу это сделать! — крикнул Агамен и вскочил с места. — Я смогу раздобыть книгу и мои люди мне в этом помогут!

— Нет! — возразил Лиорид. — Амулет уже выбрал себе носителя! Джеймс должен отправиться в Фарас!

— Что? Как мальчишка сможет проделать столь опасный путь

и добраться до места невредимым? — закричал Агамен. — Мы потеряем часть амулета! А если он попадет в лапы к врагу, то все будет кончено!

— Амулет обладает огромной силой! Он сам выбирает себе хранителей, и мы не вправе вмешиваться! — возразил Лиорид. — Амулет выбрал этого юношу. Все, что мы можем — это помочь ему в его нелегком пути. А твои люди, Агамен, будут нужны в другом месте, как и ты сам!

— Враг собирает войско для похода, — сказал Эинор. — Совсем скоро они нанесут удар по людям. Ваш народ разобщен и его легко будет победить!

— Надо собрать армию! — воскликнул Ильситур. — Нельзя допустить внезапного нападения!

— Именно для этого я вас и собрал! — сказал Лиорид. — Нам нужны все воины, которые у вас есть! Мы должны собрать большое войско, чтобы дать отпор неприятелю и выиграть время, пока амулет не будет найден!

Главы всех провинций, собравшихся на совете, опустили головы и сверлили взглядом каменный стол. Они готовы были отдать всех своих воинов и повести их в бой, но даже если выдать оружие и доспехи всем, кто был способен их удержать на себе, то не набралось бы и тысячи человек.

Лиорид смиренно ждал ответа и постукивал пальцами по столу. Вокруг царила тишина и, казалось, будто огромные настенные часы отсчитывали секунды, сопровождая каждый ход маленькой стрелки характерным повторяющимся звуком. С каждой минутой он становился все мрачнее, словно понимая, о чем думают собравшиеся. Лиорид перестал стучать по столу и начал гладить свою длинную седую бороду. Он обычно так делал, когда о чем-то глубоко задумывался.

Наконец, Агамен поднял голову и сказал:

— Мы не сможем своими силами собрать достойную армию. У нас слишком мало людей, которые смогли бы противостоять темным легионам. Нам не справиться в одиночку!

— Нам нужна королевская армия! — воскликнул Ильситур. — Как бы глупо это не звучало, но это наш единственный шанс!

— Почему это должно показаться глупым? — поинтересовался Габриель.

— Потому что незаконный, самопровозглашенный наместник Элонии Эриндур, не позволит нам распоряжаться его армией! — ответил Гарольд.

— Для него весть о найденном наследнике будет означать скорое свержение с престола, что он никогда не допустит! — добавил Лиорид.

— Верно! — согласился Параван. — Он скорее позволит этому миру сгореть дотла! Его ничто не волнует, кроме власти и денег!

— Значит надо силой заставить его покинуть трон и передать его нам! — воскликнул Барнекк.

Лиорид нахмурился и задумчиво оглядел всех глав пяти провинций. «Они уже начали делить власть, которая им не принадлежит!»- подумал он и перевел взгляд на законного наследника престола. Старец представлял уже, что будет, если люди победят в войне. Вновь разразившиеся споры о праве возглавить Элонию. Победившие в одной войне, люди начнут другую. Разве они вспомнят о законном наследнике? Конечно же, нет! Опьяненные властью, они сделают все, чтобы никто не мешал им править полуразрушенной империей. А Габриель станет реальной угрозой, которую быстро устранят и забудут о его существовании.

«Бедный мальчик! Эти стервятники разорвут тебя, как только ты перестанешь быть им нужным!»- думал Лиорид. Но сейчас важнее было другое. Угроза, которая шла со стороны Драконьих земель, была намного страшнее и реальнее, чем та, о которой думал старец.

— Ты боишься за будущее Габриеля? — раздался голос в голове Лиорида. Он поднял голову и увидел, что Айя с улыбкой смотрит ему в глаза. Губы ее были неподвижны, но Лиорид по-прежнему слышал ее бархатный, приятный голос. Это был редкий дар, даже среди эльфов и очень немногие могли совладать с ним.

— Он намного сильнее, чем ты думаешь, — продолжила Айя. — Никто не в состоянии сломить его дух и то, о чем ты тревожишься, не произойдет!

— Я надеюсь на это! — мысленно произнес Лиорид, и его слова были услышаны эльфийкой. После ее слов старцу стало намного легче на душе, как будто огромный камень свалился с нее. Он глубоко вздохнул и на минуту закрыл глаза, отстранившись от всего происходящего. В это время Лиорид не слышал громких споров собравшихся на совет, он был где-то очень далеко. Как будто его душа ненадолго покинула тело и взметнулась в облака, найдя там покой и ответы на все вопросы.

— Только смерть заставит Эриндура покинуть незаконно занятый им трон! — воскликнул Нортаг. — Другого выхода нет!

Лиорид открыл глаза и сжал кулаки.

— Нет! — закричал Габриель. — Выход всегда есть! Мы не будем никого убивать! Мы объясним наместнику сложившуюся ситуацию, и он поймет нас!

— Это слова неопытного юнца! — сказал Нортаг. — Эриндур

не станет даже слушать нас!

— Хоть Эриндур и заслуживает смерти за все свои поступки, но мы не должны уподобляться таким, как он! — вступился Лиорид.

— Как насчет эльфов? Они помогут? — поинтересовался Агамен.

— Мне нужно будет встретиться с нашим королем, — ответил Эинор. — Сейчас я не могу ответить на этот вопрос.

— Что насчет гномов? — спросил Гарольд. — С их помощью и их орудиями у нас гораздо больше шансов на победу!

— Гномы не станут помогать людям, — ответил Эинор. — Воспоминания о войне, которую затеяли люди против их народа, еще слишком свежи в их памяти. Вы совершили слишком много необдуманных поступков за это время, не задумываясь о последствиях!

— Настало время перемен! — сказал Гарольд. — Многие из нас уже поплатились за ошибки, совершенные в прошлом, и не хотят допустить их в будущем! В людях еще осталось благородство, и мы способны возродить наш народ! Вы должны поверить!

— Мы уже давно истратили свою веру в людей, — тихим голосом сказал Эинор.

— Значит, мы должны справиться собственными силами! — сказал Параван. — Нельзя медлить! Нужно отправляться немедленно! Собирайте ваших людей и отправляйтесь в столицу Элонии! Всех, кто может держать оружие в руках. На счету каждый воин, пусть с виду он таковым и не является!

— Хорошо! — поддержал Агомен. — Но это займет немало времени! Как только же мы соберем всех, имеющихся у нас солдат, мы отправимся к границе провинции Сарун и будем ждать остальных.

— Я поддерживаю это решение! — проговорил Ильситур. Барнекк и Нортаг кивнули головами в знак согласия.

— Мы направимся в Арамунд, — сказал Лиорид. — В этой крепости располагается гарнизон имперских солдат и замок правителя Фаравана. Габриель, ты пойдешь с нами. На тебя будет возложена очень трудная задача — ты поможешь нам убедить правителя Арамунда в правдивости наших слов!

— Не лучше ли Габриелю будет остаться здесь? — спросил Ильситур.

— Здесь не безопасно! — ответил Лиорид. — Стены Соколиного замка и неприступные горы не смогут защитить его! Нам лучше отправиться вместе!

— Я пойду с вами! — произнес Виллем, который стоял все

это время позади своего отца. Он заметно помрачнел от всего услышанного. Он и не догадывался об угрозе, нависшей не только над Элонией, но и над всем миром, и сейчас он хотел помочь своему народу в столь трудные для него времена.

Гарольд с отчаяньем взглянул на своего друга. Больше всего он боялся, что Виллем произнесет эти слова. Он представлял, какой путь им предстоит проделать ради достижения их цели и через что предстоит пройти.

— Но мы сможем добраться вместе лишь до Карунга — городка, что лежит на юге от этих мест, — сказал Лиорид. — Дальше нам предстоит разойтись! Джеймс, тебе придется отправиться в Фарас и раздобыть книгу памяти! Амулет поможет тебе в этом. Но ты не будешь одинок!

— Я пойду с ним! — произнес Гарольд.

— Это безумие! — крикнул Нортаг. — Вы обрекаете его на верную погибель!

— Как же наследник трона сможет воссоединить амулет, если не отправится вместе с мальчиком? — спросил Агамен.

— У нас нет времени! Мы должны добыть амулет и собрать большую армию, и сделать это как можно скорее! — ответил Лиорид.

— Это мудрое решение! — сказала Айя. — Я пойду с мальчиком и воином и укажу им дорогу к Мертвому лесу. Она обратила свой взор к Эинору, и он одобрил ее решение, наклонив голову вниз.

— Решено! — сказал Лиорид и встал из-за стола. — Завтра утром мы все отправимся в Корунг! Главы пяти провинций переглянулись меж собой, затем Ильситур поднялся и сказал:

— Мы покинем Соколиный замок сегодня же и без промедления начнем собирать войска!

— Я тоже вынужден буду вас покинуть сразу после окончания совета, — сказал Эинор. — Мне предстоит долгий путь в Азарию и нелегкий разговор с нашим королем. Я постараюсь убедить его помочь людям!

— Совет окончен! — произнес Лиорид.

Главы провинций вместе с Эинором встали со своих мест и, поклонившись остальным, поспешили покинуть замок.

Джеймс вскочил на ноги и вышел из-за стола. Он был рад тому, что совет, наконец, закончился и он мог встать с неудобного и твердого стула, от которого затекали ноги и спина. Вид у него был мрачным и задумчивым. Его одолевал страх перед предстоящим путешествием в неизведанные и давно заброшенные земли. Его мучили вопросы, на которые никто не мог дать ответов. Сомнения в собственных силах терзали его душу и не

давали покоя. В такие моменты он всегда советовался с отцом, но сейчас его не было рядом. Он находился в чужом ему мире и не знал, что ему делать дальше.

— Ты уже многое для нас сделал, хаатин, — сказал Лиорид. — Теперь ты волен делать то, что хочешь. Тебе не нужно более сопровождать Габриеля и Джеймса и помогать людям.

— Я пойду с вами! — сказал Торн. — То, что происходит сейчас, коснется всех без исключения, и я не собираюсь спокойно смотреть, как люди проиграют в этой войне!

Лиорид загадочно улыбнулся. Казалось, именно такой ответ он и ждал от хаатина.

Айя подошла к окну и посмотрела на небо, на котором сияло потускневшее солнце, и сказала:

— Тьма приближается! Драконьи земли ожили. С этого момента пошел обратный отсчет времени, отведенного нам, но скоро, мы уже ничего не сможем сделать!

Виллем и еще несколько воинов, оставшихся с ним, повернулись к окну и увидели вдалеке красные молнии, которые сверкали очень далеко от замка, но были хорошо различимы с большой высоты.

— В трактире Стоунхила один странник говаривал про красные молнии, которые видели люди в местах, где он бывал, — вспомнил, вдруг, Торн. — А еще он говорил про то, что Артазар вернулся!

Айя тут же повернула голову в сторону, где стоял хаатин.

— Я так и думал! — сказал Лиорид. — Из всех учеников Роторима, он был самым жестоким и могущественным!

— А что случилось с остальными учениками? — спросил Виллем.

— Они исчезли после того, как их учитель превратился в Темного Лорда, — ответила Айя. — Они испугались, что Темный Лорд уничтожит их и сбежали. А после того, как был создан амулет, Верховные маги решили, что вместе с Роторимом погибли и его ученики, но они ошиблись! Один из них уцелел с помощью защитного заклинания.

— Откуда ты об этом знаешь? — спросил Габриель.

— Мы — эльфы — многое знаем и видим. Мы живем вечно и многие из нас участвовали в той войне, защищая наши земли вместе с Воинами света, гномами и магами.

— Ты тоже была там? — спросил Габриель.

— Нет. Я родилась спустя сорок лет после этих событий, но мой отец — Эинор — сражался бок обок с людьми и не раз рассказывал мне о людской смелости, храбрости, благородстве и чести.

— Люди многое позабыли и разучились жить по совести, — сказал Гарольд. — Многие из нас винят в этом кого угодно, только не себя.

— Артазар выбрал наилучший момент для того, чтобы нанести удар, — продолжила Айя. — Люди воюют друг с другом и не в состоянии защитить себя. Эльфы находятся в смятении и уходят из этих земель. Гномы, затаив злобу на людей, прячутся под землей и не знают, что происходит на поверхности. Тьма сгущается с каждым днем все сильнее. Но, чтобы полностью восстановить свои силы, Артазару потребуется время, которое мы должны использовать в своих целях.

Джеймс не слышал всего этого разговора. Он покинул зал, где проходил совет и решил прогуляться по замку. Он хотел побыть один, наедине со своими мыслями. Он поднялся наверх и стал бродить по длинным пустым коридорам, думая о чем-то своем.

Вдруг, его ослепил яркий луч света, который проходил сквозь открытую дверь. Джеймс зашел в нее и оказался на большом, широком балконе, с которого открывался отличный вид на равнину. Еще вчера они пересекали ее целый день, чтобы попасть на гору, а сейчас она казалась такой крохотной, что можно было перешагнуть ее за один раз.

Погода была на удивление прекрасной. Облака, окутывавшие замок и ставшие его постоянными спутниками, рассеялись, и с высоты птичьего полета было видно не только всю провинцию Рапир, но и далекие неизвестные Джеймсу земли. Он был заворожен живописными видами Элонии и простоял так несколько часов. Дурные мысли, наконец, отступили, и Джеймс впервые за много дней вспомнил о родителях.

Затем он достал часть амулета, который забрал с каменного стола перед уходом и стал снова пристально его разглядывать. «Должно же быть в тебе хоть что-нибудь необычное!»- подумал Джеймс. В какой-то момент ему захотелось бросить амулет с высоты и таким образом избавиться от проблем, но он вовремя одумался и опустил руку, продолжая вглядываться вдаль.

— Мы не выбираем свою судьбу, — раздался голос, доносившийся сзади. Это был Лиорид. Он подошел к мальчику, облокотился на перила, которые возвышались на четыре фута от пола, и тоже стал всматриваться в пустоту. Джеймс не поворачивался к нему и продолжал стоять неподвижно.

— Многие на твоем месте испугались бы и передали амулет кому-нибудь другому, — продолжил старик. — И в этом нет ничего зазорного. На твою долю выпала тяжкое бремя, точно такое же, как и на Габриеля, с одним лишь отличием — у него нет

выбора, а у тебя он есть. Если ты не хочешь нести его, если оно кажется тебе слишком трудным, то ты в любую минуту можешь отказаться! Никто не упрекнет тебя в этом!

— Нет! — ответил Джеймс и сжал амулет в руке. — Я смогу это сделать! Я смогу отыскать вторую половину и передать ее Вам!

— Значит, я в тебе не ошибся! — широко улыбнувшись, ответил Лиорид. — И амулет тоже, выбирая себе покровителя.

«Но как я доберусь до мертвого леса?»- подумал про себя Джеймс.

— Айя укажет вам путь! — ответил Лиорид. Джеймс удивился тому, что старик ответил на его вопрос, заданный самому себе. Он даже подумал — не сказал ли он это вслух. Но точно вспомнив, что слова эти прозвучали только в его голове, спросил:

— Вы что, умеете читать мысли?

— Да, но никому ни слова! Пусть это останется нашей тайной, иначе все знающие начнут прятать от меня свои мысли и тогда трудно будет разгадать их истинные намерения!

Джеймс не мог разобрать — шутит он или говорит серьезно, потому что выражение его лица не давало однозначного ответа. Да и поведение его было таким, будто он вел разговор с пятилетним младенцем, что Джеймсу очень не понравилось. Он вновь отвернулся от Лиорида и продолжил любоваться открывавшимся видом.

Лиорид, вдруг помрачнел и достал длинную курительную трубку. Затянувшись пару раз, старец сказал:

— Это единственный дар, который достался мне в наследство от предков. Да еще эта трубка, которая не требует огня.

Джеймс ухмыльнулся и с интересом взглянул на чудо трубку. Она была совершенно обычной, вырезанной из куска дерева трубкой, на которой красовался знак ордена хранителей. Этот знак Джеймс видел на руке у отца и у старика в часовне. Старик затянулся еще раз, и струйка белого дыма растворилась в воздухе. Джеймс почувствовал удивительный аромат, разнесенный теплым ветерком, подувшим в его сторону. Дым пах фруктами и цветами и был настолько осязаем, что его хотелось проглотить, как вкусный обед.

— Твои предки тоже были хранителями? — поинтересовался Джеймс.

— Да, — ответил Лиорид. — На протяжении многих веков они охраняли амулет от темных сил и передавали свои знания из поколения в поколение.

— Но ведь те люди — главы пяти провинций — они ведь не

принадлежат ордену? — спросил Джеймс.

— Нет, они не имеют никакого отношения к настоящим хранителям, также как и я!

— Как это? Что ты хочешь этим сказать?

— Настоящие хранители были магами! Когда короля Элонии убили сподвижники темных сил, Верховные маги разделили амулет, дабы он не попал в руки врага, но они не знали, к каким последствием это приведет. Амулет служил огромным магическим щитом для всех земель, не только Элонии. Как только он исчез, мы остались беззащитны перед существами, населявшими этот мир. Верховные маги отстранились ото всех и перестали практиковать магию. Роторим был одним из них, и они боялись, что кто-нибудь еще захочет использовать магические способности в корыстных целях.

— Например, чтобы оживить Темного лорда?

— Этого они боялись больше всего. Верховные маги перестали существовать. Они организовали орден хранителей амулета и поклялись вечно охранять его. Они скрепили клятву тайной магической печатью, которая впоследствии стала служить гербом нашего ордена. Они забрали из дворца трехмесячного сына убитого короля и отдали его на воспитание простой крестьянской семье. Мальчику ничего не сказали ради его же безопасности. Орден на протяжении тысячи лет следил за наследниками короля и вел летопись всех отпрысков королевского рода.

— Вы следили и за Габриелем?

— У нас были свои люди в Стоунхилле, которые присматривали за парнем и не давали ему натворить бед.

— Вы хотите сказать, что это вы поставили его во главу мятежников и помогли свергнуть правителя Стоунхилла?

— Нет. Мы не вмешиваемся в дела наследников. Мы только можем уберечь его от поджидающей за углом опасности. Своего положения среди повстанцев он добился сам и переворот — это тоже его рук дело. У него это в крови.

Старик одернул рукав и обнажил отметину на запястье левой руки. Она была черной и неаккуратной. Джеймс обратил на нее внимание и спросил:

— Это и есть та волшебная печать, которой скрепили свою клятву Верховные маги?

Лиорид посмотрел на свою руку и засмеялся.

— Это всего лишь клеймо, которое означает мою принадлежность к ордену. Настоящая печать не появляется до тех пор, пока ее обладателю не грозит опасность. Она сама проявится и даст знать, что поблизости находится враг. Легенды говорят,

что некоторые маги могли управлять печатью. Они могли сами заставить ее проявиться, и это означало, что этот маг достиг высшего мастерства в своей области! Настоящая печать светится серебряным светом, который видно даже через плотную одежду. А это всего лишь жалкое подобие.

Лиорид прикрыл отметину и убрал трубку за пояс. Затем он повернулся лицом к Джеймсу и сказал:

— Ты очень храбрый юноша! Но знай, что зачастую храбрость граничит с глупостью и иногда очень трудно разобраться, как вести себя в той или иной ситуации. И если ты на своем пути встанешь перед выбором, то слушай свое сердце — оно никогда не обманет! Главное уметь слышать!

— Что нас ждет в Фарасе? — поинтересовался Джеймс.

— На этот вопрос тебе не сможет ответить даже прорицатель, — сказал Лиорид. — Но вам надо быть очень осторожными! Замок хранит в себе много тайн. Никто не бывал там со времен Верховных магов и не знает, что кроется за его толстыми стенами. Гарольд — хороший воин, он сможет защитить тебя от опасности. Айя — житель лесов. Она едина с природой и по невидимым нам знакам видит то, что происходило или же вскоре произойдет. Они будут тебе хорошими помощниками во время твоего похода. Артазар будет занят укреплением своей армии, что позволит вам пробраться в замок незамеченными.

— Но если мы не успеем отыскать амулет до того, как темные силы нападут на Элонию?

— Не думай об этом! Мы позаботимся о том, чтобы дать вам как можно больше времени, поэтому торопиться не стоит. Лучше все хорошенько обдумать, прежде чем приступать к действию. Если заметите что-нибудь странное в Фарасе, что-нибудь необычное, то тут же бегите оттуда! Возвращайтесь в Элонию!

— Что-нибудь необычное?

— Да! Что угодно! В мертвом лесу нет жизни, и если вы услышите в нем посторонние звуки, то немедленно уходите! Ясно!

— Я понял!

— Ну, вот и хорошо. Лиорид похлопал Джеймса по плечу и, уходя, добавил:

— Тебя все ждут в обедне! Поторопись, если голоден, а то, я чувствую, скоро от еды ничего не останется. Он хмыкнул себе под нос и скрылся за дверью.

Джеймс еще немного постоял на балконе, смотря куда-то вперед, и, затем, надев на себя часть амулета, покинул широкий балкон. Он спустился вниз по лестнице и вошел в обеденный зал.

Там он застал лишь Виллема, его трех помощников и Габриеля.

— А где остальные? — поинтересовался Джеймс, заняв место рядом с наследником.

— Кто-то отправился в свои комнаты, а кто-то вышел во двор. Ты, кстати, нигде не видел старика — старейшину ордена?

— Я только что с ним разговаривал наверху! Я думал, что он направился сюда.

— Нет, здесь его не было.

Джеймсу совершенно не хотелось есть, он встал из-за стола и направился к двери, ведущей наружу. С трудом отворив ее, он оказался во внутреннем дворе. Оглядев высокую стену, по которой передвигались вооруженные стражники, Джеймс услышал лязг мечей, который доносился откуда-то слева. Он повернул голову, но ничего не увидел. Тогда он пошел на звук вдоль стены замка, и когда добрался до ее конца, то увидел Гарольда, который бился с тремя стражниками сразу.

Они бились на самодельной арене, границами которой служили разбросанные по кругу копья у восточной стены. К стене примыкало несколько небольших построек. У них было только две стены и крыша, застеленная соломой. В одной из них стоял на опорах большой каменный круг, для заточки оружия и две наковальни разного размера. На стенах висели инструменты для кузнечного дела и множество копий и боевых топоров. В другой находились седла, упряжь и большое количество подков. Видимо, когда-то давно, это были мастерские, где работали опытные мастера своего дела и помогали обитателям замка, ковав доспехи и чинив оружие.

Джеймс подошел поближе и стал наблюдать за неравным поединком. Гарольд без труда отражал атаки сразу трех нападавших. Он ловко орудовал мечом и вовремя подставлял свой круглый щит под тяжелые удары противников. Гарольд старался вытягивать их на себя по одному и постоянно перемещался по арене. Когда ему это удавалось, он расправлялся с попавшимся на его удочку врагом.

Приняв на щит размашистый удар сверху, Гарольд отбросил неприятеля назад и выбил из его рук оружие, ударив по нему своим мечом и приставив его к горлу соперника. Он победил, и стражник покинул арену. Но бой был не окончен — оставалось еще двое.

Гарольд пристально посмотрел на своих противников и несколько раз стукнул своим мечом по щиту, призывая их к действиям. Стражники, тяжело дыша, кинулись в атаку, подняв мечи над головой. Гарольд закрылся щитом и отразил выпад сразу двоих нападавших. Затем, он нанес одному из них удар

щитом по корпусу и тот рухнул на землю.

Бросив щит на землю, Гарольд схватился за меч обеими руками и пошел в атаку на второго противника. Он нанес несколько размашистых ударов и без особого труда и оказанного сопротивления выбил меч из рук стражника. Опустив меч, Гарольд повернулся лицом к сбитому с ног стражнику и помог ему подняться, протянув руку. Он поблагодарил их за бой, склонив голову и приложив правую руку к груди.

Джеймс с большим интересом наблюдал за поединком и на мгновение даже забыл обо всем на свете. Гарольд увидел его и улыбнулся.

— Ты хорошо дерешься! — сказал Джеймс. — Где ты этому научился?

— Я держу в руках меч, сколько себя помню! — ответил Гарольд. — Отец научил меня искусству владения мечом. Гарольд поднял клинок перед глазами и осмотрел его.

— Составишь мне компанию? — спросил Гарольд и указал рукой на самый центр арены.

— О, нет, спасибо! — ответил Джеймс. — Это не для меня. Один раз я уже пробовал. Он вспомнил склеп, в который они провалились с Торном и огромного слепого тролля, который чуть не превратил их в ужин.

— Меч слишком тяжел для меня! — продолжил Джеймс. — Я его с трудом могу удержать, не то, что размахивать им в разные стороны.

— Сейчас что-нибудь подберем и тебе по размерам! — сказал Гарольд и начал копаться в груде ржавых мечей, которые остались в кузнице еще со времен расцвета Элонии.

— Ну вот, нашел, — произнес Гарольд и вручил Джеймсу длинный нож с короткой железной ручкой. Он был гораздо легче, чем меч обычных размеров, но все равно казался Джеймсу тяжеловатым. К тому же, он был тупым и покрыт каким-то серым налетом. Джеймс осмотрел оружие и слегка скривил рот. «Как этим можно защитить себя?»- подумал мальчик.

— Ты готов? — спросил его Гарольд.

— К чему? — удивился Джеймс.

— К поединку! — засмеялся Гарольд и взмахнул мечом в воздухе.

— К какому еще поединку? — возмутился Джеймс. — Я впервые взял меч в руки!

— Настоящим воинам достаточно было впервые взять меч в руку, и они уже могли биться с десятками и сотнями врагов! Их не надо было ничему учить, они с рождения были готовы к войне. Говорят, что именно из таких воинов состояла армия, победившая

Роторима и его темные легионы.

— Воины света! Я уже слышал про них, но причем тут я?

— А вдруг ты один из них? Вдруг в тебе сокрыт дух великого воина, и он ждет, пока ты выпустишь его наружу!

— О чем ты говоришь! Какой из меня воин!

— Не попробуешь, не узнаешь! Нападай! Наноси удар сверху, не бойся!

Джеймс замахнулся и закрыл глаза от страха. Гарольд отразил удар и сказал:

— Ты должен смотреть своему врагу в глаза! Не важно, кем он будет, ты не должен его бояться! Он увидит твой страх, и это сделает его сильнее! Попробуй еще раз.

Джеймс нанес удар еще раз, но при этом старался смотреть на Гарольда.

— Следи за руками! Их движения подскажут тебе, в каком направлении будет нанесен следующий удар и каким он будет! Ударь еще раз, но сильнее!

Джеймс взялся за клинок двумя руками и, стиснув зубы, что было силы, нанес еще один удар, который был парирован Гарольдом. От удара о лезвие меча Гарольда, клинок выскочил из рук Джеймса и упал на землю.

— Держи свое оружие крепко, иначе оно достанется твоему врагу, и тебе нечем будет защищаться! Подними свой клинок!

Джеймс уже очень устал. Руки болели от сильного напряжения, а кисти онемели и не хотели слушаться. У него был измученный вид, и Гарольд заметил это, и хотел, уже закончить обучение, но Джеймс подошел к своему клинку и поднял его. Превозмогая боль, он с большим трудом сжал рукоять и обратился к Гарольду:

— Я готов продолжать!

— Хорошо! — сказал Гарольд. Он был удивлен стойкости мальчика и не ожидал, что он захочет продолжать.

— Теперь нападай! — произнес он и опустил меч острием вниз.

Джеймс крепко сжал клинок и нанес колющий удар в живот своего соперника. Гарольд сделал шаг в сторону и, схватив его за руку, потянул вперед. Джеймс потерял равновесие и упал на землю.

— Всегда крепко держись на ногах! — произнес Гарольд и помог мальчику подняться. — Никогда не сражайся там, где нет твердой земли под ногами! Упав единожды, можно уже не подняться!

Джеймс отряхнулся и протянул клинок обратно Гарольду.

— Из меня не получится настоящий воин. Я этот нож то с

трудом могу удержать! Извини, что отнял у тебя время.

— Настоящий воин должен обладать силой, ловкостью, смекалкой. Но это не самое главное! Главное — это боевой дух! А у тебя его хоть отбавляй! Настоящий воин — это не тот, который хорошо умеет махать мечом в бою, а тот, который может его избежать, если это возможно.

Джеймс улыбнулся и опустил руку с зажатым в ней клинком.

— Давай, я наточу и почищу его, а завтра утром ты получишь его обратно! Он будет как новый, вот увидишь!

— Спасибо! — произнес Джеймс и передал оружие в руки Гарольда.

— Тебе лучше отдохнуть сейчас! — сказал Гарольд. — Завтра мы отправимся в путь.

Джеймс вернулся в замок и отправился наверх. Он хотел вновь выйти на балкон, но не смог. Дверь оказалась заперта. Сквозь стекло он увидел, как солнце быстро скатилось за горизонт, и на небо вышла полная луна, освещая окрестности замка серебристо-белым светом. Джеймс еще раз толкнул дверь, но она не поддалась. «Кто же ее закрыл и зачем он это сделал?»- подумал Джеймс и отошел назад.

— На ночь все балконы и ставни должны быть закрыты! — произнес Виллем, который проходил мимо и направлялся в свою комнату. — Все ради безопасности!

— Чего нам здесь бояться? — спросил Джеймс. — Здесь ведь полно стражников. А тех, кто водится в здешних местах по ночам, насколько я знаю, не удержат тонкие деревянные двери.

— Это верно! — согласился Виллем. — Но двери все равно должны быть закрыты! Так надо для порядка. А ты разве не собираешься идти спать? Уже довольно поздно, а завтра рано вставать.

— Мне не хочется, — ответил Джеймс. — Я сегодня проспал до обеда и хорошо выспался, несмотря на кошмары.

— Тебе снятся кошмары? — насторожился Виллем. — И как часто?

— Очень часто. И они настолько реалистичны, что мне кажется, будто я принимаю в них участие так же, как наяву.

— Интересно. Тебе надо поговорить об этом с Лиоридом, он наверняка знает, что они означают. А мне сны вообще не снятся. Я так крепко сплю, что когда закрываю глаза, мне кажется, что ночь пролетает за секунду. А когда следом открываю глаза, чтобы повернуться на другой бок, то оказывается, что уже наступило утро. Виллем так интересно рассказывал, что Джеймс слегка улыбнулся. Виллем заметил это. Он был доволен тем, что смог развеселить мальчика.

— Хочешь, я тебе кое-что покажу? — шепотом спросил Виллем, оглядываясь по сторонам. — Что-то очень секретное, о чем почти никто не знает.

— Конечно! — приободрился Джеймс.

Услышав про тайну, у него загорелись глаза. Виллем велел ему идти за ним и направился вниз по лестнице. Спустившись вниз, он вошел в пустой, темный зал, в котором проходил совет. Свечей здесь не было, поскольку им пользовались очень редко и в основном в дневное время суток, когда через большие окна в зал попадал солнечный свет. Сейчас был глубокий вечер, и ставни на окнах были закрыты.

Виллем подошел к самой дальней от двери стене зала, где располагался громадный камин, выложенный из серо-зеленого камня. Им очень давно не пользовались. Камень стал рыхлым от времени и осыпался от малейшего прикосновения к нему. Зеленоватый оттенок камню придавал какой-то неизвестный грибок, который разъедал его структуру и превращал в пыль.

Виллем подошел вплотную к задней стенке камина и навалился на нее всем телом. Сверху из дымохода на него посыпалась зола и вековая пыль. Джеймс не понимал, что он задумал и сначала даже решил, что он сошел с ума. Но, вдруг, Джеймс услышал щелчки, исходившие от стены, а затем, сильный треск. Стена подалась вперед, открывая путь в неизвестное.

Виллем, довольный собой, взял из рук Джеймса факел, который они принесли с собой, и вошел внутрь. Он осмотрелся и поманил Джеймса. Мальчик осторожно, стараясь ни к чему не прикасаться, нырнул в образовавшийся проход.

— Это древний потайной ход! — прошептал Виллем. — Я и не думал, что он действительно существует!

— Как же ты тогда узнал о нем? — спросил Джеймс.

— У моего дяди была карта Соколиного замка. Я не знаю, где он ее взял, но на ней был изображен этот ход. Я всегда хотел проверить — правда, это или нет.

— И куда ведет этот ход?

— Он должен вывести нас прямо к подножию горы. Этот ход был построен гномами и предназначался для безопасного отхода королевских солдат в случае, если оборона замка падет. Как говаривали легенды, им ни разу не пользовались за всю историю. Соколиный замок выдерживал любые атаки и никогда не сдавался. К тому же подмога приходила всегда вовремя.

Виллем и Джеймс медленно продвигались по длинному, узкому коридору. Пламя факела освещало им путь, но на расстоянии вытянутой руки уже ничего не было видно. Тьма поглощала крохотный источник света и, казалось, что факел вот-

вот погаснет.

У Джеймса от этого места кровь стыла в жилах. Он старался ни на шаг не отступать от Виллема и проклинал себя за то, что согласился пойти с ним. Он прислушивался к малейшему шороху, и ему казалось, что в этом ужасном месте кто-то есть. Джеймс попытался отвлечься и стал разглядывать странные символы, которыми были расписаны стены. Они чем-то напоминали египетские иероглифы. Это был набор прямых линий, расположенных под разными углами. Иногда эти линии пересекались, а иногда просто располагались в ряд.

— Что это за символы? — поинтересовался Джеймс.

— Это древний язык гномов, — разъяснил Виллем, не прекращая вглядываться в бесконечный мрак. — Сейчас на нем почти никто не говорит, поэтому он считается одним из мертвых языков. Даже гномы не смогут сказать тебе, что здесь написано, разве что те, которые живут уже очень давно.

— Куда мы идем? — спросил, наконец, Джеймс.

— Неужели тебе не интересно, что находится на том конце этого коридора? А может древние строители этого прохода оставили здесь сундук набитый золотом?! Или, может, мы найдем здесь потерянную секиру короля гномов? Говорят, что она сделана из чистого золота, а рукоять ее усыпана драгоценными камнями.

— Как же он мог потерять ее?

— Это случилось во время третьего похода гномов в пещеры Дародина. Они были полны золотой руды, но в них поселились твари темного мира — гоблины, и они не позволили гномам завладеть этим местом. Два раза гномы пытались выгнать мерзких тварей из их логова, но у них ничего не получалось. Воевать на территории врага было слишком опасно. Тогда король гномов Онир собрал всех своих бесстрашных воинов, которые согласились идти с ним, и отправился в самое сердце пещеры.

Они зашли слишком глубоко и когда тьма окружила их и свет померк в глубинах, гоблины напали на них и убили всех до единого. Спасся лишь Онир. Он долго пробирался сквозь мрак, пока не увидел свет, спускавшийся сверху. Он увидел высоко над собой проход и узкую дорожку, которая поднималась прямо к свету. Не раздумывая, он побежал по ней, на ходу отбиваясь от мерзких тварей, преследовавших его. Когда же Онир добрался до конца тропы, он очутился на самой вершине заснеженной горы. Оттуда был лишь один выход — обратно через пещеры Дародина.

Обессиливший от сражения, Онир опустился на землю и стал ждать своей участи. С наступлением темноты гоблины высыпали на вершину и окружили короля гномов. Сопротивляться было

бессмысленно. Он поднял свою секиру и сбросил ее с горы, чтобы она не досталась его врагам. В ту ночь он погиб. И никто до сих пор так и не нашел секиру короля гномов.

— И почему ты решил, что она спрятана именно здесь?

— Этим проходом не пользовались больше тысячи лет. Почему бы гномам не спрятать ее здесь?

— С какой стати гномам вообще что-то прятать в замке людей? И откуда ты знаешь эту историю про короля гномов?

— Мне рассказывал ее мой отец. Он безумно хотел отыскать золотую секиру. Несколько раз он даже отправлялся на ее поиски к подножию той самой горы, с которой Онир сбросил ее, но безрезультатно. Они даже не нашли пещеры Дародина, в которых селились гоблины, хотя и обошли гору вокруг. После этого отец перестал верить легендам и всегда доверял лишь своим глазам.

— Но ведь с тех пор прошли тысячелетия. Мало ли что могло случиться с этими пещерами. Может их засыпало камнями или твой отец искал не у той горы? А секиру за это время мог найти кто угодно.

— Все может быть! Я верю в то, что золотая секира короля гномов существует на самом деле! Я верю в то, что легенды правдивы!

Пламя факела начало метаться по сторонам. Виллем сразу же обратил на это внимание. Должно быть, они были близко к выходу. Пламя трепал ветер, но откуда ему было взяться в глубинах горы?

— Видишь! — сказал Виллем и указал Джеймсу на беснующийся огонь. — Мы уже близки.

— Близки к чему? — спросил Джеймс. Он видел, как блестели глаза Виллема. Он словно был одержим и, не замечая ничего вокруг, помчался вперед. Джеймс испугался и последовал за ним. Он не желал идти дальше, но и оставаться одному в кромешной тьме ему тоже не хотелось. Джеймс побежал за Виллемом.

— Куда ты бежишь? Постой! — кричал ему вдогонку Джеймс, но он не слышал его. Словно подгоняемый плетьми, Виллем бежал к заветной цели. О чем он думал в этот момент, так и осталось загадкой, быть может, и для него самого.

Виллем был намного сильнее и выносливее Джеймса и через некоторое время скрылся у него из виду. Джеймс не мог угнаться за ним. Он остановился. Яркое светлое пятно удалялось все дальше от него, пока не исчезло во мраке. Вокруг была всепоглощающая темнота.

Джеймс пытался вглядеться в нее, но не видел даже своих рук. Страх охватил его. Он сковал его тело, но не разум. Джеймс

окрикнул Виллема, но тот не отзывался. Он вытянул руку и на ощупь добрался до стены. Что делать теперь? Повернуть назад? Но что, если Виллем угодил в беду и нуждался в помощи?

Джеймс снова закричал, но никто не ответил. И тут он вспомнил о том, что амулет, который он носил на груди, светится в темноте. «Как же я мог забыть!» — винил себя Джеймс.

Он достал часть амулета из-под одежды, и тьма тут же расступилась перед ним. «Да, это куда лучше, чем факел!» — подумал Джеймс, облегченно вздохнув. Он вытянул источник света перед собой в руке и медленно последовал по стопам Виллема.

Коридор был длинным и, казалось, что он никогда не закончится. Джеймс смотрел себе под ноги. Следы, оставленные на вековой пыли, уводили дальше по коридору. Скоро Джеймс и сам почувствовал на себе легкое дуновение ветерка. Он был таким слабым, что был не в силах пошевелить волосы на голове мальчика. Вдруг, впереди он увидел Виллема, который стоял без движения и смотрел вниз. Джеймс поспешил к нему.

Когда Джеймс преодолел нескончаемый, бесконечный, темный коридор, он оказался на узкой платформе, с которой вниз вела старая винтовая лестница, высеченная из скалы. Она выглядела очень ненадежно, и спускаться по ней было бы опасным занятием. Откуда-то сверху капала вода и, проделав долгий путь вниз, падала, разбиваясь о каменное дно полой горы. Это был спасительный путь из Соколиного замка.

Джеймс подошел к Виллему, который стоял на краю обрыва, и посмотрел вниз. Лестница извивалась спиралью и скрывалась в темноте. Свет от факела и амулета не позволял рассмотреть, что находилось на самом дне.

Виллем оглянулся и с удивлением посмотрел на светящийся в темноте амулет. Факел был им уже не нужен и Виллем бросил его в пропасть. Пролетев вниз милю, и осветив отвесные стены и узкую лестницу, он упал на камни и потух, забрызгав искрами дно пропасти. Сверху его падение казалось очень долгим. К концу своего пути он превратился в крохотную светящуюся точку, которая померкла, издав глухой звук.

— Прости! — сказал Виллем. — Я не знаю, что на меня нашло.

— Ничего, — ответил Джеймс. — Это было занимательное путешествие! Правда, теперь-то я уж точно не засну.

Виллем улыбнулся и сказал:

— Зато теперь мы с уверенностью сможем сказать, что золотая секира спрятана не в Соколином замке.

— Возможно, но для полной уверенности надо спуститься

вниз.

— Ну, уж нет! Надо возвращаться. Я уже чувствую на себе гнев Лиорида.

— Я ему ничего не скажу. Джеймс повернулся и повел Виллема обратно, освещая путь зажатым в руке амулетом.

Они вернулись тайному проходу, и Виллем поспешил закрыть его.

— Нашли что-нибудь интересное? — грозным голосом спросил Лиорид, который давно поджидал их в зале.

Джеймс и Виллем обернулись и увидели старика, сидевшего за каменным столом и выпускавшего дым из своей волшебной трубки. На столе стояло несколько подсвечников с зажженными свечами, которые освещали стены и пол вокруг стола, но старца оставляли в тени.

— Я просто показывал Джеймсу потайной ход, ведущий из замка, — попытался объясниться Виллем. — Ему было грустно, и я попытался повеселить его.

— Ах, ты пытался повеселить его! — громко передразнил Лиорид и встал со стула. — В эти пещеры не ступала нога человека больше тысячи лет! За это время там могли поселиться ужасные твари, пробравшись с внешнего входа у подножия горы. Там царит вечная тьма. Это идеальное место для таких созданий. Ты хоть представляешь себе, что могло произойти? Твоя глупость могла погубить вас обоих! Этот проход мог стать вашей могилой, и вам просто повезло, что этого не случилось!

— Все в порядке Лиорид! — вступился Джеймс. — С нами же ничего не случилось, мы целы и невредимы.

Лиорид посмотрел на мальчика и замолчал на несколько минут, затем перевел свой взор на Виллема и сказал:

— Ты бросил его одного там? — лицо Лиорида перекосилось от гнева. — Да лучше бы ты прыгнул с того злосчастного обрыва и избавил нас от своей бесконечной глупости! Убирайся, пока я не велел запереть тебя в тюрьму! Уйди с глаз моих и не появляйся, пока не поймешь, что мог натворить!

Виллем, молча, слушал старца, опустив голову. Лиорид был совершенно прав и Виллем понимал это. Он понимал, что рисковал не только своей жизнью, но и жизнью Джеймса. Он ругал себя за свою несерьезность и безответственность и был готов понести любое наказание. Выслушав Лиорида до конца, Виллем удалился из зала, оставив Джеймса наедине со старейшиной ордена.

— Вы были слишком строги с ним, — произнес Джеймс дрожащим голосом. Он уже приготовился к тому, что старец отчитает и его тоже, но на удивление Джеймса, Лиорид опустился

обратно на стул и сказал:

— Виллем слишком избалован. Он не знает, что такое ответственность и порой, чтобы в голове отложились правильные мысли, нужно иногда вдолбить их в нее силой. Виллем еще познает все тяготы этой жизни. Он станет намного мудрее, но на это потребуется время. Сейчас же он молод и беззаботен, как и мы все когда-то. Я, наверное, тоже был таким же в его годы, но уже не помню этого. Когда в твоей голове помещаются знания и умения древних народов, их история и культура, то места для самого себя совсем не остается.

Лиорид снова затянулся и выпустил изо рта струйку того же белого дыма, который пах фруктами и цветами. Джеймс подошел поближе и положил светившуюся часть амулета на стол.

— Что это за знаки? — спросил он, указав на странные символы, которые шли полукругом по кайме амулета.

— Это язык древних! — ответил Лиорид, взглянув на надписи. — На нем говорили народы, населявшие эти земли десятки тысяч лет тому назад. На этом языке были написаны все магические книги. Только Верховные маги понимали его и могли на нем говорить. Таким образом, они обеспечивали сохранность своих знаний от чужих посягательств.

— То есть никто не сможет расшифровать эти символы?

— Это мертвый Язык!

Джеймс забрал со стола амулет и спрятал его под одежду. Он направился к двери, которая вела в главный зал. Он устал и хотел спать. Напряженный поход за золотой секирой вконец утомил его. Вдруг, он услышал позади себя голос старика, который обращался к нему.

— Джеймс! Вещь, которую ты носишь у себя на груди — не игрушка! Даже одна часть амулета обладает огромной силой, с которой не справиться ни тебе, ни мне, ни кому-то еще. Это очень важная вещь, без которой наш мир погрузится во тьму и все живое в нем умрет. Помни об этом и ни кому его не показывай. Шпионы Артазара могут быть где угодно. Это может быть твой хороший друг или верный защитник. Так или иначе, но ты всегда должен быть начеку. Помни об этом!

— Хорошо! — сказал Джеймс. — Я буду осторожен.

— Это я и хотел от тебя услышать, — с улыбкой сказал Лиорид. — Так вы не нашли золотую секиру короля гномов?

— Нет, — усмехнулся Джеймс. — Ее, наверное, и вовсе не существует.

— Не все легенды правдивы. Какие-то были придуманы ради забавы или страха, а какие-то были пересказаны со слов очевидцев и являются чистой правдой.

— И к какой категории относится эта легенда?

— Хм, хороший вопрос. За свое время я так и не встретил ни одного живого гнома. Только они знают ответ на этот вопрос. Но то, что король гномов Онир действительно существовал, так это чистой воды, правда! Может, когда все закончится, я спрошу об этом у гномов, но сейчас у нас есть дела поважнее!

Джеймс покинул зал и направился в отведенную ему комнату. Было уже очень поздно и все давно отправились спать. Уже утром они должны будут отправиться в далекое и опасное путешествие. Чем оно закончится, не мог сказать даже опытный провидец. Сможет ли Габриель собрать армию, которая будет способна дать отпор темным легионам? Найдет ли Джеймс вторую половину амулета? Ответы на эти и другие вопросы, мучавшие героев, они получат уже совсем скоро!

ГЛАВА XI Пора в путь!

Джеймс открыл глаза от непонятного и громкого шума. В маленькое окно на стене комнаты пробивался солнечный свет и падал на кровать, в которой спал Джеймс. Он быстро собрался и вышел из своей комнаты. По коридору ходили стражники и закрывали все двери. Джеймс увидел Торна, который направлялся из другого конца коридора к лестнице, и спросил у него:

— Что происходит?

— Мы уезжаем и стражникам незачем оставаться здесь и охранять пустой замок! — ответил Торн.

Джеймс присоединился к хаатину и они вместе спустились вниз и вышли во двор. Там их уже ждали Гарольд, Лиорид и Габриель. Они подготавливали лошадей к долгому пути.

— Где вас носит? — произнес Габриель, седлая свою лошадь.

— Разве мы последние? — спросил Торн и похлопал свою лошадь по боку.

После того, как Торн произнес эти слова, из замка показалась Айя. Вместо красивого белого платья, в которое она была одета на совете, на ней красовался женский эльфийский доспех. Он был выкован из тончайшего листа металла и закален эльфами. Даже удары тяжелого молота троллей были ему не страшны. Он был достаточно легок и не стеснял движения, к тому же, он был еще и на удивление красив и переливался на солнце золотистым светом. Доспех идеально подходил Айе и подчеркивал ее стройную фигуру. Он был одет поверх белой эльфийской рубахи. На ногах ее были высокие коричневые сапоги, поднимавшиеся до колен. Черные плотные штаны были заправлены в них, а на поясе висел короткий эльфийский клинок, спрятанный в расписные ножны. Ее русые, распущенные волосы были скручены в косы и убраны назад.

Джеймс не мог отвести от нее взгляд. Он смотрел на нее с упоением и восхищался ее красотой. Его внимание отвлек Гарольд, который окрикнул Джеймса и заставил его повернуться.

— Вот возьми! — сказал Гарольд и протянул мальчику тот самый длинный нож, которым Джеймс вчера бился с ним на арене.

— Спасибо! — ответил Джеймс и взял оружие, которое пряталось в серых ножнах.

Обнажив клинок, Джеймс не поверил своим глазам. Он был отполирован до блеска и был очень острым. Мальчик по неосторожности задел лезвие пальцем и тут же порезал его. Пока он думал, куда же он денет этот подарок, Гарольд протянул ему

следом узкий кожаный ремень.

— Возьми! Должен подойти!

Джеймс продел ножны в ремень и опоясавшись им, застегнул пряжку. Он улыбнулся и взглянул на Гарольда.

— Ну вот! Теперь ты похож на настоящего воина!

Джеймс, конечно, не воспринял всерьез эти слова, но ему было приятно услышать их от Гарольда.

Последним из замка вышел Виллем. Он почувствовал на себе недобрый взгляд Лиорида и поспешил забраться на свою лошадь.

— Можем отправляться! — крикнул Гарольд.

— До Карунга четыре дня пути на юго-запад, — произнес Лиорид. — Мы должны добраться туда быстрее. Вперед!

Старец развернул своего скакуна и направился к воротам крепости. Остальные последовали за ним, подгоняя лошадей.

— А как же остальные? — выкрикнул Джеймс, обращаясь к Гарольду и указывая на стражников.

— Им с нами не по пути! — ответил тот и помчался вперед.

Из ворот Соколиного замка вышло семеро путников — Гарольд, Габриель, Лиорид, Торн, Виллем, Айя и Джеймс. Возглавляемые старейшиной ордена хранителей, они направились в Карунг, где их пути должны были разойтись.

Спускаться с горы оказалось еще труднее, чем взбираться на нее. Спуск был крутым, и лошади упирались передними ногами в землю, чтобы не скатиться с горы. Всадники спешились и вели своих лошадей по узкой, опасной бровке, то и дело, поглядывая вниз. Им потребовалось три часа, чтобы спуститься вниз.

Спустившись с горы, путники продолжили свой путь по уже известной Джеймсу равнине, но уже в другом направлении. Солнце было высоко и подстегивало всадников своим лучистым теплом. Теплый летний ветер дул им в спину и придавал уверенности в собственных силах. Они мчались во весь дух и не останавливались ни разу за целый день. Хорошо отдохнув в Соколином замке, путники проделали огромный путь и остановились только к закату. Миновав равнину, они поднялись в горы, которые простирались на много лиг вперед.

— Зеленые холмы Аратуна! — крикнул Лиорид своим спутникам и спрыгнул с лошади. — Остановимся здесь на ночлег. Айя, что скажешь?

Эльфийка оглядела окрестности и сказала:

— Здесь безопасно! Природа не осквернена темными силами. Здесь нам ничего не угрожает.

— Вот и хорошо, — произнес Лиорид. — Виллем, собери-ка хворосту для костра!

Виллем спрыгнул с лошади и отдал поводья Гарольду. Что-то

бурча себе под нос, он отправился на поиски сухих кустарников.

— Я помогу ему! — сказал Джеймс и пошагал вслед за Виллемом.

— Что делать с лошадьми? — спросил Габриель. — Нам даже не куда их привязать.

— Они никуда не денутся, — ответил Лиорид. — С нами им безопаснее и они об этом знают. Можешь смело отпустить их. Вот увидишь, они не тронуться с места.

Габриель осторожно отпустил поводья, но лошадь продолжала стоять на своем месте. Он удивился этому и еще долго оборачивался, чтобы убедиться, что его скакун никуда не делся.

— Не злись на него, — сказал Джеймс, догоняя Виллема. — Он желает тебе добра.

— Я не злюсь, — ответил Виллем, ломая сухие ветки редких кустарников. — Я не вправе злиться. Лиорид мудр и многое повидал за свою жизнь.

— Ты давно его знаешь? — спросил Джеймс и стал подбирать оставленные Виллемом ветки.

— Я знаю его с самого детства. Он был частым гостем в нашем доме. Они с моим отцом могли часами беседовать за закрытыми дверями о чем-то. Я хотел, было, раз подслушать их разговор, но меня заметили и наказали. Отец выпорол меня, хоть Лиорид и был категорически против этого. Он всегда был добр со мной.

Джеймсу было неловко оттого, что он задел Виллема за живое, и он попытался сменить тему разговора:

— Расскажи мне о Гарольде, как вы познакомились?

Виллем глубоко задумался на минуту, а затем сказал:

— Это было десять лет назад. Люди вели ожесточенную войну с варварами из северных земель. Она и по сей день не закончена, но сейчас проявляется лишь небольшими стычками на границах. Я проходил службу в гарнизоне Аргиллит, который находился на захваченной варварами территории. Мы оборонялись три ночи, но не смогли удержать крепость. Из четырех сотен воинов, в живых осталось только две дюжины, среди которых был я. Мы отступили вглубь страны, в крепость Ривинкор. Гарнизоном командовал Гарольд. Он был капитаном королевской армии, которая насчитывала больше тысячи человек. Мы рассказали ему об отрядах варваров, захвативших Аргиллит. Они должны были вскоре напасть и на Ривинкор.

Благодаря вовремя организованной обороне, гарнизон выстоял. Разбив врага и обратив его в бегство, Гарольд отдал приказ догнать и уничтожить остатки отряда. Поставив меня во

главе небольшого войска, Гарольд с остальной армией отправился в Аргиллит и освободил его. Мы уничтожили все силы врага и прогнали его с нашей земли!

— И что же случилось дальше?

— Наместник Элонии Эриндур был опьянен победой и отдал приказ вторгнуться в земли противника, захватить город Дрярор и уничтожить всех его защитников. Многочисленный отряд под командованием Гарольда вошел в город. Он был беззащитен. Там не было воинов — одни лишь женщины, старики и дети. Эриндур был непреклонен и ждал от Гарольда исполнения его приказа. Но капитан королевской армии не мог убить ни в чем не повинных мирных жителей и ослушался наместника. За это он был изгнан из города королей навсегда, а его гарнизон был распущен. Он был лишен всех чинов и регалий. При нем остался лишь его меч, дарованный ему за великие победы.

Я был в том городе и видел лица тех женщин и детей, с испугом смотревшие на нас. Для них мы были не спасителями, как для нашего народа, мы превратились в зверей, которые безнаказанно отнимали человеческие жизни. Все, кто был там, чувствовали себя точно так же. В северном городе Дрярор наша война между людьми и дикими народами закончилась. Она закончилась для нас, и я ни сколько об этом не жалею.

— Вам помочь или вы сами справитесь со столь непосильной задачей? — прокричал им Торн издалека.

Джеймс и Виллем оглянулись назад, а затем начали быстро собирать хворост в охапки.

— Он недолюбливает нас, верно? — спросил Виллем. — Я его понимаю, но держать злобу на всех людей без исключения — это дикость.

— Торн не держит на вас злобы, — ответил Джеймс. — Просто люди относятся к нему как к предателю, хотя он не виноват в проступках своих предков.

— Да, тяжело, наверное, ему приходится одному.

— Он не один! Уже нет.

Джеймс и Виллем вернулись к остальным и высыпали заготовленные для костра ветки на землю. Лиорид недовольно взглянул на дрова и сказал:

— Этого с трудом хватит до полуночи! Значит после того, как огонь догорит, будем мерзнуть на холодной земле.

— Мы собрали все, что было в округе! — начал оправдываться Виллем. — Если надо, то я могу сходить подальше.

— Нет! Сиди уже! От тебя все равно мало толку! У каждой лошади за седлом привязано по одеялу. Советую всем ими воспользоваться. Ночи с каждым днем становятся все холоднее и

длиннее. Солнце будет греть все меньше, поэтому постарайтесь не простудиться.

Лиорид взглянул на Джеймса и улыбнулся. Он отвязал от седла серый сверток и подал его мальчику. Джеймс развернул шерстяное одеяло и накинул себе на плечи. Он быстро согрелся и перестал вздрагивать от резких порывов холодного северного ветра, гулявшего по холмам Аратуна.

Гарольд выбрал из принесенных веток самые сухие и собрал их в кучу. Затем он вырвал из земли пучок сухой травы и расположил его между веток. Достав из мешка два камня, он принялся ударять их друг об друга, высекая искры, пока сухая трава не запылала, поджигая за собой тонкие ветки.

Торн сел на камни и вынул короткий кинжал, который висел у него на поясе. Он повертел его в руках и бросил вниз. Сделав несколько оборотов в воздухе, он воткнулся в каменистую почву. Хаатин увидел, что Лиорид направился к нему и сказал:

— Крестьянин, который поведал о смерти старца в той небольшой деревне, рассказывал о черном перстне на руке одного из них. Ты что-нибудь знаешь об этом?

Лиорид присел рядом и закурил трубку. Он задумчиво смотрел вдаль и долго молчал. Торну показалось, что старик не услышал вопроса и уже хотел повторить его, но Лиорид, вдруг, поднял руку и остановил хаатина, уже открывшего рот.

— Черный перстень означал принадлежность его носителя к темным силам. Раньше такие перстни носили ученики Роторима. В них хранилась их магическая сила. Но после великой войны света и тьмы и падения королевского рода, а вместе с ним и всей империи, такие перстни стали носить многие, причислявшие себя к помощникам и слугам темных сил. Настоящие же перстни исчезли в этих землях, растворились в глубинах гор. Вполне возможно, что они стали частью сокровищницы гномов или хранятся в библиотеках эльфов.

— И как же нам понять — настоящий ли это был перстень или нет?

— О, ты сразу поймешь это! Настоящие перстни покрыты черным ореолом, а в самом камне бурлит неиссякаемая энергия. То, что видел тот крестьянин, было обычной подделкой, которая все же сейчас встречается крайне редко.

Джеймс устроился на ночлег под большим валуном. Он выпил миску горячей похлебки, сваренную Гарольдом, и полностью закутался в одеяло. Прислонившись к камню спиной, Джеймс закрыл глаза и попытался заснуть.

Гарольд передал чашку с едой Габриелю, встал и направился к Айе, которая стояла поодаль от остальных и смотрела куда-то

вдаль.

— Эльфы не едят человеческую пищу? — спросил он, поравнявшись с ней.

— Мы можем не есть и не спать много дней, — ответила она. — То, что дает вам силу и выносливость, для нас не приемлемо.

— Что же дает силу вам? — поинтересовался Гарольд.

— Наша сила берет свое начало во всем, что нас окружает. Деревья, реки, трава — пока леса зелены, а моря полноводны — наша жизнь не угаснет.

— И если Артазар захватит эти земли и наводнит их тьмой, то…

— То мы умрем.

— Этого не будет! — произнес Гарольд после долгой паузы. — Наши народы должны вновь объединиться и сражаться плечом к плечу, как в былые времена!

— Времена поменялись. Многое ушло в небытие, что-то забылось, а что-то потеряно безвозвратно. Союз между людьми и эльфами был разрушен, и его нельзя восстановить.

— Я не верю. Люди совершили много ошибок за свою историю, но они могут быть исправлены. В одиночку нам не выстоять.

— Вы говорите про войну, которая еще не началась. Вы говорите так, будто враг уже стоит на нашем пороге.

— Так и есть! Мы не можем ждать, когда темные легионы вторгнутся на наши земли и начнут уничтожать наш народ. Рано или поздно, но это произойдет. И пока мы медлим, враг набирает силы и создает непобедимую армию. Да, мы не обладаем былой силой и могуществом, но дух наш силен так же, как и в те славные времена. Мы не сдадимся. Пусть наши города разрушились, а крепости опустели, но надежда в наших сердцах не умерла.

— Мой отец верит в ваш народ. Он попытается убедить нашего короля в Лейтвиле помочь вам. Он многим рискует ради людей, надеюсь, что вы этого достойны.

— А ты, Айя, ты веришь?

— Моя вера не так сильна, как вера Эинора, но я ощущаю в себе ее присутствие. И пока она не угасла совсем, я хочу помочь вам. Я чувствую, что нужна вашему народу сейчас. Я вижу страх в глазах многих людей. Он затуманивает ваш разум и заставляет делать неразумные вещи.

— Что ты видишь в моих глазах?

— Я вижу боль! Боль утраты. Ты потерял близких тебе людей и теперь тебя больше ничто не держит в этом мире.

Гарольд отвел глаза в сторону. Он не хотел слушать Айю дальше, и она поняла это и замолчала. Гарольд действительно потерял близких ему людей десять лет назад, но об этом не знал даже его верный друг Виллем.

После того, как Гарольд, будучи капитаном королевской армии, отказался выполнить приказ наместника Элонии и уничтожить мирное население города Дрярор, его отстранили, но сохранили ему жизнь. Но Эриндур никогда не слыл милосердным и приказал убить жену и годовалую дочь Гарольда, когда тот был в походе. Его дом в Кронкарде — столице Элонии, был сожжен вместе с их телами.

Гарольда не пустили в город, когда он вернулся. Его навсегда изгнали из Кронкарда. Весть о гибели его близких застала его в Хаминоре, где он был почетным гостем в доме Виллема и его будущей супруги. Узнав страшную весть, Гарольд покинул город, ничего не сказав своему другу. Долгое время о нем было ничего не известно. Только спустя шесть лет он появился в провинции Корим и обосновался там. Он не имел своего дома и постоянно скитался из одного места в другое, пока его не нашел странный седой старик в потрепанных лохмотьях и не предложил пойти вместе с ним. Он вернул ему смысл жизни, потерянный много лет назад. Он принял убитого горем странника в члены древнего ордена и приоткрыл перед ним его великие тайны. Гарольд вернулся к жизни, но прежним его больше никто не видел. Лиорид видел страдания Гарольда, но был бессилен. Он мог исцелить любую рану на теле, но исцелить глубокую рану в его душе ему было не под силу.

Костер погас ровно в полночь, как и сказал Лиорид. Волшебные кубики из непонятного белого порошка, которыми Торн разжигал костер, закончились, и путникам пришлось покрепче закутаться в теплое одеяло. Правда у Джеймса оставался еще один такой кубик, который ему передал Торн, но он уже давно спал, да и вряд ли помнил про него.

Ночь выдалась на удивление теплой, несмотря на близкий конец лета и неминуемое начало осени. Если бы не прохладный ветер, залетевший на холмы с севера, то одеяла путникам могли бы и не понадобиться. Но эта ночь была лишь приятным исключением из череды предстоявших холодных ночей.

Лиорид не спал и курил свою трубку, прислонясь спиной к большому камню. Он думал о чем-то и иногда посматривал в сторону, где стояла Айя. Все остальные спали.

Гарольд часто вскакивал с места и хватался за меч. Убедившись, что вокруг было все спокойно, он ложился на место и снова засыпал. Лиорид с тревогой наблюдал за ним. Он знал,

что ему снится. Он переживал о том, что не может помочь ему. Гарольд и сам уже забыл, когда нормально спал и видел хорошие сны.

Лиорид обратил свой взор на месяц, выглянувший из-за тучи, убрал трубку за пазуху и закрыл глаза. Теперь только Айя охраняла их покой и продолжала всматриваться вдаль, не двигаясь с места.

Утро встретило путников недружелюбно. Порывы ветра усилились и подгоняли их к скорейшему отправлению.

— Горячий завтрак отменяется! — крикнул Лиорид. — Костер в такую погоду нам не развести. Довольствоваться придется хлебом и водой.

Быстро перекусив, они собрали пожитки и вскочили на лошадей.

— Надо быть осторожными! — громко сказал Гарольд. — Местность опасная, придется идти по самому краю уступов, чтобы провести лошадей. Обвалы в этих местах не редкость.

— Проскачем на лошадях, сколько сможем, а дальше придется идти пешком, — сказал Лиорид.

— Не лучше ли нам держаться в низине? — спросил Виллем.

— Эта дорога уведет нас на север, — ответил Лиорид. — Мы можем подняться только здесь. Вперед!

Всадники помчались вглубь холмов Аратуна, выбрав дорогу, идущую по возвышенности. Они поднимались все выше, пока не оказались на высоте ста футов от земли. Местность была покрыта густой зеленой травой. Казалось, что всадники попали в совершенно другой мир, если бы не серое, унылое небо над их головой и ледяной северный ветер за спинами.

Холмы Аратуна простирались на многие лиги, и путникам понадобился бы целый день, чтобы преодолеть их. Но так как местность была не благоприятной для быстрой верховой езды, и путникам приходилось проходить некоторые места очень медленно, то путешествие через живописные зеленые холмы затянулось и заняло у них два дня.

На четвертый день пути всадники добрались до границы провинции Лапран, в которой находился город Карунг. Это был центр судоходства Элонии. Здесь располагалась крупнейшая в стране судоверфь, славившаяся своими быстроходными кораблями. Здесь делали все — от крохотных рыбацких лодочек до крупных торговых кораблей, которые были по карману только знатным особам. Верфь была построена на реке Ильморе, проходившей через весь город и впадавшей в Погибшее море. Ильмора была широка и полноводна и обладала спокойным нравом, поэтому корабли могли ходить по ее водам без опаски.

— Видите? — закричал Лиорид и указал рукой на реку, протекавшую прямо под горой, по которой продвигались всадники. — Мы уже совсем близко! Надо спуститься к реке и двигаться по течению. Она приведет нас прямиком в Карунг.

— Это же Ильмора! — воскликнул Виллем. — Мы приближаемся к городу кораблестроителей.

— Совершенно верно, мой друг! — поддержал Лиорид. Карунг — родина всех торговых и большинства военных судов. По крайней мере, была когда-то.

— Никогда в нем не бывал! — сказал Виллем.

— Ничего удивительного, — ответил Лиорид. — Сейчас от прежнего города мало что осталось. Но не будем терять время, пришпорьте лошадей!

Всадники спустились с горы и направились к реке. Солнце клонилось к закату и скрывалось за горой, располагавшейся где-то далеко-далеко на западе, медленно исчезая за ее остроконечной вершиной и заснеженными склонами. По предгорью поползла черная тень, тихой поступью завладевая долинами и лесами, продвигаясь все дальше и захватывая все новые территории.

Чтобы успеть добраться до города до наступления темноты, путникам надо было поторопиться и двигаться быстрее. На длительный привал времени у них не было, но он был просто необходим, хотя бы для того, чтобы напоить лошадей. Да и всадникам не помешал бы отдых от изнурительной и продолжительной поездки верхом.

После двухчасового спуска с горы, всадники ступили на пологий берег реки Ильморы. Она была на удивление спокойна, даже, несмотря на резкие порывы северного ветра, не утихавшего уже несколько дней. Поверхность реки была похожа на огромное зеркало, в котором отражалось все великолепие окружавшей ее природы. Последние лучи исчезавшего за горой солнца скользили по нерушимой речной глади и придавали воде удивительный блеск, который ослеплял путников. Вода была чистой и прозрачной, но из-за большой глубины, дна не было видно. Солнечным лучам не хватало сил пробиться сквозь ее толщу, и они растворялись в бесполезных попытках добраться до заветных глубин.

Путники добрались до берега реки и устроили небольшой привал. Они проделали огромный путь за эти дни, останавливаясь только на ночлег и на короткие перерывы, и буквально валились с ног от усталости.

Больше всего утомительная дорога сказалась на Джеймсе, у которого немело все тело от долгого нахождения в седле, и

сильно шелушилась кожа, постоянно подвергавшаяся атакам холодного ветра. Ему было больно говорить из-за обветренных и потрескавшихся губ. Он чувствовал тяжесть в спине и сильную боль в пояснице. Джеймсу хотелось поскорее добраться до города и отдохнуть от нескончаемого марафона, в котором он принимал участие четыре долгих дня. Он еще не научился правильно держаться на лошади, и для него путь в Карунг был очень нелегким испытанием, в отличие от остальных, которых, однако, эта поездка тоже измотала.

Немного отдохнув и слегка перекусив, путники отправились дальше. Они были в двух часах езды от города и подгоняли лошадей, чтобы успеть добраться туда до полуночи. Их путь пролегал через лес, который казался таинственным и пугающим в надвигавшихся сумерках. Но это был единственный короткий путь к городу и, судя по тому, с какой уверенностью Лиорид вел своих спутников через него, лес был абсолютно безопасен (до наступления ночи).

ГЛАВА XII Странное гостеприимство

Всадники миновали лес и очутились на поле, посреди которого расположился город. Река, изгибаясь словно змея, аккуратно огибала его и уходила дальше на запад. Невысокие деревянные стены делали город уязвимым, но он и не был построен для обороны, у него было совсем иное предназначение.

Ворота еще не были заперты и всадники без труда въехали в город. Привратник, дежуривший у ворот, с испугом осмотрел гостей и так и не осмелился задать ни одного вопроса. Вместо этого, он поспешил закрыть ворота на задвижку и скрылся в сторожке. Не обратив на такой странный прием внимания, путники, не останавливаясь, повернули на широкую улицу и замедлили ход.

— Добро пожаловать в Карунг! — воскликнул Лиорид. — В город, когда-то славившийся своими морскими и речными судами. Здесь располагалась одна из самых крупных судоверфей в Элонии.

— А сейчас разве не располагается? — спросил его Джеймс.

— Она была заброшена и разрушена много лет назад, — ответил Лиорид. — Многие жители покинули город, оставив свои дома и пожитки. Они надеялись найти лучшую жизнь, а нашли только голод, нищету и смерть.

— Почему ее забросили? — вновь спросил Джеймс.

— Судоверфь была закрыта по указу наместника Тионира, который был жаден до золота и ценил его гораздо больше, чем человеческую жизнь. Он разогнал всех рабочих и увеличил налог втрое, что стало непосильной ношей для людей, оставшихся без работы.

— Куда мы направляемся? — спросил Торн.

— В Карунге живет мой хороший приятель Барук. Мы с ним давно знакомы и я думаю, что он будет рад моему визиту.

— А ничего, что вместе с вами к нему на порог явятся еще шестеро путников? — спросил Виллем.

— Барук хороший человек и всегда рад гостям, по крайней мере, был, когда я его видел в последний раз. У него большой дом и он без труда сможет найти место нам всем. Мы проделали долгий путь и нам необходимо отдохнуть пару дней. Это лучше, чем останавливаться в незнакомых местах или спать на земле.

Всадники добрались до края улицы и остановились. Дорога привела их к большому одноэтажному особняку, в окнах которого горел свет, а из трубы на крыше валил густой серый дым.

Лиорид спешился, подвел лошадь к невысокому деревянному

забору, выкрашенному в зеленый цвет, и привязал ее. Затем он оглянулся и вопросительно взглянул на остальных, которые все еще сидели в седлах.

— Ты уверен, что нам стоит заходить? — спросил Габриель.

— Ну, если хотите, то можете остаться на улице, — с насмешкой ответил Лиорид. — Я брошу вам в окно остатки еды.

Лиорид подошел к двери и легонько постучал в нее. Вдруг, он услышал, как за ней что-то с грохотом упало и покатилось по полу. Затем раздались чьи-то шаги, а потом все затихло, но дверь так никто и не открыл.

Старик выждал время и постучал вновь, но уже гораздо сильнее. Через некоторое время снова раздался звук шагов, и дверь со скрипом медленно открылась. На ее пороге стоял невысокий человек с седыми кучерявыми волосами в коротком зеленом пиджаке. Он, нахмурившись, оглядел непрошенных гостей, и быстро захлопнул дверь у них перед носом.

Лиорид был в недоумении и продолжал стоять на месте. Он не ожидал такого приема и уж точно не был готов к такому повороту. Вдруг, за дверью вновь послышался какой-то непонятный грохот, который вскоре стих. Дверь опять заскрипела и явила путникам хозяина дома. На его лице сияла широкая улыбка, и он, разведя руки в стороны, произнес:

— Лиорид! Как же долго мы с тобой не виделись! Я тебя сначала и не признал. А это кто? Твои друзья? Проходите же, чего стоите! Места всем хватит! Вы поспели точно к ужину, поэтому располагайтесь, а я вас угощу чем-нибудь. И даже не смейте отказываться!

Хозяин дома говорил быстро и не давал никому вставить ни слова. Путники не успели оглянуться, как уже сидели за круглым столом в большой гостиной с разожженным камином и большим количеством свечей.

— Я рад вновь видеть тебя, мой добрый друг Барук! — сказал, наконец, Лиорид. — С нашей последней встречи прошло много лет, но ты ничуть не изменился и не постарел.

— Скажешь тоже, — ответил Барук, накрывая на стол. — А моих седин ты верно не приметил! Годы берут свое, и с этим ничего не поделаешь. А вот тебя, мой друг, годы точно обошли стороной.

— Они просто уже забрали все, что могли, ранее и теперь не обращают на меня внимания, — улыбнувшись, сказал Лиорид.

— Только не говори мне, что собрался умирать! Ты еще слишком молод для таких мыслей! И познакомь меня, наконец, со всеми, а то неудобно получается!

— Ах да, приношу свои извинения. Это мои друзья.

— А имена у твоих друзей есть?

— Их имена тебе ничего не скажут, поэтому я предпочту не называть их, да и они сами, наверное, тоже.

— Ну что ж, ладно. Как же мне к вам обращаться, дорогие гости?

Собравшиеся за столом представились хозяину и поблагодарили за гостеприимство. Лиорид был недоволен тем, что его ослушались. Он не хотел, чтобы кто-нибудь знал имена его спутников, даже тот, с кем он хорошо был знаком.

Барук поставил на стол широкое блюдо с запеченной индейкой на нем и вышел во двор, чтобы пополнить запасы красного вина, хранившегося у него в амбаре. Как только хозяин дома шагнул за порог, гости приступили к ужину. Лиорид сидел в стороне и гладил свою седую длинную бороду.

— Вы не должны были называть ему свои имена, — сказал он. — Это было крайне неразумно с вашей стороны. Вы подвергаете всех нас опасности.

— Но с нашей стороны было бы не вежливо промолчать на вопрос человека, который пустил нас в свой дом! — воскликнул Виллем, представившийся первым. — К тому же, хозяин дома твой хороший приятель, ты его давно знаешь, так чего нам бояться? Лучше попробуй индейку. Она очень вкусна!

Лиорид ничего не ответил и достал свою трубку. «Ты что-то увидел?» — мысленно спросила его Айя, которая сидела у окна и смотрела на звезды, высыпавшие на чистое небо.

«Нет, но он ведет себя странно. Я не смотрел в его мысли, так же как и ты, я полагаю».

«Он твой друг. Я не вправе это делать».

В это время заскрипела дверь, и вошел Барук с кувшином красного вина. Он поставил его на стол и сел в свое кресло-качалку. Он постоянно улыбался, но улыбка эта казалась Лиориду неестественной и натянутой. Он пристально смотрел на Барука, который принялся разливать вино по стаканам. Руки его дрожали, и он едва справлялся с поставленной задачей. Пусть улыбка и не сползала с его лица, но глаза его не могли врать. Лиорид решился прочесть его мысли, и ему очень не понравилось то, что он увидел. Но он не подал виду и продолжал курить трубку, наполняя дымом большую гостиную.

Барук протянул стакан с вином старику и сказал:

— Времена сейчас очень неспокойные. Из дома то выйти страшно, не то, что отправиться куда-то. Эти твари заполонили все вокруг. Ночью только их дикий вой и слышно. Бродят поблизости, того и гляди перемахнут через стену и сожрут во сне!

— Не стоит беспокоиться на этот счет, — ответил Лиорид,

отказавшись от предложенного вина. — Они не войдут в город. Они хоть и наводят ужас своим видом и свирепым нравом, но сунуться побоятся. Ума у них маловато.

— И все же надо быть настороже!

— Если позволите, мы бы хотели остановиться у вас на денек, — сказал Габриель. — Нам бы восстановить силы после долгой дороги.

— Конечно, конечно! Места у меня хватит на всех, особенно после того, как моя жена отправилась к своей матери в сопровождении нашего старшего сына. Она в последнее время часто навещает своих родственников. Благо, что они живут в деревни неподалеку от Корунга и путь до нее не занимает много времени. Но одну ведь ее не отпустишь, верно? Вот и приходится нашему сыну сопровождать ее в этой дороге.

— А как называется та деревня, в которой живут родственники твоей жены? — спросил Лиорид.

Барук растерялся от вопроса, который ему задал старец и попросил повторить его еще раз. На самом деле, он хорошо его расслышал, и ему просто требовалось немного времени, чтобы найти ответ в своей голове. Это была уловка лжецов, которой Барук пользовался весьма неумело. Лиорид сразу понял, что его хотят обмануть, но он решил подыграть и терпеливо ждал, когда хозяин дома выдаст ему вразумительный ответ.

— Так…это…в Ровинге живут, точно! — ответил, наконец, Барук и нелепо засмеялся. — Совсем вылетело из головы. Старость знаете ли. Я ведь сам в ней ни разу не бывал.

— А где же твой младший сын — Приотен? — продолжил допрос Лиорид. — Когда я был у тебя в гостях в последний раз, он был еще совсем маленьким мальчиком.

— Приотен? — переспросил Барук. — Он…он охотится в здешних лесах. Эти твари сожрали еще не всех зверей, кое-кто все же остался и они уж точно не уйдут от зоркого глаза моего младшего сына Приотена. Он прекрасно стреляет из лука и может убить крупного оленя с одного выстрела!

— Как же ты отпустил Приотена на охоту ночью? — снова спросил Лиорид. Он пытался вывести Барука на чистую воду и уличить его во лжи, но тот находил ответ на каждый вопрос, заданный старцем. Гарольд тоже обратил внимание на странное поведение гостеприимного хозяина и стал следить за необычным разговором, более походившим на допрос.

— Мой сын хорошо знает, как вести себя ночью в таких местах! — ответил Барук. — Он уже не маленький и может сам о себе позаботиться. Сейчас сложные времена. Еды не хватает, а впереди нас ждут длинные зимние месяцы. Нам нужно запасать

мясо! Я уже не в том возрасте, чтобы охотиться и мое место добытчика по праву занял Приотен. Я надеюсь, что ответил на твой вопрос!

— Разумеется! — сказал Лиорид. — Прошу прощения за мое излишнее любопытство, мне очень неудобно!

— Ничего страшного! — ответил Барук, и на его напряженном лице вновь засияла широкая улыбка. — Быть может, вы тоже сочтете меня излишне любопытным, если я спрошу вас — куда вы держите путь таким необычным составом?

Торн, вдруг, нахмурил брови и посмотрел на Барука. Его ноздри раздувались от злости, а глаза неприветливо сверкали. Барук не понравился ему сразу и произвел впечатление двуличного человека, который что-то определенно скрывал. Барук увидел мгновенную реакцию хаатина и добавил:

— Вообще-то я имел в виду эльфа под необычным составом!

— Мы направляемся в Кронкард, — ответил Лиорид и немного разрядил обстановку, накалявшуюся между хаатином и Баруком.

— В Кронкард? Но зачем?

— У нас есть там дела, не терпящие отлагательств. Я не могу пока сказать тебе большего. Нас ждет долгий путь и нам не помешал бы хороший и здоровый сон.

— Вы можете оставаться столько, сколько будет нужно! Мой дом всегда открыт гостям, особенно если это друзья моего друга Лиорида!

Барук налил полный стакан вина и протянул его Торну в знак примирения. Хаатин нехотя взял его и поставил рядом с собой, но пить не стал. Не то, чтобы Торн хотел обидеть хозяина дома, просто он не желал в данный момент дурманить свой разум пьянящим напитком. А вот Габриель был не прочь отведать чудесного вкусного вина, привезенного с южных земель, и с радостью подвинул к себе стакан, предназначавшийся хаатину.

Лиорид поднялся со стула и вышел во двор, чтобы глотнуть свежего воздуха и поразмыслить над странным поведением своего друга Барука. Он вновь раскурил свою волшебную трубку и взглянул на большую полную луну, которая, казалось, специально так близко подошла к земле, чтобы подслушать разговор путников.

Небо было усыпано звездами, которые смотрелись крохотными яркими точками на фоне огромного серебристо-белого диска. Вокруг было тихо. Только шум листвы, издаваемый вековыми деревьями старого густого леса, раскинувшегося недалеко от Корунга, нарушал незримый покой в этих местах. Слабый теплый ветерок гулял по пустынным улицам города,

заглядывая в окна обветшалых домов и поднимая с дороги клубы серой пыли.

Вдруг, входная дверь дома, на пороге которого стоял Лиорид, заскрипела, и из нее показался Гарольд. Он был серьезен и хмур. Поравнявшись со старцем, он остановился и стал разглядывать дома, расположенные через дорогу. Они оба стояли так несколько минут, после чего Гарольд решил прервать молчание:

— Что ты видел? — спросил он старца.

Лиорид вынул трубку изо рта, выпустил облако дыма перед собой и сказал:

— Я видел страх! Он полностью поглотил его, затуманив рассудок и лишив воли. Я не увидел причины этого страха. Его корень сокрыт где-то глубоко в его голове и не дает покоя. Давненько я такого не встречал. Лишь те, кто заглянули в лицо самой смерти, испытывали нечто подобное.

— И что нам теперь делать?

— Вы с Джеймсом и Айей должны отправиться в путь на рассвете! Увезите амулет подальше от этого места!

— Фарас? Куда уж дальше. Мы пересечем всю Элонию, чтобы добраться туда.

— Скачите напрямик и не останавливайтесь без надобности! У южных границ вам придется оставить лошадей, поскольку там им не пройти. Ваш путь ляжет через Великий раздел, только так вы сможете быстро миновать горы и не попасться патрулям орков. Будьте очень осторожны и не рискуйте понапрасну!

— Хорошо! Но мальчишка еще не слишком уверенно сидит в седле, выдержит ли он это путешествие?

— Он справится! У него много сил и ты напрасно его недооцениваешь! Мы же, отправимся в Арамунд вслед за вами и нанесем визит тамошнему правителю. Если все пойдет так, как я задумал, то сразу же после Арамунда мы направимся в Кронкард. Я постараюсь убедить наместника вернуть королевское войско с северных границ Элонии и объединиться с остальными.

— Что если он откажется?

— О, он наверняка откажется! Даже если бы Эриндур был мудрецом, коим он не является, то он, конечно же, не поверил бы ни единому нашему слову про Артазара и грядущую войну. Для таких необычных и страшных новостей нужны неопровержимые доказательства.

— И они есть?

— Да! И их очень много, они повсюду. Нужно просто увидеть их и правильно истолковать. Эриндур глуп, но не настолько, чтобы продолжать войну с севером, когда с запада наступает угроза куда страшнее, чем варвары.

— Вы думаете, что наместник так легко расстанется с престолом?

— Нет, конечно! Про Гарольда нам лучше помалкивать, если до него уже не дошли слухи о нем.

— А что если все-таки дошли? Тогда он не выпустит вас живыми из города и историю про темные силы сочтет за выдумку. Вы сильно рискуете.

— У нас нет иного выбора! Мы должны попытаться.

Когда Лиорид и Гарольд вернулись в дом, за столом уже никого не было. Барук убирал пустые тарелки и составлял их стопкой на другой стол, который стоял у стены и предназначался для кухонной утвари. Он затушил свечи и взглянул на Лиорида.

— Все уже отправились спать. Я уложил их в большой комнате. Там тепло и просторно, поэтому я подумал, что так будет лучше. А девушке я выделил отдельную комнату — комнату моего младшего сына. Она очень уютная и в ней есть большое окно. Я заметил, что ваша спутница любит наблюдать за звездами.

— Благодарю тебя, друг мой! — произнес Лиорид. — Отчего же ты сам еще не спишь? Уже довольно поздно и день сегодня выдался, наверное, хлопотным?

— Это правда, — согласился Барук и сел на стул. — Замотался я сегодня. Как только закончу здесь со всем, так сразу же отправлюсь на покой! Нет ничего лучше, чем хороший сон, верно?

Он вскочил с места и принялся протирать тряпкой стол, стулья и все, что попадалось ему на пути.

— Верно, — почти шепотом произнес Лиорид. — С твоего разрешения мы тоже пойдем.

Барук, не поворачиваясь, махнул головой и продолжил заниматься уборкой. Гарольд и Лиорид прошли в комнату, где стояли кровати, на которых уже спали Джеймс, Виллем и Габриель.

Из обеденного зала еще долго доносились бряканье и стуки, которые не утихали до поздней ночи. Хозяину дома отчего-то не спалось, и он находил себе занятия, чтобы скоротать время.

Лиорид не видел того, что тревожило Барука и не давало ему покоя, но он собирался выяснить это. Старец дождался, когда усталость все-таки заставит Барука пойти в свою комнату и только тогда решился закрыть глаза.

ГЛАВА XIII У каждого свой путь

Джеймс почувствовал на себе чье-то дыхание и слегка приоткрыл глаза. Он увидел Лиорида, который сидел рядом и смотрел на него. Вид у старца был задумчивый и хмурый. Джеймс открыл рот и хотел спросить у него, что случилось, но Лиорид жестом руки остановил порыв мальчика. Он встал со стула, на котором сидел у кровати Джеймса и сказал:

— Одевайся! Вам пора отправляться.

Он говорил тихо, потому что не хотел разбудить остальных и ждал, когда Джеймс начнет собираться.

— Что случилось? — тихо спросил Джеймс.

— Не задавай лишних вопросов, просто делай то, что тебе велят.

Джеймс, потягиваясь и зевая, встал с постели и начал натягивать рубаху. На улице было еще темно, а на небе все еще сияли звезды. Робкие отблески рассвета забрезжили на горизонте, предупреждая тьму о скором появлении солнца.

Джеймс оделся и вышел из комнаты вслед за Лиоридом. Он был в недоумении и не понимал, зачем нужно было поднимать его так рано. Потирая глаза руками, он остановился в пустой гостиной и окрикнул Лиорида, который направлялся к двери, ведущей во двор.

— Что происходит? Куда мы идем? Почему мы не разбудили остальных?

— Говори тише! — ответил Лиорид. — Следуй за мной, я все объясню тебе скоро!

Они вышли во двор, где их ждали Гарольд и Айя. Джеймс огляделся вокруг. Было раннее утро. Улицы были совершенно пустыми. Гарольд держал в руках поводья и поглаживал лошадей, чтобы они стояли смирно и не тревожили покой спящих. Айя, при виде Лиорида и Джеймса, запрыгнула на лошадь и немного отошла в сторону.

— Вам нужно отправляться сейчас же! — произнес Лиорид и обратил свой взор к мальчику. — Доверься мне! Оставаться здесь опасно, и вы должны немедленно уходить!

— А как же вы? — спросил Джеймс.

— За нас не волнуйся! Мы отправимся сразу же после того, как взойдет солнце.

— Но почему бы нам не отправиться вместе?

— Джеймс, послушай. Здесь наши пути расходятся. У вас теперь своя цель, до которой вы должны дойти как можно скорее. От тебя очень многое зависит! Вещь, которую ты носишь,

бесценна, и требует от ее хранителя особенных качеств. Амулет неспроста выбрал тебя и доверил свою судьбу. И я знаю, что ты способен на многое и не позволишь врагам завладеть им!

— Но я…

— Никогда не сдавайся! Какие бы трудности не возникли на твоем пути, какие бы испытания не преподнесла тебе судьба — никогда не теряй надежду! Иди вперед с чистой душой и храбрым сердцем! Не отступай перед лицом опасности, борись со своими страхами и не показывай их врагу! В твоих руках судьба не только Элонии, но и всего нашего мира! Я верю в тебя! Я верю в то, что ты сможешь найти амулет! Не подведи меня. А теперь, отправляйтесь!

Джеймс не успел прийти в себя после слов Лиорида, как очутился в седле. Гарольд и Айя уже были далеко впереди, и Джеймс ударил лошадь по бокам и пустился вдогонку. Он даже не успел попрощаться с Торном и с остальными, и это беспокоило его. Джеймс не думал о том, зачем надо было в такой спешке покидать город и скакать во весь дух подальше от него. Эти мысли еще посетят его, но гораздо позже, когда они будут уже далеко за пределами Карунга. А пока всадники начали свой длинный и опасный путь в Фарас, таящий множество тайн и не посещаемый живыми существами больше тысячи лет.

Лиорид вернулся в дом и обнаружил в гостиной заспанного хозяина дома, который вопросительно взглянул на старца.

— Я услышал голоса снаружи, что-то случилось?

— Этот же вопрос я бы хотел задать тебе, друг мой!

— Не понимаю о чем ты? Ты меня в чем-то подозреваешь?

— Нет. Я точно знаю, что ты что-то скрываешь от меня, но не хочешь признаться!

В это время в гостиную вошел Торн, который услышал крики из комнаты. Он не стал встревать в разговор и наблюдал за происходящим со стороны.

— С чего ты взял, что я от тебя что-то скрываю? — встревоженным голосом произнес Барук. — Какое ты имеешь право оскорблять меня такими заявлениями в моем собственном доме!

— Если ты мне не признаешься сам, то я выбью из тебя признание силой! — заявил Лиорид и обнажил свой меч.

— Что ты делаешь! — закричал Барук. — Неужели ты убьешь меня?

— Если понадобится, — ответил Лиорид.

Лиорид поднял меч и направил его на испуганного Барука. Тот выгнулся назад и скривил рот. Взгляд его был прикован к острию клинка, и он дрожащим голосом сказал:

— Хорошо, хорошо! Я все расскажу, только убери от меня свой меч!

Лиорид опустил клинок и оперся об него двумя руками. Его пронзительный и холодный взгляд пугал Барука и заставлял его опускать глаза. Никогда раньше он не видел своего друга таким.

— Они пришли в Корунг за день до вашего появления, — сказал Барук.

— Кто? — перебил его Лиорид.

— Это были всадники в черных доспехах. Их было около дюжины. Я не видел их лиц, потому что на них были надеты плащи с капюшоном. Один из них был их вожаком и руководил всадниками. У него на пальце я заметил черный перстень с огромным камнем.

— Они приходили днем?

— Да, они прибыли до полудня. Они убивали женщин и детей и никого не щадили! Они искали вас!

— Что ты сказал им?

— Ничего! Они знали, что вы придете и что я приму вас как гостей. Они забрали моего младшего сына с собой и сказали, что убьют его, если я не сообщу им о вашем приезде! У меня не было выбора, простите!

Барук опустился на колени и зарыдал, закрывая лицо руками. Слезы катились по его щекам тонкими струйками и, собираясь на подбородке, падали на пол тяжелыми каплями. Он был разбит горем.

Лиорид убрал свой меч в ножны и сел на стул, который стоял рядом. Он сделал небольшую паузу и дал Баруку успокоиться, а затем спросил:

— Когда ты сообщил им о нашем визите?

— Этой ночью, когда я выходил за вином. Я велел своему старшему сыну скакать в Симиру — деревню, где остановились всадники, и рассказать им о том, что вы в Карунге. Они будут здесь к вечеру.

— Ты отправил своего отпрыска к этим чудовищам? Неужели ты так глуп, что думаешь, будто они отпустят твоих сыновей! Да они убьют их сразу же, как только узнают все, что им нужно! Они кровожадны и безжалостны. Они служат темным силам и покланяются им. С ними нельзя договориться, неужели ты этого не понимаешь? Ты отправил своих сыновей на смерть!

— Что бы вы сделали на моем месте? Как бы вы поступили в такой ситуации?

Лиорид опустил глаза и промолчал. Ему были понятны отцовские чувства и попытки хоть как-то помочь своим детям, пусть даже такие безрассудные. Барук до последнего надеялся на

лучший исход, на то, что похитители проявят милосердие и отпустят его сыновей, но Лиорид знал, что этого не будет и что юноши уже, скорее всего, мертвы. Он поднялся со стула и взглянул на Торна, который стоял у стены, сложив руки у себя на груди.

— Нам нужно немедленно уходить отсюда! — произнес Лиорид тихим голосом. — У нас мало времени.

— Если всадники знали, что мы придем в Карунг, то почему не дождались нас здесь? Зачем им нужно было скакать в Самиру? — спросил Торн.

— Они не были уверены в том, что мы посетим город и поэтому подстраховались, взяв пленного. Они хотели сыграть на родственных чувствах, и у них это получилось, — ответил Лиорид.

— Что здесь происходит? — спросил Виллем, который только что вошел в гостиную.

— Я предлагаю остаться и перебить этих всадников в черных доспехах! — не обратив внимания на вопрос Виллема, произнес хаатин.

— Это безумие! — ответил Лиорид. — Нам с ними не справиться, нас слишком мало! К тому же нам нельзя рисковать Габриелем. Надо уходить и как можно скорее.

— И оставить его на растерзание этим тварям? — спросил Торн, указывая на хозяина дома.

— Я понимаю твои намерения, хаатин. Ты жаждешь мести и готов пойти на любой риск, чтобы эта месть совершилась, но что если ты проиграешь? Что будет, если ты падешь в бою с неравным противником?

— Этого не будет! Меня им не победить!

— Ты сейчас близок к своей цели как никогда ранее, но послушай меня. Ты рискуешь не только своей жизнью, но и жизнью всех людей в Элонии! И этот риск велик.

— Что мне за дело до людей! Я здесь не ради них!

— В тебе говорит злость и гордыня. Усмири их и хорошенько подумай над тем, что ты хочешь сделать, и что из этого может получиться! Ты не такой, каким хочешь казаться.

— Откуда тебе знать, какой я? Что ты вообще можешь знать обо мне?

— Я чувствую, как бьется твое сердце. Не превращай его в камень. Поверь мне — сейчас не время для битвы. Ты еще успеешь отомстить за свой род.

Торн был разгневан и едва держал себя в руках. У него была отличная возможность разделаться с убийцами своих родителей и покончить с отрядом всадников в черных доспехах навсегда.

Больше двухсот лет он ждал такой возможности и жил только ради того, чтобы отомстить. И сейчас какой-то старик был единственной преградой на его пути. Хаатин выскочил во двор, громко хлопнув дверью.

Виллем вопросительно посмотрел на Лиорида и, не говоря ни слова, прошел к столу и сел на стул. Лиорид перевел взгляд на Барука, который продолжал стоять на коленях, и сказал:

— Тебе нужно покинуть Карунг до заката. Предупреди всех оставшихся жителей и уходи из города. Когда враги придут сюда и не застанут нас, то они убьют всех, кого встретят на пути и сожгут ваши дома.

Барук поднял голову и взглянул в глаза Лиорида. Он надеялся найти в них прощение за свой поступок, но увидел только сожаление и разочарование. Старик помог ему подняться на ноги и спросил:

— Где твоя жена? Что стало с ней?

— Она сейчас в Фильве, у своих сестер.

— Отправляйся туда! Твоей жене нужна поддержка и опора, которую ты сможешь ей дать.

— А как же мои дети? Я должен дождаться их здесь!

— Они знают, где тебя искать! Дожидайся их в Фильве! Ты все понял?

— Да, хорошо, я сделаю все, как ты сказал! Прости за то, что не предупредил вас! Иначе они бы убили моего сына!

— Обойди все дома, предупреди людей!

Барук кивнул головой и тотчас скрылся за дверью. Лиорид о чем-то глубоко задумался и продолжал стоять неподвижно, пока его не окликнул Виллем. Старик повернулся к нему и сказал:

— Разбуди Габриеля, нам пора отправляться!

— Может, ты объяснишь мне, что здесь произошло? — спросил Виллем.

— Сейчас не время для пустой болтовни! — ответил Лиорид. — Делай, что велят, и не задавай лишних вопросов!

Виллем был недоволен таким ответом и с угрюмым видом отправился в комнату, где спал Габриель. Он недолюбливал Лиорида из-за постоянных придирок и считал, что тот относится к нему предвзято и не серьезно. «Он разговаривает со мной как с маленьким ребенком!»- думал Виллем про себя.

Торн стоял на крыльце дома и глубоко дышал. Ему нужно было время для того, чтобы прийти в себя и успокоиться. Он прокручивал у себя в голове каждое слово, сказанное Лиоридом, много раз и понимал, как ему не было тяжело это принять, что старик был прав. Разум взял верх над чувствами, переполнявшими хаатина, и он смог, наконец, спокойно

продумать все возможные варианты развития событий.

«Они все равно найдут нас, рано или поздно. Скорее всего, устроят засаду на пути нашего следования. Попытаются напасть внезапно и перебить всех быстро, пока не успели опомниться. Но они не смогут пройти незаметно мимо меня! Я ждал этого момента две сотни лет, смогу подождать еще несколько дней!»- подумал Торн и принялся отвязывать лошадей.

Габриель, посвежевший и отдохнувший, вошел в гостиную, где его ждал Лиорид. Он был единственный, кто не был в курсе всего произошедшего в этой комнате и с удивлением спросил:

— А где все остальные? Куда подевался Джеймс и Гарольд?

— Они ушли на рассвете, — ответил Лиорид. — Им предстоит долгая дорога, поэтому они решили не задерживаться. Нас тоже ждет трудный путь и нам уже пора отправляться. Нельзя злоупотреблять гостеприимством.

Лиорид искривил губы, пытаясь изобразить улыбку, но у него это не совсем получилось. Тем не менее, Габриель ничего не заподозрил и начал собирать в мешок свои вещи.

— Мы отправляемся в Арамунд, верно? — спросил Габриель.

— Верно, — ответил Лиорид. — Это хорошо укрепленный город, которым правит брат наместника Элонии.

— Но ведь он тогда сообщит своему брату, что настоящий король найден!

— Не все так просто! Эриндур ненавидит своего брата и эта ненависть взаимна. Поэтому нет нужды скрывать тебя, наоборот, ты будешь нашим главным козырем! Нам необходима вся мощь Арамунда. Солдаты, защищающие город, хорошо подготовлены и вооружены. Если Арамунд откажет нам в помощи, то нам не победить!

— Значит, он не откажет! — произнес Габриель и затянул мешок потуже.

— Торн уже ждет нас снаружи, — сказал Лиорид и указал наследнику рукой на входную дверь.

Габриель, не раздумывая, скрылся за дверью и Лиорид последовал вслед за ним.

На улице их действительно ждал хаатин, сидя в седле. Он окинул взглядом Габриеля и Лиорида и медленно направился к воротам, ведущим из города.

— Что с ним такое? — спросил Габриель.

— Трудно сказать, — ответил Лиорид и забросил мешки с припасами на спину лошади.

— А где Барук? Невежливо будет уехать, не попрощавшись.

— Он ушел ненадолго, но не волнуйся, я уже поблагодарил его за гостеприимство, — соврал Лиорид.

Они вскочили на лошадей и пустились вдогонку за хаатином, который уже успел выехать за пределы города. Их путь лежал в Арамунд — город, защищавший земли Элонии с запада, от набегов врагов через узкое горное ущелье. Это был один из крупнейших гарнизонов страны, который за многие годы не был разрушен или перестроен. Хоть ущелье и завалило камнями много лет назад, и враги уже не могли попасть в Элонию этим путем, Арамунд до сих пор насчитывал чуть менее трех тысяч воинов, закаленных в боях и хорошо владевших холодным оружием.

Детей, которые достигали определенного возраста (как правило, десять лет), отправляли обучаться военному делу. Они уходили из дома и жили в казармах, где их учили обращению с оружием и тактике ведения боя. Из них растили воинов, которые должны были защищать свои земли и давать отпор любым врагам. Именно такие солдаты и были нужны для войны против темных сил.

ГЛАВА XIV Повесть о драконах

Гарольд вел Джеймса и Айю на юг, показывая дорогу. Он хорошо знал местность и уверенно шел вперед, подгоняя остальных. Их путь пролегал по необжитым землям, подальше от городов и селений. Они двигались быстро и редко останавливались, чтобы сделать небольшой привал. Времени на то, чтобы развести костер и приготовить хоть какой-нибудь еды, у них не было, поэтому в течении дня им приходилось есть только хлеб и фрукты, которые им приготовил в дорогу Лиорид из запасов его друга Барука. Путникам нужно было преодолеть огромное расстояние за очень короткое время, и Гарольд не позволял Джеймсу долго рассиживаться за обедом. Он понимал, что дорога дается мальчику тяжело, но терять драгоценные минуты на полноценный отдых было непозволительно. К тому же им до наступления темноты нужно было найти место для ночлега, до которого, по заверению Гарольда, было около трех часов езды.

Солнце, сопровождавшее всадников от самого Карунга, скрылось за свинцовыми тучами, которые быстро набегали на небо и оповещали всадников о надвигавшейся буре громкими раскатами грома и яркими вспышками белых молний. Вокруг быстро потемнело, и на долину налетел свирепый порывистый ветер, который быстро и часто менял направление и создавал такое ощущение, будто он дул со всех сторон сразу.

Несмотря на непогоду, всадники не сбавили ход и продолжали двигаться вперед с прежней скоростью. Ослепляющие вспышки горизонтальных молний оставляли после себя следы на темно-сером небе, которые еще долго отражались в глазах путников белыми расплывчатыми линиями. Гром, слегка не поспевавший за молниями, казалось, раскалывал землю пополам своим невидимым молотом, издавая при этом такие чудовищные звуки, что лошади вздрагивали и метались в сторону при каждом ударе.

Запахло дождем, который, несмотря на предвестников, никак не мог начаться. Джеймс, изрядно подуставший к концу дня, едва не падал с лошади от внезапных порывов холодного ветра. Апокалипсический пейзаж повергал его в ужас, и он хотел как можно скорее укрыться где-нибудь от непогоды.

Гарольд сбавил ход и начал оглядываться по сторонам в поисках укрытия. Вдруг, в мили от себя он увидел небольшое углубление в скале и повернулся к Айе.

— Ты можешь увидеть — безопасно ли там? — прокричал он.

Айя закрыла глаза и опустила голову. Проведя в таком положении несколько минут, она медленно повернула свою лошадь по направлению к пещере.

— Все в порядке, в пещере никого нет, — ответила она. — Я не чувствую биение сердца — она пуста.

Гарольд пришпорил своего скакуна и помчался к спасительному укрытию. Джеймс и Айя незамедлительно последовали за ним, с опаской поглядывая на тяжелые тучи. Как только всадники добрались до пещеры, пошел сильный ливень. Они успели заскочить в укрытие и остались нетронутыми дождем, который поливал землю так, будто специально копил силы долгое время, чтобы обрушить всю свою мощь и за считанные минуты превратить зеленые поля и долины в непроходимые болота.

Пещера оказалась небольшим углублением в скале, в котором было не так много места. Однако, его оказалось достаточно, чтобы там смогли разместиться трое путников со своими лошадьми.

Гарольд достал из сумки кусок хлеба и немного сыра и протянул Джеймсу.

— Костер нам не развести, так что придется довольствоваться этим, — сказал он. — Сегодня переночуем здесь, переждем дождь. Я буду дежурить перед входом, чтобы ни какая тварь не застала нас врасплох. А вы, держите клинки при себе и будьте готовы незамедлительно ими воспользоваться!

— В этом нет необходимости, — перебила Айя. — Я не чувствую опасности в этих местах, поэтому тебе не нужно стоять на страже всю ночь. Лучше поспи и наберись сил перед дорогой.

— Ты в этом уверена? — с недоверием спросил Джеймс. — Как ты можешь видеть, что здесь нет чудовищ?

Гарольд взглянул на Айю и развернул свое одеяло. Слова эльфийки его успокоили, и он, не говоря ни слова, лег на землю и закрыл глаза. Повернувшись на левый бок и натянув одеяло повыше, он сказал:

— Советую тебе сделать то же самое. Раз эльф говорит, что нам нечего бояться, значит, так оно и есть. Не трать время, выделенное на сон — его и так не много.

Джеймс, так и не получив вразумительного ответа на свой вопрос, улегся на спину и укутался в одеяло. Он пытался заснуть, но у него долго не получалось. Шум дождя и сильный холод перебивали сон, и Джеймс ворочался с боку на бок, пытаясь устроиться поудобнее. Наконец, он свернулся калачиком, накинул край одеяла себе на голову и уснул.

Через мгновение Джеймс открыл глаза и увидел, что он находился в огромном зале какого-то дворца. Огромные,

величественные колонны уходили ввысь и упирались в расписной потолок, до которого было футов тридцать, не меньше. Стены из белого камня блестели и переливались, словно драгоценный камень на ярком солнце. Большие арочные окна, составленные из мозаичного стекла, наполняли помещение светом. Пол был выложен квадратными каменными плитами разных цветов. По краям они были белого цвета, а по центру располагались камни темных цветов, образовывая дорожку, которая проходила между колоннами и доходила до массивных двухстворчатых деревянных дверей. В самом центре этого зала стоял большой каменный трон, на котором лежала золотая корона.

Вдруг, Джеймс почувствовал сильный толчок, который едва не сбил его с ног. Это было похоже на землетрясение и сопровождалось глухими звуками, раздававшимися снаружи. Джеймс направился к двери, медленно переступая с ноги на ногу. Толчки повторялись почти каждую минуту и с каждым разом становились все сильнее. Мальчику все труднее было держать равновесие, и он замирал на месте во время очередного толчка, расставив руки в стороны и хватаясь за воздух. Когда Джеймс приблизился к двери, он увидел, что с потолка начали падать большие куски камней, один из которых разнес трон на маленькие кусочки. Он поспешил покинуть залу и всем телом навалился на тяжелую дверь, которая, на удивление мальчика, открылась без особых усилий.

От увиденного у Джеймса бешено забилось сердце. Его взору открылась страшная картина разрушенного города, который был весь в огне. Несмотря на то, что была ночь, вокруг было светло. Огнем был охвачен каждый дом, каждая постройка. Жители в панике хватали своих детей и бежали врассыпную.

Вдруг, Джеймс услышал страшный рев, доносившийся с неба. Он взглянул наверх и увидел, как огромный черный дракон камнем падал вниз, раскрыв перед самой землей свои крылья. Он парил над сожженным им городом и поливал огнем нетронутые еще дома. Сделав несколько кругов, он взял направление на дворец, перед которым стоял Джеймс. Он видел это, но ничего не мог с собой поделать. Ноги не слушались его, и он продолжал стоять на месте, дрожа от страха. Дракон заметил добычу и открыл свою пасть, чтобы выпустить в беззащитного мальчика струю огня.

Джеймс резко открыл глаза и вскочил с места, на котором расположился на ночлег. Тяжело дыша, он стер со лба капельки холодного пота и огляделся вокруг. Убедившись, что он находился в той самой пещере, в которой путники укрылись от непогоды, Джеймс успокоился и облегченно вздохнул.

— Тебе приснился страшный сон? — спросила Айя, которая сидела неподалеку и смотрела на дождь.

— Да, — ответил Джеймс и снова провел ладонью по влажному лбу. — С тех пор, как я здесь, мне снятся кошмары, и с каждым разом они становятся все реальнее и страшнее.

— И ты боишься, что страшные сны, которые ты видишь, станут явью?

— Но они настолько реалистичны, что я иногда не могу разобрать, сплю я или нет. В них я оказываюсь в таких местах, о которых и не слышал никогда. Я вижу все в мельчайших подробностях и могу коснуться любого предмета во сне. Я не понимаю, что со мной происходит.

— Что ты видел сейчас? Расскажи мне, ты ведь не забыл свой сон?

— Такое невозможно забыть! Я очутился в каком-то дворце, в зале, где стоял трон. Он был огромен. Высокие потолки, толстые колонны и белый, блестящий пол. Когда я вышел на улицу, то увидел город охваченный огнем и жителей, спасавшихся бегством. Они кричали так сильно, что мне хотелось закрыть уши, но я не мог. В небе над городом кружил черный дракон и следил, чтобы никто не ушел оттуда живым. Это было ужасное зрелище, ничего подобного я никогда не видел.

— Ты видел Кронкард — город королей и столицу Элонии.

— Значит, я видел будущее? Значит, Кронкард скоро сгорит в огне?

— Это вовсе не обязательно. Ты видел то, что может произойти. Будущее изменчиво и на него влияют многие вещи. В наших силах изменить его. Артазар становится сильнее, о чем говорят твои кошмары. Он пытается запугать тебя, пробудить в тебе страхи, которые заставят тебя отказаться от твоей миссии. Ты должен бороться с ним и не позволять ему завладеть твоим разумом.

— Так значит, мои сны — это выдумка Артазара?

— Нет. Он показывает тебе будущее, которое возможно, при определенных обстоятельствах.

— Я понял. А как насчет того дракона? Он полностью уничтожил город в одиночку. Он был очень страшным и большим.

— Этот дракон — порождение тьмы. Он не имеет ничего общего с настоящими драконами, которые жили в этих землях много веков назад, кроме способности летать и дышать огнем. Это были очень умные существа. Они никогда не нападали первыми и старались жить своей жизнью. В древности существовали драконы с рубиновой, сапфировой и изумрудной

чешуей. Они отличались размерами и повадками, а также способностью извергать языки пламени из своей пасти.

Так, например, драконы с сапфировой чешуей не могли дышать огнем, они были лишены этой способности, но зато, они были намного легче остальных и могли развивать большую скорость в полете.

Изумрудные драконы были мудры. Они могли дышать огнем, но делали это только при крайней необходимости. Мой отец рассказывал мне, что некоторые из эльфов могли говорить с ними. Они отправлялись в Драконьи земли, чтобы почерпнуть великие знания, которыми обладали эти древнейшие существа. Именно изумрудные драконы спасли человеческого короля от смерти в битве с орками.

Это случилось еще до времен первой эпохи. Король с небольшим войском направлялся из Кронкарда в крепость, расположенную на юге и был застигнут врасплох большим отрядом орков. Силы были не равны и люди, потеряв большее количество своих воинов, разбежались и оставили своего короля на растерзание врагам. В этот момент с неба на них обрушилась стена из огня, которая испепелила полчища орков. Те немногие, кто остался в живых, в ужасе бежали. Король людей Гарунт III Завоеватель был спасен драконами. В благодарность он возвел несколько величественных статуй этих удивительных и неизведанных созданий, которые до сих пор украшают собой аллею королей в Кронкарде.

Рубиновые драконы были самыми крупными и опасными. Они были мстительны и злопамятны. Их когти были очень остры и без труда могли разрезать твердый камень пополам. Их пламя было настолько жарким, что расплавляло золото за мгновенье. В отличие от других драконов, рубиновые драконы жили отдельно от остальных. Они были настроено враждебно ко всем, кто посягал на их покой, но никогда не нападали без причины.

Гномы нередко отправлялись с походами в земли драконов. Они верили легендам, которые гласили о том, что драконы охраняют несметные богатства. Много раз гномы пытались найти сокровища, но никогда не добирались до горы, где обитали драконы. Пока, однажды, король гномов, помешанный на золоте, не собрал большой отряд, вооруженный топорами и секирами и не предпринял очередную попытку. Они добрались до гнезда рубинового дракона, где их ждала смерть. Никто не вернулся из того похода. Но драконам этого показалось мало, и они сожгли дотла Ормул — гномий город. После этого гномы никогда не совались на земли драконов.

А спустя две тысячи лет, Ротарим — черный маг —

заколдовал драконов и превратил их в камень. Он боялся их силы и того, что они уничтожат его, отказавшись служить.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил Джеймс, который внимательно выслушал весь рассказ Айи.

— В эльфийской библиотеке много разных книг, которые могут поведать о многом, в том числе и о том, о чем я только что тебе рассказала.

— Ты многое знаешь о нашей истории, — сказал Гарольд, который все это время не спал и слышал весь рассказ эльфийки.

— Я любила читать о драконах и о людях в Летописи Времен, — ответила Айя. — И я с сожалением наблюдала, как вымирают эти прекрасные существа, и затухает род людей.

— Мы перепишем историю людей, — произнес Гарольд. — Мы напишем свою летопись, такую, в которой люди будут считаться великим народом, наравне с эльфами.

— Твоя вера сильна, но дух еще сильнее. Я надеюсь, что все будет так, как ты говоришь, — ответила Айя.

— Посмотрите! — вмешался Джеймс. — А дождь то уже кончился.

— Раз все уже встали, то можно отправляться дальше, — сказал Гарольд. — Но сначала завтрак.

Они быстро позавтракали, собрались и двинулись дальше.

Солнце еще не успело полностью показаться из-за горизонта, но уже начало обогревать пропитанную водой землю. После дождя, который не унимался всю ночь, долина покрылась широкими прозрачными лужами и стала походить на большое скопление маленьких озер. Тучи рассеялись и явили взору чистое небо, застеленное голубым покрывалом, которое украшала огромная радуга, раскинувшаяся далеко на западе. Трава, склонившая свою голову под тяжестью дождевых капель, блестела на утреннем солнце и переливалась под его яркими лучами. Это было началом хорошего дня, одного из немногих, которых становилось все меньше с приближением осени.

Всадники продолжили свой путь в Фарас. Они вышли из долины и ступили на гористую местность, с большими перепадами высот и часто меняющимся рельефом. Эти места были трудны для прохождения, поэтому им предпочитали объездную дорогу, которая была безопасной, но занимала гораздо больше времени. Но Гарольд специально выбрал этот маршрут, чтобы не наткнуться на засаду и выиграть время.

ГЛАВА XV Неожиданная встреча

— Половина пути пройдена. До Арамунда добираться еще сутки, — сказал Лиорид, затягивая свой мешок с припасами и укладывая его на спину лошади.

Торн затушил костер и начал застегивать снаряжение, которое снимал на ночь. Меч, по обыкновению служивший ему подушкой, он закинул за спину и затянул на груди кожаные ремешки.

— Надо отправляться, если мы не хотим, чтобы нас догнали враги, — сказал он и похлопал свою лошадь по боку.

— Нас кто-то преследует? — удивился Габриель, который был в полном неведении о всадниках в черных одеждах и о предательстве Барука. — Почему мне об этом ничего неизвестно? От кого мы бежим?

— Мы бежим от самих себя! — ответил хаатин язвительно. Он хотел тем самым обвинить Лиорида в трусости, но открыто заявлять об этом не стал. У него остался неприятный осадок на душе от его разговора со старцем, и он был зол на него за то, что тот не дал Торну совершить месть над убийцами.

— Мы ни от кого не бежим! — воскликнул Лиорид. — Мы лишь придерживаемся намеченного плана и не должны отступать от него ни на шаг. И разговор на этом окончен. Седлайте лошадей, мы отправляемся в Арамунд!

— Какой дорогой пойдем? — спросил Виллем, забравшись в седло.

— Самой короткой, — ответил Лиорид. — Там где пройдут лошади и не сгинут люди.

— Значит, мы пойдем через Орихон? — задал вновь вопрос Виллем.

— Совершенно верно! — произнес Лиорид и поскакал вперед.

— Что еще за Орихон? — спросил Габриель.

— Это гарнизон, разрушенный давным-давно до самого основания, — ответил Виллем. — Его сожгли люди много лет назад, чтобы он не достался врагу, когда они оставили его во время «Первой Алой Войны». Это самый короткий путь в Арамунд из наиболее безопасных путей.

— То есть, есть путь короче, чем через разрушенный гарнизон?

— Есть, но он очень опасен и займет гораздо больше времени. Этот путь лежит через саргатову долину. Лошадям там не пройти, поэтому самым разумным решением будет пойти через Орихон.

— Я не совсем понял, что Торн не поделил с Лиоридом? — спросил Габриель у Виллема. — Что произошло тогда в доме?

— Если честно, то я совсем ничего не понял, — усмехнулся Виллем. — Не советую лезть с расспросами, все равно ничего не узнаешь.

Всадники мчались по зеленым холмам на запад Элонии, где располагался город Арамунд. Дождь, который обрушился на Джеймса и его спутников, ни пролил здесь ни капли, оставляя почву и растения умирать от жажды. Высушенная под жарким солнцем земля, давно не видела влаги и начинала покрываться мелкими трещинами. Из-под копыт лошадей поднимались клубы серой пыли и окутывали всадников плотной пеленой, которая ухудшала обзор и не давала нормально дышать.

Меньше всех повезло Виллему, потому что он шел последним и оказывался на пути огромного облака пыли, которую поднимали лошади его спутников. Он закутал лицо тканью, но и это не спасало его от атаки мельчайших частиц, которые забивали глаза и нос и не давали Виллему держаться на определенном расстоянии от остальных. Тогда он взял немного левее и прибавил ход, обогнав Габриеля и поравнявшись с Торном.

Лиорид, видя ситуацию, свернул с дороги и повел всадников напрямик через холмы. Путь их от этого не стал короче, но теперь ничто не мешало им скакать во весь дух.

Но, вдруг, лошадь, на которой скакал Габриель, подвернула ногу и повалилась на бок. Габриель кубарем скатился с нее и полетел по траве, переворачиваясь в воздухе и ударяясь о землю. Пролетев несколько десятков футов, он упал на живот и потерял сознание.

Торн, увидев это, немедленно остановился, спрыгнул с лошади и побежал к Габриелю. Он аккуратно перевернул его на спину и проверил дыхание.

— Он жив? — закричал Виллем, который уже спешил на помощь.

— Да, — тихо ответил хаатин. — Он ударился головой и потерял сознание. Все кости целы и это уже хорошо.

Лиорид склонился над телом Габриеля и осмотрел его. Затем, он открыл флягу с водой и намочил кусок ткани, чтобы приложить его ко лбу, но хаатин выхватил сосуд из рук старца и плеснул содержимое в лицо наследнику. Тот вздрогнул и открыл глаза.

— Что произошло? — растерянно спросил он.

— Ты упал с лошади и ударился головой, — ответил Лиорид. Он свернул в несколько раз одеяло и подложил его под голову

Габриеля. — Не вставай, тебе нужно прийти в себя.

Торн подошел к лошади, с которой упал Габриель. Она лежала на боку и тяжело дышала. Она уже не могла встать на ноги от усталости, и хаатину было ясно, что эта лошадь не выживет. Он окинул ее взглядом, а, затем, повернул голову в сторону, где стоял Лиорид, и сказал:

— Если мы продолжим и дальше так загонять лошадей, то скоро останемся без транспорта и пойдем пешком!

— Нам нужно добраться до Арамунда, — сказал в ответ Лиорид. — Только там мы сможем дать лошадям отдохнуть. А пока, моя лошадь повезет двоих — меня и Габриеля.

— Ты готов пойти на такой риск? — спросил хаатин. — Что если твоего скакуна постигнет та же участь?

— Надо дать лошадям отдохнуть до утра, — вмешался Виллем. — Торн прав. Да и нам не помешал бы…

— Нет! — прокричал Лиорид, не дав закончить Виллему. — Мы не будем останавливаться и продолжим путь сразу же, как только Габриель придет в себя!

Старик посмотрел на Виллема таким грозным взглядом, что тот застыл на месте с открытым ртом. Затем, Лиорид подошел к Габриелю и спросил его:

— Как ты себя чувствуешь?

— Я в порядке, мы уже можем отправляться, — ответил он и привстал, опираясь на локти.

— Вот и хорошо, — произнес Лиорид. — Надеюсь, хоть ты понимаешь, что оставаться здесь нам слишком опасно. В любой момент на нас могут напасть враги, о присутствии которых мы можем и не догадываться.

— Что мешает нашим врагам напасть на нас ночью? — спросил Торн, подначивая Лиорида. — Куда проще было бы разобраться с нами, когда мы спим, не правда ли?

Лиорид, не обратив внимания на замечание хаатина, протянул наследнику руку и помог ему подняться на ноги.

— С тобой точно все в порядке? — еще раз спросил Лиорид.

— Да, — ответил Габриель. — Немного болит голова, а в остальном все хорошо.

— У нас гости! — закричал, вдруг, Торн.

Все сразу обернулись и увидели на горизонте расплывчатые силуэты всадников, приближавшихся с востока. Их было не больше дюжины, и они были в нескольких лигах от места, где находился Торн и его спутники.

— Они нас заметили, — произнес хаатин. — У нас есть несколько минут, чтобы приготовиться!

— Так чего же мы ждем? Нужно уходить и побыстрее! —

сказал Виллем.

— Нам от них не уйти! — воскликнул Торн и подался вперед, навстречу всадникам. — Их лошади быстрее и свежее наших, поэтому рано или поздно они догонят нас.

— Значит, мы вступим с ними в бой! — произнес Габриель и обнажил свой меч.

— Верное решение, — одобрил хаатин и медленно вынул длинный клинок из ножен.

— Захотели размяться? — сказал Виллем и, последовав примеру остальных, вынул свой меч. — Наконец-то!

— Так тому и быть, — тихим голосом произнес Лиорид и встал в один ряд со всеми.

Они терпеливо ждали, пока преследователи не приблизятся на достаточно близкое расстояние. Габриель заметно нервничал и перебирал пальцами по рукояти меча. Его лоб покрыла едва заметная испарина, которую он старался незамедлительно убирать рукой, чтобы этого не увидели остальные.

Торн был спокоен, будто на него неслась не дюжина вооруженных до зубов воинов, готовых изрубить его на куски, а толпа безобидных крестьян, несших ему благую весть. Он стоял ближе всех к врагам и желал нанести удар первым. Отсчитывая про себя секунды, оставшиеся до начала битвы, хаатин глазами выбирал жертву, которая первой примет на себя его сокрушительный удар.

— Стойте! — закричал Габриель и выбежал вперед, закрывая обзор Торну. — Это не враги! Я знаю их!

— И кто же это тогда? — удивился Виллем.

— Это наши друзья! — ответил Габриель и спрятал меч в ножны.

Хаатин узнал в одном из наездников того самого мятежника, который поймал его и Джеймса в лесах Стоунхилла и разочарованно опустил клинок. Он надеялся встретить тех всадников, что приходили в Карунг и забрали сыновей Барука, но, к его великому сожалению, это были не они.

— Орин! — воскликнул Габриель при виде своего друга. — Как же долго мы не виделись! Казалось, прошла целая вечность с того момента, как я покинул наш лагерь в Стоунхилле. Он обнял своего друга и оглядел его небольшой отряд, состоявший из десяти всадников.

— Я тоже рад тебя видеть, друг мой! — произнес Орин и похлопал Габриеля по плечу.

— Но постой, что ты делаешь здесь? — спросил Габриель и сделал шаг назад.

— До нас дошли вести, что Ильситур собирает людей по всей

провинции, — ответил Орин. — Он собирает войско, чтобы объединиться еще с несколькими отрядами, которые возглавит истинный наследник короля и поведет за собой на войну. И война эта, своим размахом и масштабом, затмит все предыдущие войны, которые когда-либо происходили в истории Элонии и других земель и народов. И мы не хотим держаться в стороне! Так ли это? Ответь нам. Если так, то я, и все прибывшие со мной воины, почтут за честь присоединиться к вам и скрестить мечи в смертельной схватке с непобедимым врагом! За этим мы и прибыли.

— Это правда, Орин, — произнес Габриель. — Грядет война, и я буду рад видеть тебя и твоих доблестных воинов в наших рядах.

— Как вы нашли нас? — спросил Торн. — Как вы узнали, где мы?

— Я хороший следопыт, хаатин, — ответил Орин и скривил рот. Он был недоволен тем, что ему приходилось отчитываться перед хаатином из-за того, что Торн попросту не доверял никому кроме себя. — Мы узнали от наших людей, что вы направляетесь в Арамунд. Вы сделали небольшую остановку в Карунге, и это позволило нам нагнать вас и сократить расстояние между нами на сутки. Из Карунга в Арамунд одна дорога, по которой можно пройти на лошадях и не потерять во времени.

— Мы будем рады любой помощи, — произнес Лиорид и подошел поближе. — Как вы уже, наверное, заметили, одна из наших лошадей больше не может продолжать путь и кому-то из нас придется потесниться, чтобы взять Габриеля.

— Я уступлю свою лошадь, — предложил Орин.

— Спасибо, но уступать мне лошадь не надо, удели лишь немного места в седле, — произнес Габриель.

— Конечно! — ответил Орин. — Моя лошадь без труда выдержит двоих.

— Не видели ли вы в дороге чего-нибудь необычного? — поинтересовался Лиорид. — Ничто не показалось вам странным? Или может быть кто-то?

— Нет, никого подозрительного мы не встречали, — ответил Орин. — Единственное, что показалось мне странным — это звери.

— А что с ними не так? — спросил Лиорид, насторожившись и нахмурившись.

— Ночью совсем не слышно их воя. Еще недавно этими тварями кишели места вокруг Стоунхилла, и по ночам люди затыкали уши, чтобы не слышать их чудовищные вопли, но сейчас все стихло. Как будто они ушли куда-то.

Лиорид еще больше помрачнел и замолчал. Он повернулся и подался к своей лошади, которая стояла поодаль от остальных.

— Что стало со Стоунхиллом? — спросил Габриель.

— Стоунхилл — это пока что единственный город, которым правит народ. Мы не стали выбирать его правителя и позволили это сделать жителям города. Пусть Стоунхилл возглавит тот, кто, по их мнению, достоин этого по праву.

— Ты поступил мудро, Орин, — сказал Габриель и потупил взор. Он понимал, к чему может привести самоуправство алчных и злобных людишек, пришедших к власти, но надеялся, что этого не произойдет.

Вдруг, где-то далеко за холмом раздался протяжный звук, похожий на вой дикого зверя. Он эхом прокатился по долине и неожиданно затих. Виллем переглянулся с Габриелем и сказал:

— Это звук королевского рога. Кто-то зовет на помощь.

— Чего же мы ждем? — произнес Габриель и взглянул на Лиорида, который тоже слышал этот звук, но не торопился бросаться на помощь. Он стоял в стороне с задумчивым видом и взвешивал в своей голове все за и против. Затем он пришел в себя и ловким движением запрыгнул в седло.

— Кому-то нужна наша помощь, — крикнул он, разворачивая лошадь. — Так давайте же поторопимся!

Габриель растянул губы в едва заметной улыбке и подал руку Орину, который помог ему взобраться на его скакуна. Он боялся, что старик посчитает, что отправляться на зов какого-то рога слишком опасная затея, но он ошибся. Он не догадывался о том, что такой громкий и всеобъемлющий звук мог издавать только рог Ариала, подаренный королю людей эльфами, много веков назад. Этот рог был не простым и звучал только при условии, что твои помыслы чисты, а намерения доброжелательны, и Лиориду об этом было хорошо известно. Хоть он и слышал его звучание лишь один раз, но этого раза хватило, чтобы навсегда запомнить, какой звук издает королевский рог.

Всадники скакали во весь дух к месту, откуда доносился звук рога. Они боялись не успеть и мчались вперед, не жалея лошадей.

Торн скакал первым и смог оторваться от остальных на четверть мили. Его лошадь, точно на крыльях, несла его по небольшому холму, прямо на его вершину. Добравшись до нее, хаатин остановился и, почему-то не последовал дальше, а стал дожидаться своих спутников, которые немного отстали. Когда же они поравнялись с хаатином, то увидели ужасную картину — внизу, в полумили от них, лежали окровавленные тела людей, облаченных в стальные доспехи. Их было около двух дюжин, и все они были мертвы.

Всадники обнажили мечи и стали медленно и осторожно спускаться с холма, оглядываясь по сторонам. Они прислушивались к каждому шороху и дуновению ветра, нарушавшего тишину своими резкими порывами.

Спустившись с холма и подобравшись на достаточно близкое расстояние до места битвы, всадники остановились и спешились. Повсюду были разбросаны тела людей. Некоторые из них были обезглавлены, у некоторых были отрублены руки или ноги, которые валялись тут же. Земля была багровой от крови и, не желая впитывать ее в себя, образовывала на поверхности небольшие лужицы темно-красного цвета.

Габриель с отвращением осмотрел поле битвы и, закрыв рот и нос рукой, направился в ее центр в поисках королевского рога. Осторожно ступая между телами павших воинов, он остановился у тела одного из них. Его рука лежала отдельно и крепко сжимала длинный меч, эфес которого был украшен драгоценным камнем. Это был капитан королевской стражи. В его нагрудном доспехе виднелось несколько отверстий, из которых еще недавно сочилась уже запекшаяся кровь. В другой руке он держал изогнутый рог белого цвета, на кайме которого была сделана надпись на эльфийском языке. Габриель склонился над телом капитана и вырвал из его окоченевшей руки рог.

— Что за звери могли сотворить такое? — произнес Виллем. Он не стал заходить далеко и предпочел держаться вместе со всеми.

— Это сотворили не звери, а люди, — сказал Лиорид и поднял с земли стяг, с которым шли воины. — Это герб наместника Элонии. Отряд отправлялся туда же, куда держим путь мы — в Арамунд. И шли они из Кронкарда. Лиорид расправил тряпицу, на которой был изображен серый замок короля в верхнем левом углу и бросил ее обратно на землю.

— Тот, кто это сделал, не потерял в этой битве ни одного воина, — сказал Торн, прохаживаясь между телами погибших солдат. — Они напали внезапно из-за холма. У них было преимущество, но даже, если бы они предупредили о своем появлении заранее и дали им подготовиться к нападению, то шансов выжить у этих людей все равно не было!

— Почему ты так решил? — спросил Виллем.

— Потому что те, кто это сделал — настоящие воины — безжалостные и полные ярости, — ответил Торн. — Посмотри на этих людей. Основная их часть разбежалась в первые же минуты боя, и поэтому их тела находятся в таком удалении от места основной битвы, заколотые в спину. Тех же, кто сопротивлялся нападавшим, было слишком мало, и они не смогли ничего

сделать.

— Они обладают огромной силой, — вмешался Лиорид. — Прочные королевские доспехи были пробиты врагами с такой легкостью, будто они сделаны из бумаги.

— Я нашел рог, звук которого мы слышали, — сказал Габриель и протянул вещь Лиориду.

— Рог Ариала! — произнес старик, разглядывая его со всех сторон. — Эта удивительная вещь была сделана эльфами и преподнесена людям, как великий дар. Говорят, что его звук можно услышать даже на высокой горе Анирон — на краю земли.

— Что на нем написано? — спросил Габриель и тоже стал внимательно рассматривать рог в руках у Лиорида.

— Туаро дел амел ивейс, — произнес по слогам старец и ненадолго замолчал, вспоминая эльфийский язык, которым он немного владел. — Это священное писание, я не знаю, что оно означает. Оно повторяется неоднократно, на разных наречиях. Возможно, Айя ответит нам на твой вопрос, когда мы снова встретимся.

— Если встретимся, — выдохнул Габриель.

— Это обязательно произойдет! — заверил его Лиорид. — Может быть, не так скоро, как нам бы этого хотелось, но это случится.

В это время, Орин заметил следы на земле, оставленные нападавшими. Он опустился на одно колено и провел рукой по выбоине в почве, походившей на отпечаток копыта лошади. Затем, он поднял голову и провел взглядом по участку земли, что-то выискивая и подмечая.

— Что ты видишь? — спросил его Торн, который стоял у следопыта за спиной и наблюдал за его действиями.

— Всадников было десять или одиннадцать. Они повернули на юг около часа назад, — ответил Орин. — Следы совсем свежие, они не могли далеко уйти.

— На юг? — переспросил Лиорид. — Хорошо! Наш путь лежит на запад, и он уже почти завершен, поэтому мы вряд ли с ними пересечемся.

— На них надета тяжелая броня, либо они очень крупные, — продолжил Орин. — Следы слишком глубокие и однородные. Лошадям трудно нести всадников, поэтому они теряют в скорости. Мы сможем легко догнать их.

— Это глупо и безрассудно! — заключил Лиорид. — Наша главная задача сейчас — это как можно скорее добраться до Арамунда! А эти всадники — всего лишь кучка разбойников и рисковать жизнью будущего короля Элонии, а также жизнями всех ее жителей, ради удовлетворения собственных желаний,

крайне неразумно и недопустимо!

— Отправляемся в Арамунд! — произнес Габриель.

Всадники покинули место кровопролитного сражения, подобрав королевский рог, и отправились дальше на запад, где их ждал путь через разрушенный когда-то гарнизон. Они потратили много времени впустую, простояв на месте и не преодолев ни одной мили за целый день. К вечеру всадники вышли на дорогу, ведущую в Арамунд, и решили остановиться на ночлег в небольшом лесочке, который простирался вдоль дороги.

ГЛАВА XVI Новый попутчик

Джеймс неожиданно вскочил с места и стал вертеть головой по сторонам. Он как будто искал кого-то, но, не найдя, успокоился и облегченно вздохнул. Было еще темно и на ясном небе сияли звезды, которые завораживали своей красотой. Костер, согревавший путников холодной ночью, давно потух и напоминал о себе лишь маленькой струйкой дыма, исходившей от еще тлевших угольков.

— Тебе опять приснился кошмар? — спросила Айя, которая сидела неподалеку, опершись о небольшой валун.

— Да, снова тот черный дракон, — ответил Джеймс и полез в сумку за фляжкой с водой. Он сделал несколько больших глотков и закрутил крышку.

— Ты совсем не спишь? — спросил Джеймс.

— В этом нет нужды, — ответила Айя. — Природа дает мне силы, которые не иссякнут, пока она жива. А тебе лучше поспать еще немного. Скоро рассвет.

— Я боюсь засыпать, — сказал Джеймс. — Каждый раз мне сняться ужасные вещи, от которых дрожь идет по всему телу. А вдруг и сейчас, когда я закрою глаза, ко мне снова придет тот дракон?

— Не надо бояться! Именно твои страхи порождают видения, которых ты так страшишься. Это всего лишь сон, пусть и страшный, но сон. Закрой глаза и подумай о чем-нибудь хорошем. Вспомни самый светлый момент своей жизни и представь его у себя в голове. Темные силы всегда побеждались светом. Так было и так будет всегда.

Джеймс улегся поудобнее, натянул одеяло повыше и закрыл глаза. Самым светлым воспоминанием был, конечно же, его родной дом и родители, которых Джеймс не видел уже очень давно, и в силу всего происходившего с ним, стал понемногу забывать о них. Он быстро заснул и проспал до самого утра. В этот раз грозное огнедышащее чудовище оставило его в покое и позволило хорошо выспаться.

— Джеймс, пора вставать! — произнес Гарольд, потряхивая юношу за плечо. Тот приоткрыл один глаз и посмотрел на нарушителя его спокойствия. Затем, он перевернулся на спину и стал тереть заспанные глаза обеими руками. Ему не хотелось вставать, но он с трудом пересилил себя и поднялся на ноги.

На вновь разведенном костре варилась какая-то похлебка из мяса, воды и овощей. Языки жаркого пламени раскаляли железную посудину докрасна, медленно доводя до готовности

завтрак, который готовил Гарольд. Он зачерпнул ложкой немного своего отвара и, попробовав на вкус, снял посудину с огня.

Позавтракав, путники быстро собрались и, оседлав своих лошадей, отправились дальше на юг к границе Элонии. Они повернули на неизведанную для других дорогу, которая вела их по пересеченной местности и была сложна и опасна для прохождения. Но это был кратчайший путь к Великому разделу — небольшому проходу в горах, через который путники должны были покинуть Элонию и направиться в Фарас.

День выдался солнечным и теплым. Ветер поменял свое направление и стал менее агрессивным. Солнце светило путникам в спину и пригревало их своими длинными невидимыми лучами.

К полудню путники поднялись на вершину горного хребта, вдоль которого протянулся густой зеленый лес. Они шли по самой бровке и вели лошадей за собой. Верхом здесь было не пройти, поэтому путники продолжили свой путь пешком. Справа от них был лес, через который Гарольд не решился идти, потому что совершенно его не знал. Какие сюрпризы он таил в себе? Обитали ли в нем чудовища? Гарольд не хотел узнавать ответы на эти вопросы и предпочел обойти лес стороной, выбрав не менее опасный маршрут.

— Надо быть очень осторожными! — произнес Гарольд, повернув голову в сторону Джеймса, который шел позади всех. — В таких местах часто случаются обвалы, а донизу путь не близкий.

Слева от них был глубокий обрыв, в низине которого текла бурная река. Джеймс осторожно наклонился и посмотрел вниз с высоты тридцати футов. Бурлящая и пенящаяся река громко шумела и быстро бежала вперед, увлекая за собой упавшие сверху ветки и камни. Она была довольно широкой и полноводной и, казалось, кипела от сильного течения и каменистого дна. Склоны обрыва были не слишком крутыми. Они были застелены карликовыми кустарниками и пожухшей травой, покрывавших практически всю их площадь.

Джеймс отвернулся и старался больше не смотреть вниз. От такой высоты у него начинала кружиться голова. Стараясь смотреть только перед собой, он делал короткие размеренные шаги, подтягивая за собой испуганную лошадь, которая упорно сопротивлялась и не желала идти дальше. За все время, проведенное в седле, Джеймс перестал бояться лошадей и стал обращаться с ними гораздо увереннее. Поэтому сейчас он крепко держал удела, не выпуская их из рук, и не давал своему верному скакуну вырваться.

Гарольд уверенно шел впереди, иногда оглядываясь, чтобы удостовериться, что с его спутниками ничего не случилось. Выстроившись в колонну и растянувшись на пару десятков футов, друг от друга, они продолжали свой нелегкий путь. Несколько раз в местах, где проходили путники, со склонов откалывались небольшие куски камней и с сильным грохотом падали в реку. Это заставляло путников идти медленнее и внимательнее смотреть себе под ноги. Любой их неверный шаг мог привести к ужасным последствиям.

Вдруг, неожиданно, земля с треском ушла из-под ног Джеймса, и он кубарем полетел вниз, безрезультатно цепляясь за ветки кустарников и увлекая за собой большую груду камней. Это произошло так быстро, что Джеймс не успел попросить о помощи и даже что-нибудь прокричать, чтобы привлечь к себе внимание.

Гарольд услышал звук падающих камней и, обернувшись, увидел, как Джеймс скатился с обрыва и упал в воду. Он был уже без сознания, но быстрое течение не дало ему пойти на дно и потащило вперед с большой скоростью. Гарольд быстро скинул с себя тяжелое снаряжение, взглянул на Айю и громко прокричал:

— Возьми лошадей и спускайся вниз! Я попытаюсь спасти мальчишку!

Проговорив эти слова, он подбежал к краю крутого обрыва и спрыгнул с него в глубокую горную реку, которая уже успела унести Джеймса далеко по течению.

Оказавшись в воде, Гарольд почувствовал, что река тянет его на дно и не дает выбраться на поверхность. Как будто, она не желала отпускать мальчика из своих сетей и не хотела, чтобы кто-то спасал его. Внезапно, какая-то необъяснимая сила вытолкнула Гарольда наверх, и он, наконец, смог сделать глубокий спасительный вдох.

Разглядев впереди себя Джеймса, который по-прежнему был без сознания, он поплыл к нему, быстро перебирая руками и борясь с агрессивной водной стихией. Захлестываемый бурлящими потоками, Гарольд медленно сокращал расстояние между ним и мальчиком. Когда между ними оставалось всего несколько футов, Гарольд вытянул руку в надежде ухватить Джеймса, но тот, неожиданно скрылся из виду.

В ту же минуту он полетел вниз с высоты десяти футов и снова ушел под воду. Это был небольшой водопад, который разделял реку на две части. Бушующая, опасная, изобилующая крутыми поворотами и торчащими из воды острыми, как бритва, камнями ее часть осталась позади. Дальше, река успокоилась, но течение оставалось таким же быстрым. Гарольд вынырнул на поверхность и осмотрелся. Вода застилала ему глаза и мешала

оценить обстановку. Он вытер лицо рукой и поплыл к Джеймсу, которого уносило дальше по течению.

Вдруг, Гарольд услышал страшный шум, который быстро приближался и нарастал с каждой минутой. Он вытянул шею и встревожено посмотрел вперед. В четверть мили от него ревел огромный высокий водопад, в который затягивало и Джеймса и его самого.

Гарольд стал быстро работать руками и нагонять плывущего на спине мальчика. Через несколько минут он схватил его за руку и потянул за собой к пологому берегу. Течение уносило их к смертоносной ловушке, оставляя все меньше шансов на спасение. Водопад был уже настолько близко, что Гарольд мог увидеть долину реки у его подножья и почувствовать на своем лице мелкие ледяные брызги кипящей воды. Он сопротивлялся из последних сил и пытался вытащить Джеймса из реки.

Добравшись до отмели, Гарольд нащупал дно и встал на ноги. Взяв Джеймса под руки, он вытянул его на берег и уложил на землю. Тяжело дыша, он положил свою голову мальчику на грудь и стал слушать биение его сердца. Убедившись, что Джеймс дышит, Гарольд попытался привести мальчика в чувство. Больше всего он боялся, что Джеймс наглотался воды и уже не очнется, но вскоре мальчик пришел в себя и открыл глаза. Он закашлялся, отхаркивая речную воду, и огляделся. Он не понимал, что происходит и где он находится.

Гарольд увидел, что с мальчиком было все в порядке, и повалился на землю от усталости. Он тяжело дышал и закрыл глаза на какое-то время. Еще немного и они оба разбились бы о камни, рухнув с большой высоты огромного водопада.

— Что случилось? — спросил удивленный Джеймс.

Гарольд ответил не сразу. Он долго не мог отдышаться после длительного заплыва, и Джеймсу даже показалось сначала, что тот его просто игнорирует. Но спустя несколько минут Гарольд открыл глаза и сказал:

— Ты упал с обрыва в реку и видимо был без сознания. Я вытащил тебя на берег, вот и все. Ничего ужасного не произошло.

— Где Айя и наши лошади?

— Она уже спускается к нам. Сейчас немного передохнем и будем искать дорогу.

Джеймс попытался подняться на ноги, но в его глазах быстро потемнело, и он опустился на колени. Его голову пронзила резкая боль, не позволяя двинуться с места. Он схватился за нее обеими руками и наклонился до самой земли в надежде на то, что она сейчас оставит его в покое. Через несколько мгновений ему стало легче.

— Ты ударился головой при падении, — сказал Гарольд, видя страдания мальчика. — Тебе нужен отдых.

— Нет, не нужен! — ответил Джеймс, превозмогая боль. — Мы не должны останавливаться, нам надо идти дальше. Со мной все в порядке.

Гарольд был поражен мужеством мальчика и промолчал в ответ на его заявление. Он понимал, что путь, который они должны были проделать, дается Джеймсу нелегко, и он уже достаточно пережил за это время. Немногие воины справились бы с миссией, возложенной на него, но в мальчике таилась какая-то удивительная сила, которая помогала ему выдержать все испытания, возложенные на него судьбой. Эта сила подталкивала его вперед и заставляла идти к намеченной цели через любые трудности и препятствия. Но что это была за сила не знал никто, кроме, наверное, Лиорида, который всегда видел в этом мальчике что-то особенное. Он видел в нем то, чего не видели другие.

И Гарольд сейчас вспомнил слова старца, сказанные им в Карунге про Джеймса, и понял, насколько он был прав. Он понял, что ошибался, считая Джеймса обычным мальчиком, который не способен выполнить свое обязательство. Гарольд смотрел на него и видел уже совсем не того Джеймса, которого он встретил в часовне, и он был очень удивлен этому. Но удивлен был приятно.

Джеймс медленно поднялся, держась одной рукой за голову, и повернулся к Гарольду, который все еще лежал на земле.

— Нам пора! — произнес он. — Вдруг, Айя не сможет нас здесь найти!

— Хорошо, — сказал Гарольд и встал на ноги, убрав мокрые волосы назад.

Они сделали пару шагов и замерли на месте.

Перед ними стоял человек с обнаженным мечом, направленным на них. Он был высокого роста и загораживал им проход. Сдвинув свои густые черные брови, он не сводил глаз с Гарольда и Джеймса и смотрел на них не то со страхом, не то с удивлением. Его длинный острый нос был покрыт маленькими капельками пота, которые иногда стекали на тонкие губы и, дойдя до подбородка, падали на землю. Длинные растрепанные волосы были покрыты грязью и слипались между собой. Поверх тяжелой кольчуги он носил бардовую рубаху с вышитыми на ней узорами и покрытой темным плащом, надвинутым на правое плечо. Рука, закрытая кожаной перчаткой, крепко сжимала эфес длинного меча, острие которого смотрело прямо на Джеймса.

— Кто вы такие и что здесь делаете? — уверенным тоном произнес незнакомец.

Гарольд попытался на ощупь отыскать свой меч, но вспомнил,

что оставил свое снаряжение наверху, перед прыжком. Они были беззащитны, и в случае чего, им не чем было постоять за себя, кроме короткого ножа, который Гарольд дал Джеймсу в Соколином замке.

— Меня зовут Джеймс, — ответил мальчик.

— Уже кое-что, — сказал незнакомец и перевел взгляд на мальчика. — Что вы здесь делаете, Джеймс?

— Перед тем, как вы услышите ответ на свой вопрос, я бы хотел узнать, кто вы такой! — перебил его Гарольд.

— Вы не в том положении, чтобы задавать вопросы! — крикнул незнакомец. — Отвечайте мне или я незамедлительно пущу в ход свой меч! Кто вы такие? Что вы здесь делаете?

Гарольд заметил на его груди герб наместника, вышитый золотыми нитками и ответил:

— Меня зовут Гарольд. Мы направляемся из Карунга на юг страны.

— И вы выбрали эту дорогу для своего путешествия?

— Мы заблудились, — вступился Джеймс. — Свернули не там и очутились в этих местах. Мы не знаем, куда нам идти дальше, наши лошади разбежались.

— Да, я видел, как вы упали в реку, — произнес незнакомец и опустил меч. — Честно говоря, я думал, что вам конец. Думал, что если вы не убьетесь от удара об камни, то водопад точно вас сожрет. Но я ошибся, вы оказались сильнее, чем я думал. Вы одни здесь?

— Да, мы одни, — ответил Гарольд. — Как твое имя? Или нам называть тебя «незнакомец»?

— Меня зовут Одхан. Пора выбираться из этого гиблого места. Он повернулся и зашагал вперед.

Джеймс увидел знакомую цепочку, которая торчала из кармана штанов Одхана и сразу же полез к себе за пазуху. Амулет пропал! Должно быть, Джеймс обронил его в воду при падении, и его прибило к берегу, где его и нашел Одхан. Джеймс жестами показал Гарольду, что произошло. Тот не стал подавать виду и пытался отыскать глазами Айю, которая была неподалеку и говорила с Гарольдом мысленно.

— Эй, Одхан, — крикнул Гарольд вдогонку. — Постой! Ты не мог бы показать нам дорогу? Как нам выбраться отсюда?

Одхан, повернувшись, сказал:

— Идите за мной и не отставайте! Эти места не безопасны.

Они вошли в редколесье и стали спускаться к подножию водопада. Одхан шел впереди и молчал. Его что-то тревожило, но он не хотел делиться этим со своими новыми знакомыми. Хоть его рубаха и была бордового цвета, но капли засохшей крови на

ней были хорошо видны и, судя по тому, что Одхан не имел никаких ран на теле, кровь была не его.

— Я рядом, — раздался голос Айи в голове у Гарольда. — Посмотри направо и ты увидишь.

Гарольд повернул голову и увидел между деревьев образ эльфийки, которая держала в руках его снаряжение.

— У него амулет, — произнес Гарольд про себя. — Нельзя рисковать. Подойди поближе.

— Хорошо, — согласилась Айя. — Только не делайте глупостей, вы не знаете, с кем имеете дело!

— Ты прочла его мысли? — спросил Гарольд. — Что ты увидела?

— Я увидела страх, — ответила эльфийка. — Он чего-то очень сильно боится, но я не могу понять чего именно.

В это время, Джеймс приблизился к их новому знакомому сзади и попытался незаметно вытащить из его кармана амулет. Он протянул руку, и уже хотел было ухватиться за цепочку, но Одхан заметил это, одернул руку и оттолкнул мальчика от себя. Джеймс упал на землю и предпринял еще одну попытку завладеть амулетом. Он кинулся на незнакомца, но вновь был отброшен назад. Одхан вынул меч из ножен и направил его на Джеймса, который быстро попятился назад.

Айя, видя все происходящее, бежала изо всех сил, едва касаясь ногами земли. Она боялась не успеть передать оружие Гарольду, который кинулся на защиту Джеймса. Все ее старания направленные на то, чтобы понять, что творилось в голове у Одхана, были тщетны, поэтому она не знала, как далеко он может зайти. Зверь, загнанный в угол, которым и предстал сейчас незнакомец, всегда бросался в атаку, чтобы сохранить себе жизнь и защититься от нападавших.

За минуту Айя покрыла большое расстояние и была уже в нескольких шагах от Гарольда. Не раздумывая, она бросила к его ногам снаряжение и вынула свой короткий эльфийский нож, который не годился для боя. Он был бесполезен против длинного и тяжелого меча, который сжимал в руке Одхан.

Гарольд выхватил свой меч и тут же пригрозил им разгоряченному незнакомцу, который при виде грозного оружия сразу же отступил назад. Он не собирался сражаться с Гарольдом и опустил свой меч.

— Вещь, которая находится у тебя в кармане — где ты ее взял? — напористо спросил Гарольд.

— Я нашел ее на берегу, — ответил Одхан, испуганно глядя на клинок, приставленный к его шее. — Он лежал в траве, и я подобрал его. Думал, что вещь ценная, и я смогу выручить за нее

немного монет.

— Вещь ценная, но не твоя! — продолжил Гарольд, медленно продвигаясь вперед. — А теперь, верни ее мальчику!

Одхан слегка замешкался, но острие меча, упершееся в его горло, заставило быстро достать амулет из кармана и отдать его Джеймсу, который тут же повесил вновь обретенную вещь обратно на шею.

— С вами эльф? — удивленно произнес Одхан. — Кто же вы такие на самом деле? Вы убьете меня?

— Мы не собираемся тебя убивать! — воскликнул Гарольд. — Мы лишь забрали то, что тебе не принадлежит.

— Значит, я не ошибся! Это действительно он? Это амулет королей, а вернее его часть! — глаза Одхана загорелись, а его взгляд был прикован к ценной вещице, висевшей на шее Джеймса.

— Это тебя не касается! — сказал Гарольд, напирая на незнакомца.

— Вы меня не так поняли! — начал оправдываться Одхан. — Если бы я точно знал, что это и есть амулет королей, то ни за что не продал бы его ни за какие деньги! Я знаю, что таит в себе эта вещь и как она важна для всех нас.

— Он говорит правду, — вмешалась Айя и спрятала свой нож. — Он верит в древнюю легенду об амулете и о хранителях и не желает нам зла.

— Гарольд, убери меч, прошу тебя! — произнес Джеймс, положив свою руку на руку Гарольда, державшую клинок, и медленно опустив ее вниз.

— Если вы действительно отправляетесь на юг, то я могу показать вам кротчайший путь, — сказал Одхан и сделал шаг назад.

— Мы отправляемся к Великому разделу, — ответил Джеймс. — И нам бы не помешал проводник.

— Мы не можем доверять ему! — воскликнул Гарольд и обратил взор на мальчика. — Только что, он хотел убить нас!

— Но мы сбились с пути, а он сможет провести нас, — сказал в ответ Джеймс.

«Он может помочь. Я вижу, что совсем скоро, он сыграет свою положительную роль. Не отказывайся от его помощи. Он не причинит нам вреда».

Гарольд слышал у себя в голове голос Айи, но все же никак не мог решиться. Он не доверял Одхану, и что бы ему ни говорили, он оставался при своем мнении. При желании, они могли вернуться назад и пойти дальше тем же маршрутом, которым двигались ранее, но это отняло бы много времени. С другой стороны, еще один острый клинок не помешал бы в этих

опасных местах. Успокоившись и все обдумав, Гарольд согласился принять помощь незнакомца.

— Покажешь нам дорогу к Урдану и дальше ты свободен, — сказал Гарольд. — Ты согласен помочь нам?

— Я пойду с вами! — согласился Одхан. — Капитану королевского войска негоже ходить без сопровождения. Я сразу заметил камень на рукояти твоего клинка.

— Это в прошлом! Я больше не служу наместнику. И раз уж ты знаешь, кто я, то поведай о себе. Что ты здесь делаешь?

— Мой отряд направлялся в Азгонд — город, расположенный неподалеку от гарнизона Мафена. Я должен был передать послание от наместника Элонии правителю этого города. Я хорошо знал эти места, поэтому повел отряд здесь, самым коротким путем. Минувшим днем на нас напали. Они перебили всех до единого, никого не оставили в живых.

— Кто это был? — поинтересовался Гарольд.

— Я не знаю. Сначала, мы увидели в небе серое облако, которое приближалось к нам с большой скоростью. Когда оно было уже совсем близко, мы смогли разглядеть этих тварей. Это были ящеры с длинной шеей и костистыми крыльями. В один миг они обрушились на нас с небес и превратились в людей. На них были черные маски, а лиц не было видно. Их мечи испускали странное зеленое свечение, а раны, нанесенные ими, причиняли страшную боль. Мы не смогли оказать им должного сопротивления. Я чудом спасся и ушел оттуда живым. Больше никто не выжил.

— Шиниды! — воскликнула Айя. — Это чародеи, владеющие неизведанными силами. Артазар призвал их! Они исполняют его волю.

— Что им здесь надо? — спросил Гарольд, не надеясь получить ответ на свой вопрос. — Зачем они напали на ваш отряд?

Одхан лишь пожал плечами в ответ Гарольду. Он понятия не имел, каковы были истинные цели напавших на его отряд чародеев, но выяснять это он точно не собирался.

— Они владеют магией? — поинтересовался Джеймс. — Кто они вообще такие?

— Слуги Артазара, — ответила эльфийка. — Раньше они были обычными людьми. Каждый из них когда-то был учеником Ротарима и обучался в Фарасе. Когда их учитель предложил им встать на путь зла, они отказались. И тогда, черный маг превратил их в бездушных бессердечных существ, сломив их волю и подчинив разум. О шинидах никто не слышал с тех самых времен, когда зло было побеждено, а амулет засиял на шее

короля. К счастью, магией они не владеют. Их прозвали чародеями за использование алхимии и владение несколькими заклятиями. Их возможности ограничены, но они очень опасны.

— Как же они, не владея магией, могут превращаться в летающих ящеров? — спросил Одхан, лицо которого было перекошено ужасом.

— Этой способностью их наделил Ротарим, — ответила Айя.

— Что у них за оружие? — поинтересовался Гарольд.

— Они используют заколдованные клинки. Заклятья, наложенные на них Артазаром, могут быть различными, но все они сводятся к одному — причинить невыносимую боль. Поэтому нельзя дотрагиваться до лезвий этих клинков.

— Что за послание вы везли в Азгонд? — спросил Гарольд, обратив взор на Одхана.

— Я не знаю! — ответил тот. — Послание было запечатано, а позже утеряно во время битвы.

— Вы держали путь из Кронкарда? — продолжал допрос Гарольд.

— Нет, наш отряд находился в «Сумрачном перевале». Это небольшая крепость, неподалеку от столицы. Нам доставили свиток с печатью наместника и приказали отвезти его правителю Азгонда. Нас не ставили в известность о том, что в нем было написано. Да это и не наше дело.

— Ты знаешь, что тебе грозит смертная казнь, за то, что ты не выполнил приказ и потерял важный документ? — поинтересовался Гарольд.

Одхан насупился и отвел глаза в сторону. Он тяжело дышал, широко растопырив ноздри. На его лбу выступили капельки пота, которые стекали по вискам и выдавали сильное волнение.

— Значит, ты знаешь, — удовлетворенно сказал Гарольд, видя реакцию Одхана. — Теперь тебе закрыты пути назад. В армию ты уже не вернешься, да и домой тебе соваться не стоит, поэтому тебе лучше присоединиться к нам и не делать глупостей. Покажи нам дорогу, которая выведет нас к Урдану, а дальше тебе решать, что делать.

— Хорошо, — тихо произнес Одхан. — Я отведу вас.

— Где наши лошади? — спросил Гарольд, убирая свой меч.

— Они привязаны неподалеку, — ответила Айя и направилась к тому месту, где она оставила лошадей.

Одхан отвязал своего коня, который находился в четверть мили от берега реки и не спеша побрел за остальными. Он с легкостью мог бы убежать, но не стал этого делать. Слова, сказанные Гарольдом, убедили его, к тому же Одхан не хотел выбираться из этих заброшенных мест в одиночку. Он решил

проводить своих новых знакомых до Урдана — города на юго-западе Элонии, а по дороге обдумать, что ему делать дальше.

Гарольд специально обмолвился о смертной казни, которая ждет Одхана за его проступки, чтобы он не захотел сбежать от них, прихватив с собой амулет. Он не верил ни единому слову, сказанному Одханом. Он повидал много таких людей, которым ничего не стоило обвести человека вокруг пальца ради своей выгоды. К тому же, Гарольд видел, как у него загорелись глаза, когда он узнал об амулете. Даже то, что сказала Айя про незнакомца, порождало в нем сомнения. А что, если он специально путал свои мысли, чтобы ввести ее в заблуждение? Что, если он знал о ее даре читать мысли? Эти вопросы крутились у него в голове и не давали покоя.

«Ты не доверяешь никому, кроме себя? Почему ты видишь вокруг себя только врагов?»- мысленно спросила Айя.

— Потому что друзей уже не осталось! — воскликнул вслух Гарольд, повернувшись к эльфийке. — Сейчас не те времена, чтобы доверять первому встречному.

— Ты перестал доверять людям после того, что случилось с твоей семьей? — спросила Айя.

— Перестань копаться у меня в голове! — разозлился Гарольд. — Это не касается никого, кроме меня!

— Прости! Я не хотела…

— Нет, не надо, — перебил ее Гарольд, немного успокоившись. — Тебе не за что извиняться. Это давно в прошлом и я бы не хотел ворошить его.

Они забрались на лошадей и отправились вслед за Одханом, который уводил их подальше от этих мест.

— Нельзя спускать глаз с мальчишки, — сказал Гарольд, глядя на Джеймса. — Он здорово ударился головой при падении.

— Ему нужен отдых, — ответила Айя. — Это путешествие измотало его и совсем обессилило. Он почти не спит и плохо ест и долго так не продержится.

— Я тоже так думал до недавнего времени, — произнес Гарольд. — Но, как сказал Лиорид — мы зря его недооцениваем!

— Что ты хочешь этим сказать? — удивленно спросила Айя.

— Ты больше не читаешь мои мысли? — переспросил Гарольд, слегка улыбнувшись. — Я не могу этого объяснить, но я чувствую внутри него огромную силу, которая скоро может вырваться наружу. Я не знаю, что это может означать.

— Амулет не просто так выбрал Джеймса себе в защитники. Он не простой мальчик.

Тем временем, Джеймс, который скакал впереди Гарольда и Айи, чувствовал себя плохо и едва держался в седле. Он пока не

видел в себе той силы, о которой говорили между собой его спутники. Каждый шаг его лошади отдавал в висок резкой пульсирующей болью, от которой слезились глаза. Он с надеждой смотрел на небо и искал на нем яркий солнечный диск, который был еще высоко и говорил о не скором завершении дня. До привала было еще далеко и Джеймс, стиснув зубы и собрав всю волю в кулак, пришпорил свою лошадь и помчался вперед с большой скоростью, догоняя оторвавшегося ото всех Одхана.

Одхан вилял между деревьями, не снижая скорости и не оглядываясь. Он обдумывал сложившуюся ситуацию и искал из нее правильный выход. Пытаясь собраться с мыслями, он не заметил, как оторвался от остальных на четверть мили. Опомнившись, Одхан остановился и стал дожидаться отставших от него спутников.

— Ты куда-то торопишься? — крикнул подоспевший Гарольд.

— Я просто задумался, — ответил Одхан.

— Нельзя слишком удаляться друг от друга! — воскликнул Гарольд. — Это слишком опасно! Если на тебя, вдруг, нападут, то мы можем не успеть прийти на помощь.

— Впредь будем держаться вместе, — ответил Одхан и поскакал вперед.

День подходил к концу, когда путники миновали редколесье и вышли к холмам, простиравшимся на много лиг вперед. Они решили продолжить путь утром и заночевать в лесу, разведя костер и приготовив ужин. Их ждала долгая утомительная дорога, о которой никто из них старался не думать.

ГЛАВА XVII Долгожданная месть

— По коням! — прокричал Орин, обращаясь к своему отряду.

Затушив костры и собрав припасы, путники оставили место ночлега и направились в Орихон, к развалинам которого они должны были добраться до полудня. Город, славившийся когда-то своими мастерами и бесстрашными искусными воинами, лежал в руинах и напоминал людям об их былом величие. Город, население которого вынуждено было покинуть его и уже никогда не возвратиться назад. Путь, лежащий через этот памятник былым временам, был самым коротким, но не безопасным. В Арамунд вело много дорог, но именно этой пользовались немногие, из-за плохой проходимости по Орихону, который служил прекрасным местом для засад.

— У меня плохое предчувствие! — произнес Габриель, поравнявшись с Лиоридом и ведя лошадь рядом с ним. — Я не могу это объяснить, но я чувствую, что что-то не так!

— Скоро мы будем в Арамунде, — успокоил его Лиорид. — Там мы будем в безопасности. К тому же с нами Орин со своим отрядом, поэтому тебе не о чем волноваться!

— Я не о себе волнуюсь! — обиженно воскликнул Габриель. — Я смогу постоять за себя, и защитники мне не нужны!

— Я не хотел тебя обидеть, — спокойным тоном произнес Лиорид, слегка нахмурившись. — Я не сомневаюсь в твоих умениях и способностях, но ты должен понять — ты — наша последняя надежда! Только ты сможешь соединить две части амулета воедино и уничтожить темные силы раз и навсегда. Никому другому это не подвластно. Надеюсь, ты понимаешь, какая ответственность лежит на твоих плечах? Ты не должен попусту рисковать собой!

— Я не считаю, что спасение чьей-либо жизни это напрасный риск.

— Но что, если спасение одной жизни повлечет за собой гибель тысяч других жизней? Ты готов на это пойти? Ведь тому, которого ты спасешь, пожертвовав собой, уже незачем будет жить, потому что мир падет перед тьмой и перестанет существовать в том обличие, в котором мы привыкли его видеть.

— Но моя совесть будет чиста! Я не буду винить себя всю оставшуюся жизнь за то, что не спас кого-то, хотя мог бы!

— Ты думаешь только о себе! Когда ты, наконец, поймешь и осознаешь все возможные последствия своей безрассудности? Возможно, когда ты станешь королем, ты вынесешь мне

справедливый приговор за мои слова, но я не мог их не произнести. Знаешь, что будет, если легионы Артазара победят в войне? Что буде, если мы проиграем? Мир погрузится во тьму. Все деревья, растения, реки — вся природа погибнет, а вместе с ней погибнут и эльфы. Они настолько связаны с ней, что не смогут жить среди обожженных огнем коряг и пересохших ручьев. Этот народ закончит свое существование. Все крупные города будут разрушены до основания, а люди по всей Элонии и за ее пределами, превращены в рабов Артазара. Он будет использовать нас для самого тяжелого труда и в своих магических экспериментах. Пощады не будет никому! Все дети, которые не смогут трудиться, будут убиты или скормлены оркам на обед. Это будет закатом эпохи людей и всех остальных народов. И все это может произойти только потому, что ты пожертвуешь своей жизнью ради спасения другой. Знай — ты не спасешь его, а обречешь на бесконечные муки и неминуемую мучительную смерть.

Габриель замолчал. Он представил себе все, о чем говорил Лиорид, и ему стало жутко. Он действительно не задумывался о том, что может случиться, если его, вдруг, настигнет смерть. И сейчас, когда Лиорид обрисовал ему не радужную картину возможного будущего, Габриель задумался над своей ролью в этой истории. Он не мог поверить, что от него зависела судьба всего мира. Ни ловкие эльфы, ни могучие гномы, не смогут справиться с Темным легионом и уничтожить его без амулета королей. Осознав всю свою значимость, Габриель пытался расставить все по полкам у себя в голове. Но один вопрос так и остался для него не решенным. Как ему поступить в случае, если человеку будет нужна его помощь? Нужно ли рисковать уже не только своей жизнью, но и жизнями других людей? Имеет ли он на это право? Как ему поступить?

— Поступай так, как велит тебе сердце! — произнес Лиорид, в ответ на долгое молчание Габриеля.

Наследник удивленно взглянул на старца. Откуда он мог знать, о чем он думает? Лиорид загадочно улыбнулся, но не стал рассказывать Габриелю о своей способности. Он пришпорил свою лошадь и стал набирать скорость, оставляя растерянного наследника наедине со своими мыслями и догадками.

— Венорские поля! — прокричал Лиорид, догоняя отряд Орина.

Путники скакали по зеленым полям, названным в честь короля Элонии Венора, который пал в сражении под Орихоном, но отстоял город. Вдалеке виднелись руины, до которых было еще несколько часов езды. Увидев силуэты полуразрушенных зданий,

путники приободрились и прибавили ход. Ощущение скорого завершения пути давало им сил и прибавляло уверенности. До Арамунда оставалось совсем немного. Главное было — пересечь Орихон, а дальше — преодолеть несколько лиг зеленых полей. К вечеру этого дня, путники надеялись быть в городе. Хотя, никто из них не знал, что их ждет в Арамунде и как примет его правитель не прошеных гостей.

Приблизившись к развалинам гарнизона, путники сбавили ход.

— Всем спешиться! — приказал Лиорид, громко прокричав свой приказ, чтобы его было слышно всем.

Все послушно слезли с лошадей и последовали за старцем, который уверенно шагал к месту, где раньше были городские ворота. До Орихона оставалось всего четверть мили, и путники уже могли разглядеть разрушенные стены города, возвышавшиеся над землей. Когда-то эти стены были неприступны, а сейчас более походили на груду камней, разбросанных по округе. Ворот не было, а на их месте виднелся широкий проход, ведущий в Орихон.

Путники вошли в город. Почва под ногами сменилась камнями светло-серого цвета, которыми были вымощены улицы Орихона. Сквозь них пробивались мелкие росточки зеленой травы, тянувшие к солнцу свои тонкие стебельки. Улица, по которой двигались путники, проходила через весь город и была в длину около мили. Она была настолько широкой, что на ней могли проехать, выстроившись в линию, одновременно три торговых повозки.

По краям улицы тянулись разрушенные каменные дома, от которых осталась только часть стены. Сквозь огромные дыры можно было разглядеть, как были устроены комнаты в этих домах. Все их внутреннее убранство было давно разграблено разбойниками и охотниками за чужим добром. Большие валуны, отколовшиеся от городских стен и близлежащих домов, валялись повсюду и преграждали дорогу. Некоторые из них были величиной с человеческий рост.

От центральной улицы, по которой двигались путники, влево и вправо уходили дорожки поменьше, также вымощенные камнями округлой формы. Они вели к жилым кварталам. Многочисленные одноэтажные домики, выложенные из прямоугольных камней, в которых селились жители Орихона, были полностью разрушены вражескими катапультами. Те, что были сделаны из дерева — сожжены дотла.

В западной части города, на возвышенности, располагался замок. Это был последний рубеж обороны Орихона, но и он не

устоял под натиском врага. Просевшие стены замка были расколоты пополам. Через этот пролом нападавшие смогли проникнуть в обитель и окончательно захватить город.

Габриель осматривал руины некогда великого Орихона. У него в голове невольно рисовалась страшная картина битвы за город, которую его защитники проиграли. Они не смогли сдержать натиск врага и отдали свои жизни под стенами Орихона. Никто из воинов, оборонявших гарнизон, не пережил ту ночь. Они стояли на смерть и долгое время не давали неприятелю преодолеть стену, что позволило мирным жителям безопасно покинуть город через северные ворота. Каждый из них был героем.

— Смотрите в оба! — тихо произнес Лиорид, оглядываясь по сторонам. — Это хорошее место для засады. Враги могут быть где угодно. Не дайте застать себя врасплох.

— Зачем же мы пошли здесь? — спросил Виллем. — Если здесь для засады отличное место?

— Это самый короткий путь в Арамунд! — ответил Лиорид и сердито взглянул на Виллема. — И я, по-моему, уже об этом говорил.

— Что-то я не припомню, — сказал Виллем и отвел глаза в сторону.

— Просто кому-то надо научиться слушать! — заключил Лиорид и, нахмурившись, зашагал дальше.

Орин со своим отрядом вышел вперед и немного оторвался от остальных. Он крутил головой по сторонам и подмечал все, что казалось ему подозрительным.

— Что-то слишком тихо, — сказал он одному из своих воинов. — Будьте наготове и держите руку на рукояти своего меча.

Путники медленно продвигались по улице и вели за собой лошадей. Они осторожно шагали по каменной дорожке, озираясь и постоянно оглядываясь. Любой посторонний шум заставлял их вздрагивать и хвататься за оружие.

Лиорид водил глазами по сторонам, оглядывая развалины домов и большие валуны, за которыми могли спрятаться враги. Он внимательно разглядывал каждый уголок, каждый закуток, в поисках каких-либо следов, оставленных неопытным противником, но ничего не находил. Тем не менее, это не успокаивало его, а наоборот, заставляло беспокоиться еще сильнее.

Торн был совершенно спокоен и не ждал никаких неприятных сюрпризов. Он смотрел прямо перед собой и подгонял остальных. Не ожидая нападения в этом месте, хаатин не понимал, чего так

боялись его спутники. Он считал, что Орихон — это вполне очевидное место для засады, а их враги не так глупы, чтобы ждать их здесь.

— Нельзя ли идти побыстрее? — спросил Торн, обращаясь к своим спутникам. — А то мы так и за день не пересечем эту улицу.

— Это слишком опасно! — ответил Лиорид.

— Вы ждете нападения?

— Мы должны учитывать все возможные варианты. Нельзя недооценивать врага.

— Если бы на нас хотели напасть, то давно бы уже это сделали! Зачем им ждать, пока мы пересечем улицу и выйдем из города?

— Но мы еще не вышли из города, и расслабляться пока рано.

В это время раздался звук падающих камней, разнесшийся по всему Орихону. Путники замерли на месте и насторожились. Они вглядывались вдаль и пытались отыскать место, откуда доносился этот шум.

Виллем крепко сжал рукоять своего меча и был готов в любой момент пустить его в ход. Он был напряжен и сосредоточен. Орихон казался ему мрачным и пугающим, и он хотел поскорее покинуть его пределы. Былое величие этого города было утрачено много лет назад и отражалось, словно в кривом зеркале, ужасающими видами обломков разрушенных зданий и памятников, которые таили в себе опасность для нежданных путников и всевозможных искателей приключений. В каждом развалившемся доме Виллем видел угрозу и настороженно, пристально вглядываясь в каждое строение, продвигался по широкой каменной дороге, которая была настолько длинной, что Виллему она казалась бесконечной.

— Это всего лишь камень! — произнес Торн, нарушив всеобщее недолгое молчание. — Этот город давно лежит в руинах, поэтому нечего удивляться новым обрушениям.

— Да, он прав, — согласился Габриель. — Не стоит из-за этого останавливаться. Надо продолжать путь. Осталось совсем немного.

Орин махнул рукой своим людям, и они послушно продолжили движение. За ними последовали и остальные, прибавив ход и стараясь не задерживаться на одном месте.

— Центральная площадь, — сказал Лиорид и указал рукой на место, где когда-то находился рынок. В центре площади раньше возвышалась статуя короля Артия — первого короля людей, которая была в высоту тридцать футов и сделана из белого камня, добытого из недр северных гор.

Артий, в остроконечной короне, стоял прямо, вытянувшись во весь рост. Тяжелый взгляд его был устремлен вдаль и, казалось, что он видел все, что творилось в его королевстве. Длинная накидка, соединенная на шее круглым зажимом, спускалась до земли и закрывала облачение короля. Двумя руками он сжимал длинный меч, который был опущен острием вниз.

На месте этого памятника лежала груда камней, отдаленно напоминавшая великое архитектурное творение. Лишь по отколовшейся и сохранившейся голове Артия можно было распознать в куче обломков некогда одну из самых древних статуй первого короля людей.

Центральную площадь пересекала не менее широкая и главная дорога, западная часть которой вела во дворец, а восточная выводила к воротам, на месте которых сейчас не было ничего, кроме небольших каменных заторов, встречающихся по всему Орихону. Эта дорога уводила в саргатову долину — гиблое место для каждого путника, отважившегося пойти туда.

Путники вышли на площадь, обогнули обломки памятника Артию и направились дальше по центральной дороге. До выхода из города оставалось каких-то шестьсот футов.

— Половина пути пройдена, — с облегчением заявил Габриель.

— Не торопись, — предупредил его Лиорид. — Еще не все.

Вдруг, в этот момент, путники увидели впереди себя человека в черном плаще, который вышел из-за стены дома, спокойным уверенным шагом дошел до середины дороги и повернулся к ним лицом. Орин остановился, а вслед за ним и все остальные.

Лица незнакомца не было видно из-за капюшона, натянутого на голову. Он стоял в самом конце дороги и не двигался. Руки его были спрятаны под плащом, а за спиной виднелись две рукоятки перекрещенных между собой мечей. Незнакомец склонил голову в ожидании действий со стороны Габриеля и его спутников.

— Я пойду, разведаю, что здесь происходит, — сказал Орин и уже сделал пару шагов, как его остановил Лиорид.

— Нет! — воскликнул он, схватив Орина за руку. — Уходим, быстро!

— Куда? — спросил Виллем. — Куда нам идти?

— Назад! — прокричал Лиорид и зашагал в обратном направлении. — Это ловушка! Уходим, скорее же!

Тут, незнакомец поднял голову, и на путников, выбегая из разрушенных домов, со всех сторон накинулись люди в черных доспехах.

— К оружию! — закричал Орин и обнажил свой меч. Его люди ринулись навстречу нападавшим и первыми встретили

неприятеля, скрестив мечи. Нападавших было десять, но в бой с отрядом Орина вступили только четверо из них. Еще двое преградили Габриелю и остальным путь к отступлению, заняв позицию у входа на центральную площадь. Остальные пока не успели добраться до места сражения и пробирались на дорогу с западной и восточной стороны.

Отряд Орина вступил в бой, но противник оказался гораздо сильнее. Без труда отражая атаки повстанцев, воины в черных доспехах перешли в наступление. Они сражались с тремя воинами одновременно, искусно увиливая от многочисленных выпадов в их сторону.

Один из повстанцев допустил ошибку и подошел к противнику слишком близко, занеся свой меч над головой. Враг отразил атаку и резким ответным ударом распорол ему живот. Расправиться с оставшимися двумя ему не составило большого труда. Он блокировал размашистый удар справа, поставив свой клинок на пути меча одного из повстанцев, и со всей силы оттолкнул его, ударив ногой в грудь. Сбив противника с ног, человек в черных доспехах скрестил мечи с последним из трех воинов, напавших на него. Склонив его клинок к земле, он взмахнул своим мечом и рассек горло повстанца. Тот выронил меч и упал на землю, держась обеими руками за шею. Затем, воин подошел к противнику, которого он оттолкнул от себя и проткнул его насквозь. Все это произошло настолько быстро, что поверженные воины из отряда Орина не успели опомниться.

Виллем, видя все происходящее, направился с обнаженным клинком на того, кто только что убил троих повстанцев, с которыми сражался одновременно. Пусть они и уступали Виллему в умении обращаться с оружием, и опыта сражений у них было маловато, но их было трое.

Виллем был готов принять бой и сразиться с врагом. Он был спокоен и сосредоточен. Все волнение и беспокойство улетучились сразу же, как только появился неприятель. Ощущение того, что скоро произойдет что-то плохое всегда хуже, чем когда это все же происходит.

— Мы должны защищать Габриеля! — прокричал Лиорид вслед удалявшемуся Виллему, но тот уже ничего не слышал.

Виллем встретил врага парирующим ударом, отведя его длинный меч в сторону. Следующая молниеносная атака должна была снести Виллему голову с плеч, но он наклонился вперед и тяжелый меч врага прошел всего в нескольких дюймах от его шеи.

Виллем ушел вправо и нанес размашистый удар, который был встречен клинком противника. В ответ враг нанес целую серию рубящих ударов. Они были такой силы, что Виллем едва устоял

на ногах и удержал в руках свое оружие. Отступив назад, он перевел дыхание и собрал силы для очередного броска.

Враг первым кинулся в атаку, нанося быстрые удары слева и справа. Затем, он размахнулся и вновь попытался отрубить Виллему голову, но тот увернулся и вонзил свой меч в сердце врага. Расправившись с одним из нападавших, Виллем поспешил на помощь Орину и остаткам его отряда, который нес потери.

Враги, караулившие выход с центральной площади, бросились в атаку на Габриеля и Лиорида, стоявших позади всех. Они разделились и атаковали их поодиночке.

Лиорид пропустил врага вперед, сделав шаг в сторону. Он ушел от удара и резким движением руки вынул из ножен свой меч, до сих пор находившийся у него на поясе. Враг развернулся и атаковал вновь, издавая разъяренные вопли. Лиорида это ни сколько не испугало, и он рванулся навстречу своему сопернику, широко взмахнув мечом. Раздался громкий лязг металла и скрежет соприкоснувшихся клинков. Старец схватил врага за руку, в которой тот держал меч и швырнул его на землю. Затем, он подошел к развалившемуся на дороге противнику и занес над ним свой меч, обхватив рукоять обеими руками. Он не колебался ни секунды и тут же вонзил лезвие клинка в грудь врага.

Габриель испуганно метался из угла в угол, уходя от яростных атак доставшегося ему противника. Он никогда еще не сражался со столь сильным и опытным соперником и сейчас выглядел растерянно. Крепко сжимая свой меч в руках, он безуспешно пытался атаковать, нанося слабые и легко предсказуемые удары. Враг без труда отразил все выпады Габриеля и увернулся от его неубедительных атак. Он измотал наследника, заставляя его наносить каждый удар с большой силой. Немного поиграв с ним, человек в черных доспехах перешел в наступление.

Габриель отбивался из последних сил, но тяжелый удар его противника прижал наследника к земле. Меч выскочил из его руки и, зазвенев, покатился по каменной дороге. Враг нанес рубящий удар сверху вниз, но Габриель увернулся в последний момент, и его клинок, рассекая воздух со свистом, обрушился на землю в дюйме от головы наследника. Габриель сделал кувырок в сторону, подобрал свой меч и быстро встал на ноги, вытянув вперед руку с зажатым в ней клинком. Его рука дрожала от бессилия и едва держала увесистый длинный меч.

Враг не дал наследнику перевести дыхание и обрушил на него шквал сокрушительных ударов. От последнего удара Габриель не удержался на ногах и повалился на спину. Его противник взмахнул мечом в надежде добить наследника, но его

остановил Лиорид, вовремя подставив клинок. Он оттолкнул от себя противника и резким взмахом отсек ему голову.

Лиорид подал Габриелю руку и помог ему подняться.

— Надо уходить отсюда! — воскликнул старец, схватив наследника за руку.

— Нет, надо помочь остальным! — ответил Габриель и одернул руку. — Мы не можем их здесь бросить!

— Как Вам будет угодно, — смиренно произнес Лиорид и склонил голову перед будущим королем.

Габриель не одобрил этот жест старца, но сейчас спорить совсем не было времени, и он, собравшись с силами, поспешил на помощь к остальным. Лиорид незамедлительно последовал за ним.

Торн стоял неподвижно и не сводил глаз с человека в черном капюшоне. Он чувствовал, что это и был тот самый человек, расправившийся с его родителями и всем его родом, но не торопился вступать с ним в бой. Хаатин ждал, пока незнакомец предпримет что-нибудь и выдаст себя. Он не обращал внимания на развязавшийся перед ним бой и видел только человека в черном плаще, который по-прежнему наблюдал за всем происходящим со стороны.

Вдруг, незнакомец откинул плащ за спину и обнажил кованые доспехи черного цвета, закрывавшие его грудь и живот. Торн заметил на пальце его правой руки большое кольцо с черным, как смоль, камнем. Все сходилось. Это был он.

Хаатин выхватил свой меч и побежал на врага. Он ждал этого момента много лет и не раз представлял себе их встречу. Торн прокручивал у себя в голове сценарий битвы, и каждый раз она заканчивалась быстрой победой хаатина. Никто не мог сравниться с ним в искусстве владения мечом, поэтому его противника ждала неминуемая смерть от руки последнего из рода, который уничтожил отряд человека с черным перстнем на пальце. Так думал Торн, а ошибался он или нет, хаатин собирался выяснить прямо сейчас.

Незнакомец плавным движением вытянул два меча из-за спины, но не торопился бежать навстречу Торну. Криволинейные лезвия волнистой формы сверкали на солнце, отражая в зеркальной поверхности его яркие лучи. Лицо незнакомца было по-прежнему скрыто под капюшоном, старательно надвинутым на голову. Человек с перстнем на пальце рассек воздух двумя огромными мечами, несколько раз прокрутив их вокруг себя, и рванулся с места. Он принял вызов, брошенный хаатином, и устремился ему навстречу.

Торн пробивался сквозь сражавшихся между собой людей,

увиливая от широких взмахов острых, как бритва, клинков. Он ни на миг не упускал из виду своего противника, потому что боялся потерять его в толпе. Хаатин должен был, во что бы то ни стало, сразиться с тем, кого он искал так долго и победить, ведь другого шанса могло и не представиться. Именно поэтому он не мог позволить, чтобы убийца его родителей сбежал с поля боя и продолжил свое существование в этом мире.

Однако, незнакомец, чье лицо так и осталось спрятанным под капюшоном, и не думал убегать. Он в несколько скачков приблизился к месту битвы.

Трое повстанцев из отряда Орина увидели надвигавшегося на них врага и кинулись ему навстречу, с занесенными над головой клинками и громкими устрашающими криками. Человек в плаще резко вытянул обе руки вперед, с зажатыми в них мечами, и вонзил их в грудь одного из повстанцев. Затем он поднял нанизанного на клинки противника над головой и перекинул его через себя. Вынув свое оружие из бездыханного тела повстанца, он развернулся и встретил удар второго противника одним из своих клинков. Другим клинком он выбил оружие из рук повстанца, оставив того беззащитным. Без каких-либо раздумий человек в черном плаще, словно большими ножницами, отрубил сопернику голову. Сделав два шага вперед, он наклонил корпус влево, пропустил мимо себя последнего противника, и вонзил с размаха свой клинок тому в спину. Он продвигался все дальше в центр событий, куда так же стремился и Торн.

Переполняемый безудержным гневом и яростью, Торн, оскалив зубы и сведя брови, продвигался к своей цели. Врагов, встречавшихся ему на пути, он убивал быстро и без особого труда. Ему было некогда играть с ними и, поэтому он бился в полную силу, чего обычно не делал в других ситуациях. Сейчас хаатина не интересовали рядовые воины, ему нужен был предводитель отряда, с которым у него были давние счеты.

Между Торном и его главным врагом оставалось каких-то двадцать футов. Они неслись друг на друга с поднятыми клинками и не замечали никого вокруг. Раздался звонкий лязг металла. Удар был такой силы, что от него полетели искры. Соперники прошли за спину друг другу и быстро развернулись. Хаатин не стал ждать ответных действий со стороны своего врага и напал первым. Он делал быстрые, едва уловимые, взмахи мечом, в надежде пробить оборону противника. Но враг был силен и ловок, и без труда отбил все атаки хаатина двумя длинными клинками. Каждый его удар незнакомец встречал плавным движением одного из своих мечей, и тем самым гасил скорость и мощь атак Торна, сводя на нет, все его попытки выбить

оружие из рук своего врага.

Отбившись, незнакомец стал быстро размахивать двумя клинками, будто у него в руках были не тяжелые стальные мечи, а деревянные пруты. Торн едва уходил от его ударов, то нагибаясь вперед, то отпрыгивая в сторону. Вдруг, незнакомец занес оба клинка над своей головой и обрушил их на хаатина с чудовищной силой. Торн блокировал удар своим мечом. У него подкосились ноги и задрожали руки. Враг прижимал его к земле и ни на миг не ослаблял хватку. Торн впервые почувствовал, как силы покидают его. Он стиснул зубы и оттолкнул от себя противника, который тут же нанес следующий удар.

Хаатин перешел в оборону и старался не упустить из виду ни один из двух смертельных клинков незнакомца. Отбиваясь от сильных ударов, Торн выжидал момент, когда враг потеряет бдительность и откроется для решающего броска. Однако, незнакомец был собран и безупречно вел бой, который хаатин пока проигрывал.

Не дождавшись своего шанса, Торн бросился вперед. Враг прижал его клинок своим и ударил с размаха по лицу рукоятью другого меча. Хаатин со скрежетом вытянул свое оружие и попытался отступить назад. Человек в черном плаще взмахнул вдогонку клинком и рассек кожаный доспех хаатина. Затем, он вплотную приблизился к своему сопернику и ударил его локтем по голове, отчего тот потерял ориентацию и попятился назад. Незнакомец тут же оттолкнул Торна от себя, и хаатин ударился спиной о большой валун, валявшийся на пути. Торн сполз на землю и выронил меч. Из его рта и носа полилась кровь, а в глазах помутнело.

Торн не мог поверить в то, что сейчас произошло. Впервые он оказался слабее своего противника. Впервые он был сбит с ног и очутился на земле во время боя. Неужели такое возможно? Неужели человек оказался сильнее и проворнее хаатина. Нет! Так не должно было случиться, но случилось. И сейчас, находясь в одном шаге от смерти, Торн винил себя в том, что не смог отомстить за свой род. Он не страшился смерти. Больше он боялся за несовершенную месть. У него был шанс, которым он не смог воспользоваться.

Незнакомец не спешил убивать Торна. Он опустил мечи и оглядел поверженного соперника.

— Неужели это тот самый мальчишка, которого я оставил в живых той ночью? — произнес человек с перстнем на пальце. — Ты немного подрос с тех пор.

— Лучше убей меня сейчас, человек, потому что иначе я все равно найду тебя! — воскликнул Торн с презрением.

Незнакомец отбросил один клинок в сторону, а другой воткнул в вымощенную камнем дорогу. Он медленно снял капюшон и показал Торну свое лицо, усеянное шрамами и длинные серебряные волосы, спускавшиеся до плеч. Это был хаатин.

Торн обомлел от увиденного и произвольно вытянул шею. Он не мог поверить своим глазам, но они его не обманывали. Перед ним стоял настоящий хаатин.

— Этого не может быть! — выдавил из себя Торн.

— Всю свою жизнь ты думал, что ты последний из своего рода, но, как видишь, это не так. Ты ненавидел людей за то, что они сделали с тобой и жаждал отомстить за отца и мать. Что ты думаешь теперь? В тебе что-то надломилось? Скажи мне!

Торн искал глазами свой меч. Он и не думал сдаваться, а вдруг открывшиеся факты еще больше подстегивали его.

— Ты предал свой народ! — Торн пытался выиграть время и отвлечь врага разговором. — Ты убил всех жителей деревни и сжег их дома.

— Всех, кроме одного. Я думал, что неуемная, всепоглощающая жажда мести сделает из тебя достойного соперника, но я ошибся. Ты так же слаб, как и твой отец! Ты разочаровал меня.

Торн собрался с силами и поднялся на ноги, вытирая кровь со своего лица. Он был так зол, что готов был голыми руками разорвать своего врага на части.

— Этого я и ждал от хаатина, — усмехнулся незнакомец и обхватил эфес рукой. — Мне не нужен второй меч, чтобы расправиться с тобой. На этот раз все произойдет быстро.

— Не будь в этом так уверен, — проговорил Торн почти по слогам.

Хаатин в черном плаще взревел и бросился на Торна, размахнувшись тяжелым клинком. Торн отпрыгнул в сторону и ушел от удара. Он поднял с земли свой меч и занес его над головой своего врага. Соперники скрестили мечи. Никто из них не хотел отступать и первым сдать свою позицию.

— Надо было убить тебя еще тогда, вместе с твоим папашей! — прохрипел хаатин в черном плаще. — Но ничего, сейчас я исправлю свою маленькую оплошность.

Торн из последних сил сдерживал натиск врага, который медленно прижимал скрещенные клинки к горлу хаатина. Торн быстро ушел в сторону и пропустил своего врага вперед, вырвавшись тем самым из его смертельных объятий. Он очень устал. Бой с противником, превосходящим его по силе, измотал Торна, но он и не думал отступать. Он был напорист и решителен

и никогда не сдавался, если на то не было веских причин. Примечательно то, что явная угроза собственной жизни таковой причиной для него не являлась.

Хаатин в черном плаще громко усмехнулся и нанес два сильных, но не точных удара, которые Торн отразил не без труда. Враг играл с ним и пытался спровоцировать Торна на необдуманную атаку, которая завершилась бы для него плачевно.

— У тебя не осталось никого в этом мире! — выкрикнул обладатель черного перстня в надежде разозлить Торна. — Ради чего ты живешь, хаатин? Что держит тебя здесь? Что заставляет тебя помогать людям — тем, которые ненавидят и презирают тебя?

— Ты! — практически шепотом выдавил из себя Торн и кинулся на врага.

Он мастерски наносил коварные удары, проводя меч за спиной, атакуя с разворота, сверху и снизу, но все было тщетно. Враг ловко парировал все выпады хаатина, как будто заранее знал, куда и как будет нанесен следующий удар. Сцепившись клинками в очередной раз, соперники вновь оказались лицом к лицу.

— Где амулет королей? — спросил хаатин в черном плаще, не ослабляя хватку. — Кто несет его на себе? Говори!

Торн скривил окровавленные губы в довольной ухмылке, чем поверг своего противника в ярость. Он оттолкнул от себя Торна и одним точным ударом выбил меч из его руки. Удар был такой силы, что хаатин не устоял на ногах и обессиленный рухнул на камни.

— Спрашиваю в последний раз! — воскликнул обладатель черного перстня и медленно приближался к своему сопернику. — Где обладатель амулета королей? Он среди вас?

Торн промолчал и пытался встать на ноги. Он искал свой меч глазами и игнорировал вопросы своего врага. Тот поднял брови и широко раскрыл глаза. Он никогда еще не видел такой сильной воли. Он понял, что ему не удастся сломить дух Торна, и что он никогда не расскажет ему об амулете, что бы с ним не делали.

— Тогда мне незачем оставлять тебя в живых, — тихо произнес хаатин.

Торн крепко сжал эфес своего клинка и поднялся на ноги. У него совсем не осталось сил, но он был готов биться до самой смерти, чем обескураживал удивленного противника, который терпеливо ждал, пока тот поднимется с земли и возьмет в руки клинок. Хоть он и был прислужником темных сил, но все же оставался в глубине души хаатином и соблюдал все правила боя. Он не нападал на безоружного соперника и не добивал его, пока

тот находился на земле. Этими правилами всю свою жизнь руководствовался и Торн, и ни разу не поступился ими.

Орин с помощью Виллема разобрался с одним из нападавших и оглядел место сражения. Габриель и Лиорид бились с человеком в черных доспехах в самом центре площади, около руин памятника Артию. Несколько повстанцев из его отряда сражались с тремя подоспевшими противниками на обломках одного из домов, который находился на улице, ведущей в замок. Остановив свой взгляд на сгорбленном и пошатывающемся силуэте Торна, Орин без промедления кинулся ему на помощь. Виллем последовал за ним. Но тут, на их пути, неизвестно откуда, появилось пять человек в черных доспехах. Они преградили путь Орину и Виллему и напали на них.

— Нам с ними не справиться! — воскликнул Орин. — Отходим назад!

Лиорид обратил внимание на то, как со стороны замка и главных ворот к ним приближались враги. Их было около дюжины, но считать их точное количество Лиорид не собирался.

— Бежим! — крикнул он во весь голос так, чтобы его было слышно всем. — Скорее за мной!

Лошади, которых путники вели за собой, разбежались сразу после начала боя, и им теперь пришлось обходиться без них.

Лиорид схватил застывшего на месте Габриеля за шиворот и буквально потащил за собой по дороге, ведущей на восток.

— Торн! Уходим! — прокричал Орин, отбиваясь от врагов.

В это время Виллем добрался до хаатина и схватил его за плечо, озираясь на его соперника, который стоял в пятнадцати футах от них и готовился к решающему броску.

— Бежим! Их становится все больше! Нам не справиться! — кричал Виллем и тянул Торна за собой.

Хаатин в черном плаще ринулся в атаку. Его не остановил тот факт, что врагов стало двое. Он размахнулся и нанес рубящий удар сверху вниз как раз в то место, где стоял Виллем, который застыл на месте от неожиданности и не успел среагировать на молниеносную атаку врага.

Торн схватил Виллема одной рукой за шиворот и резко потянул на себя. Другой рукой, сжимавшей клинок, Торн отбил атаку хаатина и отпрыгнул назад. Оглядевшись по сторонам, он подтолкнул Виллема вперед и побежал следом за ним.

— Уходим, быстрее! — кричал Торн, подгоняя Виллема. — Не оглядывайся назад!

Пробивая себе дорогу оружием, путники покинули город через восточный проход. Орин потерял всех своих воинов в этой битве, доблестно сражавшихся во имя короля и империи. Из

Орихона их вышло всего пятеро — Габриель, Лиорид, Виллем, Орин и Торн — чудом оставшийся в живых после схватки с неравносильным врагом. Если бы не Виллем, который вовремя вмешался, то неизвестно, чем бы все закончилось. Торн никогда бы не сбежал с поля боя ради спасения своей жизни. Но в данной ситуации на кону стояла не только его жизнь, но и жизнь Виллема. Поэтому нельзя судить однозначно — Торн спас жизнь Виллему или все же наоборот. У каждого на этот счет была своя точка зрения.

— Догнать их, Джадок? — спросил один из воинов в черных доспехах, обращаясь к своему предводителю.

— Нет, пусть уходят! — воскликнул хаатин, глядя вслед удавшимся врагам, которые были уже довольно далеко от города. — Они направляются в долину саргатов. Она убьет их. У них нет амулета — я не чувствую его присутствие, поэтому они нам без надобности. Собирайте отряд, отправляемся на юг!

Путики избрали для себя опасный путь, но у них не было другого выбора. До Арамунда оставалось всего несколько лиг. К вечеру этого дня они уже могли быть в городе, а вместо этого им придется пробираться сквозь смертоносную долину и сделать огромный крюк. Путешествие через саргаты должно было занять у путников не более трех дней с учетом того, что они двигались пешком. Но получится ли у них преодолеть эти опасные места за кротчайшее время и не попасть в какую-либо передрягу, покажет время.

ГЛАВА XIX На волосок от смерти

Ночь. Полная луна рассеивала тьму серебряным светом и позволяла увидеть контуры и невнятные очертания деревьев в лесу, в котором остановились на ночлег путники. Вековые гиганты, несмотря на все старания ночного светила, казались пугающими и нагоняли жути своими массивными черными стволами и длинными тяжелыми ветвями, которые нависали над головами и были похожи на огромные когтистые лапы диковинного зверя, готового в любой момент напасть на ничего не подозревавших путников.

Воздух был прохладен и свеж. Слабый, но холодный ветер гулял между деревьями и осматривал свои внушительные владения. В это время года ночи становились все длиннее и холоднее, ветры все свирепее, а дожди все чаще. Скорая осень уже сейчас давала о себе знать и понемногу перенимала бразды правления у лета.

Костер, разведенный не так давно, пылал ярким рыжим пламенем и согревал путников своим приятным теплом. В котелке, который стоял неподалеку, остывали остатки сытного ужина, приготовленного Гарольдом. В этот раз он превзошел самого себя, и обычная мясная похлебка у него получилась на удивление вкусной. Даже Айя, которая не принимала человеческую пищу, попробовала приготовленное Гарольдом блюдо и оценила его по достоинству.

Рядом с костром, укрывшись одеялом, лежал Джеймс. Он очень устал за этот тяжелый день и решил лечь спать пораньше, сразу же после ужина. Боли, периодически просыпавшиеся у него в голове, не помешали ему быстро и крепко заснуть.

Гарольд возился с костром и подкидывал в него заранее заготовленные сухие ветки, чтобы он не потух. Он думал о чем-то своем и был молчалив. За весь вечер он практически не проронил ни слова и просидел с задумчивым видом до самой ночи. Хотя, в этот вечер все были не особо разговорчивыми и старались не искать общих тем для обсуждения.

Вдруг, Айя встала со своего места и подошла к Одхану, сидевшему на прогнившем стволе упавшего от грозы дерева. Одхан поднял глаза на эльфийку, неловко улыбнулся и отодвинулся в сторону, чтобы освободить место Айе. Она присела рядом с ним и посмотрела ему в глаза.

— Я вижу страх не только в твоих глазах, но и в твоей душе, — сказала Айя, пристально глядя на Одхана. — Чего ты боишься?

Одхан отвел взгляд в сторону и ничего не ответил на вопрос, заданный эльфийкой. Он поднял с земли короткую ветку и стал вертеть ее у себя в руках. Одхан заметно нервничал и покусывал нижнюю губу от волнения, перебирая у себя в голове все возможные варианты ответа.

Айя не сводила глаз со своего немногословного собеседника и терпеливо ждала, когда тот все-таки наберется смелости и заговорит с ней.

— Не надо придумывать невнятные отговорки. Куда проще сказать правду, — произнесла Айя, так и не дождавшись ответа от Одхана. — Ведь ты ищешь оправдание не для меня, а для себя самого. Ты пытаешься принять вымысел за истину и сам хочешь поверить в это.

Одхан перестал нервно крутить в руках палку и опустил глаза. Он был поражен тем, как точно эльфийка смогла описать его внутреннее состояние, и в то же время его это пугало.

— Откуда ты знаешь? — осторожно спросил Одхан, поглядывая на Гарольда, который продолжал возиться с костром и не слышал их разговора с Айей.

— Эльфы могут читать мысли и заглядывать в душу, — ответила Айя и прижала ладонь к своей груди. — Но мы не в силах излечить ее от страданий, если ты сам того не желаешь.

— Чем ты можешь мне помочь? — повышенным тоном недоверчиво спросил Одхан. — Если ты, правда, умеешь читать мысли, то зачем задаешь мне вопросы, на которые можешь найти ответы в моей голове?

— Но сможешь ли ты найти эти ответы? Сможешь ли ты разобраться в своих мыслях и отыскать верное решение?

— Я не знаю.

— Расскажи мне, что случилось с тобой на самом деле в тот день, когда на вас напали шиниды! Что ты скрыл от нас?

Одхан глубоко вздохнул и переломил ветку, которую он крутил в руках, пополам. Ему было тяжело вспоминать о произошедших в тот день событиях, и он долго не мог собраться с мыслями и начать рассказ.

— Мы остановились на поляне недалеко от небольшого леска. Это был обычный привал, который был сделан, чтобы немного перекусить и отдохнуть с дороги. Я велел своим людям развести костры и начать готовить обед, а сам отправился в лес за сухими ветками. У нас с собой было немного хвороста, но его бы хватило ненадолго, поэтому нужны были еще дрова.

Было где-то около полудня, когда я возвращался обратно. Меня не было больше часа, потому что пришлось обойти половину леса в поисках дров. Подойдя ближе к лагерю, я

услышал странный шум. Я сразу понял, что произошло и, бросив дрова на землю, побежал на помощь своим людям. Но когда я увидел тех, с кем они сражались, то остановился и замер на месте. Я не мог пошевелиться и заставить себя выйти туда и биться вместе со всеми. Эти звери разрывали бывалых воинов на части, словно тряпичных кукол. Они не знали жалости и убивали с особой жестокостью. Этих тварей становилось все больше. Они падали с неба и превращались в людей. Они не оставили моим людям ни единого шанса.

Я стоял и наблюдал за всем происходящим со стороны, спрятавшись за деревом. Я смотрел, как умирают мои друзья и ничего не мог сделать. Я испугался! Испугался за свою жизнь. Я поймал одну из лошадей, которые разбежались во время боя и на ней ускакал подальше оттуда. Знаешь, что меня больше всего волновало? За что я переживал больше всего? За то, чтобы меня не выследили и не догнали эти гады. Одному в этих местах тяжело, поэтому я был рад вашему появлению. Я трус! Я осознаю это и понимаю, что виноват в смерти всех своих людей! Вот, что не дает мне покоя.

— Ты напрасно винишь себя, — произнесла Айя, внимательно выслушав исповедь Одхана. — Ты бы ничем не смог помочь тем людям, они были обречены. А если бы ты вмешался, то шиниды забрали бы в тот день еще одну жизнь. Это была бы бессмысленная смерть.

— Я мог погибнуть в бою, как подобает настоящему воину, а вместо этого трусливо сбежал с поля боя! Кто я после этого?

— Твой страх уберег тебя от неминуемой гибели и позволил начать жизнь с чистого листа. У тебя появился шанс переписать его так, как тебе бы этого хотелось, и исправить в нем все свои ошибки. Так воспользуйся же этим шансом! Поступай так, как считаешь нужным и правильным. Слушай свое сердце и пусть твои намерения будут чисты!

Айя покинула Одхана, оставив его наедине со своими мыслями, и направилась на свое прежнее место.

— Айя! — вдруг, окликнул ее Одхан. — Спасибо!

Эльфийка улыбнулась и слегка качнула головой. Проходя мимо Гарольда, она поймала на себе его вопросительный взгляд и быстро отвела глаза в сторону.

Гарольд не собирался выяснять у Айи или Одхана суть разговора. Он примерно представлял себе, о чем беседовали его спутники и не хотел слышать подробности. Сейчас его больше волновали чудовища, скрывавшиеся от дневного света в пещерах и выходившие из нее ночью на охоту. Их леденящего кровь воя не было слышно уже несколько ночей и это показалось Гарольду

довольно странным явлением. Куда подевались страшные жители глубоких пещер? Что заставило их уйти со своих территорий?

— Слишком тихо, — произнес Гарольд в полголоса. — Не слышно ни зверей, ни тех, за кем они охотятся. Не к добру это.

— Я не чувствую здесь их присутствие, — сказала Айя, вглядываясь в кромешную тьму густого леса. — Они ушли из этих мест.

— Но что заставило их это сделать?

— Или кто…

Вдруг, Джеймс неожиданно дернулся и начал бормотать что-то непонятное себе под нос, отмахиваясь во сне руками от невидимого противника.

— Ему все еще сняться кошмары? — спросил Гарольд, указывая на странные телодвижения мальчика.

— Да. Он пока не в силах совладать с тьмой, и она терзает его во сне, — ответила Айя. — Я не знаю, как долго Джеймс еще сможет сопротивляться, но его сны становятся все реальнее и ужаснее. Они разрушают его изнутри, но Джеймс может с этим бороться до тех пор, пока Артазар не вернет себе свою силу.

— И что будет тогда? Что будет, когда Артазар полностью восстановиться?

— Он убьет Джеймса! Убьет его во сне.

— Как это возможно?

— Артазар имеет с амулетом королей особую связь, так же, как и Джеймс. Он может воздействовать на мальчика через амулет, но пока только мысленно. С каждым разом это воздействие будет становиться сильнее, пока не убьет носителя амулета.

— Я думаю, что Джеймсу не нужно об этом знать. Ни к чему ему лишние волнения. Он итак едва на ногах стоит от усталости.

В это время, Джеймс успокоился и перевернулся на другой бок, поближе к огню. В это раз кошмарный сон не заставил его внезапно проснуться в холодном поту, а благополучно закончился или сменился на другой, более радужный сон. Быть может, Джеймс, сам того не замечая, воспользовался советом Айи и подумал о чем-то светлом и добром? Может быть, радостные воспоминания прогнали ночной кошмар, как солнечный свет полночную тьму? Так или иначе, но этого мы с вами никогда не узнаем.

Одхан сполз со ствола дерева, на котором просидел весь вечер, на землю. Он прислонился к бревну спиной, откинул голову назад и закрыл глаза. Он долго не мог заснуть и размышлял над словами, сказанными Айей. Снова и снова, Одхан крутил их у себя в голове и пытался вникнуть в их смысл.

— О чем вы с ним говорили? — спросил Гарольд, глядя на спящего Одхана.

— Он не может разобраться в себе, ему нужна помощь, — ответила Айя. — Он рассказал мне, что действительно случилось в тот день, когда на них напали и почему только он остался в живых из всего отряда.

— Я это итак знаю, — тихо произнес Гарольд. — Он сбежал. Бросил своих людей на произвол судьбы, на верную смерть, а сам сбежал. Он трус и не надо читать его мысли, чтобы понять это!

— Он не смог бы ничем им помочь.

— Почему ты защищаешь его? — удивленно спросил Гарольд и перевел взгляд на Айю.

— Я стараюсь увидеть в людях хоть что-то хорошее. Что угодно — малейшую искру, тончайший проблеск или светлую душу. Я не ищу темные стороны, потому что они есть у каждого, а вот светлые бывают не у всех. У Одхана есть светлая сторона, дорогу к которой ему нужно было показать. Он сам дойдет до нее, но на это потребуется время.

— Эльфы не перестают меня удивлять, с каждой минутой преподнося все новые сюрпризы! — воскликнул Гарольд и улыбнулся. — У тебя большое и доброе сердце, Айя. Надеюсь, в нем никогда не поселится боль и разочарование.

Утром путники позавтракали остатками ужина и продолжили свое путешествие в Фарас. Одхан вел группу и показывал дорогу, так как знал эти места лучше, чем Гарольд, который нехотя доверился малознакомому проводнику. У него не было другого выбора, потому что Гарольд никогда не бывал здесь и не ходил этим маршрутом. Путь, которым он вел своих спутников к Великому разделу, был гораздо длиннее, чем тот, который показывал Одхан.

— Ближе к вечеру мы должны будем добраться до Урдана! — воскликнул Одхан, указывая правой рукой на высокий холм, который был едва виден из-за густого утреннего тумана, окутавшего окрестности. — Он там, прямо за холмом!

Слова Одхана немного успокоили Гарольда. Дорога до города была ему не знакома, но путь от Урдана до границы Элонии был ему хорошо известен.

— Вперед! — закричал Гарольд и рванул с места. — Не отставайте!

Путники продвигались по руслу пересохшей реки Исморы, бывшей когда-то бурной и полноводной. Река брала свое начало высоко в горах, на западе Элонии и протекала почти через всю страну, будто разрезая ее на две неравные части. Ее илистое дно до сих пор было кое-где покрыто небольшими озерцами,

напоминавшими истинное происхождение лощины, по которой двигались путники.

Лошади вязли копытами в мокром грунте и шли вперед с большим трудом. Для них это было тяжелое испытание, потому что зыбкая почва, которой было устлано речное дно, не кончалась до самого выезда из русла реки.

Туман вскоре рассеялся, а на небо быстро набежали серые тучи.

«Неужели, опять будет дождь?»- подумал Джеймс, глядя на небо.

Джеймсу очень не хотелось быть вновь застигнутым непогодой. Спрятаться от холодного дождя и пронизывающего ветра было негде, поэтому путникам пришлось бы испытать весь природный гнев на себе.

К полудню путники, наконец, миновали пересохшую реку Исмору и вышли на равнинную местность, изобиловавшую зелеными лугами, ветвистыми кустарниками и небольшими по размеру лесками. Холм, служивший главным ориентиром в сегодняшнем путешествии, оказался слева от путников. Им осталось только обогнуть его, а там и до Урдана было рукой подать.

— Мы почти на месте, — произнес Одхан. — Осталось немного. Урдан уже совсем рядом, но я не думаю, что стоит туда соваться!

— Мы и не собирались, — сказал Гарольд. — Мы не будем заходить в город, а остановимся в деревне неподалеку от него.

— Это оно? — спросил Джеймс, устремив свой взгляд на далекие заснеженные вершины гор, покрытые прозрачной дымкой и окутанные мраком. — Это и есть тот самый Великий раздел?

— Ангурские горы, — произнесла Айя. — Величественные, непокоренные, непроходимые, защищающие страну людей от врагов со всех сторон, горы.

— Через два дня мы будем у их подножия, — сказал Гарольд, поглядывая на Одхана. — Эти горы таят в себе немало опасностей. Многие из тех, кто пытался перебраться через них, оставили там свои жизни.

Гарольд прибавил ход и поскакал вперед, пытаясь догнать оторвавшегося от них Одхана, оставив Джеймса и Айю, которые не торопились пускаться в галоп, позади.

— То, что сказал Гарольд, правда? — спросил Джеймс. — Эти горы, правда, так опасны, как о них говорят?

— Нет, — ответила Айя, пытаясь успокоить Джеймса. — Они опасны, но не более чем любые другие горы. Гарольд просто хотел напугать тебя, чтобы ты был осторожнее и смотрел в оба.

Но об Ангурских горах сложено немало легенд, которые превратились в мифы и разошлись по миру в виде сказок для детей, потому что некоторые из них были настолько удивительны, что поверить в них было крайне сложно.

У Джеймса заблестели глаза от услышанного. Ему было крайне интересно узнать какую-нибудь невероятную историю, которая произошла много лет назад и успела стать легендой. Слова Гарольда вылетели из головы Джеймса, и сейчас он был полностью сосредоточен на рассказе Айи, которая этого и добивалась, пытаясь отвлечь мальчика от тревожных мыслей.

— Расскажи мне какую-нибудь легенду! — попросил Джеймс.

— Их очень много и за столько лет они успели обрасти совершенно необъяснимыми подробностями, которые добавлял каждый рассказчик, преподнося каждую историю по-своему. Некоторые придумывали легенды и выдавали их за правду, извлекая из этого свою выгоду. Сейчас уже трудно разобрать, какие из этих историй вымысел, а какие происходили на самом деле, поэтому я, пожалуй, воздержусь от рассказа, и не буду забивать твою голову небылицами.

— Ну, пожалуйста! — жалобно попросил Джеймс. — Расскажи хотя бы одну!

— Хорошо, — ответила Айя и улыбнулась. — Но только одну!

— Больше и не нужно! — довольно проговорил Джеймс.

— Это очень древняя легенда, — начала свой рассказ Айя, поглядывая на Гарольда и Одхана, которые уже сильно оторвались вперед, чтобы не потерять их из виду. — Она древнее людского рода и берет свое начало десятки тысячелетий назад, когда Великие драконы властвовали повсюду, а эльфы только обосновались на своих землях.

В те времена, когда Элонии еще не существовало, на западных склонах Ангурских гор располагался монастырь, в котором обучали могущественных магов их таинственному мастерству. Верховные маги, наделившие амулет королей невероятной силой, обучались в том монастыре, но гораздо позже, когда люди уже пришли в эти земли.

Так вот, для некоторых очень сильных заклятий маги использовали внутренние органы драконов. Особенно ценилось сердце.

— Они охотились на драконов? — перебил Джеймс.

— Нет, — продолжила Айя. — Маги не убивали драконов. Они находили павших от чужих рук либо от собственной небрежности особей и брали у них то, что им было нужно.

Маг по имени Котир был одним из лучших учеников в монастыре. Он был упорным и трудолюбивым. За его старания

ему был открыт доступ к священным писаниям, в которых, после многих бессонных ночей, Котир нашел то, что искал. Могущественное заклятие, дарующее заклинателю неиссякаемую невероятную силу. Но для того, чтобы провести магический ритуал, нужен был один ингредиент — сердце белого дракона.

— Белого дракона? Разве они существуют?

— Это лишь легенда, но я убеждена, что белые драконы жили когда-то в нашем мире.

— Что было дальше?

— Котир вознамерился завладеть сердцем белого дракона любой ценой. Он был одержим этой идеей и, несмотря на запреты своих учителей, отправился на поиски дракона, обитавшего на севере Ангурских гор. Много дней Котир боролся со снежными бурями и злыми холодами, поднимаясь все выше в горы. И вот, когда до вершины оставалось несколько сотен футов, Котир рухнул на снег без сознания, отдав все силы на невероятно трудный подъем. Он был на волосок от смерти, и она непременно бы забрала его, если бы не…

— Если бы что?

— Когда Котир открыл глаза, он увидел ясное голубое небо над головой и огромного белого дракона, закрывавшего его своим широким крылом от ветра. Дракон принес окоченевшее тело мага на вершину горы и отогрел, вернув того к жизни. Котир был в неоплатном долгу перед своим спасителем. Он позабыл о том, зачем проделал столь долгий и опасный путь, о том, что хотел вырвать сердце дракона из груди. Дракон полностью изменил Котира изнутри, рассеял тьму в его душе и растопил ледяное сердце. Они стали неразлучными друзьями и понимали друг друга с полуслова.

— Друзьями? С драконом?

— Драконы очень умны и мудры, а белоснежный дракон был намного умнее остальных своих собратьев. Он показал Котиру волшебное место в горах, о котором никто не знал. Посреди заснеженных вершин взору мага открылся удивительный вид — зеленые луга с высокими деревьями и прозрачные озера с теплой водой расстилались высоко в горах и скрывались от глаз случайных путников.

Котир решил остаться в этом чудесном месте навсегда и защитил его магическим барьером, который до сих пор охраняет покой дракона с белоснежной чешуей и мага, избравшего свой путь. Легенда гласит, что волшебное место подарило и магу и его дракону вечную жизнь и что некоторые люди, отважившиеся отправиться в горы, видели огромную тень белого дракона, кружившего над туманной вершиной.

— Красивая и добрая легенда.

— Это легенда моего народа. Легенды эльфов отличаются от людских. В них нет рек крови и прославления жестоких правителей.

— Почему эльфы так не любят людей?

— Мы уже сильно отстали от остальных! Нам надо поднажать! — воскликнула Айя, уйдя от ответа на вопрос Джеймса. Это была трудная и спорная тема для разговора и Айя не хотела ее снова затрагивать.

Путники огибали высокий холм, минуя небольшие ручьи и пролески, которых в этих местах было предостаточно. Через час они взошли на возвышенность, откуда открывался вид на Урдан, темным пятном разбросанный на юго-западе, и ту самую деревушку, в которой планировали остановиться на ночлег путники.

Маленькие деревянные домики сверху были похожи на игрушечные. Будто вылепленные из пластилина, тридцать небольших домов располагались близко друг к другу в произвольном порядке. По здешним меркам эта деревня была средних размеров, но на ее улицах не было видно никого из жителей.

— Что-то здесь не так, — прошептал Гарольд, разглядывая деревню с холма. — Куда подевались все жители?

— И дыма из труб не видно, — поддержал Одхан.

— У нас нет другого пути! — воскликнул Гарольд. — Пойдем через деревню. Лошадям нужна еда, да и нам бы не помешал хороший отдых.

— Не лучше ли нам пройти мимо и отправиться дальше к перевалу? — спросил Одхан. — Зачем рисковать?

— Ты хочешь отправиться туда пешком? — возразил Гарольд. — Лошади устали, они не ели несколько дней. Возможно, жители отправились в поле и вернуться ближе к вечеру, поэтому нам не стоит паниковать без причины.

— У них наверняка есть еда и теплая постель! — воскликнул Джеймс. — Я ужасно голоден, давайте поторопимся!

Путники спустились с возвышенности и вошли в деревню. Они остановились у крайнего дома и спешились.

— Есть кто-нибудь? — выкрикнул Гарольд в надежде увидеть хозяина маленькой лачуги, но ему никто не ответил.

Тогда Одхан поднялся на крыльцо и громко постучал в дверь. На стук никто не отозвался. Он подождал немного, а, затем, легонько толкнул дверь вперед и та со скрипом отворилась.

— Здесь есть кто-нибудь? — повторил вопрос Одхан. — Нам нужен хозяин дома! Эй!

Одхану никто не ответил, и он осторожно зашел в дом, осматривая каждый угол. В доме было всего две комнаты, которые были пусты. Большой сундук, находившийся в одной из них, был открыт и завален набок. Тут же валялись деревянные табуреты и некоторые предметы посуды. На обеденном столе дымили обгоревшие свечи, а в камине остывали недавно пылавшие угли. Людей в доме не было и все говорило о том, что они в большой спешке покидали свое жилище. Одхан вышел на улицу, где его ждали спутники, и сказал:

— В доме никого нет. Люди ушли совсем недавно, и, судя по оставленным вещам и брошенным предметам, они куда-то очень спешили.

Гарольд выслушал Одхана и перевел взгляд на одиноко стоявшие домики, пытаясь разглядеть в них что-нибудь необычное. Он внимательно осмотрел окрестности, но не увидел ничего подозрительного.

— Надо осмотреться, — произнес Гарольд, поглаживая свою лошадь. — Айя, останься здесь и присмотри за лошадьми, а мы дойдем до конца деревни и попробуем отыскать хотя бы одного ее жителя.

— Хорошо, — согласилась Айя. — Будьте осторожны!

Привязав лошадей к ограждению, которым был обнесен дом, Гарольд, Одхан и Джеймс отправились на поиски местных жителей, неторопливо шагая между маленькими аккуратными домиками.

Через несколько минут они вышли на широкую улицу, которая уходила до конца деревни. По ее обеим сторонам были разбросаны не похожие друг на друга ветхие лачуги. У одной из них на растянутых веревках сушилось несколько лоскутов бычьей кожи. Прямо напротив, расположилась кузница, с огромной наковальней перед входом и различным инструментом, висевшим на забитых в стену дома гвоздях. В ведре с холодной водой стояла стальная заготовка для меча, которую не успели доковать.

Создавалось такое впечатление, что вот-вот из дома выйдет кузнец, который забыл что-то и вернулся на мгновение, и продолжит работу. Но никто не появился. Население деревни как будто исчезло, не успев закончить начатые дела.

— Куда все подевались? — спросил Джеймс, удивленно разглядывая пустующие дома.

— Тихо! — воскликнул Гарольд и остановился. — Вы это слышали? Какой-то шум впереди.

Все трое замерли на месте. Они пытались определить, откуда доносился этот шум, но он тут же прекратился.

— Я ничего не слышу, — произнес Одхан. — Может быть,

тебе показалось?

— Нет, — отрезал Гарольд. — Идите за мной и старайтесь не шуметь.

Гарольд медленно продвигался к краю деревни, к предпоследнему дому слева от него. Он был уверен, что именно оттуда доносились те странные звуки, которые он слышал. Положив левую руку на эфес своего меча, он крепко сжал его и чуть наклонил вперед, чтобы удобнее было выхватывать меч, в случае неожиданного нападения. Гарольд ступал по земле почти бесшумно и был похож на хищника в момент броска на свою жертву. Его взгляд был устремлен только на тот одноэтажный, маленький, деревянный домик, из которого доносился шум.

Джеймс и Одхан вертели головами по сторонам и не понимали, что привлекло Гарольда, и зачем он крался к тому злополучному дому на самом краю улицы.

— Ты что-то видишь? — спросил его Одхан шепотом.

Гарольд ничего не ответил и продолжал пробираться в заданном направлении. Вдруг, из-за того самого дома, куда направлялся Гарольд и его спутники, вышел огромный зверь. Он медленно переступал тяжелыми массивными лапами по земле, пока не добрался до середины улицы, преградив дорогу ошарашенным путникам. Фыркая и рыча, зверь повернул свою голову и уставился на Гарольда, который застыл на месте и не шевелился.

Зверь передвигался на четырех лапах и мог развить большую скорость в считанные секунды. Убегать не было смысла, но вступать в бой с чудовищем, высотой более шести футов, считалось просто самоубийством.

Зверь, заметив добычу, развернулся и оскалил острые, как бритва, клыки и прижал широкие короткие уши. Его серая густая шерсть стояла дыбом и предупреждала о скором нападении. Издав протяжный рев, он медленно пошагал навстречу Гарольду и его спутникам, стоявшим позади него. Сильные длинные лапы, острые когти и зубы, а также мускулистое тело делало из этого чудовища идеального убийцу. И сейчас он собирался разорвать свою добычу на куски, и только смерть могла остановить его.

Гарольд осторожно попятился назад, не отводя глаз от приближавшегося зверя. Он медленно и аккуратно, не делая резких движений, достал из ножен свой меч, что явно не понравилось зверю, судя по его истошному рыку.

— Одхан, мне нужна твоя помощь! — не оборачиваясь, произнес Гарольд. — Вместе мы справимся с этой тварью!

Но Одхан не ответил. Гарольд окликнул его еще раз, но безрезультатно. Тогда он обернулся и увидел, что Одхана нигде

не было.

— Куда он подевался? — спросил Гарольд, обращаясь к Джеймсу, который от страха не мог двинуться с места.

— Я не знаю, — выдавил из себя тот. — Он только что был здесь.

Гарольд все сразу понял. Одхан снова сбежал и оставил их наедине с чудовищем. Он вновь бросил своих спутников на верную смерть и ушел, спасая свою собственную жизнь.

— Джеймс, послушай меня, — сказал Гарольд и снова сосредоточил все внимание на звере. — Я отвлеку его, а ты беги к Айе. Берите лошадей и как можно скорее скачите на юг!

— Нет, я не пойду без тебя! — воскликнул Джеймс.

— Со мной все будет хорошо! Я догоню вас, как только разделаюсь с ним. Не теряй время, беги! Беги и не оглядывайся!

Слова Гарольда звучали настолько убедительно, что Джеймс ни на секунду не сомневался в том, что Гарольд быстро разделается с чудовищем и догонит их с Айей. Он кивнул головой и попятился назад, спотыкаясь об кочки. Джеймс боялся поворачиваться к зверю спиной и не мог заставить себя бежать со всех ног, как велел ему Гарольд.

— Джеймс, беги! Ну же! — кричал Гарольд, глядя на зверя, который переключил свое внимание на мальчика. Он уже не замечал человека с острым клинком, стоявшего у него на пути, и сосредоточился на Джеймсе.

Наконец, Джеймс рванул с места и устремился к тому дому, где ждала их Айя. Гарольд, крепко сжимая меч двумя руками, подался вперед, навстречу озлобленному чудовищу. Зверь ударил Гарольда головой и оттолкнул его в сторону, сбив с ног. От сильного удара он влетел в стену одного из домов и рухнул на землю.

Чудовище в несколько больших скачков догнало Джеймса и преградило ему путь. От неожиданности Джеймс упал на землю и, отталкиваясь от нее ногами, попытался отпрянуть назад. Он был на волосок от смерти. Джеймс испуганно смотрел зверю прямо в глаза и пытался угадать его следующий шаг. Что ему делать дальше? Бежать или все же попробовать увернуться от броска?

Зверь не торопился нападать на свою жертву. Ему хватило бы одного прыжка, чтобы достать Джеймса и разорвать его на куски, но он не спешил. Обнажив свои острые зубы, зверь издал громкий пугающий рык, от которого у мальчика по телу пробежала мелкая дрожь.

Вдруг, Джеймс сорвался с места и побежал к ближайшей лачуге. Он не оглядывался и бежал изо всех сил, помогая себе

руками. Когда до двери оставалось всего несколько футов, Джеймс споткнулся и кубарем покатился по земле, разбивая локти и колени в кровь. Упав на живот, мальчик тут же поднялся и, не обращая внимания на боль, побежал дальше.

Зверь взревел и погнался за Джеймсом. Он быстро нагнал его и совершил решающий прыжок, выпустив вперед свои огромные когтистые лапы. Но Джеймс успел забежать в дом и закрыть за собой дверь перед самым носом у разъяренного чудовища. После нескольких неудачных попыток вторгнуться в жилище через закрытую дверь, зверь запрыгнул на крышу.

Деревянные доски, застеленные соломой и хворостом, не выдержали большой вес зверя, и он с треском провалился в дом, где прятался Джеймс. Чудовище свалилось прямо в центр комнаты, преградив собой спасительный выход.

Пока зверь приходил в себя, Джеймс быстро и осторожно обошел его слева и полез через открытое окно на улицу. Как только он вылез наружу, в окне показалась оскаленная пасть кровожадного чудовища, клацая острыми зубами и роняя избытки слюны на землю.

Джеймс вскочил на ноги и выбежал на дорогу, оставив чудовище запертым в ловушке. Но зверь и не думал сдаваться. Он с разбегу кидался на дверь и пытался выбить ее. С третьего раза у него получилось и он, словно подгоняемый плетьми, выскочил из дома и направился к Джеймсу.

Мальчик растерянно стоял на месте и смотрел в глаза зверю. Он понимал, что нужно было убегать и как можно скорее, но ноги не слушались его. Старые раны давали о себе знать чудовищной головной болью. Джеймс наклонился и оперся руками от усталости на содранные в кровь колени. Он не мог дать отпор быстрому и сильному чудовищу, как и не мог убежать от него. Неужели это был конец? Неужели весь проделанный Джеймсом путь оборвется сейчас? Неужели он больше никогда не увидит своих родителей? Джеймс не желал мириться с такой судьбой. Он выпрямился и приготовился к нападению, достав свой длинный нож и выставив его перед собой.

Зверь замотал головой, отряхивая с себя остатки соломы. Он неторопливо шагнул навстречу Джеймсу, который продолжал угрожать ему ножом. При виде клинка зверь насторожился и недовольно фыркнул.

Джеймс отпрянул назад.

«Только бы не споткнуться и не упасть!»- подумал Джеймс, не отводя взгляд от зверя. «Он только этого и ждет, нельзя облегчать ему задачу!»

Зверь приготовился к броску. Он остановился и прижался к

земле, чтобы в подходящий момент броситься на свою жертву и убить ее одним точным ударом.

Вдруг, неизвестно откуда появился Гарольд и заслонил собой Джеймса. В руках он сжимал длинный и острый меч.

— Отойди подальше, — сказал Гарольд.

Зверь растерялся при виде Гарольда и вытянулся во весь рост, издав при этом громкий протяжный рык. Он был недоволен его появлением, но отступать не стал и вновь приготовился к прыжку. Хищник снова прижался к земле и кинулся на свою добычу, выпустив когти.

Гарольд взмахнул мечом и отпрыгнул в сторону.

Хищник приземлился на все свои четыре лапы и быстро развернулся. На землю тонкой струйкой побежала алая кровь. Гарольд ранил зверя, но тот этого даже не почувствовал.

Хищник вновь бросился в атаку, оскалив острые зубы. Гарольд попытался увернуться, но не успел. Хищник ударил его своим плечом и отбросил назад. Затем, он остановился и начал крутить головой в поисках Джеймса, который уже успел спрятаться за стену дома. Не найдя мальчика, хищник взвыл и начал продвигаться к Гарольду.

Тот все еще лежал на земле и пытался подняться на ноги. Меч лежал в нескольких футах от него. Гарольд был безоружен. Хищник заметил это и кинулся на свою жертву. Гарольд успел поднять клинок с земли и выставить его перед собой. В эту же секунду зверь навалился на Гарольда, и они оба рухнули вниз.

Джеймс не выдержал и выбежал из своего укрытия на помощь. Он держал в руке нож и был готов пронзить им зверя, набросившегося на Гарольда. Он подошел поближе и увидел бездыханную тушу кровожадного хищника, который лежал без движения. Из его головы виднелось острие клинка Гарольда, и сочилась кровь.

— Гарольд, ты жив? — спросил Джеймс и обошел поверженного зверя вокруг.

Вдруг, из-под тяжелой лапы хищника выполз Гарольд. Он поднялся на ноги и повернул сапогом голову зверя. Вынув свой меч из его горла, он вытер залитое кровью лезвие об серую шкуру убитого им чудовища.

— Ты не ранен? — спросил Гарольд у Джеймса.

— Нет, со мной все в порядке, — ответил тот.

— А как же это? — спросил Гарольд, указывая на разодранные колени и локти мальчика.

— Это ерунда, просто царапины! Ловко ты с ним разделался! — воскликнул Джеймс. — Ты не возьмешь его клыки в качестве трофея? Я видел, как Торн делал это, жуткое зрелище!

— Я не охотник за трофеями, и это не мы напали на этого зверя, а он на нас. Нам очень повезло. Мы чудом остались живы! Пойдем, нужно выбираться отсюда.

Гарольд и Джеймс вернулись обратно к тому месту, где они оставили Айю и лошадей и рассказали ей все, что с ними произошло.

— Куда подевался Одхан? — спросила Айя, выслушав рассказ Джеймса.

— Он сбежал, — мрачным тоном ответил Гарольд. — Он оставил нас на съедение хищнику, а сам ушел. Я говорил, что его ничто не способно изменить! Он трус, и его ничего не волнует, кроме собственной шкуры! Пускай забьется в самый темный угол и сидит там, потому что если я его еще раз увижу, то он убежать не успеет!

— Ты зол, я понимаю, — попыталась успокоить его Айя. — Ты смотрел в глаза смерти, но она не забрала тебя.

— Да, в этот раз у нее не получилось.

— Пойми, человек не всегда может справиться со своими пороками и страхами. Одхану нужно время, чтобы перебороть себя. Он не хотел предавать, я чувствую это!

— Сейчас меня кое-что тревожит гораздо больше, чем трусость Одхана, — сказал Гарольд и взглянул на небо. — Видите? Солнце еще не село. Но ведь эти твари показываются только ночью! Они вылезают из своих нор только, когда зайдет солнце. Откуда этот зверь здесь взялся? Посреди жилых домов, недалеко от Урдана, где этих тварей отродясь не было!

— Я не почувствовала присутствие здесь этого зверя, — сказала Айя. — Без магии здесь не обошлось, темной, могущественной магии.

— Кто-то призвал этих тварей, но зачем, с какой целью? — рассуждал Гарольд.

— Такое под силу только Артазару! — воскликнула Айя.

Вдруг, Гарольд заметил, как в доме, напротив, у окна скользнула едва заметная тень и растворилась где-то за его стенами.

— В этом доме кто-то есть, — тихо произнес Гарольд, чтобы не спугнуть незнакомца.

Он незаметно подкрался к дому с обнаженным клинком в руке. Длинное лезвие имело красноватый оттенок от запекшейся на нем крови, которое Гарольд не успел тщательно почистить после схватки со зверем. Он был очень измотан и слаб и еще один такой поединок с сильным противником Гарольд бы не выдержал. Он надеялся, что тень, которую он заметил, ему просто показалась, но неожиданный громкий звук падающего табурета

развеял все сомнения.

Гарольд вынес входную дверь ударом ноги и заскочил в дом, угрожая его обитателям острым клинком. После нападения ночного хищника средь бела дня, посреди деревни, Гарольд был готов встретить за дверью кого угодно, но перед ним, вдруг, предстал дряхлый старичок в обносках с седой головой.

Старик стоял посреди комнаты. От страха перед Гарольдом он отвернул голову в сторону и закрыл глаза. Худощавый невысокий хозяин дома уже приготовился принять смерть от руки неизвестного воина, но Гарольд опустил меч и сказал:

— Не бойся, я не причиню тебе вреда!

Старик сначала приоткрыл один глаз и посмотрел на Гарольда. Убедившись, что ему ничто не угрожало, он успокоился и даже обрадовался появлению незнакомого человека. Вместе с Гарольдом старик вышел из своего дома на улицу, где стояли Джеймс и Айя.

— Вы не представляете, как я рад вас видеть! — обрадовано воскликнул старик. — Я уж было подумал, что это опять те клыкастые твари рыщут в поисках добычи.

— Что здесь произошло? — спросил Гарольд. — Куда подевались все жители?

— Те, кто мог ходить, ушли. Тех, кто не успел — съели.

— Когда они пришли? Сколько их было? — спросила Айя.

— Они пришли прошлым утром. Пронеслись по деревне как ветер. Мой кузен в тот день пораньше отправился в поле, чтобы к полудню успеть переделать все запланированные дела и отвезти урожай в город. Он то и сообщил нам о приближавшейся беде. Прибежал, будто обухом ударенный. Рассказывал про толпы невиданных чудищ. Говорил, что они бегут в нашу сторону, да только никто ему толком и не поверил. Подумали, что спятил на старости лет. Ведь отродясь этих зверей в наших краях не бывало! А когда сами разглядели их, то было уже слишком поздно. Люди в спешке собрали свои пожитки и направились в город. Надеялись, что их примут там с распростертыми объятиями. Правитель Урдана впустил людей и велел следом закрыть ворота. Теперь войти в город или выйти из него можно только по специальному разрешению.

— Нам не надо в город, мы здесь проездом, — произнес Гарольд.

— Хорошо, а то я, было, подумал, что вы в Урдан направляетесь. Ах да, я же не договорил. Тварей было две дюжины, может чуть больше. Они быстро пересекли деревню и отправились дальше. Всего несколько особей отбились от своей стаи и преследовали группу людей, направлявшихся в Урдан. У

тех несчастных не было шансов на спасение. Звери обглодали их кости и пустились догонять остальных. А та тварь, с которой вы только что разделались уже второй день здесь ошивалась, видимо, что-то почуяла.

— Больше загадок, чем ответов, — произнес Гарольд, который слушал рассказ старика с задумчивым видом.

— А почему Вы не ушли вместе с остальными? — спросил Джеймс.

— Я всю жизнь прожил в этой деревне, куда я пойду? Здесь мой дом, да и стар я уже для странствий! А смерти я не страшусь, пожил уже.

— Мы хотели остановиться где-нибудь на ночь, — сказал Гарольд.

— Так выбирайте любой дом и ночуйте сколько хотите! Их хозяева вернутся не скоро, если вернутся.

— Спасибо за помощь! — сказала Айя.

— Это вам спасибо! — ответил старик. — Если бы не вы, то эта тварь рано или поздно учуяла бы меня.

Путники попрощались с единственным жителем деревни и направились на поиски подходящей лачуги для ночлега. Они выбрали хижину на самом краю деревни, чтобы в случае чего быстро и незаметно покинуть ее.

В доме было две комнаты, разделенные между собой тонкой перегородкой с широким проемом без двери. В одной из них стояла деревянная двуспальная кровать и две небольших детских кроватки с резными спинками. Кровати были застелены и накрыты серыми длинными покрывалами.

В другой комнате находился круглый стол с резными ножками, несколько табуретов с крышками причудливых форм, камин, шкаф для посуды и дубовый комод. На шкафу, столе и комоде стояли подсвечники со слегка проплавленными восковыми свечами.

Гарольд накормил лошадей овсом, припасенным хозяином дома, принес со двора охапку дров, бросил их на пол и принялся разжигать камин. Для этого он достал из мешка два камня средней величины и стал высекать искру с их помощью.

Джеймс неожиданно вспомнил, глядя на попытки Гарольда развести огонь, что Торн в свое время дал ему кубик из спрессованного волшебного порошка. Джеймс пошарил в карманах своих штанов и достал из них тот самый предмет. Он хотел предложить Гарольду им воспользоваться, но в последний момент передумал. Гарольд все равно бы развел огонь и без помощи волшебного предмета, а использовать полезный подарок Торна впустую Джеймс не хотел. Кто знал, какое испытание

может подвернуться им на пути. А, вдруг, когда-нибудь им нужно будет быстро развести огонь, а сделать это будет совершенно нечем! Вот тогда то и пригодится чудесный кубик, а сейчас можно было обойтись и без него. И Джеймс с чистой совестью убрал вещицу обратно в карман.

Тем временем, камин уже пылал ярким пламенем и рассеивал тишину легким потрескиванием поленьев. Комната озарилась бледным светом, а от предметов поползли длинные тени.

Айя взяла из камина горящую ветку и зажгла ей все свечи в доме. Затем, она подошла к окну и взглянула на небо, на котором уже вовсю хозяйничала полная луна.

Путники поужинали приготовленным на очаге супом из овощей и уже собирались ложиться спать, как услышали где-то вдалеке протяжный одинокий вой зверя, похожего на того, с кем Гарольд боролся совсем недавно. За ним последовал еще один, потом еще и еще. Через мгновение ночное спокойствие разрушил непрекращающийся ни на секунду истошный вой, который издавали десятки хищных особей. Этот леденящий кровь звук заставлял вздрагивать всех, кто слышал его и испуганно вглядываться в ночную пустоту.

Услышав страшный вой диких зверей, Гарольд немедленно потушил очаг и свечи. В доме стало темно и жутко.

— Нельзя рисковать, они могут вернуться! — произнес Гарольд. — По словам старика, эти твари должны быть уже далеко отсюда, но осторожность все же не помешает.

— Их вой кажется таким близким, — дрожащим голосом прошептал Джеймс. — Как будто они находятся совсем рядом с нами.

— Горы неподалеку, поэтому любой писк слышно на много лиг вокруг, — объяснил Гарольд.

Но Джеймсу этого объяснения было недостаточно. Он испуганно смотрел в окно и, казалось, что он ждал, когда в него запрыгнет громадное чудовище и накинется на него. От страха у Джеймса дрожали руки, и когда раздался дикий рев, заглушавший все остальные звуки, он вскочил со стула, на котором сидел и вытянул шею, прислушиваясь к странному звуку.

— Что это было? — спросил Джеймс встревожено.

— Не знаю, — ответил Гарольд. — Такого я еще не слышал. Возможно, это вожак стаи.

— Вожак? — переспросил Джеймс, сразу представив себе громадное чудовище с огромной головой и длинными острыми зубами в несколько рядов.

— Да, про эту тварь ходит много слухов, но какие из них

правдивы неизвестно. Никто не видел этого зверя, а кто видел уже никогда и ничего никому не расскажет. Говорят, что у него две головы и толстая кожа, об которую даже острые эльфийские клинки гнутся, как деревья на ветру. А еще говорят, что этот зверь не чувствует боли и что он полностью бескровен. Но это всего лишь болтовня пьяниц из придорожных таверн.

Слова Гарольда еще больше испугали Джеймса, который итак был напуган. Он с ужасом слушал истошный вой диких зверей и даже закрыл уши на какое-то время, чтобы избавиться от него хотя бы ненадолго.

— Джеймс, помнишь, я рассказывала тебе легенду о белоснежном драконе? — спросила Айя, пытаясь отвлечь напуганного мальчика.

— Помню, — сказал Джеймс.

— Хочешь, я расскажу тебе еще одну? Она поведает тебе о Великом маге по имени Гелранд.

— Хочу! — оживленно воскликнул Джеймс.

— Как я уже говорила, магов обучали в специальных монастырях, где они могли оттачивать свое мастерство годами. Обучение было трудным и долгим, не каждый мог продержаться до конца и овладеть тайным искусством. Учеников отбирали старейшины монастыря. Они сразу видели все способности человека, и когда к ним пришел Гелранд, старейшины отвергли его. Они увидели в его душе тьму и необузданную ярость и отказались обучать его.

Тогда Гелранд поклялся служить добру, если великие маги помогут ему и рассеют тьму в его душе. Гелранд был силен духом и из него мог получиться хороший волшебник, поэтому старейшины разрешили ему обучаться в монастыре, в надежде, что скоро он избавится от своей темной стороны. Но они ошибались. С каждым днем Гелранд становился все сильнее, но его ярость и злоба никуда не делись и росли в его сердце. Тьма полностью завладела его душой. А когда старейшины поняли, какое чудовище они воспитали, то было уже слишком поздно.

Черная душа Гелранда жаждала власти над всем миром, и на его пути стояли только Верховные маги.

— То есть Верховные маги были сильнее других? — перебил Джеймс, немного успокоившись и перестав дрожать от страха.

— Да. Магам требовалось много времени, чтобы постичь все тайны их ремесла и научиться пользоваться заклинаниями. Но один раз в тысячу лет рождался человек, наделенный этим даром с рождения. С малых лет он обладал огромной силой и мог то, что не могли другие великие маги. Такие люди имели особую отметину на запястье левой руки, которая появлялась только

тогда, когда им грозила опасность или же тогда, когда они сами этого желали. Им не нужно было обучаться магическому мастерству и учить заклинания. Они могли колдовать, используя лишь свои мысли. Их называли Верховными магами. Именно Верховные маги открыли тот самый монастырь, где обучался Гелранд.

И вот, однажды, Гелранд бросил вызов Верховным магам…

— Хватит сказок, — прервал рассказ Айи Гарольд. — Пора укладываться спать. Джеймс, у тебя был тяжелый день и остается все меньше времени на отдых, не теряй его.

— Но Гарольд, позволь мне дослушать историю до конца!

— Гарольд прав, — сказала Айя. — Я расскажу ее в следующий раз, а сейчас тебе нужно поспать.

— Кровать в твоем полном распоряжении! — воскликнул Гарольд, а сам улегся на холодный пол.

— Я могу потесниться, места всем хватит, — сказал Джеймс. — Незачем спать на полу.

— А мне здесь удобнее, — ответил Гарольд и укрылся одеялом.

Джеймс пожелал всем спокойной ночи и отправился в комнату с большой кроватью. Он не стал снимать с себя одежду и заполз под одеяло, в чем был. Едва он успел закрыть глаза, как сразу же погрузился в глубокий сон.

Айя села на стул у окна и тревожно взглянула на небо, которое показалось ей мрачным и серым, несмотря на большую полную луну и обилие ярких звезд. Истошный вой диких зверей был слышен всю ночь и стих только под утро.

С первыми лучами солнца путники покинули деревню и продолжили свой путь на юг к Великому разделу, потеряв одного из своих спутников, но приобретя бесценный опыт сражения с огромным кровожадным зверем. Урдан был последним городом, встретившимся им по пути к границе Элонии. Дальше — только израненная оврагами и впадинами равнина и величественные высокие горы.

ГЛАВА XX Прямиком к опасности

День выдался пасмурным и хмурым. Грозные серые тучи вереницей бежали по небу и заслоняли и без того тусклое, уже совсем осеннее солнце. Легкий ветерок приятной прохладой пробегал по коже. Иногда он стихал совсем и позволял насладиться непродолжительной тишиной, которую вскоре нарушал своими внезапными порывами.

Лиорид вел своих спутников в Арамунд через обширные поля уже вторые сутки. Они почти не отдыхали и очень мало спали. Лиорид опасался, что отряд людей в черных доспехах пойдет по следу и вскоре догонит их. Измотанные тяжелой и неравной битвой путники продолжали свой путь, следуя за Лиоридом в опасные и непроходимые места.

За всю дорогу никто из них не обмолвился ни словом. Каждый думал о своем и предпочитал не делиться своими мыслями с другими.

Торн до сих пор не мог поверить в то, что его злейший враг, убивший его родителей и уничтоживший весь его род, был хаатином. Все это время он считал, что он последний из своего рода и винил в этом людей. И сейчас Торн испытывал смешанные чувства. Что-то надломилось в его душе, встряхнуло сознание и перевернуло все его мировоззрение. Всю свою жизнь Торн ненавидел весь людской род и мечтал отомстить людям, но оказалось, что его главным врагом был вовсе не человек, а один из его рода. Как хаатин мог предать своих? Что подвигло его на это? Эти вопросы не укладывались в голове у Торна и не давали ему покоя. Но он пообещал себе выбить все ответы из своего врага при следующей их встрече, несмотря на то, что первую схватку Торн проиграл и чудом остался жив.

Земля под ногами путников сменилась с зеленой травы на беспочвенную, серую, безжизненную пустыню. Никаких деревьев, кустарников, рек и ручьев на много лиг вокруг. Путники будто попали в другой мир, где царила пустота и безмолвие. Воздух мгновенно стух и забивал легкие жутким смрадом. Серая дымка повисла над долиной, окутывая ее мистическим ореолом. Черные скалы, встречавшиеся на пути, словно скрюченные коряги, тянули острые вершины к редко появлявшемуся здесь солнцу. Дневное светило было в этих местах не частым гостем, а его лучи не могли пробиться к земле через плотную завесу смога. В этих гиблых землях не водились животные, даже дикие ночные звери обходили эти места стороной.

День погрузился во мрак из-за отсутствия солнца, и путникам

было очень трудно разобраться во времени суток. Был ли сейчас день или уже наступил вечер? Казалось бы, какая разница? Но когда тьма берет власть в свои руки и не отпускает ни днем, ни ночью, и кажется, что свет уже никогда не забрезжит на горизонте, то начинаешь понемногу сходить с ума.

— Что это за место? — спросил Виллем, нарушив, наконец, долгое молчание.

— Это долина саргатов, — ответил Лиорид. — Самое ее начало. До самих саргатов мы еще не добрались, но совсем скоро они явятся нам. Это самое кошмарное место во всей Элонии и я очень сожалею, что вам всем довелось побывать здесь!

— Что за саргаты? — спросил Габриель.

— Вы скоро сами увидите, — ответил Лиорид.

— Кто были те люди, что напали на нас? — спросил Орин, задав вопрос, который крутился в головах у всех присутствовавших. — И что им было нужно?

— Им был нужен амулет, — произнес Лиорид. — Слава богам, что они ничего не знали про наследника короны, иначе мы не ушли бы из Орихона живыми!

— Не все ушли оттуда живыми! — воскликнул Габриель. — Многие оставили там свои жизни! Люди убивали людей без жалости и сожаления, зачем?

— Это уже не люди! Это прислужники темных сил, их души мертвы.

— Они и при жизни не были людьми! — сказал Торн. — У них на шее было клеймо Гаррундина. Это город на острове, неподалеку от Элонии, куда отправляли воров и убийц, чтобы они не отравляли жизнь порядочным гражданам.

— Хм, жители Гаррундина, — задумчиво произнес Лиорид. — Как же я сразу не догадался! Город воров, убийц и насильников. Артазару даже не нужно было прикладывать никаких усилий, чтобы подчинить их себе.

— Для преступников они слишком хорошо владеют оружием! — произнес Орин. — Они расправились с моими людьми так, будто за их плечами было сотни войн. Даже Торн не смог совладать с их вожаком!

— Мне жаль твоих людей, Орин! — сказал Лиорид. — Они сражались достойно и погибли не напрасно! Что же касается вожака, то он очень силен и человеком также не является!

Лиорид хитрыми глазами посмотрел на Торна и дал ему шанс самому все рассказать.

— Это был хаатин, — произнес Торн после короткой паузы.

— Еще один хаатин? — удивился Виллем. — Я думал, что ты последний из своего рода!

— Я тоже так думал, — глотая слова, сказал Торн.

— Совсем недавно ты считал, что хаатинов совсем не осталось, а еще раньше вообще не знал об их существовании! — строго воскликнул Лиорид. — Так прошу тебя, будь поучтивее!

Виллем был недоволен тем, что старец снова отчитал его как мальчишку. Он считал, что тот предвзято к нему относился и недолюбливал за что-то. Виллем всегда хотел задать Лиориду этот вопрос, но каждый раз у него не хватало на это смелости.

— Значит, хаатин со своим отрядом ищет Джеймса и амулет! — подвел итог Габриель.

— Нам повезло, что враг не разгадал наш маневр и не отправился по южной тропе! — сказал Лиорид. — Хотя, сейчас, я думаю, они так и поступили. К тому времени, как они доберутся до Великого раздела, Джеймс уже должен будет ступить на землю Фараса.

— Но путь обратно через раздел будет закрыт! — произнес Габриель. — Как они попадут в Элонию? Каким путем они отправятся?

— Они не вернутся назад! — загадочно сказал Лиорид. — По крайней мере, не сейчас. Гарольд сможет защитить их от врагов, пока Джеймс не окрепнет, поэтому я бы на твоем месте за них не беспокоился! А вот за нас стоило бы поволноваться. Мы потеряли лошадей, а вместе с ними и все припасы. Нам нечего есть, и воды осталось всего на несколько глотков. Без еды мы сможем продержаться пару дней, а вот без воды — не уверен. Проверьте каждый свои запасы! Сколько у вас осталось?

— У меня чуть меньше половины, — сказал Габриель, забив заглушку в горлышко своей фляжки.

— Две почти полные баклажки, — произнес Орин, потряхивая сосуд.

— У меня пусто! — воскликнул Виллем и поймал на себе неодобрительный взгляд Лиорида.

— Полная, — сказал Торн и бросил свою фляжку Виллему. — Держи! Расходуй экономно.

— А как же ты? — спросил Виллем растерявшись. — Тебе разве не нужно?

— Ну, будем надеяться, воды на всех хватит, если ничего не случится по дороге! — сказал Лиорид и убрал за пояс свою полную фляжку с водой. — Пополнить запасы пресной воды мы теперь сможем нескоро. Через долину пробираться два дня, поэтому давайте не будем терять время.

Путники продвигались дальше по безжизненной пустыне. Они шли медленно, растянувшись в длинную цепь. Нападение хаатина с черным перстнем на пальце и его отряда их уже не

страшило, потому что они уже вплотную подошли к долине саргатов, откуда практически никто не выходил живым.

Вскоре, Лиорид остановился и повернулся лицом к остальным. Он вытянул руку и произнес:

— Вот она — долина саргатов! Самое опасное место во всей Элонии, как я уже говорил. Идите за мной и будьте очень внимательны и осторожны!

Путники вошли в долину. Их взору предстала весьма странная и необычная картина. Из земли торчали каменные сосульки, только росли они ни сверху вниз, а наоборот. Эти каменные сосульки и назывались саргатами. Они были разной высоты — от полутора до шести футов, и располагались так плотно друг к другу, что между ними едва можно было пройти. Саргаты имели вид конуса или пирамиды с острой вершиной и не менее острыми гранями.

В некоторых местах, через небольшие трещины в земле просачивался какой-то газ, зеленоватым облаком вздымавшийся вверх. Долина, по которой двигались путники, была необъятной и бесконечно большой. Взор, устремленный вдаль, не находил конца этой долины и, казалось, что из нее не было выхода. Путники будто пробирались по спине огромного каменного ежа, неприветливо распустившего свои острые иглы.

— Смотрите под ноги, — предупредил Лиорид. — Саргаты остры, как бритва и разрежут плоть, словно нож масло. И не вдыхайте газ, он крайне ядовит!

— Как же быть с ночлегом? — спросил Виллем.

— Никак! — отрезал Лиорид. — Поспать в ближайшие дни не удастся, если, конечно, ты не научился спать стоя!

— Значит, надо идти быстрее! — предложил Габриель. — Чем быстрее пройдем через долину, тем скорее окажемся в Арамунде.

— Не тратьте зря свои силы, — предостерег Лиорид. — Все не так просто, как вам кажется! Если мы прибавим шаг и пойдем быстрее, то очень скоро долина выжмет из нас все соки. Оглянитесь вокруг, вы видите хоть одно подходящее место для отдыха?

— Здесь даже присесть то негде! — произнес Виллем.

— Вот именно! — согласился Лиорид. — Мы пойдем медленно и сохраним силы до конца пути.

— О каких силах ты говоришь, старик? — спросил Торн. — Все наши силы были оставлены в Орихоне. После сражения мы как следует, не спали две ночи и почти ничего не ели. Ты думаешь, все дойдут до конца этой долины? Ты должен был предупредить нас о том, что нас ждет здесь. Нужно было остановиться на ночь перед входом в долину саргатов!

— У нас нет на это времени! — воскликнул Лиорид и пошагал вперед.

— Да у нас ни на что нет времени! — произнес Виллем в полголоса так, чтобы этого не услышал Лиорид.

Путники осторожно пробирались между соргатами, стараясь даже не касаться их острых краев. Первым шел Лиорид. Он единственный знал дорогу через опасную долину (правда, неизвестно откуда) и вел остальных за собой, уверенно прокладывая маршрут.

За ним шагали Габриель и Виллем. Они старались держаться как можно ближе к проводнику, в качестве которого выступал Лиорид, и не потерять его из виду. Заплутать в долине, окутанной густым туманом, было проще простого, а выжить здесь в одиночку, не зная пути, было очень трудной и почти невыполнимой задачей. Лишь одному человеку удалось выбраться из долины, не зная дороги, но это было очень давно и имя его кануло в лету, как и многие из тех, кто остался в этой долине навсегда.

Последним шел Орин. Никто из его спутников не заметил в нем ничего необычного, а сам Орин ничего не стал говорить. Он стремительно терял силы и с большим трудом переступал ногами по каменной земле. Перед глазами все расплывалось, и Орин временами потряхивал головой и останавливался ненадолго, чтобы не потерять сознание. Отогнув правый наплечник своих доспехов, он сунул под него руку и проверил свое плечо. Его ладонь была красной от собственной крови. Он был серьезно ранен в плечо во время сражения с одним воином из отряда Джадока — хаатина, ступившего на темную сторону. Рана была глубокой, а кровь не останавливалась и продолжала забирать у Орина жизненные силы. Тем не менее, несмотря на серьезное ранение, Орин не стал говорить об этом никому и продолжал идти вместе со всеми, превозмогая сильную боль.

Тем временем, воздух становился спертым и горячим, им было тяжело дышать. От недостатка кислорода начинала кружиться голова, и появлялось недомогание. Ветра в этих местах не было совсем, поэтому ядовитый смог не рассеивался, а только густел по мере продвижения путников вглубь саргатовой долины.

Вдруг, земля задрожала под ногами путников, а где-то вдалеке послышался гул и громкий треск. Затем, раздался звук падающих камней и все резко прекратилось.

— Что это было? — испуганным голосом спросил Виллем.

— Обычное землетрясение, — ответил Лиорид. — Они довольно часты в этих местах. Каменная оболочка, по которой мы с вами движемся, очень не прочная. Она толщиной всего в один

дюйм и может обрушиться в любой момент, поэтому провалы здесь не редки.

— А что под ней? — спросил Габриель.

— Под ней находится следующая оболочка, а под ней еще одна. Земля здесь напоминает слоеный пирог, только расстояние между слоями может быть в несколько миль!

— Откуда он все это знает? — спросил Виллем у Габриеля, на что тот только пожал плечами.

За несколько часов путники прошли всего пару миль. Изнурительный поход выжимал последние силы и рассеивал надежду на его благополучный исход. Туман, застилавший долину, немного ослаб и увеличил обзор. Плотная дымка поднялась с земли наверх и открыла перед путниками устрашающую картину бесконечных, уходивших вдаль, саргатов.

Иногда, под ногами встречались человеческие кости и черепа, истлевшие и испепеленные временем. Некоторые кости хорошо сохранились, а от отдельных остался только пепел. Эти останки будто хранились здесь в назидание другим отважившимся следовать этой тропой путникам. Сколько же людей оставили здесь свои жизни? Что заставляло их ступать на столь опасные и безжизненные земли?

Виллем смотрел на сгнившие останки и с ужасом думал, что их всех ждала та же участь в скором времени. Два дня без сна и отдыха, в ужасных условиях, с ограниченными запасами воды и еды — это было очень суровое испытание.

Лиорид и Торн быстро шагали вперед. Они не выглядели уставшими и обессиленными, наоборот, казалось, что Лиорид и Торн были полны сил и решимости. Словно они были в двух шагах от Арамунда, и запах горячей мясной похлебки и хмельного пива манил их своим дурманящим ароматом.

Виллем и Габриель чуть отстали от своих спутников, но не упускали их из виду. Они внимательно смотрели себе под ноги, обступая невысокие, едва заметные острые каменные выступы и изредка поднимали глаза и искали взглядом своих проводников.

Неожиданно Лиорид остановился. Громким возгласом он позвал к себе остальных, предупредив об опасности.

Путники медленным шагом вышли на небольшую поляну, свободную от саргатов. Казалось, что это было идеальным местом для отдыха от многочасового перехода, но это было совсем не так.

Лиорид стоял в трех шагах от пропасти. Она была огромна, и не видать было у нее ни конца, ни края. Она была широка как бурная полноводная река, а в глубине ее сиял один лишь мрак и холодная, безмолвная, бесконечная пустота. Пропасть разрезала

долину пополам и преграждала путь.

Виллем попытался подойти поближе и посмотреть вниз. Он был весьма любопытен и никогда не задумывался о последствиях своих действий.

— Стой! — крикнул Лиорид и схватил Виллема за руку. — Ради всего святого, прошу тебя — отойди подальше!

— Я только хотел взглянуть, что здесь такого?

— Что ты хочешь там увидеть? Или ты так торопишься попасть на тот свет? Тогда я не буду тебя удерживать!

Лиорид был зол на Виллема за то, что тот снова полез туда, куда его не просили. Он опустил глаза и свел брови. Поглаживая рукой длинную седую бороду, Лиорид простоял в глубокой задумчивости несколько минут. Он думал, что делать дальше, как поступить в сложившейся ситуации. На пути следования образовался огромный пролом, через который невозможно было перейти.

— И что теперь делать? — спросил Габриель. — Как нам преодолеть эту пропасть?

— Среди нас есть мудрец, — ответил Торн. — Он найдет выход.

— Да какой здесь может быть выход?! — воскликнул Виллем. — Нужно повернуть назад и пройти через Орихон! Те разбойники наверняка уже отправились на юг, поэтому мы без труда сможем попасть в Арамунд той же дорогой.

— Ты думаешь, что они уже ушли из города? — спросил Габриель недоверчиво. — А что если они оставили кого-нибудь охранять северную тропу? Мы вновь угодим в засаду!

— Если они кого-то и оставили, то с ними мы справимся! — уверенно произнес Виллем.

— Не будь таким самоуверенным! — сказал Габриель. — Те воины были очень сильны, и я бы не хотел встретиться с ними еще раз.

— Я их не боюсь! — воскликнул Виллем. — Подайте мне их сюда, от них ничего не останется!

Виллем вынул из ножен свой меч и несколько раз взмахнул им в воздухе, изображая перед собой невидимого противника.

— Ну что, получил?! Не сдаешься? Тогда получи еще!

Торн взглянул на поединок Виллема с воображаемым врагом и недоуменно покачал головой. Возможно, Виллем все еще не мог понять всю серьезность ситуации, а возможно, он просто хотел разрядить обстановку, накаленную до предела.

Габриель усмехнулся и сказал:

— Ловко у тебя, получается, драться с несуществующими врагами! А как насчет реального соперника?

Габриель достал меч и вышел навстречу к Виллему. Тот с широкой улыбкой на лице слегка наклонился, выказав свое почтение, и сказал:

— Я не смею нападать на будущего короля Элонии…первым!

— Как знаешь! — воскликнул Габриель и хотел уже кинуться в атаку, как услышал строгий голос Лиорида.

— Хватит! — прокричал он. — Ведете себя, как только что вылупившиеся птенцы! Сейчас не время и не место для игр! Ситуация весьма серьезная! Нам не пройти через этот разлом, поэтому придется идти в обход! Будем надеяться, что нам не понадобиться на это много времени.

— В обход? — переспросил Торн. — Но что, если пропасть прошла через всю долину?

— У нас нет другого выбора, надо попытаться!

— Я предложил вернуться назад! — воскликнул Виллем. — По-моему, разумная идея.

— Я слышал! — произнес Лиорид. — Идея не лишена смысла, но она не выполнима. Вернуться назад не удастся. Долина уже замела все наши следы, она не позволит нам пройти тем же путем. Мы будем блуждать по каменному лабиринту, пока не умрем.

— Значит, у нас только один выход, — сказал хаатин.

— Постойте! — воскликнул Виллем. — Зачем обходить пропасть, можно попробовать ее перепрыгнуть! Найдем место поуже и…

— Дай мне свой меч! — перебил Виллема Лиорид и протянул руку.

Виллем был в недоумении, но исполнил просьбу Лиорида и вложил эфес своего клинка в руку старца. Тот, не раздумывая, взмахнул мечом и срубил один из соргатов. Острое лезвие беспрепятственно прошло сквозь его каменную оболочку, будто и, не задев вовсе. Остроконечный камень упал на землю. Лиорид поднял его и швырнул к разлому. Упав на самый край, камень отскочил два раза от поверхности земли и полетел в пропасть.

И тут, на месте, куда упал камень, образовались маленькие трещины. С каждой секундой их становилось все больше. Словно комок ядовитых змей, они расползались по земле в разные стороны и издавали при этом громкий треск. Быстро продвигаясь прямо под ноги Виллема и Лиорида, стоявших ближе всех к обрыву, трещины вдруг остановились и замерли на месте. Через мгновение большой кусок камня откололся от склона и с грохотом упал в пропасть.

— Теперь ты видишь, к чему могло привести твое безрассудство?! — воскликнул Лиорид и вернул меч Виллему. —

Земля в этих местах хрупка как скорлупа и любое неверное движение может отправить нас на тот свет. Судьба была пока что благосклонна к нам, поэтому не следует испытывать ее!

— Я не услышал удара камня об дно этого ущелья, — произнес Габриель. — Или, может, мне это показалось?

— Нет, не показалось! — ответил Лиорид. — Нам не пройти через эту пропасть, поэтому мы обойдем ее!

— Сколько времени на это уйдет? — спросил Торн, заведомо зная ответ. Наверное, он пытался переубедить Лиорида и заставить задуматься над своим вопросом. Ведь направиться вдоль разлома, в надежде обнаружить безопасный переход через него, было бы слишком рискованно.

— Сколько бы времени это не отняло, у нас нет другого пути! — воскликнул в ответ Лиорид. Он прекрасно понимал, что риск был очень велик, но поступить по-другому просто не мог. Это был единственный путь, который оставлял хоть какой-то шанс на спасение, в отличие от остальных.

— Значит, мы пойдем этим путем, — согласился Габриель.

Вдруг, Орин, державшийся все это время в стороне, упал на колени и склонил голову вниз. Он был больше не в силах сдерживать нестерпимую боль, разрывавшую его изнутри. Как бы он ни старался, но скрывать свое состояние от окружавших его людей он больше не мог.

Увидев, как Орин упал на колени, Габриель тут же подбежал к нему и осмотрел.

— Габриель, что с ним? — спросил Лиорид.

— Он ранен, — ответил тот. — Орин истекает кровью, надо помочь ему!

— Снимите с него доспехи! — приказным тоном сказал Торн.

Виллем помог Габриелю расстегнуть пряжки на доспехах и снять их. Затем, он закатил рукав рубахи и обнажил все еще кровоточившую рану. Хаатин склонился над Орином и надавил пальцами на рану. Искореженная гримаса боли перекосила лицо Орина, но он не издал ни звука. Скрипя зубами, Орин стерпел осмотр хаатина, хотя ему в тот момент и хотелось сильно и громко закричать. Вместо этого, он крепко сжал свой кулак и сильно ударил им о землю, размозжив в кровь косточки на пальцах. Но эта боль не шла ни в какое сравнение с той, которую он испытывал в последние несколько часов. При каждом прикосновении Торна к раненому плечу у Орина из глаз непроизвольно лились слезы, не успевавшие докатиться до подбородка. Их быстро испарял горячий сухой воздух, нависший над долиной.

— Орин тяжело ранен! — окончив осмотр, заключил Торн. —

Рана слишком глубокая, она не затянется. Ему нужна помощь.

— В Арамунде ему помогут! — сказал Лиорид. — Нужно перевязать рану.

— Он потерял слишком много крови и до города может и не добраться!

— Нет, я смогу! — хриплым голосом сказал Орин и попытался встать на ноги.

— Виллем, помоги ему! — воскликнул Лиорид. — Будем нести его по очереди.

Орин обхватил левой рукой Виллема за шею, и они вдвоем поковыляли за Лиоридом, Габриелем и Торном, повернувшим направо и направлявшимся вдоль широкой пропасти. Они отклонились от своего первоначального маршрута и делали вынужденный крюк, размер которого от них никак не зависел.

ГЛАВА XXI Искупление вины

— Звериный след обрывается здесь, — заключил Гарольд и поднялся с земли, где исследовал примятую хищниками траву и протоптанную почву. — Они повернули на восток и тем самым открыли путь нам. До Великого раздела около двадцати миль, не так много, по сравнению с тем, сколько уже пройдено.

— Почему же звери повернули с тропы? — тревожным тоном произнесла Айя. Она пыталась почувствовать, заглянуть на двадцать миль вперед, но у нее ничего не получалось. Что-то мешало ей сосредоточиться и блокировало ее видения. У нее в голове всплывали странные, неразборчивые картинки, смысл которых просто невозможно было уловить.

— Что с тобой? — спросил Гарольд, видя тревожное состояние Айи.

— Я думала, что не увидела тогда зверя, напавшего на вас потому, что не пыталась этого сделать, но сейчас… Что-то происходит, что-то странное.

— Я ничего не понял! — сказал Джеймс Гарольду. — Что Айя этим хочет сказать?

— Думаю, нам не стоит сейчас спрашивать ее об этом. Ей надо собраться с мыслями.

— Да! — вдруг воскликнула Айя. — Мне нужно немного времени, чтобы разобраться в моих видениях. Они очень туманны и далеки, но я все же постараюсь увидеть. Я искренне прошу прощения за то, что со мной происходит! Раньше такого никогда не было.

— Тебе не за что извиняться перед нами, Айя! — воскликнул Гарольд. — Ты и так уже слишком много для нас сделала, поэтому мы не вправе просить большего.

— Может быть, это тоже дело рук Артазара? — предположил Джеймс.

— Нет, магия здесь не причем, здесь что-то другое. Почему звери свернули с тропы на восток? Почему они не пошли через раздел? Что находится на востоке?

— На востоке находится Бромир — гарнизон, охраняющий южный проход, — ответил Гарольд.

— А может, звери хотят напасть на него? — вновь высказал предположение Джеймс.

— В этом нет никакого смысла, — сказал Гарольд. — Гарнизон хорошо укреплен. Прочным воротам Бромира не страшны даже тараны орков, а его высокие стены могут выдержать многодневную осаду врага. Тысяча лучников одним

залпом уничтожит всех этих тварей!

— Будем надеяться, что так и случится! — воскликнул Джеймс.

Проделав половину пути (десять миль), Джеймс, Гарольд и Айя остановились у горной реки, больше походившей на небольшой ручей. Вода в ней была прозрачной и чистой и поблескивала на солнце яркими переливами. Похожая на тончайшее искусное покрывало, река окутывала мелкие серые камни, медленно сглаживая их края и доводя их форму до совершенства.

Путники пополнили запасы пресной воды и сделали короткий привал. Впереди их ждали горы, преодолев которые они переступят границу Элонии и попадут в Фарас.

Сняв все снаряжение с лошадей, путники отпустили их на волю. Там, куда они направлялись, лошадям было не пройти, поэтому весь дальнейший путь им предстояло проделать пешком.

До Великого раздела оставалось еще десять миль. Джеймс, Гарольд и Айя спешили добраться туда до заката солнца. Ускорив шаг, они уверенно продвигались по склонам горы и поднимались к ее заснеженным вершинам.

Путь был тяжелым: с крутыми подъемами и пологими спусками, глубокими оврагами и острыми горными хребтами. Горные склоны отчасти были покрыты невысокими деревьями, всю же остальную их часть занимала пожелтевшая трава и сухие колючие кустарники.

Великий раздел находился высоко над землей, и чтобы добраться до него, нужно было преодолеть ни один горный хребет и взобраться ни на одну возвышенность. Воздух в горах был холоднее, а ветра свирепее. К тому же, в этих местах лавины и камнепады были частыми гостями. Они вмиг меняли ландшафт до неузнаваемости и погребали под своей толщей все, что находилось на пути. Проверенные ранее дороги становились непроходимыми, а неприступные места — единственно возможным выходом.

Гарольд никогда не бывал в этих местах. Показанная Лиоридом когда-то карта, служила ему ориентиром и вела его к намеченной цели. Совсем скоро вдалеке показался тот самый раздел, похожий на огромные каменные ворота, открытые для всех.

Джеймс с трудом передвигал ноги. Накопленная усталость нахлынула на мальчика, словно волна на берег. Будто надев свинцовые сапоги, он шаркал башмаками по земле, почти не отрывая ног. Езда на лошадях теперь казалась ему легкой прогулкой по ясной зеленой поляне в погожий денек. Несмотря

на прохладу и быстрый северный ветер, Джеймс обливался потом и пил много воды, пытаясь хоть как-то восстановить утраченные силы.

Айя держалась позади всех. Полностью погрузившись в свои мысли, она отрешенно шагала за Джеймсом и не замечала ничего вокруг. Она все еще пыталась разобраться в своих видениях, но пока у нее это не получалось.

К вечеру путники добрались до возвышенности, отделявшей их от разлома. Им оставалось только преодолеть последний рубеж, и поставленная на сегодняшний день задача считалась бы выполненной.

Холм был высотой всего двадцать футов, но его склоны были настолько пологими, что взбираться на него пришлось не менее получаса. Оставив позади себя редкий лесок, раскинувшийся прямо посреди гор, путники добрались до вершины холма.

Гарольд шел первым. Только он ступил на вершину, как тут же остановился и быстро упал на землю. Махнув остальным, Гарольд сполз вниз так, чтобы только его голова возвышалась над холмом.

Джеймс и Айя не понимали, что происходит, пока сами не присоединились к Гарольду.

В полумили от них, вблизи раздела рыскали какие-то существа с факелами. Их было меньше дюжины и на вид они казались противными и уродливыми. Их темная кожа делала их трудно различимыми в темноте. С большого расстояния они виделись невысокими, хотя на самом деле это было не так. Высотой в семь футов, крупные, сильные, с мощными мускулистыми руками и ногами эти существа были грозными врагами.

— Орки, — выдохнул Гарольд. Казалось, что он вовсе не был удивлен увиденному, но все же надеялся на иной сценарий.

— Что они здесь делают? — спросила Айя.

— Не знаю, но выяснять не очень-то хочется.

— Да их же не много! — воскликнул Джеймс. — Мы с ними справимся!

Гарольд перевел свой строгий взгляд на Джеймса и тот сразу же притих, поняв, что сказал глупость.

— Орки обладают большой силой, они свирепы и безжалостны. Их ярость не знает границ и заставляет их убивать без сожаления и угрызений совести. Им не ведом страх, они готовы в любой момент пожертвовать своей жизнью ради поставленной цели! Даже умелому воину иногда бывает, не под силу справится с одной из этих тварей. Закаленные в войнах солдаты при виде такого врага толпами обращаются в бегство,

потому что знают, что пощады не будет!

На самом деле Гарольд немного преувеличил, чтобы Джеймса никогда впредь не посещали подобные мысли. Орки были весьма трусливы и плохо владели оружием. Среди них, конечно, встречались особи, походившие на описанных Гарольдом, но их было немного. Ярости этим созданиям было не занимать, и брали они в основном большим числом. Но вот про что Гарольд не солгал, так это про большую силу, которой обладали орки. Одним ударом они могли сбить противника с ног.

— Последний раз орков видели у границ Темных земель больше ста лет назад, — сказала Айя.

— Что им нужно? — спросил Гарольд. — Айя, ты можешь прочесть их мысли?

— Я пытаюсь! — ответила Айя и закрыла глаза, пытаясь сосредоточиться. — Я не могу разобрать. Кажется, они ждут кого-то!

— Хадран! — прорычал один из орков, постукивая клыками, выпиравшими из нижней массивной челюсти. Другие орки сразу же замерли на месте и стали подозрительно принюхиваться.

— Ук бард акхар! — вновь прорычал орк и направился точно в то место, где находились Гарольд, Джеймс и Айя. Он медленно поднимался на холм и постоянно вертел своей огромной головой по сторонам, подергивая приплюснутым носом, словно собака.

— Они почуяли нас! — прошептал Гарольд и стал медленно сползать вниз. — Уходите, я попробую их задержать! Он аккуратно и почти беззвучно вынул меч и положил его перед собой.

— Нам все равно не уйти далеко, — сказала Айя. Она обнажила свой клинок и положила его рядом с мечом Гарольда. Тот ничего не сказал в ответ и перевел свой взгляд на врага.

Тем временем к орку, почуявшему людей, присоединились еще двое. Они держались позади, старались не мешать и не перебить запах добычи своим. Орки были плотоядными существами и нередко поедали поверженных ими врагов прямо на поле боя. Приготовленному на огне мясу они предпочитали сырое.

— Кирахт! — закричал орк на своих сородичей и те послушно отступили назад. Вблизи эти существа казались еще страшнее и ужаснее. Четырехпалые босые лапы с длинными когтями на них крепко держали их на земле, а длинные сильные руки прочно сжимали ржавый треугольный тесак. Кожа имела разный оттенок: от светло-серого до темно-коричневого. У светлокожих орков на теле были видны черные вены, по которым текла такая же черная кровь. У особей с темной кожей такого не наблюдалось, так как

кожа их была толстой, словно броня.

Луна уже успела занять свое место на небе, на котором давно искрили далекие звезды. Только благодаря ее свету Гарольд и его спутники могли наблюдать за передвижениями трех орков, постепенно подбиравшихся к ним.

Гарольд уже готов был выскочить из укрытия и вступить в бой с врагами, как из ущелья раздался громкий и протяжный звук рога и орки тут же отступили назад. Они сбежали со склона и быстро вернулись на свои первоначальные посты.

Где-то далеко в ущелье показались маленькие яркие огоньки. Их было так много, что невозможно было сосчитать. Они расплывались в темноте и создавали один сплошной светящийся шар, приближавшийся с большой скоростью.

Через четверть часа из ущелья ровным строем вышел отряд орков. Каждый из них был закован в тяжелую броню и держал в одной руке факел, а в другой длинное копье. За спиной у них виднелись саблевидные клинки, хорошо заточенные с одной стороны. С другой стороны были сделаны зазубрины, в виде маленьких треугольников. Таким оружием можно было без труда вспороть врагу брюхо или разрубить его пополам.

Выходя из ущелья, войско поворачивало на восток и скрывалось за высоким хребтом. Земля дрожала у них под ногами. По безмолвным, тихим горам прокатился страшный грохот шагов нескольких сотен орков. Лязг металла и стук копий был слышен далеко за пределами Великого раздела. Огромное войско вереницей тянулось из ущелья, словно гигантской огненной змеей проползая встречавшиеся на пути препятствия.

Впереди шел предводитель войска. Он был выше остальных на две головы и намного крупнее. В руке он сжимал серый ветвистый рог и периодически дул в него, оповещая всех в округе о своем приближении. Предводитель орков не носил громоздкий шлем и не имел тяжелых доспехов, как у других воинов. Лишь один единственный наплечник с острыми торчащими шипами защищал его от атак противника и большой, вытянутый и заостренный к низу металлический щит, который он держал в руке.

Джеймс, Гарольд и Айя с ужасом наблюдали за вторжением орков в земли Элонии. Они ничего не могли с этим поделать и просто смотрели, как сотни врагов благополучно переправлялись через ущелье. Да и что они могли сделать?

В ту ночь Великий раздел преодолело полутора тысячное войско орков. Куда они держали свой путь, было неизвестно.

— Началось, — сказал Гарольд, не отводя глаз от врага.

— Их так много! — обреченно произнес Джеймс.

— А будет еще больше! — воскликнул Гарольд. — Это только начало. Впереди война и мы должны ее предотвратить! Мы найдем вторую часть амулета и соединим обе половины вместе. Тогда, все наши враги падут.

— Куда они направляются? — спросил Джеймс.

— Этот путь ведет к нашему гарнизону, расположенному на востоке. Бромиру угрожает большая опасность, а мы не можем предупредить их об этом!

— Орки хотят расчистить путь своей многотысячной армии, — сказала Айя. — Они обойдут крепость и ударят с двух сторон сразу. Люди не ждут нападения. Внезапная атака орков может принести им победу.

— Вы хотите сказать, что Бромир обречен? — разгорячено спросил Джеймс. — И мы ничего не сможем сделать? Надо предупредить их, дать им время на подготовку!

— Ничего не выйдет, — сказал Гарольд. — Войско орков идет кратчайшим путем, нам за ними не угнаться без лошадей. Будем надеяться, что Бромир выстоит.

— Артазар за такое короткое время не мог собрать большую армию, поэтому, скорее всего, он собирается только проверить людей на прочность, напав на крепость, — заключила Айя. — Если стены Бромира настолько высоки и крепки, как говорил Гарольд, то воинам, охраняющим крепость, нечего бояться.

Тем временем, большое войско орков успело удалиться от ущелья на почтительное расстояние, но гул от него не становился тише и разносился эхом по высоким горам.

Но не все орки покинули раздел. Те самые существа, почуявшие в воздухе запах людей, остались на своих местах. Теперь-то им ничто не мешало проверить свои подозрения. Проводив взглядом своих сородичей, кучка орков вновь направилась к вершине холма, за которой прятались люди.

Не ожидая такого исхода, Гарольд немного растерялся, но быстро опомнился и велел Джеймсу и Айе спускаться к редкому лесу, что раскинулся у подножия холма. Отряд, миновавший ущелье, сбил орков со следа и развеял в воздухе такое зловонье, что снова почуять людской запах, они были не в силах.

Спустившись вниз, Гарольд повел своих спутников назад через лес. Он хотел обмануть орков и обойти их с другой стороны, пока те рыскали в поисках добычи. Но что делать с остальными жуткими существами, охранявшими вход в ущелье, Гарольд не знал. Ввязываться в бой с превосходящим по числу и силе противником было бы неразумно и слишком рискованно. К тому же на крики своих сородичей сбежались бы и остальные орки. Пройти мимо патрулей незамеченными было очень трудно,

но другого выхода Гарольд просто не видел.

Внезапно, путь Гарольду, Джеймсу и Айе преградил Одхан, сбежавший от них и оставивший на растерзание опасному зверю. Гарольд, молча, встал в стойку и поднял свой меч на уровне груди.

— Постой! — встревожено воскликнул Одхан. — Я не хочу драться с тобой.

— Что, опять сбежишь, как уже делал не раз? — язвительно спросил Гарольд.

— Нет! — ответил Одхан. — Простите меня за то, что оставил вас в трудную минуту, такого больше не повторится! Никогда!

— Что тебе нужно? Как ты нашел нас? — строго спросил Гарольд, не опуская меч.

— Я шел за вами от самой деревни, я хорошо знаю эти места, и я заранее знал, какой дорогой вы пойдете к разделу. Я хочу помочь!

— Как ты можешь нам помочь?

— Здесь недалеко есть пещеры, которые проходят под горой и выходят на сумрачные поля. Я покажу, где вход и проведу вас по ним.

— Откуда ты знаешь про эти пещеры?

— Отец рассказывал мне про них в детстве. Однажды, мы даже ходили к ним и видели их своими глазами.

— Мы должны пойти с ним! — сказала Айя.

— Ты веришь ему? Почему? Он уже предал нас однажды, что помешает ему сделать это еще раз?

— У нас нет выбора, нам не справиться с теми орками, и ты сам об этом знаешь.

Гарольд ненадолго замолчал, обдумывая свое решение и взвешивая все за и против. Он боялся снова довериться Одхану и не желал идти с ним, но, как бы ему не было трудно это признать, Одхан был их единственным шансом на спасение. Гарольд принял решение, но перед тем, как огласить его вслух, он спросил:

— Почему ты это делаешь? Почему ты хочешь помочь нам?

— Я хочу искупить свою вину перед вами! Пусть то немногое, что я смогу для вас сделать не оправдает моих поступков, но все же хоть как-то поможет вам!

— Хорошо, показывай дорогу, но помни: я и мой меч следим за тобой, и на этот раз так просто уйти тебе не удастся! — воскликнул Гарольд, демонстративно взмахнув клинком перед носом у Одхана.

— Следуйте за мной, — сказал Одхан и пошагал в черную чащу ночного леса. — Вход в пещеру находится к западу от Великого раздела. Надо забраться чуть повыше в горы.

— Что это за пещеры? — с нескрываемым любопытством спросил Джеймс. — Насколько они большие?

— Я не знаю, — вдруг ответил Одхан. — Я никогда не решался заходить в них, хоть и всегда очень хотел это сделать. Но те, которые переходили через них, говаривали, что они весьма коротки и безопасны. Путь через эти пещеры не должен отнять у нас много времени.

— Горные пещеры были излюбленным местом для разных тварей с незапамятных времен, — произнес Гарольд. — С трудом верится в правдивость твоих слов.

— Он говорит правду, — заступилась Айя.

— Если он говорит нам то, что ему когда-то выдали за истину, это не значит, что так и есть на самом деле. Ты никогда не бывал в этих пещерах, так откуда ты можешь знать, кто в них обитает?

Одхан растерялся и не нашел, что сказать Гарольду в ответ. Весь оставшийся путь он не проронил ни слова.

К полуночи, когда полная луна была на пике своей власти над небом, а яркие звезды померкли в ее серебряном свете, путники добрались до входа в таинственную пещеру.

Достав из своей сумки, которую Гарольд нес за плечом, факел, замотанный в мешковину, он запалил его с помощью двух камней и пошел вперед. Остальные последовали за ним.

Зайдя в пещеру, путники огляделись. Мрак, наполнявший ее, отступил под натиском света от огня и явил взору ее расположение. Девятифутовые потолки, с которых капала вода, и полукруглые стены пещеры уходили далеко вглубь горы.

Гарольд опустил факел вниз, осветив путь. Вокруг него везде были разбросаны человеческие кости. Черепов Гарольд нигде не увидел, и это показалось ему весьма странным. Подойдя к обезглавленному скелету, заросшему паутиной, он наклонился и поднял меч, который валялся рядом с ним. На его эфесе было изображено солнце с вписанным в него ромбом.

— Это гномы, — в полголоса произнес Гарольд. — Их символика на клинках.

— Похоже, что они лежат здесь уже не один десяток лет, а может и больше, — заключила Айя. — У них у всех нет голов, как будто, их кто-то забрал с собой.

— Значит, короткий, безопасный проход? — спросил Гарольд с иронией.

Одхан промолчал в ответ. Ужас от увиденного сковал его. Он смотрел на тела убитых кем-то гномов и не мог выдавить из себя и пары слов. Жуткая картина нагоняла на него страх, с которым Одхан до сих пор не мог совладать.

Не дождавшись ответа, Гарольд тихим шагом отправился вглубь пещеры. Убедившись, что Джеймс, Айя и Одхан последовали за ним, он пошел быстрее, вглядываясь в кромешную тьму и прокладывая себе путь с помощью единственного источника света. Надежда на то, что эти пещеры были никем не заняты, оставалась, несмотря на найденные останки гномов перед самым входом.

Пещера уводила путников все глубже в недра гор. Спуск был довольно крутым и длинным. Больше получаса потребовалось путникам, чтобы преодолеть его. Когда же они, наконец, вышли из узкого, тесного проема, то сразу же очутились в огромном зале. Пещера была не так мала, как о ней рассказывал Одхан. Наоборот, потолки в этом зале были так высоки, что не были видны снизу из-за густого мрака, царившего в пещере. Слабый свет, исходивший от одного единственного факела, не мог пробить столь плотную темную завесу и оставлял большую часть зала сокрытой от взора.

Гарольд ничуть не удивился таким большим масштабам горной пещеры, ибо знал не понаслышке, какими они бывают на самом деле. Стараясь шуметь как можно меньше, он шел на носочках и прислушивался к каждому шороху. Мертвую тишину нарушала только вода, одинокими каплями методично постукивая по камням. Она стекала вниз по широким сталактитам, собираясь в стаю на их острие. Таких сталактитов в пещере были сотни, и создавалось такое впечатление, что где-то поблизости бежала горная река, которая просачивалась сквозь камни и устраивала в пещере звонкую канонаду.

Пройдя огромный зал, путники наткнулись на глубокую пропасть, через которую был прокинут каменный мост, больше походивший на ствол упавшего ненароком дерева.

Гарольд остановился и вытянул зажатый в руке факел перед собой. Он пытался осмотреть мост и определить его целостность, но мрак, безжалостно поглощавший и без того потускневший свет, не дал этого сделать. Тогда Гарольд осторожно ступил на узкий мост, осветив его основание своим факелом. Он сделал несколько шагов, прежде чем повернулся к своим спутникам и дал отмашку следовать за ним.

Джеймс зашел на мост, вслед за Гарольдом. Он раскинул руки в стороны, пытаясь поймать равновесие. Хоть площадка моста и была шириной три фута, но в кромешной тьме ее практически не было видно и Джеймсу казалось, что он шагал по пустоте.

Следом шла Айя, а последним был Одхан. Он буквально заставлял себя двигаться вперед и не смотреть вниз при этом.

Огромный, всепоглощающий страх поселился внутри него и управлял его разумом. Одхан едва передвигал ноги и шел приставными шагами, шаркая по каменному мосту. Его лоб покрывали крупные капельки холодного пота, а руки подрагивали. Через пару шагов Одхан задел камешек ногой и тот полетел в бездонную пропасть. Невольно проводив его взглядом, Одхан замер.

— Не бойся! — раздался, вдруг, в его голове голос Айи. — Борись со своими страхами, не давай им управлять тобой!

— Я пытаюсь! — произнес Одхан про себя. — У меня плохо это выходит.

— Главное, не сдавайся! Помни, ты дал обещание!

— Я помню! Я понимаю, что должен идти вперед, но ноги не слушаются меня!

— Сопротивляйся своему страху! Борись с ним! Только ты сам способен совладать со всеми его формами и проявлениями! Борись!

— Я…я должен! — сквозь зубы прошипел Одхан. — Я должен идти вперед!

Оторвав одну ногу от земли, Одхан шагнул вперед. Его глаза были плотно закрыты, он шел наугад. Шаг за шагом, преодолевая страх, Одхан дошел до конца и сошел с моста, где его ждала Айя с едва уловимой приятной улыбкой на лице. Быстро догнав Гарольда и Джеймса, они вошли в очередной узкий проход, который снова уводил их вниз, вглубь горы.

Внезапно неподвижное ранее пламя заплясало от малейшего дуновения свежего ветерка. Это говорило о том, что путники были уже очень близки к выходу из этого мрачного подземелья. Легкие нотки радости проскользнули на их лицах, но сразу же сменились хмурыми обреченными тонами. Перед ними предстал еще один зал, гораздо больше предыдущего. Никакого выхода не было видно, лишь одни черные стены возвышались над головами, словно образуя один большой лабиринт, из которого невозможно было выбраться.

Добравшись до середины зала, путники увидели большой, железный сундук, одиноко стоявший на полу. Большой слой пыли и тонкие нити паутины окутывали его со всех сторон и давали понять, что сундук уже давно никто не открывал. Огромных размеров амбарный замок, покрытый ржавчиной, висел на нем и был открыт. Сам же сундук был тоже не мал, и мог легко вместить в себя, целую гору золотых монет.

Гарольд, при виде странного сундука посреди темной пещеры, насторожился и остановился от него в десяти шагах. Чутье подсказывало ему, что это была чья-то ловушка,

рассчитанная на охотников за сокровищами. Гарольд осмотрелся вокруг, проведя факелом по сторонам, но ничего подозрительного не увидел.

— У меня не доброе предчувствие, — прошептала Айя. — Давайте уйдем отсюда как можно скорее!

— А может, этот сундук принадлежал тем гномам, которых мы нашли у входа в пещеру? — рассуждал Одхан. — Может быть, они принесли его сюда, чтобы спрятать свою добычу и просто не поделили ее между собой. Они могли перебить друг друга!

Одхан пытался найти рациональное объяснение тому, как в пещерах Элонии оказались скелеты, принадлежавшие гномам, забравшихся так далеко от дома, и откуда взялся странный сундук, содержимое которого пока оставалось тайной. Он связал все факты воедино, получив тем самым правдоподобную картину произошедших много лет назад событий.

Одхану, вдруг, сразу стало гораздо легче на душе. Он перестал думать о том, что гномов убили неведомые обитатели пещер, сделав их жертвами собственной алчности. Это предположение могло бы сойти за истину, если бы не одно но. Гарольд своим следующим вопросом моментально развеял всю логическую цепочку Одхана.

— Может, ты и прав, — сказал Гарольд. — Но если гномы убили себя сами, то куда же тогда подевались их головы? Кто-то ведь забрал их? Этот сундук стоит здесь неспроста, и мы не будем проверять, что находится в нем.

Джеймс не послушался Гарольда и шагнул вперед. Ему безумно хотелось открыть сундук и заглянуть внутрь. Как страстный любитель всевозможных загадок и тайн, он просто не мог пройти мимо. Джеймс подумал, что если он заглянет внутрь всего одним глазком, то ничего страшного не произойдет. Словно завороженный, он пошагал к тому месту, где находился сундук.

Джеймс уже успел сделать четыре шага, как сильная рука Гарольда схватила его за плечо и резко одернула назад. Джеймс не успел поставить ногу на пол и пройти половину пути до заветного сундука, как где-то неподалеку раздался громкий щелчок, и огромный булыжник свалился сверху, потянув за собой удавку, лежавшую на том самом месте, куда только что хотел наступить Джеймс. Вздымая столб пыли в воздух, веревка с большой скоростью полетела наверх. В этот раз ловушка не сработала, благодаря бдительности Гарольда, в последнюю секунду оттащившего любопытного Джеймса. По пещере прокатился грохот падавших камней. Шум стих быстро и в зале вновь воцарилась прежняя тишина.

Джеймс виновато посмотрел на Гарольда и извинился.

Поверив в версию, предложенную Одханом, он явно не ожидал такого поворота событий.

Гарольд окинул Джеймса сердитым взглядом и сказал:

— Тот, кто устроил эту ловушку, скорее всего, скоро явится сюда. Идем, нужно выбираться!

Чувство тревоги, внезапно нахлынувшее на Джеймса, заставило его оглянуться и осмотреть всю верхнюю часть пещеры. Он не понимал, зачем он это делал, но чувствовал, что там, во мраке, кто-то наблюдал за ними, выжидая момент для нападения.

Айя окликнула Джеймса и поманила его за собой. Гарольд и Одхан уже обошли злополучный сундук и направлялись дальше.

Вдруг, нестерпимая боль пронзила левую руку Джеймса. Он громко вскрикнул и упал на колени. Его лицо перекосила гримаса чудовищной боли, такой, какую он еще не испытывал никогда в жизни. Все его тело горело и пылало жаром, будто он оказался в аду и подвергался там самым страшным пыткам. Голова раскалывалась на куски, а перед глазами с большой скоростью мелькали какие-то непонятные картинки, которые Джеймс не успевал разглядеть. Левая рука онемела и перестала слушаться мальчика. Это была страшная агония.

— Джеймс, что с тобой?! — испугано вскрикнула Айя и кинулась к мальчику.

Гарольд и Одхан увидели, что с Джеймсом происходит что-то странное и быстро вернулись назад.

— Что происходит, что с ним? — взволнованно спросил Гарольд, опустившись на одно колено.

— Я не знаю, он весь горит, — ответила Айя. — Я чувствую его боль, это ужасно! Он испытывает страшные муки, но отчего?

Неожиданно сильная боль отступила и оставила Джеймса в покое. Он почувствовал такое облегчение, как будто несколько дней провел в мягкой, уютной постели, хорошо выспавшись и изрядно подкрепившись. Постоянная усталость и недомогания, мучавшие его всю дорогу, куда-то вмиг исчезли. Мысли его прояснились, а дух окреп. Оставившие Джеймса силы вновь вернулись к нему, преумножившись в несколько раз. Он чувствовал себя превосходно, за исключением неприятного жжения на левой руке.

Джеймс поднял голову и окинул взглядом окружавших его людей. Затем, он закатил левый рукав рубахи до локтя. На его запястье, точно клеймом, была выжжена какая-то эмблема, похожая на древние руны. Линии, напоминавшие очертания наконечников стрел эльфов и одновременно похожих на письмо гномов.

Внезапно, обожженная кожа, как по волшебству, восстановила

свой прежний вид, превратив клеймо в набор черных линий.

— Этого не может быть! — удивленно воскликнула Айя. Она не могла отвести глаз от удивительного рисунка, пристально рассматривая его с открытым ртом.

— Что это такое? — спросил не менее удивленный Гарольд. Никогда еще он не видел ничего подобного.

— Это знак Верховных магов! — произнесла Айя. — Джеймс, ты понимаешь, что все это значит? Этот знак появляется только у тех, кому подвластна магия!

Джеймс непонимающе смотрел на эльфийку и не мог до конца поверить в происходящее. Знак давно сгинувших в бытие Великих магов теперь красовался у него на руке. Он был совсем не похож на тот, который Джеймс видел у своего отца. Но, что он означал для мальчика и всего остального мира, суждено было выяснить чуть позже.

Неожиданно, черные линии на запястье Джеймса стали покрываться белым, тусклым светом, который становился ярче с каждой секундой.

Айя увидела это и вскочила на ноги.

— Знак светится только тогда, когда рядом враги! — воскликнула она и перевела взгляд на Гарольда.

Гарольд ухватил эфес своего клинка. Он что-то услышал, что-то едва заметное, почти неуловимое. Резким движением он выхватил клинок из ножен и взмахнул им перед собой, отбив в сторону, летевшую на него стрелу.

Вдруг, все пространство пещеры заполнил противный, тонкий рев, исходивший откуда-то сверху.

— Гоблины! — воскликнул Гарольд. — Их здесь сотни, может быть, тысячи. Надо бежать и бежать быстро!

Разрезая воздух, с оглушительным свистом, сверху полетели самодельные стрелы. Подняв Джеймса на ноги, Гарольд, Одхан и Айя быстро побежали через большой зал опасной пещеры. Отбиваясь от стрел, они забежали в узкий проем между скал, который уводил их все глубже в пещеры.

Крики гоблинов становились громче, они доносились отовсюду и, казалось, что вся пещера кишела ими. Путники бежали вперед, не останавливаясь. Они не знали, куда приведет их выбранный ими путь, но размышлять над этим вопросом совсем не было времени, поэтому Гарольд, который бежал первым, прокладывал маршрут наугад. Правда, Айя несколько раз поправляла его, указывая другое направление. Эльфийка опиралась в выборе на свое острое чутье, в последнее время часто подводившее ее.

Миновав узкий проход, путники очутились в следующем зале,

не уступавшем по размерам предыдущему. Гоблины буквально наступали им на пятки. Они не бежали вслед за путниками, а карабкались по отвесным стенам, благодаря своим длинным, цепким когтям. Этот мерзкий стук когтей по скалам барабанил по ушам и нагонял ужас. Иногда, в этой канонаде можно было разобрать зловещий смех гоблинов, загонявших свою добычу в угол.

Зал, через который бежали путники, оказался не простым. Судя по большим, каменным саркофагам, расставленным по краям и высоким квадратным колоннам, подпиравшим потолок пещеры, это была чья-то гробница.

Возможно, эти пещеры ранее использовались гномами еще до того, как здесь поселились гоблины, а может, это была усыпальница гоблиновских королей, почивших здесь после долгого правления. Так или иначе, но Гарольд, Джеймс, Айя и Одхан забрались слишком далеко вглубь горы, в самое сердце жилища врагов.

Добежав до середины зала, Гарольд, вдруг, остановился и велел сделать то же и остальным. Он стоял на краю пропасти, но на этот раз моста через нее не было. Пропасть была шириной где-то в пятнадцать футов, и перепрыгнуть через нее было не возможно. Гарольд сразу отмел этот вариант и стал искать другой выход.

Тем временем, гоблины заполонили стены и потолок усыпальницы и стали спрыгивать на пол. Они не торопились, потому что понимали, что деваться их добыче было некуда. Медленно подбираясь к угодившим в ловушку путникам, гоблины шипели и успевали даже драться между собой за право первому напасть на людей.

— Нам конец! — с ужасом воскликнул Одхан. — Нам не спастись!

— Они все ближе подходят! — произнес Джеймс и вынул клинок из ножен. — Гарольд, что нам делать?

Гарольд стоял спиной к врагу и к своим спутникам. Внимательно изучая окрестности с помощью факела, он наткнулся на полуразрушенную колонну, уходившею на тридцать футов вверх. Колонна была обломана сверху и накренена как раз в сторону обрыва. Ее основание было покрыто многочисленными трещинами и вселяло надежду на то, что из этой колонны получится отличный прочный мост.

Гарольд отдал факел Айе, а сам направился к колонне. Окинув ее взглядом сверху донизу, он уперся в основание своим плечом и попытался наклонить вперед. Огромная каменная глыба не двинулась с места.

— Одхан, помоги мне! — крикнул Гарольд.

Одхан быстро пришел Гарольду на помощь, и теперь они уже вдвоем пытались сдвинуть с места высокую, каменную колонну.

Гоблины медленно приближались, предвкушая быструю победу и сытный ужин. Свет, исходивший от факела, освещал их уродливые морды, с длинными ушами и кошачьими, маленькими глазками. Ростом не выше пяти футов, эти странные создания с кривыми ногами и острыми черными когтями представляли огромную опасность для любого, нарушившего их покой.

Нападая большим числом, гоблины быстро расправлялись с врагами, несмотря на огромные потери с их стороны. Воинами они были никудышными, из луков стреляли плохо и имели при себе в основном плохо заточенные, грубые кинжалы или длинные ножи, собранные с трупов своих врагов, но недооценивать их было ни в коем случае нельзя.

Джеймс размахивал своим клинком, пытаясь отпугнуть приближавшихся врагов. Иногда это срабатывало, и гоблины пятились назад, но через минуту снова наступали. Они лезли со всех сторон, словно муравьи. Их было бесчисленное множество.

Айя находилась рядом с Джеймсом и была готова пустить свой короткий эльфийский меч в бой. Она не была мастером владения мечом, но постоять за себя могла. Постоянно озираясь на Гарольда и Одхана, Айя надеялась, что они смогут совершить задуманное.

Тем временем, Гарольд с Одханом изо всех сил пытались свалить полуразрушенную колонну, но пока безрезультатно. Обнажив свои клинки, они принялись стучать ими по основанию каменной глыбы, словно дровосеки по стволу дерева. Тут же, Гарольд вонзил острие своего меча в покрытый трещинами камень, а Одхан навалился на него всем телом. Вдруг, колонна затрещала и чуть наклонилась вперед.

Следующая попытка Гарольда и Одхана оказалась успешной, и громадная каменная глыба упала на пол, образовав спасительный мост через пропасть. По счастливому стечению обстоятельств колонна не сломалась от удара о землю, но надломилась прямо посередине и провисла вниз, дав людям шанс на спасение.

— Скорее, сюда! — крикнул Гарольд.

Первой по образовавшемуся мосту прошла Айя, за ней последовал Джеймс. Одхан пропустил вперед Гарольда, а сам пошел последним.

Гоблины, видя, как добыча ускользает от них, кинулись в атаку. Им потребовалось десять секунд, чтобы добраться до пропасти, но этого времени людям хватило на переправу.

Столпившись у моста, гоблины по одному забегали на него и догоняли Одхана, еще не успевшего переправиться.

От большой нагрузки колонна надломилась еще больше и с громким скрежетом полетела в пропасть, а вместе с ней и находившиеся на ней гоблины. Одхан в последний момент прыгнул вперед и успел ухватиться за руку Гарольда, который и вытащил его.

Не медля ни секунды, путники побежали дальше. Вслед им вновь полетели стрелы, звонко отскакивавшие от стен пещеры.

Недовольно шипя, гоблины полезли обратно на стены. Они не собирались упускать свою добычу.

Пламя факела затрепеталось с новой силой. В лицо путникам ударил холодный ветер, непонятно откуда взявшийся в глубинах гор. Мрак, сопровождавший путников в пещерах, немного рассеялся и отступил.

— Мы уже близко к выходу! — заключил Гарольд. — Не останавливайтесь!

— Они догоняют! — воскликнула Айя. — Нам не убежать, они не отпустят нас.

Путники добрались до развилки и остановились. Перед ними предстали три совершенно одинаковых прохода, но только один из них вел к поверхности. Нужно было выбрать правильный ход очень быстро, потому что враги были уже совсем близко. Их зловещий тонкий смех и скрежет когтей становился громче. Гоблины уже пробрались в зал, где находились путники. Всего несколько футов отделяло их от людей, которые никак не могли определиться с выбором.

— Айя, ты должна решить, куда нам идти! — произнес Гарольд, поторапливая ее. Ведь эльфийка могла почувствовать, какой именно ход ведет к свободе, а какие к неминуемой гибели.

Айя слегка замешкалась. Напряженная обстановка и сильное давление со стороны ее спутников мешало ей сосредоточиться и выбрать правильное направление. Она понимала, что от ее решения зависят жизни людей, да и ее собственная. Но как бы она не старалась, у нее ничего не получалось. В голове у Айи снова мелькали картинки, которые она была не в силах разобрать.

— Нет, не могу, у меня не выходит! — воскликнула Айя, разочаровавшись в собственных силах. — Я ничего не могу понять. Мои видения настолько размыты, что я просто не понимаю их!

— Ты справишься! — прокричал Гарольд, отведя взгляд от многочисленных врагов, наполнявших большой зал пещеры. — Соберись! Представь, что ты находишься не здесь, а где-нибудь в другом месте. Например, в густом зеленом лесу, а вокруг тебя

растет трава, и распускаются цветы. Просто закрой глаза и постарайся себе это представить. Ты сможешь это сделать, Айя, мы верим в твои силы, мы верим в тебя!

Айя кивнула и закрыла глаза. Она решила воспользоваться советом Гарольда и представить себя в родной для нее обстановке. Вдруг, все вокруг моментально стихло, и было слышно только шум зеленой листвы, доносившийся из Целительного леса, который раскинулся неподалеку от Лейтвиля — родного города Айи. Высокая трава колыхалась под порывами легкого теплого ветерка и ласкала перевернутые вниз ладони. Спокойствие наполняло Айю изнутри и позволило быстро разобраться с мыслями. Через мгновение она открыла глаза и сказала:

— Левый проход выведет нас на поверхность!

Путники немедля вбежали в проход, находившийся слева от них, и быстро помчались по нему к спасительному выходу из пещеры.

Узкий тоннель вывел Гарольда, Джеймса, Айю и Одхана к обрыву, через который был прокинут длинный, каменный мост. За мостом виднелась тропа, ведущая наверх. Это был путь к спасению, и до него оставалось всего несколько шагов. Сзади, из тоннеля доносились крики преследователей, не желавших упускать свою добычу.

Путники уже собирались ступить на мост, как Одхан остановился, закашлялся и попытался своей левой рукой дотянуться до правого плеча со стороны спины.

— Одхан, идем! — прикрикнул Гарольд, но Одхан оставался на месте и, как будто не слышал его.

— Что с тобой? — спросила Айя встревожено.

— Странное чувство, — спокойно произнес Одхан и повернулся к своим спутникам спиной. Сзади, в его плече торчала стрела, выпущенная одним из гоблинов. Она не прошла насквозь и застряла наконечником в теле Одхана. Из образовавшейся раны сочилась бурая кровь, стекавшая ручьем по спине.

Гарольд подбежал к Одхану и облокотил его на себя. Потеряв достаточно крови, Одхан уже не мог идти самостоятельно.

— Я помогу! — воскликнул Джеймс и подхватил Одхана за руку с другой от Гарольда стороны. Они медленно ковыляли к мосту и оглядывались назад, чтобы не быть застигнутыми врасплох гоблинами.

— Стойте! — закричал вдруг Одхан. — Отпустите меня!

Гарольд и Джеймс отпустили Одхана и отступили.

— Уходите! — произнес Одхан. — Я задержу их!

— Нет! — закричал Джеймс. — Мы не оставим тебя здесь!

— Нам всем не выбраться из этих пещер, — обреченно сказал Одхан. — Кто-то должен остаться. Эти твари не отпустят нас, если кто-нибудь их не задержит. Я все равно далеко уйти не смогу.

— Не говори глупостей! — сказал Гарольд и попытался взять Одхана под руку, но тот одернул ее.

— Мы все здесь погибнем! — закричал Одхан. — Ты ведь и сам это понимаешь, Гарольд. Я завел вас сюда, и я теперь должен вывести вас наружу, пусть и ценой собственной жизни! Я больше не боюсь смерти. Позвольте мне искупить свою вину перед вами!

Выдержав небольшую паузу, Гарольд крепко пожал Одхану руку и сказал:

— Теперь ты стал настоящим воином! Спасибо тебе! Да хранят тебя Боги!

По щеке Джеймса покатилась одинокая слеза, выказав те чувства, которые он испытывал в данный момент. Ему было больно осознать то, что они оставляют Одхана на верную смерть.

Гарольд и его спутники, попрощавшись, поспешили к выходу, оставляя Одхана наедине с бесчисленной армией кровожадных тварей. Проводя их взглядом, Одхан вернулся к выходу из тоннеля и стал поджидать непрошеных гостей. Он, наконец, избавился от своих страхов и теперь был готов доказать это. Полный решимости и готовый вступить в бой с превосходящим по числу противником, Одхан обнажил меч и переложил его в левую руку, так как правая была ослаблена ранением и почти не двигалась.

Одхан замер в ожидании последней битвы в его жизни. Несмотря на это, он был доволен тем, что уходит из жизни достойно, в бою, с высоко поднятой головой, как настоящий воин.

Тем временем, враги миновали тоннель и разом накинулись на Одхана. Отбиваясь от нескончаемых врагов, он отступал назад к пропасти. Отрубая головы гоблинам и протыкая их черные сердца, Одхан шаг за шагом приближался к обрыву. Многочисленные ранения, нанесенные врагами, не сломили его дух и волю, он бился до конца, пока мог удержать меч в руках. Когда же его тело все кровоточило от ран, и сердце вот-вот готово было остановиться, Одхан спрыгнул вниз с высокого обрыва, чтобы его после смерти не съели оставшиеся в живых твари.

Одхан пал смертью храбрых и смог отвоевать для Гарольда, Джеймса и Айи несколько спасительных минут. Они благополучно выбрались на поверхность, оставив позади кровожадных гоблинов, не решившихся высунуться из своих глубоких, темных пещер под лучи губительного для них солнца.

ГЛАВА XXII Последняя капля

Виллем широко открыл рот и потряс над ним опустевшей флягой. Скатившись по стенке сосуда, последняя капля живительной влаги упала ему на язык и мгновенно испарилась. Измученный невыносимой жарой, Виллем устало шагал по саргатовой долине вслед за Лиоридом и Торном, которые, казалось, и не утомились вовсе. Позади него шагал раненый Орин и тащивший его на себе Габриель.

Орин слабел все сильнее с каждой минутой и, наклонив голову вниз, почти не открывал глаза. Спотыкаясь о саргаты, он медленно переставлял ноги, что весьма усложняло Габриелю работу.

Путники потратили целые сутки, чтобы обойти глубокое ущелье, возникшее на их пути. Они потеряли много сил и времени на это и уже не верили в то, что смогут выбраться из бесконечного лабиринта саргатов. За все время, что они находились в долине, путники не спали и ни разу останавливались, чтобы отдохнуть. Сколько еще они смогут так продержаться? Хватит ли у них сил, чтобы преодолеть долину, из которой практически никто не выходил живым?

— У кого-нибудь осталась вода? — охрипшим голосом спросил Виллем.

— Умерь свой аппетит! Если твоя фляга пуста, то лишь потому, что ты не можешь контролировать себя! — буркнул в ответ Лиорид.

— Я сделал всего несколько глотков! — оправдывался Виллем.

— Ну конечно! — пробормотал Лиорид себе под нос. Он вернулся назад и протянул Виллему свою флягу, которая была наполовину пуста. Виллем сделал пару глотков и вернул сосуд с благодарностью.

— Надеюсь, сил у тебя прибавилось? — спросил Лиорид.

— Еще как! — ответил довольный Виллем.

— Очень хорошо! А теперь поменяйся с Габриелем местами, он уже довольно долго несет Орина на себе.

Виллем послушно исполнил указ Лиорида и поменялся с Габриелем местами. Он взял Орина под руку, и они медленно пошагали дальше.

— Виллем, — прошептал измученный Орин. — Оставьте меня здесь! Спасайтесь сами!

— Эй, приятель, ты, что такое говоришь! — воскликнул Виллем. — Даже не думай об этом! Мы выберемся отсюда и ты

вместе с нами! А там и до Арамунда будет рукой подать. Там тебя быстро на ноги поставят, оглянуться не успеешь!

Орин ничего не ответил Виллему. Он уже почти не чувствовал боли и едва мог шевелить губами. Повязка, наложенная на его рану, насквозь пропиталась кровью и не могла больше сдерживать ее. Силы стремительно покидали Орина, он часто терял сознание и приходил в себя лишь через несколько часов. В это время его приходилось нести на руках или на плечах, потому что Орин уже не мог передвигать ногами, и они попросту волочились по земле.

— Держись! — подбадривал его Виллем, но Орин уже не слышал его и бормотал что-то невнятное в бреду.

Виллем едва справлялся с возложенной на него задачей. Он очень устал, ему жутко хотелось спать. От усталости у него подкашивались и тряслись ноги. Глаза закрывались сами собой, а чтобы поднять свинцовые веки требовались невероятные усилия.

Увидав, что Виллем и Орин сильно отстали от остальных, Торн вызвался сменить Виллема на его посту, чему тот был несказанно рад. Хаатин взвалил Орина на плечи и быстро пошел вперед, обгоняя Габриеля и Лиорида.

Лиорид был очень удивлен этому, но еще больше его удивляло, откуда у хаатина взялось столько сил. Он буквально бежал впереди с тяжелой ношей на плечах, подавая пример остальным.

— Хаатины, поистине удивительный народ! — сказал себе под нос Лиорид, глядя на Торна. — Истратив все силы на бой с неравным противником, и едва уцелев в нем, он, спустя несколько дней утомительного перехода по опасной долине, без сна, еды и воды все же умудряется найти в себе силы, чтобы помочь человеку! Жаль, что я не был знаком с ним ранее.

Тем временем, серая дымка, окутывавшая равнину, понемногу отступала и рассеивалась, позволяя редким солнечным лучам пробиться к поверхности земли. Воздух становился чище и свежее, а кожей приятно ощущался легкий, едва уловимый ветерок. Все вокруг говорило о том, что долина саргатов была практически пройдена.

Лиорид сразу заметил едва уловимые изменения в погоде, но не стал раньше времени обнадеживать своих спутников, чтобы те не растратили остатки своих сил впустую. Долина была местом коварным, и на смену выглянувшему солнцу мог снова прийти густой, непроглядный смог, а ветер стихнуть и больше не появляться.

Габриель тоже подметил признаки скорого завершения долгого пути и спросил об этом Лиорида. Тот не ответил ничего

вразумительного и только еще больше запутал Габриеля, который уже хотел бежать вперед, чтобы только побыстрее покинуть это гиблое место. Его фляжка была почти пуста, воды оставалось на донышке. Из-за недостатка влаги губы покрылись глубокими трещинами. Во рту пересохло, глотать было не чем. Несмотря на это, Габриель старался сохранить остатки воды на самый крайний случай.

Неожиданный подземный толчок не на шутку испугал путников. Словно оглушительный раскат грома, звук от него прокатился по долине и растворился где-то вдалеке от них. В ту же минуту, несколько струй ядовитого газа темно-зеленым облаком вырвались из недр земли и расплылись по воздуху.

Лиорид был встревожен. Он понимал, что долина не желает отпускать своих гостей и с каждым их шагом ведет себя агрессивнее. Словно живое существо, долина не отпускала своих жертв и делала все возможное, чтобы путники никогда не выбрались из ее лабиринта.

Вдруг, земля разверзлась прямо между Габриелем и Виллемом, и из разлома, с оглушительным шипением, вырвался столб ядовитого газа.

От неожиданности Виллем отскочил назад и уперся спиной в саргат.

— Не вдыхайте пары газа, они ядовиты! — крикнул Лиорид. — Задержите дыхание и обходите очаг стороной!

Виллем и Габриель все сделали так, как сказал им Лиорид. Заткнув нос и рот рукой и набрав побольше воздуха в грудь, они осторожно обошли шипящий фонтан стороной.

Неожиданно, земля вновь содрогнулась, но с еще большей силой, чем в прошлый раз. Подземные толчки шли один за другим и разламывали земную кору, словно яичную скорлупу. Повсюду, из образовавшихся трещин начали вырываться зеленые клубы газа, окутывая окрестности ядовитым облаком. Путники будто оказались в самом жерле проснувшегося вулкана, который был готов с минуты на минуту извергнуть из своих недр реки кипящей лавы.

Следующий толчок был такой силы, что сбил путников с ног. Устоять не смог ни один из них. Застигнутые врасплох, обессилившие, люди не ожидали такого поворота событий. Растерявшись от неожиданности, они какое-то время еще оставались на месте.

— Бегите, глупцы! — прокричал Лиорид и безумным взглядом окинул Габриеля и Виллема, находившихся позади всех. — Бегите, что есть силы!

Габриель, опершись одним коленом на землю, посмотрел

назад. Он увидел позади себя клубы пыли, приближавшиеся с большой скоростью. Крепкие каменные саргаты ломались под натиском лавины, будто были сделаны из песка. Пронизанная многочисленными широкими трещинами, земля обрушалась в бездонную пропасть.

Увидев все это, Габриель и Виллем вскочили на ноги и побежали вслед за Лиоридом и Торном, который продолжал нести на себе Орина. Стараясь не оглядываться, они мчались изо всех сил, но убежать от стихии было очень тяжело. Земля под ногами тряслась и покрывалась узкими, маленькими трещинами, которые мгновенно расширялись и превращали местность в скопление мелких и крупных островков, по которым передвигались путники, перепрыгивая с острова на остров. Саргаты трескались и ломались от сильных подземных толчков, выравнивая окрестности и превращая их в каменные поля.

Земля обваливалась вниз с огромной скоростью, образовывая непреодолимую пропасть, которая становилась с каждой минутой все больше. Подземные толчки прекратились, но грохот обвала был таким громким и ощутимым, что это почти не было заметным.

Габриель бежал последним. Земля буквально уходила у него из-под ног. С каждым последующим шагом Габриель все меньше прикасался к поверхности, словно ступая по воздуху. Через мгновение он полетел вниз, успев в последнюю секунду ухватиться за выступ.

Все прекратилось. Торн, опустив Орина на поляну скошенных землетрясением саргатов, глубоко вздохнул и осмотрелся. Позади него, на многие мили простиралась огромная, бездонная пропасть, над которой нависали клубы поднявшейся в воздух пыли.

Виллем лежал на спине и никак не мог отдышаться от стремительного забега. Закрыв глаза, он снова достал свою пустую фляжку из-под воды и потряс ею перед открытым ртом. Вспомнив, что он уже выпил все до последней капли, Виллем с ненавистью бросил ее подальше от себя. Он хотел что-то сказать, но вместо этого закашлялся и начал сплевывать забивший рот песок и пыль.

— Где Габриель?! — закричал взволнованный Лиорид. Он крутил головой по сторонам, но нигде не мог найти наследника.

— Я здесь! — раздался голос из пропасти.

Торн подошел к краю пропасти и увидел Габриеля, цеплявшегося за уступ из последних сил. Хаатин опустился на колени и протянул к нему свою руку.

— Хватайся, я вытащу тебя! — произнес Торн.

— Мне не нужна твоя помощь, хаатин! — высокомерно отрезал Габриель. — Я справлюсь сам.

— Как знаешь, — холодно ответил Торн и убрал руку. — Виллем, помоги своему будущему королю!

Поднявшись на ноги и приблизившись к краю пропасти, Виллем помог Габриелю выбраться.

Лиорид с неодобрением взглянул на Габриеля и промолчал. Ему была непонятна та ненависть, которую наследник престола испытывал к хаатинам в общем и конкретно к Торну.

Эта ненависть и злоба передавалась людям по наследству от отца к сыну. Некоторые из них даже не знали, кто такие хаатины и что они сделали плохого, но все равно ненавидели их. Эта черта в людях была очень не по нраву Лиориду и он хотел искоренить ее навсегда при помощи короля, который бы показал людям пример, но пока не видел в Габриеле такого правителя. Он не хотел навязывать Габриелю свое мнение по этому поводу, а хотел бы, чтобы наследник сам переосмыслил свое отношение к инородцам.

Ненависть людей к Торну была взаимна, поэтому он даже не обратил внимания на обидные слова Габриеля. Хаатин не видел в нем даже намека на умения и достоинства, присущие настоящему королю. По мнению Торна, этот мальчишка не был достоин носить корону и называть себя королем, поэтому он постоянно над ним подшучивал по этому поводу, что приводило Габриеля в бешенство.

Допив последние остатки воды, и немного передохнув, между обломанными основаниями саргатов, измученные, уставшие путники отправились дальше. Они смогли пережить все испытания, устроенные им судьбой и почти добрались до края саргатовой долины. Ясное небо над их головой соблаговолило им и укрепляло веру в благополучный исход длительного, изнурительного похода. Холодный ветер развеял остатки густого смога и приятно освежал.

— Мы почти выбрались из этого гиблого места, друзья мои! — с нескрываемой радостью произнес Лиорид. — Еще немного и мы окажемся у самых ворот прекрасного города Арамунд, где вы сможете хорошенько отдохнуть!

Лиорид пытался подбодрить своих спутников, но у него это не слишком хорошо вышло. Никакой реакции на лицах Виллема, Габриеля, Орина и Торна он не увидел. Все были слишком утомлены и просто не слушали старика. Рассудок их был затуманен. Находясь в полусне, люди по инерции передвигали ногами, но уже не видели, куда они шли. Они были похожи на живых мертвецов, бесцельно блуждавших по земле. Люди уже не

чувствовали ни голода, ни жажды, ни боли. Казалось, что если бы кто-то из них упал на землю, то уже не поднялся бы на ноги.

Прошло два часа после страшного землетрясения. Путники, наконец, увидели вдалеке размытые очертания деревьев и бескрайние поля близ Арамунда, казавшиеся сплошным зеленым пятном, расплывшимся перед глазами. Опасная саргатова долина была пройдена, но радости от этого люди не испытывали. Сил на дальнейший путь уже не осталось. Приблизившись к границе между долиной саргатов и зелеными полями, путники от усталости повалились на землю. Даже хаатин, несший Орина все это время на своих плечах, опустился на колени и не мог продолжать путь.

Страшные мысли посещали Лиорида, но он не желал сдаваться. Пройдя еще несколько футов, он все-таки опустился вниз, рядом с остальными.

И вот, когда надежда на спасение начала угасать, Виллем увидел впереди, в полумиле от них, нескольких всадников, направлявшихся в сторону города. Сначала он подумал, что это ему кажется, но, закрыв глаза и тряхнув головой хорошенько, Виллем понял, что всадники — не зрительный обман. Он хотел закричать им вслед, но смог выдавить из себя только невнятный, едва уловимый хрип.

Торн, глядя на старания Виллема, повернул голову и увидел ту же картину.

— Всадники, — произнес хаатин. Все сразу оживились и стали что-то неразборчиво кричать, пытаясь обратить на себя внимание людей.

— Эй, сюда! — крикнул Торн изо всех сил, заглушая все остальные голоса. Но никто его не услышал, люди находились слишком далеко.

«Это конец», — подумал про себя Виллем и улегся на спину, широко раскинув руки.

Вдруг, Габриель вспомнил про рог, который путники нашли на месте сражения, и снял его с пояса.

— Рог Ариала! — воскликнул Лиорид. — Как же я мог забыть о нем?

Габриель набрал воздуха в грудь, поднес рог ко рту и дунул в него изо всех сил.

Всадники остановились. Развернув лошадей, они галопом направились туда, откуда шел звук королевского рога.

Увидев, что всадники отреагировали на сигнал о помощи, путники поднялись на ноги и стали ждать своих спасителей. Но люди, примчавшиеся на звук рога Ариала, обнажили клинки и окружили путников. Облаченные в тяжелые кольчужные доспехи,

спрятанные под алые длинные плащи, воины приставили свои клинки к груди незнакомых им людей и стали ждать своего командира.

Через минуту подоспели еще шесть всадников, сопровождавших две открытые повозки, содержимое которых было накрыто мешковиной. Среди них выделялся один воин в таком же алом плаще, как и остальные, но с серебристой каймой вдоль него и в плотной рубахе темно-красного цвета, надетой поверх кольчуги. Лиорид сразу заметил на его левом плече, вышитый золотыми нитями, королевский герб в виде змеи, обвивавшей меч. Он, не торопясь, снял перчатки из тонкой светло-коричневой кожи, оглядел путников с ног до головы и сказал:

— Кто вы такие и что вы здесь делаете?

— Меня зовут Лиорид, а это мои друзья. Мы направлялись в Арамунд через Орихон. Там на нас напали.

— Только безумцы выбирают эту дорогу! — перебил воин и усмехнулся. — Разве вы не знаете, что Орихон — это пристанище разбойников и убийц? Эти развалины — идеальное место для засады, поэтому караваны и всадники, идущие в город или из него, давно нашли много обходных путей, которыми можно попасть в Арамунд. Вы не слыхали о таких?

— Мы первый раз в этих местах, — сказал Лиорид, пытаясь ввести всадников в заблуждение. — Мы спросили дорогу у постояльцев таверны, что находится в Карунге, и они подсказали нам только эту дорогу.

— Ха! Нашли, кого слушать — выпивох и сумасшедших из грязного трактира! Там собирается один лишь сброд!

— Тогда нам показалось это хорошей идеей. Разбойники, напавшие на нас, загнали нас в долину и ранили одного из нас. Ему срочно нужна помощь, он потерял много крови, да и нам всем не помешал бы глоток холодной воды.

— Вы прошли через саргатову долину?! — удивленно спросил воин. — Этого не может быть! Никому еще не удавалось выбраться оттуда живым!

Воин пристально оглядел хаатина, затем, снова перевел взгляд на Лиорида и серьезно спросил:

— Зачем вы идете в Арамунд? Что или кто вас там ждет?

— Я старейшина ордена хранителей амулета, — ответил Лиорид. — И мне нужно срочно встретиться с правителем вашего города! У меня есть к нему серьезный разговор.

— Вы думаете, Фаратин примет вас? В нашем городе не будут рады хаатину.

— Торн не раз доказал необходимость своего присутствия в

нашем отряде и я думаю, что Фаратин не откажет нам в приеме, когда узнает цель нашего визита к нему!

— Хорошо, это не мое дело! Последний вопрос — откуда у вас взялся рог Ариала? Таких всего несколько на всю Элонию!

— По пути в Орихон, мы наткнулись на убитых воинов, у одного из которых и обнаружили рог, — ответил Габриель. — Мы услышали его звук поблизости и поспешили на помощь, но не успели. Когда мы добрались до места, все солдаты были уже мертвы, а враги, убившие их, скрылись в неизвестном направлении.

— Когда это произошло? — спросил побледневший командир отряда воинов Арамунда.

— Это случилось около четырех дней назад, — ответил Лиорид. — Точнее я сказать не могу, так как в долине саргатов нет смены дня и ночи, и мы не знаем, сколько дней скитались, в поисках выхода из нее.

— Опустите оружие! — приказал спокойным тоном командир своим подчиненным. — Меня зовут Кинар. Я капитан войска Арамунда, а тот рог, что вы нашли, принадлежал моему брату. Он отправился в Кронкард, чтобы передать послание от правителя Арамунда Эриндуру. Уже целую неделю мы ждем от него вестей.

— У воинов, которых мы нашли, были стяги Кронкарда, а сами они были облачены в королевские доспехи! — произнес Лиорид.

— Значит, он исполнил свой долг, — тихо выговорил Кинар. — Дайте нашим новым попутчикам напиться, и освободите им место в повозках!

— Спасибо! — сказал Лиорид.

— Раньше, людей, приносивших не добрую весть, мы встречали по-другому, но сейчас все изменилось, на ваше счастье.

Кинар отнюдь не желал Лиориду и его спутникам зла, но он был буквально раздавлен ужасной новостью о смерти своего младшего брата. Он не знал, какое поручение дал ему Фаратин, но он был горд, что его брат выполнил его и погиб, как подобает настоящему воину — в бою.

Лиорид не стал вдаваться в подробности ужасной смерти брата Кинара и остальных воинов. Он промолчал о зверской расправе над ними отрядом Джадока.

Положив едва дышавшего Орина на повозку, путники сами забрались на них, и отряд отправился в город. Вдоволь напившись холодной воды, они почувствовали себя лучше. Габриель и Виллем, занявшие места в одной повозке, мгновенно вырубились. Даже большие кочки и ухабы не могли разбудить их и потревожить их крепкий сон.

Торн и Лиорид ехали вместе и приглядывали за Орином, который был без сознания. Хоть они и страшно устали и потратили все свои силы на преодоление долины, но спать им почему-то не хотелось. Каждый из них думал о своем.

— Что ты собираешься делать дальше? — спросил, вдруг, Лиорид у Торна.

— Для меня ничего не изменилось, я найду убийцу и отомщу ему!

— Я имею в виду, что ты собираешься делать после того, как отомстишь?

Хаатин растерялся и по началу не находил, что ответить на этот вопрос. Он и сам никогда не задумывался над этим. Торн всегда считал смыслом всей его жизни месть за своих родителей и за весь его род, но ему никогда не приходил в голову вопрос, неспроста заданный Лиоридом.

— То же, что и всегда, — неожиданно для самого себя ответил хаатин.

— Будешь скитаться по миру в поисках достойной смерти? Это твое будущее? Почему бы тебе не изменить свое отношение к людям и жить нормальной жизнью? Ведь люди не убивали твоих родителей и не сжигали ваши дома, в чем ты уже убедился!

— А кто изменит отношение людей к хаатинам? Жестокость и ненависть к инородцам у них в крови и с этим ничего не поделаешь! Мне все равно, кем был тот, кто уничтожил мой род — хаатином или человеком, но мое отношение к людям от этого не изменится! Люди затравили мой народ! У нас было пять крупных городов в Элонии к концу первой эпохи, а что осталось после — одна паршивая деревня! Люди методично истребляли нас многие годы, а отряд во главе с хаатином, лишь поставил жирную точку! Но одну ошибку он все же совершил — оставил меня в живых!

— Тебе не победить! Твой враг слишком силен! Его питает черная магия Артазара, она многократно увеличивает его силу. В этот раз тебе повезло, но в следующий, он убьет тебя.

— Это мы еще посмотрим!

— Прислушайся к моим словам, Торн. Люди не такие ужасные, какими ты их себе представляешь! Ты выстроил вокруг себя большую стену и не даешь никому пробить ее. Покажи, какой ты есть на самом деле и тебе ответят взаимностью. Ты видишь в нас своих врагов, но это не так.

Торн не стал ничего отвечать Лиориду. Тем не менее, старик заставил хаатина задуматься над его словами.

Спустя час, взору путников предстал Арамунд. Его высокие стены, выложенные из ровных, одинаковых по размеру камней,

издали казались маленькими и почти игрушечными, но по мере приближения принимали свой действительный, грозный вид. Стражники на стенах, при виде своих воинов поспешили к воротам. Огромные деревянные ворота со стальными вставками для усиления защиты на удивление легко отворились, приглашая путников в город.

ГЛАВА XXIII Цель близка!

Джеймс, Айя и Гарольд вышли из подземелья, кишевшего гоблинами. Они чудом спаслись, благодаря Одхану, пожертвовавшему собой ради благой цели. С того момента, когда носитель амулета королей и его верные спутники покинули глубокие горные пещеры, прошло более пяти часов.

Путники продвигались к Мертвому лесу через Сумрачные поля. Назывались они так потому, что в этих местах практически никогда не показывалось солнце, постоянно прячась за грозовые тучи. Яркие молнии и громкие раскаты грома были частыми спутниками в Сумеречных полях. Темно здесь было в любое время суток, но ночь особенно выделялась непроглядным мраком.

До Фараса оставалось всего несколько лиг, которые путники должны были преодолеть за сутки.

Джеймс был очень огорчен смертью Одхана и молчал с момента выхода из пещер. Он винил себя в его смерти и переживал из-за этого. Зачем он остался? Почему не пошел с ними? Неужели Одхана нельзя было спасти? Эти и другие вопросы мучили мальчика весь день, и даже попытки Айи отвлечь Джеймса, вывести его из этого состояния не увенчались успехом.

— Оставь его в покое, — сказал Гарольд. — Ему нужно сейчас побыть одному, наедине со своими мыслями.

— Я беспокоюсь за него! — воскликнула Айя. — Ты видел, что произошло тогда, в пещере? Ты видел странные знаки на руке Джеймса?

— Да, но тогда было не совсем подходящее время выяснять подробности, — ответил Гарольд.

— Это был знак Верховных магов! Ты понимаешь, что это означает?

— Ну, если честно, то нет.

— Знак может проявиться только у избранных, рождающихся один раз в тысячу лет или еще реже! Он свидетельствует о принадлежности к роду Верховных магов и если я все правильно поняла, Джеймс как раз один из них!

— Ты хочешь сказать, что мальчик — маг? — удивленно спросил Гарольд.

— Не просто маг, а Верховный маг! Они обладают невероятными способностями, их магия сильнее и могущественнее любой другой нам известной!

— Не может быть!

— Да, это именно так! Но если Артазар узнает о нем, то непременно пожелает убить его, пока Джеймс не окреп и не стал

сильнее Темного Лорда!

— Рано или поздно это все равно случится. Артазар имеет крепкую связь с амулетом, так же как и мальчик, Джеймс не сможет долго скрывать свои способности.

— Поэтому, мы должны помочь ему развить их как можно быстрее!

Джеймс плелся позади и смотрел только себе под ноги. Он уже и забыл про тот знак на руке, доставивший ему столько страданий и боли. В суете последних событий этот короткий эпизод совсем выпал из его памяти. Голова мальчика сейчас была занята совсем другими мыслями.

Вокруг быстро темнело. Хоть небо и закрывали серые тучи, но было ясно, что наступала ночь. Путникам нужно было подыскать подходящее место для ночлега. Деревьев по близости не росло, поэтому они решили устроить привал прямо посреди невысокого холма, в его низине.

Гарольд не хотел разводить костер, чтобы не привлекать ненужное внимание, но жуткий холод и свирепый ветер заставили его отправиться на поиски хвороста. Поскольку вокруг не росли деревья, Гарольд ломал сухие ветки кустарников, которые изобиловали в Сумрачных полях.

Оставшись наедине с Джеймсом, Айя попыталась поговорить с ним.

— Ты переживаешь по поводу смерти Одхана, — начала разговор Айя. — Я понимаю твои чувства. Всегда больно смотреть на то, как кто-то уходит из жизни, покидая этот мир. Одхан пожертвовал собой ради нашего спасения, он поступил мужественно!

— Слишком много напрасных смертей! — произнес Джеймс и достал часть амулета из-под рубахи. — И все из-за этого! Всему виной этот проклятый амулет! Обладает ли он той невероятной силой, ради которой столько людей сложили свои жизни? Сможет ли сила, заключенная в нем уничтожить зло или это всего лишь красивая безделушка, которая годится только для украшения?

— Ты сомневаешься в силе амулета? Напрасно! Даже его малая часть, которую ты носишь у себя на груди, в нужных руках может стать грозным оружием или надежным щитом. Возможности амулета безграничны, но не каждый может управлять им!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Только создавшие амулет Верховные маги, знают о его истинных возможностях. Покажи мне запястье своей левой руки!

Джеймс послушно исполнил просьбу Айи и закатил рукав повыше. Странная отметина по-прежнему красовалась на его

запястье, отпечатавшаяся черными глубокими линиями. Джеймс с удивлением смотрел на заклейменную руку, разглядывая непонятные знаки.

— Это знак Верховных магов, верно? Ты рассказывала мне про них!

— Верно, ты все правильно понял.

— Но откуда он у меня? Я ведь не маг!

— Почему ты так решил? Взгляни еще раз на отметину на своей руке, она говорит об обратном! Джеймс, ты один из Верховных магов — древнего, потерянного рода, представителей которого больше не осталось в нашем мире! Ты единственный!

— Это какая-то шутка? Я — Верховный маг?! Это невозможно! — усмехнулся Джеймс.

— Разве ты забыл то, о чем я тебе рассказывала? Раз в тысячу лет рождается ребенок с удивительными, врожденными, магическими способностями. И для того, чтобы творить волшебство, ему не нужно будет долго учиться, у него это в крови! И будет он сильнее всех остальных нечистокровных магов, и сможет вершить их судьбы, возложив на себя важную миссию, и достоин будет называться Великим, среди прочих! Это строка из книги Верховных магов. И ты один из них, Джеймс! Их знак на твоей руке! Когда к нам подбирались гоблины в пещере, он наполнился ярким белым светом, предупреждая об опасности, помнишь?

— Да, но почему он проявился только сейчас? Почему знак не появился раньше?

— Это зависит от того, готов ли ты принять свою судьбу, от того, каков ты! Если бы твоя душа была не чиста, а сердце не наполнялось добротой, если бы ты не был храбр, смел и отважен, то знак никогда бы не проявился, даже если бы ты и был рожден магом! Верховные маги должны обладать особыми качествами, им должны быть чужды человеческие пороки, такие, как гордыня, зависть и злоба. Магические способности не должны развиваться у людей, очерненных гневом и яростью, поэтому не все, рожденные магами, становятся ими. Но иногда, зло все же находит способ овладеть невероятными магическими возможностями обманным путем.

— Как тот ученик из твоей легенды, который обманул Верховных магов?

— Да. Проделав такой огромный путь, ты показал стойкость и выдержку! Ты храбро противостоял тому троллю в подземном склепе, спасая жизнь хаатину, ты не побоялся посмотреть в лицо смерти на плахе в Стоунхилле, ты не сдавался, даже когда силы оставили тебя. Ты терпел ужасную боль, но продолжал свой путь

к намеченной цели. Ты достоин, быть Верховным магом!

Джеймс был ошарашен словами Айи. Откуда она могла знать такие подробности его путешествия? Он никогда не рассказывал ей о Стоунхилле и о громадном тролле, который чуть было, не отобедал им и Торном, да и не думал об этом. Айя просто не могла прочитать об этом в его мыслях! Джеймс сначала хотел спросить эльфийку о ее странной осведомленности, но в последний момент передумал, потому что знал, что наверняка не получил бы ответ на свой вопрос.

— А теперь давай посмотрим, на что ты способен, — произнесла Айя с улыбкой.

— В каком смысле? — удивился Джеймс.

— Верховные маги имеют магические способности от рождения! — повторила Айя. — Каждый может владеть ими на разном уровне, давай посмотрим, как у тебя это получится!

— Что я должен делать?

— Закрой глаза. Вытяни вперед левую руку и поверни ее ладонью вверх.

Джеймс сделал все так, как сказала Айя. Сначала, он воспринял это как своеобразную игру.

— Теперь очисти свою голову от всех мрачных мыслей и дурных воспоминаний. Найди в себе внутреннюю силу и сосредоточься на ней! Любое светлое событие в твоей жизни поможет тебе в этом. Подумай о самом счастливом моменте в своей жизни. Когда почувствуешь приятное тепло, идущее по всему телу, и увидишь яркое свечение перед глазами, возьми этот свет и направь его прямо в свою ладонь. У тебя получится, главное, сконцентрируйся!

Джеймс представил свой десятый День Рождения, смеющихся родителей, поздравляющих его, и кучу разных подарков, присланных родственниками. Весь день Джеймс провел вместе со своими родителями. Впервые его отцу не надо было бежать по делам, а матери куда-то срочно отлучаться. Это был лучший день в его жизни!

Неожиданно, Джеймс почувствовал то самое тепло, про которое говорила Айя. Оно шло откуда-то изнутри, разливаясь по всему телу и согревая мальчика. Лицо Джеймса даже покрыли маленькие капельки пота, будто вокруг была не холодная августовская ночь, а жаркий погожий день. Картина его Дня Рождения, которую он себе представлял, вдруг начала наполняться ярким светом, вскоре совсем вытеснившим видение. Джеймс сосредоточился на этом свете, мысленно концентрируя его в одном месте. По совету Айи, мальчик попытался направить все свое тепло в ладонь левой руки, вытянутой вперед.

Получилось это у него или нет, он не знал и очень хотел открыть глаза, но ждал разрешения Айи.

— Теперь можешь открыть глаза, — сказала, наконец, эльфийка.

Джеймс испуганно посмотрел на свою ладонь, из которой исходили искры голубого цвета. Они поднимались наверх и кружились над ладонью мальчика. Словно стайка светлячков, прибившихся к источнику света, искры описывали в воздухе круги и не разлетались в разные стороны. Затем, они постепенно выстраивались в ряды, примыкая, друг к другу и образовывая какую-то пока непонятную фигуру. Через мгновение построение было закончено, и взору Джеймса и Айи предстал шар голубого цвета, усыпанный странными символами и знаками. Шар медленно поворачивался в воздухе вокруг своей оси и постепенно тускнел.

— Что это такое? — изумленно спросил Джеймс, широко раскрыв глаза от удивления.

— Это Экриф! — ответила Айя. — В нем заключена вся твоя магическая сила! Экриф показывает, насколько сильна твоя магия в данный момент. Это своего рода твой внутренний мир, который ты извлек наружу. Когда ты станешь великим Верховным магом, когда твоим способностям не сможет противостоять даже Темный Лорд, твой Экриф будет пылать ярким, белым, неугасаемым светом! По мере того, как ты будешь набирать магическую силу, Экриф будет менять свой цвет. Всего существует пять уровней мастерства — голубой, зеленый, желтый, красный и белый.

— И какой уровень у меня?

— Я расставила их в порядке увеличения магической силы. У тебя пока низший уровень, но так и должно было быть! Верховных магов, рожденных с зеленым Экрифом, были единицы за всю историю существования мира. Они ничем существенно не отличались от других Верховных магов, разве что ускоренным развитием своих магических способностей.

Вернувшийся с охапкой хвороста, Гарольд застыл на месте от увиденного. Он был поражен способностям Джеймса. Экриф, медленно угасавший на ладони мальчика, приковал его взгляд, словно сильным гипнозом. Никогда раньше он не видел ничего подобного. Всю свою жизнь Гарольд считал истории о магах простой сказкой, но, увидев волшебство воочию, понял, насколько он ошибался. Бросив дрова на землю, он подошел поближе к Айе и Джеймсу, которые не замечали его присутствие.

От неожиданности Джеймс вздрогнул и его Экриф вмиг рассыпался мельчайшими искрами по земле, которые тут же погасли.

— Так значит это, правда! — воскликнул Гарольд. — Значит, ты и правда маг? То, что я сейчас увидел, до сих пор не укладывается у меня в голове! Айя, ты была права!

— Да, это так! Джеймс действительно принадлежит к древнему роду Верховных магов. Амулет неспроста выбрал его для столь опасной миссии.

— Лиорид знал об этом с самого начала, — усмехнулся Гарольд. — Он пытался сказать мне, а я не слушал его. Он говорил, что ты не так прост, как кажешься, но откуда он мог знать?

— Лиорид мудр! Он является хранителем амулета много лет, и многое знает о Верховных магах, когда-то тоже хранивших амулет и передавших это право людям. В его голове хранятся тайные знания многих народов, не упоминающихся ни в одной из известных мне книг.

— Мальчик сможет совладать с Артазаром? — с надеждой спросил Гарольд.

— Он еще слишком слаб для этого! Ему нужно еще многое познать, многому научиться. Потребуется время прежде, чем Джеймс сможет бросить вызов Артазару.

— Время, которого у нас нет, — обреченно произнес Гарольд. — К тому моменту, когда Джеймс окрепнет, Артазар уже завладеет обеими частями амулета и вернет к жизни своего учителя! А с Темным Лордом и его легионами не сможет справиться ни один Верховный маг!

— Джеймс не должен сражаться с Артазаром! Не в этом его предназначение! Он здесь, чтобы отыскать вторую часть амулета королей, и его магические способности должны ему в этом помочь.

— Надеюсь, что ты права.

— И как мои магические способности помогут мне найти вторую часть амулета? — вступил в разговор Джеймс.

— Со временем ты сам поймешь это, — ответила Айя.

Гарольд вернулся к принесенной им охапке дров и принялся ломать ветки на части для костра. Затем, он достал из своей сумки два камня, с помощью которых высекал огонь, и уже хотел ударить их друг об друга, как Айя остановила его.

— Джеймс, попытайся разжечь огонь, ты сможешь! — воскликнула Айя.

— Я. я не знаю, как это сделать, — растерянно сказал Джеймс.

— Просто закрой глаза и мысленно представь, что ты хочешь сделать! Магия ограничена лишь твоей фантазией и силами! Вытяни руку!

Джеймс осторожно вытянул левую руку вперед и направил ее на подготовленные для костра ветки. Затем, он закрыл глаза и попытался мысленно их поджечь, но у него ничего не получилось. Просидев в таком положении около минуты, Джеймс открыл глаза и разочарованно сказал:

— Ничего не выходит.

— Потому что ты сам не веришь в свои силы! — воскликнула Айя. — Попробуй еще раз! Сосредоточься на своем внутреннем свете. Вспомни, как ты проявил Экриф! Делай все, то же самое, только представляй себе, что ты хочешь сотворить.

Джеймс снова закрыл глаза и попытался представить себе яркое воспоминание из детства. Он вновь почувствовал жгучее тепло, обдавшее его тело, и увидел яркий свет перед глазами. При этом, Джеймс пытался нарисовать у себя в голове картину обжигавшего пламени.

Вдруг, от его руки вперед устремилась тонкая огненная струйка, направленная точно на сухие ветки. Соприкоснувшись с ними, пламя яростно раскидало хворост в разные стороны, издав громкий звук, словно при большом взрыве, и вспыхнуло, вздымая свои языки на шестифутовую высоту. Продержавшись так три секунды, огонь быстро осел и погас, оставив после себя только серую дымку.

Гарольд, с ужасом наблюдавший за происходящим, еще некоторое время не решался подойти к тому месту, где только свирепствовал бесновавшийся огонь.

— Ничего страшного, — успокоила Айя. — Тебе нужно практиковаться и все получится.

— Ты думаешь? — приободрился Джеймс.

— Конечно! Со временем тебе не нужно будет закрывать глаза, и представлять счастливые события из жизни. Когда ты наберешься немного опыта, то тебе достаточно будет просто представить то, что ты захочешь сделать. Для этого тебе не потребуется никаких заклинаний и зелий.

— А для чего нужны заклинания? — поинтересовался Джеймс.

— Те маги, которых обучали в специальных монастырях, которые не были рождены с магическими способностями, могли творить волшебство, только произнеся специальное заклинание! Таких заклинаний было великое множество и чтобы запомнить их, уходили годы и даже десятилетия. А кому-то на это не хватало и всей жизни. Но есть и такие заклинания, которые не под силу даже Великим магам! Могущественные, запретные заклятия, спрятанные от посторонних глаз.

— Что это за заклятия?

— Верховные маги могут с помощью мысли создавать различные предметы, управлять стихиями, разрушать, строить, подчинять воле, но кое-что они все же не могут. Все, что касается самих заклинателей, им не подвластно. Они не могут сделать себя бессмертными и самыми могущественными, например. Но это, и многое другое, можно сделать с помощью заклинаний.

— А есть такое заклинание, которое сделало бы из меня сразу великого волшебника? Чтобы мой Экриф стал белым, минуя все остальные уровни?

— Конечно!

— Здорово! А где хранятся все эти заклинания?

— Даже не думай об этом! — рассердилась Айя. — Это запретные свитки и их запрещено читать, кому бы то ни было! Ты должен самостоятельно, без помощи колдовства, развивать свою силу и способности! Только темных магов интересуют запретные свитки!

— Хорошо, я все понял, — виновато ответил Джеймс. — А как насчет зелий, зачем они нужны?

— Зелья придают сил, выносливости, могут превратить тебя во что угодно, увеличить или уменьшить, но их действие временное и быстро проходит.

Тем временем, Гарольд снова уложил ветки в кучу и начал высекать огонь по старинке, с помощью камней.

— Может, мне еще разок попробовать, вдруг получится? — воскликнул Джеймс.

— Не стоит! — остановил его Гарольд. — Давай в другой раз.

Поужинав остатками припасов, Джеймс и Гарольд улеглись спать у костра, согревавшего их от свирепого холодного ветра. Укрывшись теплыми одеялами, они, несмотря на все произошедшие в тот день события, попытались заснуть.

Айя устроилась напротив своих спутников, достала из своей сумки тонкую белую ткань и принялась что-то на ней вышивать серебряными нитями, аккуратно делая стежок за стежком. Кропотливая работа длилась уже ни одну ночь, но никто и никогда не замечал этого, потому что эльфийка старалась работать только тогда, когда все остальные спали.

Джеймс долго лежал с закрытыми глазами и не мог уснуть. С одной стороны в его памяти еще были свежи картины страшного подземелья, уродливых гоблинов и Одхана, расставшегося там со своей жизнью. А с другой, мальчика одолевали бурные положительные эмоции в связи с раскрывшимися подробностями его истинного происхождения. Джеймс всю свою жизнь мечтал владеть магией и вот, его мечта осуществилась, правда в несколько иных условиях. В мечтах Джеймса ему не надо было

учиться развивать свои магические способности, и держаться подальше от темных сил, ради спасения своей жизни. Эти нюансы немного омрачали мысли и заставляли задуматься.

Джеймса разбудил внезапный раскат грома, словно щелчком, выведя его из сна. Резко открыв глаза, он вскочил и оперся руками о холодную землю. Взглянув на небо, мальчик увидел, как быстрые белые молнии рассекали тучи и исчезали, оставляя после себя едва заметный глазу след. Грозные тучи нависали над землей и поливали ее редким дождем, который, то прекращался, то начинался вновь. Редкие растения, произраставшие в Сумрачной долине, поднимали свои опущенные головы и раскрывались, жадно впитывая скупую влагу.

Гарольд засыпал костер землей, не надеясь на помощь слабого дождя, собрал вещи в сумку, закинул ее за спину и пошагал вслед за Айей, которая показывала дорогу в Фарас.

Выйдя на вершину холма, путникам вдалеке показался Мертвый лес.

— Нам туда, — уверенно произнесла Айя.

Путники уверенно шли к своей цели. Редкие раскаты грома и яркие вспышки молний сопровождали их всю дорогу. Спустя два часа с того момента, как путники покинули место ночлега, пошел мелкий дождь, временами усиливавшийся до настоящего ливня. Через минуту ливень стихал и превращался в назойливую морось.

Ветер сильными порывами дул прямо в лицо, превращая тонкие капли дождя в острые иглы, на большой скорости, вонзавшиеся в кожу.

Джеймс уже подумывал над тем, чтобы применить свои магические способности и создать невидимую оболочку вокруг себя и своих спутников, чтобы ни дождь, ни ветер не смогли их достать, но потом передумал, вспомнив об инциденте с неудавшимся разведением огня.

— Здесь дождь заканчивается когда-нибудь? — спросил Джеймс у Айи.

— Удивительно, что он вообще начался! — ответила Айя. — Сумрачная долина не изобилует дождями, они в этих местах большая редкость, несмотря на постоянные серые тучи на небе.

Путники приблизились к Мертвому лесу на расстояние одной мили, как вдруг Айя остановилась и схватилась руками за голову. Она что-то почувствовала, что-то не доброе.

— Что ты видишь? — спросил ее Гарольд, но Айя проигнорировала его вопрос. Она, молча, поднялась на вершину очередного холма и стала вглядываться вдаль. Гарольд и Джеймс последовали за ней.

— Я чувствую зло, — тихо произнесла эльфийка. — Оно где-

то совсем рядом.

Гарольд провел взглядом по бескрайним холмам и увидел вдалеке небольшое скопление людей, приблизительно в полутора милях к востоку от них.

— Я вижу людей, вон там, — произнес Гарольд и указал рукой в направлении неизвестного скопления.

— Это не люди, — отрезала Айя.

Гарольд пригляделся хорошенько и воскликнул:

— Это орки!

— Орки?! — испуганно повторил Джеймс. — Что они делают здесь?

— Ты почувствовала их присутствие? — спросил Гарольд.

— Нет, — ответила Айя. — Это что-то другое, кто-то невероятно могущественный. Я чувствую его присутствие здесь, он знает о нашем появлении!

— Идем! — воскликнул Гарольд. — Пока орки не заметили нас, мы доберемся до леса.

— Поздно! — закричала Айя. — Они увидели нас! Они уже бегут сюда, две дюжины хорошо вооруженных воинов!

Гарольд перевел взгляд и увидел, как отряд орков буквально сорвался с места и кинулся им навстречу.

— Бежим! — выдохнул Гарольд и подтолкнул вперед замершего Джеймса.

— Нам надо только добраться до леса, и мы будем в безопасности! — кричала Айя, поворачивая на запад, к Метвому лесу. — Орки побоятся заходить туда и прекратят преследование.

— Слишком далеко, нам не успеть! — воскликнул в ответ Джеймс. — Может, мне попробовать использовать против них мою силу?

— Это очень рискованно! — произнес Гарольд. — Мы успеем!

Орки мчались наперерез со всех ног, быстро сокращая расстояние между своим отрядом и людьми. Вперед, на почтительное расстояние вырвались три самых выносливых и сильных особи, оставляя остальных своих сородичей далеко позади себя. В руках у них были зажаты приготовленные заранее саблевидные клинки.

До леса оставалось всего триста футов, когда быстрые орки настигли людей. Гарольд, понимая, что им не уйти от врагов, остановился и повернулся лицом к приближавшимся противникам.

— Бегите, я задержу их! — крикнул он Айе и Джеймсу. Но они и не думали бежать. Остановившись позади Гарольда, Айя и Джеймс обнажили свои клинки и тоже приготовились к нападению.

Орки налетели как ураган. Они напали на Гарольда втроем, не рассматривая Джеймса и Айю, как угрозу. Им не обязательно было убивать их сейчас, они лишь тянули время до прихода основных сил.

Гарольд отбивал сильные атаки орков, мастерски изворачиваясь и делая коварные выпады в ответ. Обезоружив одного из орков, Гарольд ушел от атаки двух других и вонзил свой меч ему в грудь. Его удар был так силен, что пробил грубые, тяжелые, толстые доспехи с обеих сторон. Черная кровь поверженного врага хлынула из раны. Орк повалился на землю, издав предсмертный хрип. С оставшимися двумя орками Гарольд никак не мог справиться. Отряд орков приближался, нельзя было медлить.

Джеймс убрал клинок обратно на пояс и потер ладони. Он хотел помочь Гарольду справиться с врагами своим способом. Джеймс закрыл глаза.

— Так, сосредоточиться, выбросить все из головы, вспомнить, — бормотал он вслух.

К этому моменту основной отряд врага приблизился на расстояние двадцати футов и готов был разорвать на части Гарольда и остальных его спутников. Вдруг, Джеймс вытянул вперед свою левую руку. Оба орка, атаковавшие Гарольда, неожиданно взмыли в воздух и застыли в таком положении на пару секунд. Затем, они резко полетели назад, на большой скорости врезавшись в своих сородичей и повалив их на землю.

— Скорее, бежим! — прокричал Джеймс. — Пока они не пришли в себя!

Путники рванули в сторону леса, а вдогонку им пустились две дюжины орков. Они ревели и выкрикивали что-то на своем языке.

Добравшись до леса, путники буквально пролетели между деревьев и остановились только тогда, когда разъяренные крики орков стихли. Как и говорила Айя, они побоялись заходить в чащу Мертвого леса и остались на границе Сумрачных полей. Что же это был за лес, которого боялись даже яростные орки? Какие тайны он хранил в себе?

ГЛАВА XIV Дракон!

На закате дня Лиорид, Габриель, Виллем и Одхан пожаловали в Арамунд, в сопровождении командира Кинара и его воинов. Уставшие путники располагались в двух открытых повозках, сопровождавшихся отрядом из десяти всадников. Содержимое повозок оставалось для них тайной, да это было и не важно.

Миновав ворота, караван повернул налево, объезжая еще одну высокую стену — второй рубеж обороны города. Узкая дорога поднималась наверх и выводила на площадь, усыпанную маленькими жилыми домиками. Дома были похожи один на другой, как две капли воды. Серые, безликие, унылые, слегка покосившиеся на бок лачуги, создавали впечатление давно заброшенных жилищ, однако, в них жили люди, снующие по площади, словно муравьи. Каждый из них был занят своим делом, никто не слонялся по улицам бесцельно, за исключением бродяг и нищих.

Караван повернул на широкую улицу, проходившую между жилыми домами. Жители города не обращали на незнакомцев в повозках никакого внимания, у них были занятия поважнее, чем заглядывать в лица незнакомых им людей. На площади расположились семь глубоких колодцев, а в самом ее центре был устроен искусственный ров, доверху наполненный водой.

Преодолев площадь, караван направился через каменный мост, перекинутый через ров, в котором располагались пять огромных арбалетов. Стрелы к ним были заперты в оружейных комнатах, оборудованных неподалеку. У каждого арбалета дежурили по три стражника, специально обученных обращению с ними. На поясе у стражников висели толстые дубины с шипами на концах, а рядом — связка с ключами от оружейных комнат. Ров изнутри был укреплен каменной стеной высотой в шесть футов. У стен стояло несколько повозок, забитых доверху тюками с соломой, служивших излюбленным местом для стражников, пожелавших вздремнуть ночью.

Преодолев мост, караван очутился на дворцовой площади, где располагались казармы для солдат и большие конюшни. Повсюду пылали костры и расхаживали стражники, сняв тяжелые кольчужные доспехи и отложив длинные копья. Шли последние приготовления к ужину. Люди сидели у костров большими компаниями и рассказывали друг другу веселые истории. Звонкий смех то и дело раздавался со всех сторон, привлекая все больше слушателей, которым тоже хотелось повеселиться.

Вдруг, неожиданно, все солдаты разом замолчали и уставились прямо на хаатина, разглядывая его с головы до ног. Словно магнитом, Торн притягивал к себе их внимание. Они сверлили его хмурым взглядом, а некоторые даже приоткрыли рты от удивления. Никогда ранее не видя хаатина воочию, люди не отказывали себе в удовольствии хорошенько его рассмотреть.

Торн ужасно злился из-за этого и старался не смотреть на людей. Он чувствовал себя диковинным зверем на ярмарке, и это было неприятное для него чувство. Лишь когда караван миновал дворцовую площадь, люди вернулись к своим обсуждениям и смешным историям.

Приблизившись к воротам, ведущим к замку, караван остановился.

— Открыть ворота! — приказал Кинар стражникам и те послушно исполнили его указание.

Пройдя через открытые ворота, путники очутились в Придворном квартале. Их взору предстали три улицы, ведущие к дворцу, по краям которых возвышались большие, высотой в два этажа, дома. Когда-то давно в них жили богатые купцы и придворная знать, они были прекрасны снаружи и роскошны внутри, а сейчас эти дома выглядели точно так же, как и покосившиеся домики простолюдинов. Лишь несколько окон озарял тусклый желто-оранжевый свет, остальные же дома пустовали.

Трое стражников вышли навстречу каравану. Кинар остановился перед ними и приказал:

— Отнесите раненого к лекарю, пускай поставит его на ноги! Наших гостей разместить на ночлег, обеспечить всем необходимым! Они очень устали с дороги, поэтому, я думаю, не откажутся от горячей ванны и пары кружек хмельного пива! Повозки закатите в амбар и закройте на ключ! Выставьте круглосуточную охрану!

Стражники внимательно выслушали все указания Кинара и послушно приступили к исполнению. Они осторожно вытащили Орина из повозки и понесли к местному лекарю.

— Не волнуйтесь! — произнес Кинар. — С ним все будет в порядке.

— О, в этом мы не сомневаемся, но с ним рядом должен быть кто-то, когда он придет в сознание, — вежливо сказал Лиорид. — Виллем, присмотри за нашим другом Орином!

Виллем спрыгнул с повозки и, пошатываясь, отправился за стражниками.

— Мы очень признательны вам за ваше гостеприимство! — воскликнул Лиорид. — Но нам просто необходимо встретиться с

правителем Арамунда.

— Не думаю, что сейчас подходящее время для встреч, — сказал Кинар, слезая с лошади. — Уже довольно поздний час. Вы, должно быть, не спали, уже целую вечность, да и вид у вас довольно потрепанный, поэтому отдохните хорошенько, приведите себя в порядок, а завтра днем нанесете визит Фаратину.

— Боюсь, что наши дела не терпят отлагательств, — произнес Лиорид. — Мы были бы весьма признательны, если бы вы сопроводили нас к Фаратину.

Кинар удивился настойчивости Лиорида и согласился сопроводить Габриеля, Торна и Лиорида во дворец.

— Прошу прощения за своих солдат, — сказал Кинар, обращаясь к Торну. — Они не желают вам зла. Многие из них выходцы из простого народа и, конечно же, слышали истории об амулете королей и о предательстве хаатинов, но всегда считали их вымыслом, сказками, которыми пугают детей, поэтому и удивились при виде живого доказательства правдивости этих историй.

— Ничего, я уже привык к такой популярности, — сухо ответил Торн.

— Мой отец всегда учил меня судить о людях по их поступкам, — продолжил Кинар. — Не важно, кто ты: эльф, гном или хаатин. Не важно, какие злодеяния совершали в прошлом твои предки, главное — каков ты сам!

— Ваш отец мудрый человек! — произнес Лиорид. — Жаль, что таких людей уже почти не осталось.

— Мой отец умер в прошлом году, — дрожащим голосом выдохнул Кинар.

— Мне очень жаль! Я вижу, что он многому вас научил.

— Да, а еще отец учил меня никогда не доверять незнакомцам. Так, какое столь срочное дело привело вас в Арамунд? Что заставило вас проделать столь сложный и опасный путь?

— Я не могу сказать, — ответил Лиорид. — Но поверьте, это вопрос жизни и смерти. Прошу, отведите нас во дворец!

— Хорошо, мы почти пришли.

Подойдя к дверям замка, Кинар остановился и повернулся лицом к остальным.

— Ждите меня здесь, я узнаю, примет ли вас Фаратин. Как мне вас представить?

— Скажите, что к нему пожаловал Лиорид, это имя должно быть на слуху у вашего правителя.

— Хорошо, приготовьтесь сдать оружие, иначе внутрь вы не

войдете! Я скоро вернусь.

Кинар скрылся за дворцовыми дверьми, оставив Габриеля, Торна и Лиорида наедине с собой.

— Слушайте внимательно! — воскликнул Лиорид после того, как тяжелая дверь закрылась за Кинаром. — Фаратин не плохой человек, и он недолюбливает своего брата Эриндура, но говорить с ним буду я. Не стоит пока упоминать о Джеймсе и о маршруте его следования. Габриель, ни в коем случае не говори о своем истинном происхождении, пока все не прояснится! Помните, любое сказанное нами случайное слово, может обернуться против нас же самих.

После слов, произнесенных Лиоридом, дверь во дворец отворилась, и из нее показался Кинар, в сопровождении двух стражников.

— Фаратин примет вас! Но сначала вы должны сдать свое оружие, как я и говорил.

Лиорид, Габриель и Торн разоружились и отдали свое снаряжение стражникам. Хаатин не хотел расставаться со своим мечом, но ему все же пришлось это сделать. Впервые он был безоружен и направлялся в логово своих злейших врагов без своего клинка.

— Вы получите его обратно при выходе из дворца, — сказал Кинар. — А сейчас, прошу за мной.

Путники вошли во дворец и оказались в большом тронном зале, в котором царил полумрак. Даже многочисленные свечи и огромные металлические чаши, пылавшие огнем, не могли справиться с темнотой и осветить все его убранство. Большие каменные плиты, уложенные на полу, казались совершенно черными, и лишь на массивных стенах и колоннах, подпиравших высокие потолки, шло представление игры света и тени.

Приблизившись к трону, на котором восседал Фаратин, путники остановились. Кинар поклонился своему правителю и доложил о выполнении своей задачи. Затем, он развернулся и направился к выходу, но Фаратин остановил его.

— Кинар! — окликнул он капитана своего войска. — Останься, у меня к тебе есть разговор. Я думаю, что наши гости не отнимут у меня много времени.

Кинар поклонился еще раз и остался стоять у входа во дворец.

— Стража свободна! — приказал правитель Арамунда и махнул рукой, сверкая дорогими перстнями, двум солдатам, дежурившим у двери, которые незамедлительно удалились.

Поднявшись со своего трона, правитель Арамунда подошел поближе к путникам, осветив тусклым пламенем горевших свечей

половину своего лица, изрезанного морщинами. Он одернул назад тяжелую меховую накидку, путавшуюся под ногами, и осмотрел своих гостей.

— Мы приветствуем тебя, Фаратин — правитель славного города Арамунд! — воскликнул Лиорид и слегка наклонил голову. Оставаясь в таком положении, он перевел взгляд на своих спутников, продолжавших стоять, как ранее, и нахмурил брови. Габриель понял, что от него хочет старец и тоже склонил голову.

Торн знал, как надо вести себя во дворце перед знатными особами, но не собирался кланяться перед человеком. Смерть для него была предпочтительнее, нежели такое унижение. Он стоял с гордо поднятой головой и смотрел Фаратину прямо в глаза. Ему было все равно, что с ним сделают за такую дерзость.

— Хаатин!? — удивленно воскликнул правитель. — Какая редкость в наше время! А я уж думал, что никогда не увижу представителя этого рода, живым! Ты не желаешь выказать мне свое почтение?

— Я никогда не склоню свою голову перед людьми! — прошипел Торн.

Обстановка накалялась. Лиорид перевел взгляд на Кинара. Тот был очень напряжен и держал руку на рукояти меча, готовый мгновенно отреагировать на любой приказ своего правителя. Так как Лиорид, Торн и Габриель сдали все свое оружие, то защищаться им было нечем. Минутную паузу прервал Фаратин.

— Ну что ж, — выдохнул он и сел на свой трон. — Что привело вас в Арамунд? Чем я обязан вам столь поздним визитом?

— Миру грозит опасность, — начал Лиорид. — Прислужники Темного Лорда хотят вернуть его к жизни любым способом. Его самый могущественный ученик Артазар готовится к нападению на Элонию. Он собирает войска и вскоре нанесет удар. Мы должны быть готовы к этому, мы должны защитить наши границы и дать отпор врагам! Главы пяти провинций уже собирают войско, но этого не достаточно. Чтобы одолеть противника, нам нужны все имеющиеся у нас силы.

Фаратин внимательно выслушал Лиорида, затем подпер рукой подбородок и громко засмеялся.

— Таких небылиц я еще не слышал! — сквозь смех произнес Фаратин. — Вы начитались старых сказок видимо! Темный Лорд, война света и тьмы, могущественные маги, что за глупости?

— Вы не верите в историю нашего народа или в то, что это может повториться в наше время? — нахмурившись, спросил Лиорид.

— Я не верю в легенды и мифы, придуманные лишь для

забавы доверчивого народа! — рассерженно воскликнул Фаратин. — Я не сомневаюсь в правдивости некоторых историй, но думаю, что за столько лет они довольно сильно были приукрашены рассказчиками.

— Но вы не можете не доверять летописям, запечатлевшим те страшные события в мельчайших подробностях! Они сохранились, по сей день, и не дают усомниться в правдивости начертанных строк.

— Если и так. С тех пор прошло уже тысячу лет!

— Да, многое из тех событий кануло в лету, что-то ушло в небытие, но лишь на время. Зло затаилось и выжидало подходящего момента, и вот, этот момент настал.

— Откуда ты это знаешь, мудрец? Ты ведь всего лишь хранитель несуществующего амулета, рассказывающий небылицы детям Ревириона!

— Я надеялся, что ты меня вспомнишь, — с улыбкой произнес Лиорид.

— Да, старик в поношенных лохмотьях, с длинной седой бородой. Я тогда подумал, что Вангар сошел с ума, приведя оборванца во дворец, на совет правителей всех провинций Элонии.

— Вангар был хорошим человеком. К большому сожалению, он умер, а его место занял безумный и жестокий убийца невинных людей, имеющий камень вместо живого сердца. Трехтысячное войско Ревириона было бы сейчас весьма кстати.

— Ты и Вангару сумел затуманить рассудок своими сказками! Он был буквально одержим поисками этого амулета, потратил на это десять лет своей жизни. И что он получил в итоге? Меня не удастся провести вокруг пальца, так же, как Вангара, мудрец! Разговор окончен! Кинар, выведи их отсюда!

Кинар обнажил свой клинок и направился в сторону трона. Торн и Габриель уже собирались покинуть тронный зал, но Лиорид не сдавался.

— Неужели ты не видишь, что происходит вокруг? — закричал Лиорид. — Империя пала, ей правят жестокие тираны, которые грабят и убивают свой народ. Законы больше не действуют в этих землях! Брат убивает брата, сын идет на отца, мы сами уничтожаем свой род! Посмотри на свой город, он опустел, зачах. От былого величия Арамунда не осталось и следа, а совсем скоро, он и вовсе исчезнет с лица земли. Наши поля пустуют, деревья засыхают, леса наводнены опасными тварями, которые охотятся на людей. Неужели ты всего этого не замечаешь? Неужели, ты поверишь моим словам только тогда, когда враги будут на твоем пороге? Мне казалось, что Фаратин —

мудрый, достойный и рассудительный человек. Выходит, что я ошибся.

Договорив, Лиорид спокойно направился к двери в сопровождении Кинара, позволившему старику произнести свою речь.

— Постойте, — тихо произнес Фаратин.

Слова, сказанные Лиоридом, ввели его в замешательство. Проникновенная речь мудреца заставила Фаратина переосмыслить многие вещи, а на многое открыть глаза.

— Посмотри мне в глаза, мудрец и скажи, что все то, что ты мне поведал ранее, правда.

Лиорид вновь вернулся к трону, взглянул на подавленного Фаратина и сказал:

— Мы не для того проделали такой огромный путь в Арамунд, чтобы вводить его правителя в заблуждение.

— Сколько времени у нас осталось? — спросил Фаратин и снова медленно опустился на свой трон.

— Боюсь, что не так много, — ответил Лиорид. — Артазар уже дал нам понять о серьезности его намерений. Он собирает армию орков в Темных землях, чтобы напасть на нас. Люди не ждут нападения, поэтому не смогут оказать должного сопротивления.

— Но почему именно сейчас? Прошло уже столько лет.

— Амулет королей, он нашелся. Вернее сказать нашлась только его часть, но она у нас. И в данный момент ведутся поиски второй его половины. Соединив обе части амулета, мы навсегда сможем уничтожить Темного Лорда и все проявления тьмы в нашем мире. Все, что нам нужно — время, которого у нас остается все меньше.

— Вы нашли амулет? Невозможно!

— Это так, первая часть амулета у нас, но если она достанется темным силам, то все будет кончено.

— Постойте! Чтобы соединить две части амулета в единое целое нужен истинный наследник трона Элонии, потомок королевского рода! Но их истребили всех до единого, давным-давно!

— Не всех, — произнес Габриель. Приблизившись к Фаратину, он отогнул ворот и показал свое родимое пятно, причислявшее его к королевскому роду.

— Наш орден оберегал королевских отпрысков от врагов с незапамятных времен, — сказал Лиорид. — Мы прятали их, увозили в другие города, подкидывали семьям, делали все, чтобы сохранить королевский род. Габриель — истинный наследник трона!

— Поразительно, — почти по слогам произнес удивленный Фаратин. — Королевский род не прервался!

— Габриель соединит обе части амулета и займет свое достойное место на троне!

— Как опрометчиво заявлять такое! Появление наследника не сулит нынешним правителям ничего хорошего. Многие захотят его скорейшей смерти и дадут за его голову неплохую награду.

— Я уже довольно долго живу на этом свете и хорошо разбираюсь в людях. За свои годы я повидал многих правителей и наместников, со многими был знаком лично, поэтому я прошу помощи только у тех, чья душа не осквернена алчностью и злобой. Вот почему мы здесь. Но, к моему великому сожалению, нам не обойтись без королевской армии Кронкарда.

— Как же вы планируете убедить моего брата Эриндура отдать всю власть в ваши руки и собственноручно снять с себя корону?

— Я думаю, Фаратин, ты поможешь нам в этом!

— Ты сошел с ума? Эриндур убьет нас всех, когда узнает о наследнике.

— Значит, надо опередить его, — предложил Торн.

— Нет! — возразил Лиорид. — Мы не станем уподобляться таким, как он, решим все мирным путем.

— И как же, интересно? — поинтересовался Фаратин.

— Мы заставим Эриндура передать нам право распоряжаться его войсками и отречься от престола! — воскликнул Лиорид.

— Мне все это кажется дурной затеей, — сказал Фаратин. — Если орки собираются напасть на Элонию, то первым под удар попадет гарнизон Бромир. Именно через него легче всего попасть в страну.

— Орки не самое страшное, что нас ждет, — произнес Лиорид. — Когда Артазар восстановит свои силы, он поднимет из подземного мира Темные легионы — несокрушимую армию, которую ничто не сможет остановить! Орки нужны ему лишь для того, чтобы отвлечь нас от поисков амулета.

— Вы видели этого Артазара вживую? — спросил Фаратин. — Если нет, так откуда вы можете знать, что он вообще существует? Насколько я понимаю, вам нужны мои воины, чтобы сдержать врага! Но кто тогда защитит мой город от нападения? Я не могу оставить Арамунд без защиты, поймите. Варвары наступают на нас с севера, мы едва сдерживаем их натиск. Больше недели назад я послал своих людей в Кронкард, просить помощи у своего брата. С его огромным войском, хотя бы с его частью, мы навсегда бы избавились от этих норгийцев.

— С запада приближается угроза куда страшнее варваров!

— Практически все мои войска сосредоточены у северных границ Элонии, они ждут моего приказа к наступлению.

— Ну, так отзовите их!

— Я не могу этого сделать.

Вдруг, с улицы донесся пронзительный крик людей. Он был такой силы, что кровь стыла в жилах. Мгновенно проникнув во все углы тронного зала, этот ужасный крик затмил собой речь Фаратина и остальных присутствующих во дворце.

Распахнув двери и выбежав наружу, Фаратин, Кинар, Габриель, Лиорид и Торн увидели метавшихся в панике жителей Арамунда. Они кричали и звали на помощь. Среди этих страшных криков одно слово было произнесено особенно четко и ясно, слово, нагонявшее ужас на всех многие тысячелетия — дракон!

Все сразу же устремили свой взор в небо и увидели там гигантское чудовище, приближавшееся к городу со стороны главных ворот. Словно огромная черная туча, он быстро летел по небу, расставив в стороны свои огромные крылья. Волна горячего воздуха прокатилась по городу, являясь предвестником страшной беды.

Не долетев до города четверть мили, дракон обрушил на его стены огненную лавину, сжигавшую дотла все, что попадалось на пути. Стражники, дежурившие на стенах, охваченные огнем, с дикими воплями прыгали вниз с большой высоты. Пламя раскаляло стены добела и оставляло от людей, попавших под его мощную струю лишь горстку черного пепла. Жар, исходивший от дракона, был сравним с солнцем.

Залив стены города огнем, дракон направился к сторожевой башне неподалеку от главных ворот. Собравшиеся там лучники открыли огонь по врагу, чем сильно разозлили его. Чудовище вцепилось в башню своими громадными лапами, и одним выдохом сожгла всех, кто на ней находился.

Фаратин и окружавшие его люди стояли, словно статуи, и наблюдали за ужасными вещами, творившимися в Арамунде. На мгновение они замерли на своих местах и не могли пошевелиться. Когда ужас от увиденного прошел, Фаратин пришел в себя и закричал:

— Кинар, труби в горны! Собирай людей!

Кинар тут же рванулся с места и побежал к двум огромным горнам, находившимся за дворцом. Нужно было подать сигнал тревоги, хотя вряд ли кто-то все еще спал в эту страшную ночь.

— Стража! — крикнул Фаратин. — Всех имеющихся лучников к воротам! Разбирайте копья! И приведите мне коня!

Раздался протяжный звук горна, оповещая всех жителей города о явной угрозе.

— Смотрите! — воскликнул Габриель. — В небе!

Вслед за черным драконом, в небе появились едва различимые расплывчатые силуэты, которые приобретали очертания небольших ящеров. Их было больше сотни, и они быстро приближались к городу.

— Шиниды, — произнес Лиорид протяжно.

— Кто? — переспросил Габриель.

— Чародеи, прислужники темных сил.

Торн схватил свое снаряжение и уверенно направился к воротам. Габриель сделал то же самое, но Лиорид попытался остановить его, схватив за руку.

— Мне не нужна нянька! — воскликнул он и одернул руку. — Нельзя просто стоять и смотреть, как погибают ни в чем не повинные люди!

Тем временем, дракон кружил над маленькими, деревянными домиками и поливал их огнем. Люди в панике разбегались в разные стороны. Они кричали от ужаса и бежали вперед, не оглядываясь.

Только одна женщина, рыдая, бросилась к месту, над которым кружило страшное чудовище. Она бежала к своему дому, где кричал трехмесячный младенец. Не успев добежать до дома десяти шагов, женщина упала на землю от ударившего ей в лицо жара от огня, который мгновенно сжег дотла ее дом.

Убитая горем, женщина встала на ноги и подняла обожженное лицо вверх, дожидаясь смерти, но дракон потерял интерес к жилому кварталу Арамунда и направился обратно к воротам, где уже собрались две сотни лучников и натянули тугую тетиву своих длинных луков. К ним же, на своем коне мчался Фаратин с мечом в руке.

Полсотни воинов с копьями в руках высыпали на площадь и ждали дальнейших указаний. У них был приказ атаковать врага по готовности, поэтому они поджидали удобного случая, чтобы проткнуть своим острым копьем сердце грозного чудовища. Во главе их отряда находился Кинар.

В это время, ящеры влетели в город и неожиданно напали на отряд Кинара. На лету принимая человеческий облик, шиниды буквально с небес обрушились на солдат. Они наносили смертельные раны своими ядовитыми зелеными кинжалами и в первые минуты боя перебили половину отряда.

Неожиданно, на помощь им пришел Торн. Словно на крыльях влетев в самое сердце битвы, он быстро расправлялся с целыми толпами врагов, и делал он это так искусно, что невольно привлекал внимание остальных.

Через минуту к Торну присоединились Габриель и Лиорид.

Они втроем здорово выручили Кинара и его воинов, которые уже были близки к поражению.

— Не прикасайтесь к кинжалам, они ядовиты! — предупредил Лиорид. — Не дайте себя ранить, иначе умрете!

Лучники осыпали дракона градом стрел, но большинство из них не достигало цели, и, рассекая воздух, падало на землю, втыкаясь в деревянные дома, в почву, со звоном отскакивая от стен.

Дракон сделал небольшой круг в воздухе, развернулся и направился прямо на лучников. Открыв свою широкую пасть, он изверг из нее огненную струю, которая накрыла отряд стрелков.

Фаратин, не успевший добраться до своих солдат, был сбит с ног волной горячего воздуха. Его лошадь, встав на дыбы, замертво повалилась на бок и придавила его ногу. Он попытался выбраться, но нога была крепко зажата и не поддавалась. Фаратин остался один на один с чудовищем, которое кружило над ним.

Сделав небольшой круг, дракон приземлился рядом с правителем Арамунда и направился прямо на него, передвигая свои мощные лапы по земле. Его устрашающие желтые глаза с черными узкими зрачками смотрели точно в сторону беспомощного Фаратина. Земля дрожала при каждом шаге огромного огнедышащего дракона. Его чешуя блестела и переливалась в лунном свете, словно редкий драгоценный камень. Громадные крылья даже в сложенном положении задевали крыши домов и сносили ветхие ограждения.

Фаратин безуспешно пытался выбраться из-под умершей лошади. Он смотрел в глаза смерти, которая приближалась с каждой секундой. Вдруг, слева от Фаратина, из проулка, в дракона полетело копье. Просвистев в воздухе, оно воткнулось чудовищу в шею, но тут же отскочило в сторону, словно от камня.

Дракон мгновенно среагировал и повернулся. Хаатин, метнувший копье, быстро отскочил в сторону, увернувшись от языков жгучего пламени. Проскользнув между домами, Торн уводил дракона подальше от Фаратина.

Тем временем, Габриель, Лиорид и Кинар, расправившись с отрядом Шинидов, подоспели на помощь к правителю Арамунда. Они вытащили его ногу и подняли на ноги.

— Нужно убить эту тварь! — воскликнул Фаратин. — Пока она не уничтожила весь город!

Виллема разбудил странный шум, который шел с улицы. Потерев заспанные глаза, он встал с кровати и направился к выходу. Потягиваясь и сладко зевая, Виллем вышел на улицу. То, что он там увидел, заставило его несколько раз ударить себя по

щекам, чтобы убедиться, что это был не сон.

Город был полностью охвачен огнем. Широкие столбы черного дыма поднимались наверх и рассеивались в воздухе. Некоторые лачуги уже успели выгореть полностью, оставив после себя груду обломков, посыпанных пеплом. Люди кричали и метались по городу в поисках укрытия. Повсюду в воздухе висел запах гари.

Солдаты небольшими, разрозненными отрядами сражались с шинидами, а в центре Арамунда, над домами кружил огромный черный дракон. Словно ад разверзся над городом и затягивал его в свои глубины.

Виллем глубоко вздохнул и попытался разглядеть с возвышенности своих спутников, но в такой суете это было бесполезным занятием. Тогда он выхватил свой меч и направился к ближайшему месту сражения, на помощь городским стражникам.

Дракон, потеряв Торна из виду, вновь взмыл в небо и начал кружить над городом. Он словно любовался своей работой с высоты птичьего полета, наблюдая за сражением шинидов и людей. Тут, его внимание привлекли жители города, толпами, бежавшие к дворцу. Это была отличная мишень для дракона, и он, накренившись вправо, решил сделать круг и уничтожить людей скопом.

Торн подбежал к Фаратину и закричал:

— Отдайте приказ зарядить арбалеты!

— Что? — удивился Фаратин. — Это не поможет, арбалеты слишком не поворотливы для такой хитрой твари!

— Отдайте приказ! — практически по слогам произнес Торн.

— Все мои арбалетчики мертвы! — воскликнул Фаратин. — Кому мне приказывать?!

— Мне, — произнес вдруг Кинар. — Я смогу управиться с ними, к тому же, у меня есть ключи от оружейных комнат.

— Мы поможем зарядить арбалеты! — сказал Лиорид.

— Хорошо, идем! — воскликнул Фаратин и направился к орудиям вместе со всеми. — Надеюсь, твой план удастся, хаатин!

Виллем сражался вместе с солдатами Арамунда, убивая шинидов одного за другим. Слева от себя, в пятидесяти футах, он заметил толпу обезумевших людей, направлявшихся через дворцовую площадь во дворец. Затем, он перевел взгляд на дракона, который уже успел сделать круг над городом и летел прямо на столпившихся жителей, расправив свои огромные крылья. Люди были так напуганы, что уже не замечали опасности с воздуха.

Отбившись от очередной атаки чародея, Виллем бросился к

людям. Он кричал им, предупреждая о драконе, но его никто не слышал. Тогда Виллем схватил с земли копье и метнул его в небо, пытаясь сбить дракона с намеченного курса. Копье пролетело рядом с головой огнедышащего чудовища и растворилось в ночном небе. Хоть Виллем и не попал в дракона, но он отвлек его внимание на себя, что позволило жителям города безопасно добраться до дворца.

Дракон взревел и устремился к Виллему, камнем падая вниз. Виллем на мгновение застыл на месте от неожиданности, а затем побежал со всех ног навстречу дракону через каменный мост в сожженный жилой квартал. Чудовище пролетело мимо и пошло на следующий круг.

Кинар открыл хранилище, из которого они достали пять тяжелых, деревянных стрел со стальными наконечниками. Стрелы были настолько тяжелы, что унести их могли как минимум двое крепких мужчин.

Поместив стрелу на орудии, Торн и Кинар натянули тугую тетиву с помощью специального барабана и закрепили канат, привязав его к металлическому кольцу.

— Механизм не работает! — предупредил Кинар. — Для того, чтобы произвести выстрел, нужно будет перерубить канат!

— Хорошо, — произнес Торн. — Нас пятеро, здесь пять орудий, нужно распределиться! Каждый возьмет по орудию, стреляйте, когда будете готовы!

— Цельтесь в брюхо! — посоветовал Лиорид. — Там у них слабое место. Чешуя драконов тверже камня и прочнее металла!

Хаатину достался арбалет, располагавшийся в самом центре. Неподалеку от него лежала длинная цепь, вмурованная в каменную стену оружейного хранилища. Недолго думая, Торн прикрепил эту цепь к стреле и обнажил свой клинок, готовый в любой момент разрубить канат и пустить стрелу в черного дракона.

— Дракон слишком далеко, нам его не достать! — крикнул Габриель.

— Нужно, чтобы кто-то завлек его, выманил дракона на нас! — предложил Фаратин.

Торн, молча, сорвался с места, перемахнул через шестифутовую стену и побежал прямиком на дракона. Дойдя до самых ворот, хаатин остановился и поднял глаза в небо. Словно почувствовав на себе чей-то взгляд, дракон развернулся и направился к хаатину. Поняв, что дело сделано, Торн рванул со всех ног обратно к орудию. Он бежал, не оглядываясь, едва касаясь земли. Хаатин чувствовал на себе горячее дыхание приближавшегося к нему чудовища. Оно подталкивало его вперед

и обжигало кожу.

Дракон расправил крылья и парил так низко над землей, что казалось, будто он не летел, а бежал вслед за хаатином. Чудовище уже разинуло пасть и приготовилось испепелить Торна, как он закричал:

— Стреляйте!

Раздались глухие щелчки, и в дракона полетели четыре огромные стрелы, медленно поворачиваясь в полете вокруг своей оси. Неожиданно, дракон поставил крылья под другим углом и мгновенно взмыл в небо. Стрелы со свистом пролетели над головой хаатина и разбились о каменные стены, вместе с последней надеждой на победу.

Тем временем, дракон вновь опустился к земле и снова открыл пасть, подбираясь поближе к Торну. И вот, когда между ними оставалось всего сто футов, дракон приподнял голову и выпустил струю огня в сторону убегавшего хаатина. Вот и все, Торн стал очередной жертвой огнедышащего чудовища.

Но не тут-то было! Хаатин успел добежать до оврага и спрыгнуть вниз в последнюю секунду. Языки страшного пламени прошли в нескольких дюймах от его головы. Торн благополучно упал на телегу, заполненную тюками с соломой, перекатился через плечо и в два прыжка добрался до своего нетронутого орудия. Одним взмахом клинка он перерубил канат и выпустил стрелу, которая угодила дракону в правое крыло.

Издав оглушительный рев, раненый дракон поспешил покинуть место сражения, но цепь, прикрепленная хаатином к стреле, не позволила ему улететь далеко. Резко одернув огнедышащее чудовище назад, цепь натянулась, словно струна и не давала дракону вырваться. Он метался по сторонам, изрыгая лавину огня, и ревел от боли.

Торн, Габриель и Кинар побежали за стрелами, чтобы добить раненое чудовище, но не успели. Дракон сильным рывком вырвал цепь из стены и улетел туда, откуда появился. Все было кончено, на этот раз.

Пожар потушили только к утру. Обезумевшие жители города искали под завалами домов своих близких. Солдаты собирали с улиц тела погибших и сваливали их на площади. Все это происходило молча. На улицах Арамунда можно было услышать лишь рыдание жен и матерей, плач детей и редкие переговоры солдат между собой.

Фаратин приблизился к Торну и положил свою руку ему на плечо.

— Спасибо! — с дрожью в голосе произнес он. — Я обязан тебе жизнью! Ты спас много жизней сегодня! Ты рисковал собой

ради нас! Арамунд и все его жители в неоплатном долгу перед тобой!

Торн промолчал в ответ. Ему не знакомы были слова благодарности, произнесенные людьми, поэтому он не знал, как вести себя в такой ситуации. Оглянувшись вокруг, он увидел одобрительные взгляды солдат и жителей города, ради спасения которых рисковал своей жизнью. Они улыбались сквозь слезы, глядя на хаатина.

Впервые за столько лет он не чувствовал себя чужим среди людей. Впервые люди благодарили его, а не плевали в его сторону. Эта ночь стала для Торна особенной. Она явилась переломным моментом в его отношении к людям. Так может Торн теперь перестанет ненавидеть всех людей без разбора? Время это покажет!

— Вы очень помогли нам! — воскликнул Фаратин, обращаясь к Лиориду и Габриелю.

— Это только начало, — произнес Лиорид. — Сила Артазара растет, и скоро мы не сможем сдержать его натиск!

— Кинар! — крикнул Фаратин. — Немедленно пошли гонцов в Араан Ваал! Отзови наши войска от северных границ, хватит им прохлаждаться без дела!

— Я знал, что мы найдем общий язык, — сказал Лиорид.

— Буду рад помочь! — произнес Фаратин. — А сейчас прошу меня извинить, я должен осмотреть город. Мой замок в вашем полном распоряжении, если он уцелел, конечно!

— Спасибо, мы непременно воспользуемся приглашением! — ответил Лиорид.

— Я хотел бы извиниться перед тобой, хаатин, — выдавил из себя Габриель.

— У тебя еще будет такая возможность! — перебил его Торн и отошел в сторону.

— Что здесь вообще произошло? — прокричал Виллем, который впервые за эту ночь увидел своих спутников.

— Темные силы перешли в наступление, — тихо ответил Лиорид. — Как бы там ни было, мы справились с поставленной задачей. Войска Арамунда поддержат нас в войне.

— Ты думаешь, что война все-таки будет? — спросил Габриель.

— Она неизбежна! — загадочно ответил Лиорид. — Эти всего лишь вопрос времени.

ГЛАВА XXV В замке Темного Лорда

Мертвый лес был ужасным, мрачным местом. Он состоял из высоких, черных, искривленных деревьев, на сухих ветвях которых не было ни одного зеленого листочка. Эти деревья, словно недвижимые стражи, охраняли Фарас от любопытных глаз. Не каждый решался рискнуть своей жизнью и войти в этот лес, ведь древние легенды гласили о неведомых существах, населявших его.

Джеймс, Гарольд и Айя уже больше трех часов блуждали по лесу, пытаясь выйти к замку Ротарима, давно заброшенному и запечатанному Верховными магами. Под ногами у них хрустели опавшие ветки, а над головой плыли грозные серые тучи.

Айя чувствовала себя плохо с того момента, как они вошли в Мертвый лес. Это жуткое место медленно отнимало у нее силы и притупляло способность читать мысли и видеть на расстоянии. Пробегая холодком и мелкой дрожью по телу, тьма терзала Айю, окутывая ее своими крепкими силками. Закатив глаза, эльфийка вдруг рухнула без сознания на землю.

Джеймс и Гарольд тут же подоспели на помощь, приведя Айю в чувства и подняв на ноги.

— Что с тобой происходит? — спросил встревоженный Гарольд.

— Это место насквозь пропитано тьмой! — задыхаясь, ответила Айя. — Этот лес, он не живой. Вся природа этого когда-то чудесного места была уничтожена черной магией Темного Лорда. Для эльфов нахождение здесь подобно смерти!

— Да уж, место и впрямь жуткое, — оглядываясь вокруг, согласился Джеймс.

— Давайте, скорее, доберемся до Фараса, заберем книгу и покинем этот проклятый лес! — воскликнул Гарольд.

— Все не так просто, — возразила Айя. — Этот лес заколдован. Он не пропустит нас к Фарасу и будет водить кругами, пока мы не умрем от жажды или не сойдем с ума.

— Что?! — удивился Джеймс. — А ты не могла нам сказать об этом чуть пораньше, на совете в Соколином замке, например!

— Это ничего бы не изменило. Другого пути нет.

— И что нам теперь делать? — поинтересовался Гарольд.

— Я смогу провести нас, но для этого мне потребуются все мои силы, которых уже практически не осталось.

— То есть ты хочешь сказать, что мы застряли тут навсегда? — спросил Джеймс.

— Нет, но мне нужно немного времени, чтобы собраться.

Пожалуйста, не мешайте мне.

Айя опустилась на землю и, закрыв глаза, коснулась ее своими ладонями. Джеймс и Гарольд наблюдали за ней со стороны, стараясь не издавать ни звука. Спустя четверть часа, эльфийка закончила свои приготовления и быстро направилась в чащу Мертвого леса.

— Идите за мной! — крикнула она своим спутникам, скрываясь за деревьями.

Айя шла так быстро, что Джеймс и Гарольд едва могли за ней угнаться. Будто кто-то взял ее за руку и тянул за собой, показывая единственно верную дорогу к убежищу Темного Лорда.

Тучи все больше сгущались над лесом. С оглушительным грохотом они сталкивались друг с другом, высекая белые молнии. Яркие, ослепительные вспышки мелькали перед глазами и заставляли невольно отворачивать голову. Вдалеке слышался треск падавших деревьев, принявших на себя мощный удар стихии.

Спустя несколько часов блужданий по Мертвому лесу, путники, наконец, вышли из него и очутились прямо перед огромным замком. Замок находился в самом центре безжизненного леса, на небольшом каменном островке, окруженном бездонной широкой пропастью. Через пропасть был перекинут ветхий подвесной мост, состоявший из канатов и рассохшихся дощечек в роли настила. Это был единственный мост, по которому можно было попасть к замку. Приблизившись к краю пропасти, путники остановились.

— Мы на месте, — произнесла Айя.

— Нам придется перейти через этот мост? — спросил Джеймс, недоверчиво поглядывая на переправу. — Ему же тысяча лет, если не больше! Он не рассыплется от малейшего прикосновения?

— Сейчас мы это выясним, — сказал Гарольд и направился к мосту. — Ну, вы идете?

— Я не могу пойти с вами, — предупредила Айя. — Это запретное для меня место, я умру, если ступлю на землю Фараса.

— Нам не справиться без тебя, — произнес Гарольд. — Как мы найдем книгу без твоей помощи?

— Я останусь здесь, но мысленно буду с вами! Я буду видеть все, что будут видеть глаза Джеймса и направлю вас в нужном направлении.

— Хорошо! Идем, Джеймс!

— Будьте очень внимательны и осторожны! Несмотря на то, что Фарас был оставлен Темным Лордом давным-давно, ловушки, расставленные им, все еще действуют!

Гарольд и Джеймс направились к замку через подвесной мост. От каждого их шага мост раскачивался по сторонам, приводя Джеймса в оцепенение. Услышав очередной скрип под ногами, он крепко цеплялся руками за канаты. Джеймс прощупывал ногой каждую деревянную дощечку, прежде чем встать на нее.

С большим трудом преодолев мост, Гарольд и Джеймс ступили на черные земли Фараса. Испытывая тревожные чувства, они направились к замку, находившемуся в двухстах футах от моста.

— Я не понимаю одного, — сказал Джеймс. — Почему Артазар до сих пор не забрал эту книгу и не нашел с ее помощью вторую часть амулета?

— Потому что он не смог бы этого сделать! — раздался, вдруг, голос Айи в головах Гарольда и Джеймса. — Верховные маги запечатали вход в замок, тем самым оградив священные писания от темных сил.

С каждым последующим шагом путники приближались к зловещему замку. Он был действительно пугающим и ужасным. Его черные стены возвышались над землей на сто футов и упирались в серое небо остроконечными шпилями высоких многочисленных башен. Огромные статуи уродливых гарпий располагались на его крыше и на фасаде. Раскинув свои каменные крылья в стороны, они охраняли покой замка, предупреждая незваных гостей об опасности всем своим грозным видом. При таких внушительных размерах, в замке Темного Лорда не было ни одного окна.

Подойдя к громадной двери, опутанной черной паутиной, Гарольд и Джеймс остановились. Справа на этой массивной двери виднелась круглая ручка, выполненная в форме оскалившейся пасти какого-то зверя. Джеймс поднялся по широким ступеням к двери и попытался открыть ее. Он протянул руку к дверной ручке и уже хотел ухватить ее, но наткнулся на невидимую стену, не пропустившую его дальше.

— Защита Верховных магов, — раздался голос Айи. — Достань часть амулета и вытяни ее вперед на своей ладони!

Джеймс сделал все, что просила Айя. Вдруг, половинка амулета засияла ярким белым светом и паутина, окутывавшая дверь, тут же расползлась в стороны, словно подпаленная огнем, освободив проход. Джеймс осторожно взялся за ручку двери и толкнул ее от себя. Даже небольшого усилия хватило, чтобы тяжелая дверь отворилась настежь, позволяя путникам войти внутрь замка, в кромешную тьму, полностью поглотившую его.

Оказавшись внутри замка, Гарольд и Джеймс не решились

идти дальше, потому что из-за непроглядной темноты не было ничего видно. Даже вытянутая перед собой рука, казалось, исчезала, растворяясь в кромешной тьме.

Вдруг, слева и справа от путников вспыхнул огонь, немного приоткрыв темную завесу мрачных коридоров зловещего замка. Огонь, словно раздуваемый ветром, побежал по узким желобкам вдоль стен, освещая огромный зал, в котором находились Гарольд и Джеймс. Через мгновение тяжелая входная дверь с большой скоростью захлопнулась, отрезав им путь к отступлению.

Открыв рты от удивления, они прошлись взглядом по высоким квадратным колоннам, на которые опирались тяжелые балки, по глянцевому мозаичному полу, сверкавшему так, словно его только что отполировали. У стен, между колоннами, застыв в вечном ожидании свободы, возвышались четыре огромных статуи каменных воинов, занесших свои увесистые молоты над, защищенными стальными шлемами, головами. Они были высотой футов в тридцать, не меньше. Склонив свои головы вниз, они смотрели прямо на Джеймса и Гарольда, словно провожая их суровым взглядом. В замке было так тихо, что каждый шаг, сделанный путниками, издавал сильный и громкий звук, будто кто-то молотом ударял по наковальне.

Добравшись до конца огромного зала, Джеймс и Гарольд прошли сквозь небольшую арку и очутились в длинном, узком коридоре, на стенах которого были начертаны непонятные символы.

— Айя, ты слышишь меня? — прошептал Джеймс. — Куда нам идти дальше?

— В конце коридора будет развилка, поверните на ней налево, — раздался голос Айи. — Вы упретесь в узкую дверь, которая ведет на нижний этаж, к библиотеке.

— Гарольд, ты это слышал? — спросил Джеймс. — Ты тоже слышишь у себя в голове ее голос?

— Я слышу то же, что и ты, — ответил Гарольд.

За дверью, к которой направила Айя, оказалась винтовая лестница, уходившая глубоко под землю. Спустившись вниз, Гарольд и Джеймс очутились в лабораториях Фараса.

Длинные деревянные столы были заполнены различными колбами, мензурками, емкостями с неизвестным содержимым. В центре лаборатории располагался высокий штатив. На нем стояла толстая открытая книга с пожелтевшими от времени страницами, покрытыми слоем вековой пыли.

— Здесь изготавливались ужасные зелья, которые использовались учениками Ротарима и им самим для своих злодеяний! — поведала Айя.

Джеймс сделал пару шагов по направлению к штативу, чтобы удовлетворить свое любопытство, но книга неожиданно вспыхнула желтым пламенем, превратившему все хранившиеся в ней секреты в горстку пепла.

— Ни к чему здесь не прикасайтесь! — предостерегла Айя.

Пройдя через лабораторию, Гарольд и Джеймс очутились в комнате с четырьмя колоннами, выложенными из камней. Каждая колонна состояла из семи равных частей, разделенных между собой тонкими пластинами. Из стены, располагавшейся напротив двери, в которую вошли путники, торчали острые пирамидальные шипы.

— Отсюда нет выхода, — произнес Гарольд, осматривая стены. — Здесь только одна дверь.

— Вы видите перед собой стену с шипами, — сказала Айя. — Идите прямо на нее.

— Что? — возмутился Джеймс. — Там же огромные острые шипы!

— Это иллюзия, — успокоила Айя. — Зрительный обман. Верховные маги хотели защитить книгу, оставленную ими в библиотеке Фараса, поэтому оставили после себя ловушки. Не бойтесь!

— Легко говорить, — почти шепотом произнес Джеймс.

Гарольд первым подошел к стене и, вытянув руку, попытался коснуться железных шипов, но его рука прошла сквозь их острую твердь и скрылась за фальшивой стеной. Сделав еще шаг, Гарольд прошел сквозь стену, как заправский фокусник, и оказался перед дверью, ведущей в библиотеку.

Джеймс, закрыв глаза, разбежался и совершил прыжок, уткнувшись прямо в спину Гарольда.

Открыв скрипучую дверь, Джеймс и Гарольд вошли в библиотеку, освещенную тысячами свеч. Библиотека удивляла своими огромными размерами. Стеллажи, высотой до самого потолка, тянулись вдоль стен, на целую милю, вмещая в себя миллионы книг. Самые разные по размеру и цвету, по объему и форме, по переплету и содержанию, здесь, казалось, были собраны абсолютно все книги за всю историю существования мира.

— Ого! — воскликнул Джеймс. — Столько книг, как же нам найти нужную?

Но на удивление Джеймса Айя не ответила на его вопрос.

— Айя! — крикнул Джеймс. — С ней что-то случилось! Почему она не отвечает?

— Не знаю, возможно, потеряла мысленную связь с нами, — ответил Гарольд. — Я уверен, что с ней все в порядке! Нужно

найти книгу и выбираться отсюда!

— Но как? Здесь тысячи книг, как мы узнаем, которая из них наша?

— Достань амулет!

Джеймс вынул из-под рубахи часть амулета и положил ее на ладонь. Вдруг, вещица вновь засияла ярким светом. Тут же, справа от Гарольда и Джеймса, на самой верхней полке таким же ярким светом начала светиться одна книга.

— Вон она! — воскликнул Джеймс. — Здесь нет никакой лестницы?

— Ты сможешь ее достать? — спросил Гарольд. — Воспользуйся своими магическими способностями!

— Хорошо, я попробую, — согласился Джеймс.

Ему потребовалось достаточно много времени, чтобы сосредоточиться. Он вытянул руку и направил ее к цели. Вдруг, со всех стеллажей начали вылетать книги и с грохотом падать на пол. Миллионы книг, шурша страницами, образовывали горы, которые быстро вырастали до потолка.

— Я не хотел этого! — в оправдание крикнул Джеймс. — Сейчас я все исправлю!

— Нет! Ты сделаешь только хуже! — остановил его Гарольд и принялся рыться в нарастающей с каждой секундой куче книг, отбрасывая ненужные экземпляры в сторону.

— Она все еще должна светиться! — воскликнул Джеймс и вновь полез за пазуху за амулетом. Положив светящийся амулет себе на ладонь, Джеймс стал вглядываться в большие стопки книг и вскоре увидел проблески света. Он кинулся к книжной куче и через несколько минут активного поиска достал светящуюся рукопись.

— Я нашел ее! — воскликнул Джеймс. — Она у меня! Джеймс держал в руках небольшую книгу темно-коричневого цвета в мягкой обложке, на которой ничего не было изображено.

— Уходим отсюда! — прокричал Гарольд, и они с Джеймсом покинули разгромленную библиотеку Фараса.

— Айя, книга у нас, ты слышишь? — громко произнес Джеймс, но ему никто не ответил.

Они бежали по длинному коридору, назад к входной двери. Джеймс сжимал в руках заветную книгу и был весьма доволен тем, что все прошло практически гладко. Он думал, что добыть книгу будет куда сложнее, но к своему счастью он ошибался. Или думал, что ошибался.

Преодолев арочный проход и очутившись в зале с огромными каменными статуями, Джеймс и Гарольд остановились.

У самой двери стоял странный человек, преградивший им

проход. На нем была длинная черная мантия, которая доходила до самого пола, с высоким жестким воротом. Его темные длинные волосы были аккуратно убраны назад и спускались до плеч. Суровый взгляд незнакомца ловил каждое движение, удивленных и напуганных одновременно, Джеймса и Гарольда, пока не остановился на книге. Его глаза загорелись, а вытянутое лицо расплылось в довольной улыбке.

— Мне нужна эта книга, — медленно произнес незнакомец спокойным тоном. — Отдайте ее!

Вдруг, Джеймс почувствовал сильную боль в груди. Он уже испытывал нечто подобное ранее, когда ему снились ночные кошмары.

— Это он, — прошептал Джеймс. — Это Артазар!

— Откуда ты знаешь? — спросил Гарольд, не сводя глаз с незнакомца.

— Это он, я чувствую это! Я уже видел его в своих кошмарах и ни с кем не спутаю!

Тогда Гарольд выхватил свой меч и направил его в сторону незнакомца. Тот лишь громко расхохотался в ответ. Угрожать темному магу мечом мог лишь глупец, либо тот, у которого не было другого выхода.

В глазах Артазара начинала расползаться тьма, занимая все уголки, пока они не стали совсем черными.

— Отдайте мне книгу! — медным вибрирующим басом прокричал Артазар.

— Ты не получишь ее! — воскликнул Гарольд и понемногу начал пятиться назад, вместе с Джеймсом.

— Сейчас посмотрим! — произнес черный маг.

Артазар щелкнул пальцами и в воздухе, над его ладонью, образовался небольшой огненный шар. Он был полностью под контролем темного мага и вращался вокруг своей оси, набирая силу и увеличиваясь в размерах.

— Вы, люди, до сих пор думаете, что сможете победить в этой войне? Вы слишком слабы для этого!

— Один раз мы уже выиграли войну, сделаем это снова!

— В прошлый раз вам помогли эльфы, гномы и Верховные маги! Где они сейчас? Вы потеряли всех своих союзников!

— В этом ты ошибаешься! — воскликнул Джеймс.

— Единственный эльф, согласившийся провести вас сюда, погиб от моей руки!

— Нет, не может быть! Ты врешь! — закричал Джеймс.

Вдруг, Артазар сжал руку в кулак, и огненный шар лопнул, словно мыльный пузырь, разбросав груду искр по полу. Затем, он резко выбросил руку вперед, и на Гарольда с Джеймсом полетела

огненная струя. Она вышла прямо из ладони Артазара и, расширившись, обрушилась на людей.

Гарольд лишь успел закрыть глаза и отвернуть голову в сторону. Все произошло так быстро, что он не успел среагировать и пустить в ход свой меч. Но сейчас все было кончено. Гарольд не боялся отдать свою жизнь, он думал о другом. Он думал о том, что не смог защитить Джеймса и Айю, о том, что не оправдал доверие Лиорида, который поручил ему столь важную миссию. Теперь, Артазар завладеет амулетом и погрузит мир во тьму. И все из-за него!

Жар обжигал лицо Гарольда, но он по-прежнему оставался жив. Открыв глаза, он увидел, как яростное, дикое пламя наткнулось на невидимую защитную сферу, которую в последний момент смог поставить Джеймс. Вытянув обе руки вперед, он держал оборону и не позволял языкам пламени прорваться внутрь оболочки. Обволакивая невидимую сферу со всех сторон, огонь безнадежно бился об ее крепкие стенки с такой силой, что Джеймс едва держался на своих ногах. На этот раз юному волшебнику не понадобились долгие приготовления, для того, чтобы сотворить чудо. Хоть у Джеймса и получилось это случайно, но все же он мог гордиться собой, так как спас жизнь не только себе, но и Гарольду, который не переставал удивляться возможностям мальчика.

— Этого не может быть! — взревел Артазар и погасил пламя. — Кто ты такой?

— Я тот, кто тебе не по зубам! — ответил Джеймс.

— Джеймс, бежим, скорее! — воскликнул Гарольд и, схватив Джеймса за руку, побежал обратно по коридору.

Артазар не пустился им вдогонку. Вместо этого, он потер ладони друг об друга, образовывая серое бесформенное облако вокруг них. Затем, он напустил это облако на огромные недвижимые статуи, которое сразу же впиталось в камень.

Вдруг, раздался оглушительный треск. Статуи ожили, медленно опустив свои громадные молоты и устремив свой взор на темного мага. Они ждали его приказа, и он последовал незамедлительно — убить!

Сойдя со своих постаментов, великаны приступили к выполнению поставленной им задачи. Они пустились вдогонку за Гарольдом и Джеймсом, делая огромные шаги и сотрясая стены замка.

Повернув направо в коридоре, Джеймс и Гарольд прокладывали маршрут наугад. Сейчас помощь Айи была им необходима, как никогда ранее. Войдя в очередную дверь, они очутились в просторном зале с высокими сводчатыми потолками

и полом, выложенным черными глянцевыми плитами. Зал освещали несколько сотен свечей, которые располагались по кругу на огромных люстрах, свисавших с потолка.

— Это и, правда, был Артазар! — запыхавшись, сказал Джеймс. — Он выглядел как обычный человек, только его глаза, ты видел?

— Он может принимать любой облик! — предупредил Гарольд. — Он может быть кем угодно, но это не человек! Его истинная наружность намного ужаснее, это настоящее чудовище! Нам нужно выбираться отсюда, пока он не достал нас!

— Он не почувствовал присутствие амулета, — произнес Джеймс.

— Он еще слишком слаб, — предположил Гарольд.

Гарольд сделал пару шагов, но Джеймс громким выкриком остановил его.

— Посмотри на пол! — воскликнул Джеймс. — Видишь, от некоторых плит исходит свечение! Амулет указывает нам на опасные места. Наверняка это ловушки, расставленные Темным Лордом! Нужно обходить светящиеся плиты стороной.

Вдруг, Гарольд и Джеймс услышали громкие шаги за только что захлопнувшейся дверью и почувствовали, как сильно задрожали стены. Через несколько мгновений все прекратилось, и они вздохнули с облегчением, но в следующую секунду стена, разделявшая зал и коридор, разлетелась на куски от яростного удара крепкого молота.

Стражи Фараса, направленные Артазаром, чтобы убить юного мага и его защитника, были уже очень близки к своей цели.

С ужасом взглянув на оживших каменных великанов, Джеймс и Гарольд бросились бежать, аккуратно петляя между подсвеченными плитами.

Ворвавшись в комнату, трое стражей кинулись в погоню за убегавшими людьми. Один из великанов, наступив на светящуюся плиту, тут же стал покрываться черной пеленой с ног до головы. Она быстро окутала его и превратила в пепел, разлетевшийся по всему залу.

Добравшись до двери в конце комнаты, Джеймс достал из своего кармана завалявшийся камень причудливой формы, который он нашел в Соколином замке, и точным броском попал на ближайшую светившуюся плиту. Вдруг, в один миг, пол обрушился под ногами каменных великанов, увлекая их в бездонную черную пропасть.

Пройдя через дверь, Гарольд и Джеймс очутились в длинном и широком коридоре. Он имел множество более узких ответвлений, и все они оканчивались одинаковыми по виду

дверьми. По краям этого большого коридора располагались высокие статуи каких-то людей в доспехах и с оружием, но большинство из них были облачены в мантии, а головы их скрывал капюшон.

Вдруг, путь людям преградил четвертый великан, взявшийся неизвестно откуда. Он появился так неожиданно, что Джеймс даже упал на пол при попытке резко остановиться. Страж Фараса занес над головой свой великий молот и обрушил его на опешившего Джеймса. Гарольд вовремя успел оттащить юного мага за шиворот и спасти его от огромного орудия великана, которым он сделал большую вмятину в каменном полу.

Великан размахнулся и ударил снова. На этот раз его целью был Гарольд. Но тот низко нагнулся, и тяжелый удар приняла на себя статуя человека с копьем, которая разлетелась на куски от соприкосновения с огромным молотом.

Когда великан вновь занес свой молот над своей головой, Джеймс и Гарольд без промедления пробежали у стража между ног и, не оглядываясь, кинулись в конец коридора.

— Там тупик! — воскликнул Джеймс. — Нет выхода!

Тем временем, великан развернулся в их сторону и швырнул свой молот им вдогонку. Пролетев между Джеймсом и Гарольдом, молот с такой силой ударил по стене, что пробил в ней брешь. Через нее люди смогли выбраться из зловещего замка и оказаться в его окрестностях.

Выбравшись из замка, они поспешили обратно к мосту, но наткнулись на семерых орков, дежуривших снаружи. Обнажив клинки, они с яростными криками бросились на людей.

Гарольд выхватил свой меч и велел Джеймсу бежать, пока он отвлечет их, но Джеймс ослушался и остался. Обнажив свой длинный нож, он с ужасом смотрел на врагов, которые были почти в два раза выше его и намного сильнее. Это была первая настоящая битва в его жизни, и он был полностью готов к ней. Хоть он и не умел ловко обращаться с мечом, но он был силен духом и считал, что этого будет достаточно.

Шестеро орков бросились на Гарольда, а один быстро направился к Джеймсу, размахивая клинком. Джеймс крепко сжал свой нож двумя руками и вытянул его перед собой, закрыв глаза. Враг тут же налетел на выставленный Джеймсом клинок и распорол себе брюхо. Джеймс не ожидал, что все получится именно так, но был рад такому исходу событий. Первый враг, поверженный Верховным магом в бою на мечах! Мальчик воспрянул духом, но ненадолго.

Увидев, что один из сородичей был убит каким-то мальчишкой, самый крупный орк оставил Гарольда и направился

к Джеймсу. Джеймс понял, что ему не справиться с таким чудовищем и быстро побежал назад. Добравшись до края пропасти, он едва успел остановиться.

Орк напал в ту же секунду. Чудом отбив несколько его мощных ударов, Джеймс, балансируя на краю пропасти, попытался проткнуть своего врага. Увернувшись, орк схватил мальчика за шею и произнес:

— Из тебя выйдет отличное жаркое на ужин, хотя сгодишься и так!

Орк занес клинок над своей головой и уже готов был нанести последний удар, но, потеряв равновесие, полетел в пропасть, потянув за собой Джеймса.

Джеймс в последний момент успел схватиться одной рукой за уступ. Он висел на одном волоске от смерти и уже смотрел ей в лицо. Огромный орк, мертвой хваткой вцепившись в его ногу, тянул Джеймса вниз. Держась из последних сил, мальчик пытался стряхнуть врага, но все было тщетно. Орк не просто крепко держал Джеймса за ногу, а медленно карабкался по нему наверх.

Джеймс больше не мог держать такой большой вес, и его рука понемногу соскальзывала с уступа. Для того, чтобы не сорваться в пропасть ему нужно было как можно скорее сбросить с себя своего врага.

Джеймс уже готов был разжать руку, так как силы его были на исходе, но тут он вспомнил о маленьком, белом, волшебном кубике, давно пылившимся в его кармане. Свободной рукой он достал спрессованный порошок, раскрошил его пальцами и, набрав полные легкие воздуха, сдул его прямо в лицо огромного орка. Порошок, превратившись в обжигающий огонь, опалил врагу голову, отчего тот разжал свои руки и с дикими воплями полетел в пропасть.

Джеймс вздохнул с облегчением и посмотрел наверх. Звуков борьбы уже не было слышно. Лязг мечей стих. В голове у Джеймса возник единственный вопрос — кто кого? Пятеро крупных, сильных, свирепых орка против одного человека. Джеймс отгонял от себя дурные мысли и надеялся на положительный исход поединка.

Вдруг, сверху к мальчику потянулась чья-то рука, а следом показалось лицо Гарольда, испачканное черной кровью орков. Джеймс слегка улыбнулся и, что было силы, ухватился за руку. Гарольд вытащил мальчика наверх.

— С тобой все в порядке? — взволнованно спросил Гарольд.

— Все хорошо, — ответил Джеймс.

Неожиданно, из-за стен замка показался еще один отряд орков, значительно превосходивший по числу тот, с которым

только что разделались Гарольд и Джеймс. Издавая истошный рев, орки неслись к людям.

Гарольд и Джеймс рванули к мосту. Добравшись до переправы, они без раздумий и излишней осторожности быстро побежали по ветхим рассохшимся дощечкам.

Враги буквально дышали им в спину. Орки смогли сократить дистанцию до нескольких футов и стремительно догоняли людей. Выстроившись в длинную цепочку, они вбежали на мост.

Миновав переправу, Гарольд тут же взмахнул своим клинком и перерубил ее толстые опорные канаты. Лопнув, словно натянутая струна, канаты полетели вниз вместе с мостом и находившимися на нем орками. Окинув в последний раз взглядом загадочный замок, Джеймс и Гарольд скрылись между корявыми деревьями Мертвого леса.

— Мы выбрались! — отдышавшись немного, воскликнул Джеймс. — Как ты думаешь, почему Артазар не стал преследовать нас?

— Не знаю, — ответил Гарольд. — Видимо у него на то были свои причины.

— Я не верю в то, что он сказал насчет Айи! Я не верю, что она мертва, этого просто не может быть!

— Я уверен, она жива! — ободряющим тоном воскликнул Гарольд. — Скорее всего, Айя увидела приближение Артазара и укрылась где-нибудь неподалеку. Скоро она сама найдет нас, вот увидишь!

Гарольд сам с трудом верил в свои слова, но решил поддержать Джеймса. В схватке с Артазаром у Айи не было бы ни малейшего шанса. Но ведь надежда всегда умирала последней, нужно было лишь не потерять ее и сохранить в своем сердце, поэтому Гарольд не посмел рассказать Джеймсу о своих страшных опасениях.

— Надеюсь, ты не потерял книгу?! — спросил Гарольд, решив сменить тему для разговора.

— Нет, она у меня.

Джеймс достал из-за пазухи потрепанную книгу, повертел ее в руках и осторожно открыл. К удивлению его и Гарольда страницы книги были совершенно чисты, на них не было ни единой помарки. Пролистав ее несколько раз, Джеймс удивленно спросил Гарольда:

— Что все это значит? Здесь ничего нет! Ничего!

— Вспомни, Айя говорила о том, что на книгу тоже было наложено защитное заклинание Верховными магами, чтобы темные силы не смогли прочесть ее!

— Но как же тогда нам ее прочесть? Как мы теперь узнаем,

где спрятана вторая часть амулета королей?

— Мы отнесем книгу тем, кто сможет подсказать нам ответы на эти вопросы. Мы отнесем ее эльфам!

Тем временем Артазар вышел из ворот Фараса. Он что-то искал в замке и по его довольному выражению лица, он это нашел. Сжимая в кулаке заветный предмет, он окинул взглядом орков, суетившихся у рухнувшего моста. Они пытались соорудить переправу из подручных средств и пуститься вдогонку людям.

— Пусть уходят! — воскликнул вдруг Артазар. — Скоро они сами приползут ко мне на коленях и будут молить меня о пощаде! Моя сила растет с каждым днем и скоро уже никто и ничто не сможет меня остановить!

Артазар разжал руку. На его ладони лежал большой черный камень, в котором бушевала огромная необузданная энергия. Именно этот камень, а не книга привел Артазара в Фарас. Именно за этим неизвестным и странным предметом он проделал огромный путь, так удачно подоспев к открытию замка Джеймсом и Гарольдом. Что же это был за камень, и какая неведомая сила хранилась в нем?

Зловещий смех Артазара эхом разнесся по всему Мертвому лесу. Даже за его пределами он слышался весьма отчетливо. Джеймс и Гарольд, решив, что Артазар пустился за ними в погоню, ускорили шаг и поспешили к Сумрачным полям. Желая поскорее покинуть это проклятое место, они не стали делать привал, несмотря на позднее время суток.

Вдруг, Джеймс снова почувствовал сильное жжение в области груди, на мгновение, спершее ему дыхание. Мальчик достал половинку амулета и внимательно осмотрел ее. Амулет неожиданно засветился ярким светом, а затем, быстро погас. Джеймс заметил, что с вещицей происходило что-то странное, а именно, она начала тускнеть и с одного края немного покрылась темным налетом. Юный маг попытался стереть его, но у него ничего не вышло.

Что бы это могло значить? Что будет, если амулет полностью погаснет? Неужели, он понемногу терял свою силу и вскоре должен был превратиться в обычный кусок металла? На эти и другие вопросы Джеймс надеялся получить ответы у мудрых эльфов в Азарии, куда они с Гарольдом и держали свой путь.

ЭПИЛОГ

Элония была на пороге войны с Темными землями уже не в первый раз. Когда то давным-давно горны Кронкарда и других крупных городов и гарнизонов уже звучали, оповещая людей о приближении войск Темного Лорда. Тогда, тысячу лет назад, люди под предводительством своего короля, вместе с эльфами, гномами и Верховными магами смогли сплотиться и одолеть темные силы.

Но зло не было уничтожено полностью, оно выжидало, таилось в самых темных уголках мира, чтобы однажды вновь восстать из глубин и заявить о себе. Злу потребовалась тысяча лет, чтобы возродиться.

За это время Элония из процветавшего надежного государства превратилось в рассадник лжи, алчности, вероломства и зависти. От людей отвернулись все их союзники, королевский род был практически прерван, а страна раздроблена на части и погружена в хаос. То, чего не смог добиться Темный Лорд с помощью своей могущественной черной магии, люди сделали сами и безо всякого труда. Жестокие, подлые правители и наместники Элонии подали темным силам весь мир на тарелочке, сами того не подозревая. И единственным, что способно было остановить зло и раз и навсегда уничтожить его, был амулет.

Лиорид и его немногочисленные сторонники были последней надеждой сохранения существования мира. Храня и передавая свои знания из поколения в поколение, орден хранителей готовился к неизбежной войне с силами зла. Именно благодаря Лиориду, надежда на победу не угасала.

Заручившись поддержкой Арамунда, Лиорид и его спутники должны будут попасть в Кронкард — город королей, и убедить наместника Элонии отречься от престола и передать королевские войска в их полное распоряжение. Справиться с такой непростой задачей им должен будет помочь Фаратин — брат Эриндура.

Но какую бы большую армию не собрали люди, этого все равно будет не достаточно. Чтобы сдержать зло и выиграть немного времени для Джеймса, люди должны будут вспомнить о разорванных ранее союзах и вновь сплотиться перед лицом назревшей беды. Только сражаясь вместе, плечом к плечу, народы всего мира смогут противостоять несокрушимым темным легионам и их предводителю. Только те, кто избрал для себя путь света, смогут победить тьму. Лишь те, чьи помыслы чисты, а сердце полно отваги и доблести, смогут возродить былое величие

людского народа и вернуть Элонии прежний облик.

А тем временем, путешествие Джеймса по таинственному, удивительному и в то же время мрачному миру продолжалось. Ему еще многое предстояло узнать и многому научиться, ведь стать настоящим Верховным магом было не так-то просто.

Какие тайны ему откроют новые возможности, и сможет ли он справиться с ними? Какие приключения ждут его в Азарии, и куда забросит его судьба в дальнейшем? Сможет ли Джеймс найти вторую часть потерянного амулета королей и справиться с темным магом Артазаром? Увидим! История на этом не заканчивается.